

Сergeй
Цветков

ЭПОХА ЕДИНСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

ЕЕ

Сергей
Цветков

от
Владимира
Святого
до
Ярослава
Мудрого

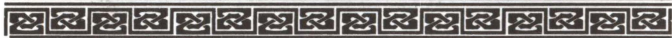

ЭПОХА ЕДИНСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

СКАЗАЛИ ЖЕ БОЯРЕ: «ЕСЛИ БЫ ПЛОХ БЫЛ
ЗАКОН ГРЕЧЕСКИЙ, ТО НЕ ПРИНЯЛА БЫ ЕГО
БАБКА ТВОЯ ОЛЬГА, А ОНА БЫЛА МУДРЕЙШЕЙ
ИЗ ВСЕХ ЛЮДЕЙ». И СПРОСИЛ ВЛАДИМИР:
«ГДЕ ПРИМЕМ КРЕЩЕНИЕ?»
ОНИ ЖЕ СКАЗАЛИ: «ГДЕ ТЕБЕ ЛЮБО».

Сергей Цветков

ЭПОХА ЕДИНСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Сергей
Цветков

ЭПОХА
ЕДИНСТВА
ДРЕВНЕЙ РУСИ

От Владимира Святого
до Ярослава Мудрого

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(47)
ББК 63.3
Ц27

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Художественное оформление
Е.Ю. Шурлаповой

Ц27 Цветков, С. Эпоха единства Древней Руси. От Владимира Святого до Яро-
слава Мудрого / Сергей Цветков. — М.: ЗАО Издательство
Центрполиграф, 2012. — 478, [2] с., ил.

ISBN 978-5-227-03449-6

Известный писатель, автор многочисленных научно-популярных книг и статей, историк С.Э. Цветков подробно рассматривает один из самых драматических периодов древней русской истории — со второй половины 70-х годов X века до 1054 года. Это время кровавых династических распрей, коренного преобразования духовных основ древнерусской жизни, блестящего взлета древнерусской государственности и культуры, напряженного поиска Русью своего места в мировом историческом процессе, время великих людей, великих событий, великих идей.

УДК 94(47)
ББК 63.3

© Цветков С.Э., текст, 2012
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2012
© Художественное оформле-
ние, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2012

ISBN 978-5-227-03449-6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАСПРЯ СВЯТОСЛАВИЧЕЙ

Глава 1

РУСЬ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ СВЯТОСЛАВА

Территориальные потери

Поражение Святослава в Болгарии обошлось недешево Русской земле. «Молодое поколение» русов, которое, по свидетельству Льва Диакона, Святослав увлек за собой на Балканы, почти целиком полегло под стенами болгарских и греческих крепостей; остатки, вместе с самим князем, погибли в столкновении с печенегами у днепровских порогов. То было отборное воинство, тысячи «цветущих здоровьем мужей», и эта потеря была невосполнима. Последствия не замедлили сказаться. В самое короткое время, истекшее после рокового лета 971 г., ряд обширных окраин был отторгнут от Русской земли вооруженной рукой, другие отложились от нее сами, воспользовавшись случаем.

Наибольший территориальный ущерб Русская земля понесла на своих западных границах, где ее соседом со второй половины X в. была Чехия, претендовавшая на наследство Великой Моравии. Чешский натиск на восток был стремителен. В 940—960-х гг. чешский князь Болеслав I Укротный (Грозный) захватил Моравию, Словакию и Краковскую землю. Согласно путевым запискам испанского еврея Ибрагима Ибн Якуба, посетившего в 965/966 г. Центральную Европу, Чехия «простиралась в длину от города Праги до города Кракова». В последующие восемь лет под руку наследника Болеслава I, Болеслава II (967—999), отошла и вся «русская» Галиция, а также Подолия с Червенскими городами (Львов, Червен, Белз и др.).

На некоторый, впрочем, весьма непродолжительный срок Чехия превратилась в одно из крупнейших государств Европы. Учредительная грамота Пражской (Чехо-Моравской) епископии засвидетельствовала, что около 973 г.¹ восточные границы этой епархии проходили по верховьям Западного Буга и Стири (правого притока Припяти)². Здесь пролегал этнический рубеж восточнославянской Руси — в этих местах сходились крайние западные пределы племенных земель белых хорватов и волянян³. Приближение чешских войск всколыхнуло часть местного населения. Воляняне сохранили верность Киеву, но хорваты вернули себе племенную независимость. Таким образом, в начале 70-х гг. X в. Киев утратил все приобретения на Карпатах, сделанные за четверть века до этого князем Игорем.

Еще одним восточнославянским племенем, отправшим в 970-х гг. от Русской земли, были радимичи⁴. Сепаратистские настроения хорватов и радимичей объясняются, по-видимому, тем, что у этих племен сохранялась сильная прослойка родо-племенной знати, способная возглавить борьбу за этнополитическую обособленность.

Приблизительно в то же время на черноморском юге, в Крымской Готии, с даннической зависимостью от киевского князя закончили крымские «древляне» — готы-тервинги. По сообщению анонимной «Записки греческого топарха» (начало 990-х гг.), «варвары», обитавшие в «Климатах», то есть на земле Горного Крыма, издавна были подданными русов, однако с некоторых пор вышли из подчинения, «так как домогались более всего самостоятельного управления». Древнерусские предания о смерти Игоря и мести Ольги тоже хорошо запомнили стремление готов «древлян» к политической независимости. И поскольку тогда, в середине X в., свободолюбивые притязания крымских готов пробудились в связи с убийством киевского князя (Игоря), то естественно предположить, что их вторичное отпадение от Киевской державы было вызвано схожей причиной (гибелью Святослава), и потому данное известие «Записки греческого топарха» следует датировать первой половиной 970-х гг.

Итак, внешние границы Русской земли трещали по всем швам. Но угроза полного государственного распада на сей раз была

уравновешена естественным сдерживающим фактором — безоговорочным признанием со стороны большинства восточно-славянских и иных племен, входивших в состав Русской земли, легитимности власти «великого князя русского», киевского династа из рода Игоря. Упомянутый греческий топарх отметил, что в прежнее время (очевидно, в период княжения Ольги) «города и народы добровольно присоединялись» к русам вследствие их «бесстрастного и справедливого» управления.

Благодаря возросшей внутренней сплоченности Русской земли гибель Святослава стала важной вехой в древнерусской истории. Впервые за добрую сотню лет смерть князя «от рода русского» не повлекла за собой немедленно династических потрясений и посягательств со стороны на права великокняжеского киевского рода. Немалую роль здесь сыграло и то обстоятельство, что Святослав был первым киевским князем, оставившим после себя многочисленное мужское потомство. Отныне будущее династии Игоревичей было упрочено на много столетий вперед.

Сыновья Святослава

Однако теперь политическому единству страны угрожала опасность другого рода, и опасность эта была тем серьезнее, что коренилась она в самой сущности властных отношений между представителями владетельной династии.

Политической культуры как таковой на Руси еще не существовало. В основе «княжого права»⁵ лежало понятие семейного владения. Члены княжеской семьи — великий князь и его сыновья — понимали свое обладание киевским столом как семейную прерогативу на собственность (в виде полюдья и даней), переходящую из рук в руки по праву наследования. Княжение приобреталось наследованием по отцу⁶. Но и при жизни последнего наследник великокняжеского стола, а также его братья, если таковые были, имели свою долю в этом общем владении. Их доленое участие в княжении обеспечивалось путем посажения княжих детей по волостям. По сути, это был «семейный раздел,

такой же, как раздел дома по отцовскому ряду согласно Русской Правде»⁷.

Поскольку князь не был собственником общинных земель, то и наделение княжича волостью (крупным городом с сельской округой) не имело ничего общего с земельным пожалованием. Ему предоставлялось право *кормления* — сбора в свою пользу с местного населения полюдья или дани, судебных пошлин и т. д. Политическая власть князя-отца над сыновьями — владельцами волостей была продолжением власти родовой, семейной, а потому отношения детей-княжичей к отцу-князю определялись семейным правом, в силу которого дети состояли в подчинении воле родителей. Это подчинение «выражалось в том, что при жизни отца сыновья никогда не были самостоятельными владетельными князьями. Если... им и была дана в управление самостоятельная волость, они управляли ею в качестве посадников князя-отца, а не самостоятельных владельцев»⁸. В результате между князем-отцом и его детьми возникала своеобразная форма сюзеренитета, при которой вассальные связи целиком совпадали с отношениями семейной иерархии⁹.

Первый пример подобного раздела известен по сообщению Константина Багрянородного, что во время княжения Игоря малолетний Святослав сидел в загадочном «Немогарде». Сам Святослав, будучи многодетным отцом, перед последним походом на Балканы выделил своим сыновьям уже несколько волостей. На киевском столе он посадил Ярополка, в Овруче (город в Древлянской земле, на правом берегу Днепра) — Олега. Новгородцы заполучили себе в князья Владимира, внося важное новшество в порядок получения княжеского стола (избрание, или приглашение князя) и, главное, соединив наконец историю словенского севера с историей Русской земли. Как можно догадываться по сообщениям византийских историков, в Таврической Руси Святослав оставил четвертого своего сына, Сфенга, о котором Иоанн Скилица и Георгий Кедрин пишут, что этот «брат Владимира» в 1016 г. помог Византии восстановить ее власть над крымскими землями¹⁰ (речь об этом впереди).

В год гибели Святослава (971) все четверо Святославичей были еще отроками или только что вступили в возраст муже-

ства. Наши летописи, знающие только Ярополка, Олега и Владимира, отдают старшинство Ярополку и называют Владимира его «меньшим» братом, не поясняя, впрочем, был ли он старше или младше Олега; одна Иоакимовская летопись считает последнего «юнейшим» из троих братьев¹¹.

Мы не можем вполне довериться этой довольно-таки неопределенной родословной, хотя бы по той причине, что древнерусские летописцы пребывают в совершенном неведении относительно точных дат рождения всех троих сыновей Святослава¹². Строго говоря, возрастное старшинство Ярополка над его братьями обосновано в летописи задним числом — по тому обстоятельству, что именно он был посажен отцом в Киеве, «старейшем» (главном) городе Русской земли. Помимо этого, у нас есть лишь одно косвенное указание, к тому же легендарного характера, имеющее отношение к возрасту Ярополка. По преданию, Святослав дал ему в жены захваченную на Балканах прекрасную гречанку — монахиню или, быть может, послушницу: «...у Ярополка жена грекини бе, и бяше была черницею, юже бе привел отец его Святослав и вда ее за Ярополка, красы дея лица ея» (Ипатьевская летопись).

На территорию Византии войско Святослава вторглось лишь однажды, в ходе кампании 970 г., следовательно, только тогда оно и могло на время завладеть каким-то византийским монастырем. Казалось бы, мы вправе предположить, что в 970 г. Ярополк достиг по крайней мере пятнадцати лет — возраста, достаточного для вступления в брак, согласно понятиям эпохи. Но история с женой-гречанкой имеет все признаки легендарного происхождения, о чем у нас еще будет повод сказать подробнее. Ввиду всего этого в нашем распоряжении остается последний более или менее неоспоримый аргумент, а именно бездетность Ярополка на момент его смерти в 978 г. (по хронологии автора XI в. Иакова Мниха, отличающейся большей точностью, сравнительно с датой Повести временных лет, где смерть Ярополка отмечена под 980 г.), и данное обстоятельство, скорее всего, свидетельствует о том, что он погиб, едва достигнув семнадцати-восемнадцати лет. Поэтому с наибольшей долей вероятности время рождения Ярополка приходится на 960—961 гг.

Относительно Владимира Повесть временных лет в Лаврентьевской редакции сообщает, что его вокняжение в Новгороде (970/971) произошло в пору несовершеннолетия: «Володимеру сущю Новегороду, детьску сущю еще...» Уточнить эти сведения позволяет предание Никоновской летописи (XVI в.) о ссоре княгини Ольги с Малушей, матерью Владимира. Напомним, что связь Святослава с княжей рабой (то ли «милостницей», то ли «ключницей») вызвала гнев Ольги, которая отослала беременную Малушу в какое-то дальнее село. Это известие корректируется, с одной стороны, обоснованной гипотезой о намерении Ольги в 957 г. женить Святослава на византийской принцессе, с другой — хронологическими расчетами биографии Святослава, из которых следует, что примерно в то же время сын Ольги вступил в совершеннолетний возраст (пятнадцать—семнадцать лет), после чего неограниченная власть матери над его личной жизнью должна была кончиться. Отсюда напрашивается вывод, что близкие отношения Святослава с Малушей имели место где-то между 955 и 958 гг., каковой временной промежуток, по всей видимости, и должен служить началом отсчета жизни Владимира¹³.

И коль скоро Святослав обрел самостоятельность около 957/958 г., уже после разлуки с Малушей и неудачного сватовства к византийской принцессе, логично думать, что примерно тогда же он и заключил свой первый законный брак. То есть, как и было сказано, его второй по счету (и первый, рожденный в законном браке) сын Ярополк, вероятнее всего, появился на свет между 960 и 962 гг.

Итог наших рассуждений таков, что мы скорее склонны признать старшим Святославичем Владимира, который, судя по всему, опережал Ярополка несколькими годами. Передача же Киева Ярополку исчерпывающе объясняется тем обстоятельством, что Владимир был «робичичем», сыном рабыни, и потому не годился на роль главы рода.

О двоих других сыновьях Святослава можно сказать еще меньше определенного. Олег, вероятно, и в самом деле был младше Ярополка, почему и получил на покорм не Киевскую, а Древлянскую землю.

Что касается Сфенга, то допустимо видеть в нем сына Святослава от представительницы какого-то знатного рода таврических русов или, возможно, от касожской или ясской княжны. Тогда его появление на свет следует датировать 965—967 гг. — временем пребывания Святослава в Тмуторокани и на Северном Кавказе. В этом случае Сфенг действительно мог к 970 г., когда Святослав делил столы между сыновьями, пройти обряд «постригов», совершаемый над трех-пятилетними княжичами, и тем самым приобрести право на княжение в Таврической Руси, а также быть активным действующим лицом международной политики в 1016 г.

Со смертью Святослава Русская земля (включая теперь и территорию новгородских словен) превратилась в своего рода семейный союз, основанный на кровнородственных связях четырех братьев, представителей династии. При отсутствии живого отца отношения между братьями регулировал родовой принцип *старейшинства*, который заключался в том, что Ярополка, сидевшего на «отнем столе», остальные Святославиичи должны были чтить «в отца место», то есть как родителя. Фактически по отношению к старейшему брату, киевскому князю, прочие братья продолжали числиться подчиненными ему «посадниками», обязанными выплачивать дань в дни мира и оказывать силовую поддержку в случае войны. Так, про сына Владимира князя Ярослава, посаженного позднее отцом в Новгороде, известно, что он должен был платить ежегодный «урок» Киеву в 2000 гривен; «и тако даху вси [прежние] посаднице новгородстии», — добавляет летопись (статья под 1014 г.). Из этих слов можно заключить, что ранее то же самое правило распространялось на самого Владимира — первого киевского посадника в Новгороде.

Единство страны, обеспечиваемое подобным образом, было конечно же чисто формальным. Принцип старейшинства был скорее морально-этической нормой, нежели правовым установлением. Общепризнанного политического прецедента, который помог бы Святославиичам выстроить их отношения на основе государственного права, не существовало. Семейное же право не давало никаких преимуществ старшему брату перед другими¹⁴.

Чтить старшего брата «в отца место» было *естественно* и похвально, но этого требовала традиция, а не закон, поэтому на деле послушание меньших братьев старейшему покоилось исключительно на их доброй воле. Хрупкость семейно-иерархических связей между братьями после смерти отца вела к ослаблению и практически полному разрушению системы политического вассалитета.

Таким образом, распределение столов между сыновьями Святослава открывало путь к дроблению Русской земли на ряд независимых друг от друга княжеств. Для того, чтобы собрать их вновь в одно государственное целое, нужно было уничтожить сам факт раздела, а сделать это можно было только посредством кровавой братоубийственной борьбы.

Глава 2 СХВАТКА ЗА ПОЛОЦК

Ярополк и его ближнее окружение

Приступая к рассмотрению краткого княжения Ярополка, следует помнить, что его совершеннолетие, как мы выяснили выше, скорее всего, пришлось на 974/975 или 976/977 гг. Повесть временных лет косвенным образом подтверждает эти расчеты, делая Ярополка героем лишь тех событий, которые датируются серединой — второй половиной 970-х гг. Следовательно, реальная власть поначалу находилась в руках ближнего окружения молодого князя.

Кто были эти люди?

Первым делом в поле нашего зрения попадают две фигуры, которые мы находим в летописи рядом с Ярополком, — воевод Свенгельда и Блуда. Первому из них отведена ключевая роль в распре между Ярополком и Олегом (статьи под 975 и 977 гг.), второму — в свержении и убийстве Ярополка Владимиром (статья под 980 г.). С их именами связан давний историографический спор. Дело в том, что естественную мысль о последовательном замещении одного воеводы другим (Свенгельда —

Блудом, после вероятной смерти старого вояки во второй половине 70-х гг. X в.) нарушает стоящее особняком известие Новгородской I летописи, где Блуд упоминается в качестве воеводы Ярополка уже в 972 г., то есть еще при жизни Свенгельда.

Но могло ли быть так, чтобы при Ярополке находились сразу два воеводы?

Со стороны ряда ученых подобная возможность вызвала решительное отрицание, в связи с чем были предприняты попытки исключить либо одного, либо другого воеводу из истории междоусобной брани Святославичей. Впрочем, во всех случаях выдвинутая система доказательств оставляет желать лучшего¹⁵.

Со своей стороны берусь утверждать, что в упоминании летописью двух воевод Ярополка нет никакого противоречия. Русские князья всегда чтили и держали при себе «отних мужей», ближних дружинников умершего отца. Многочисленные примеры тому предоставляет летопись. В 1096 г. великий князь Святополк Изяславич предложил черниговскому князю Олегу Святославичу положить «поряд о Русей земле пред епископы и пред игумены и пред *мужи отец наших*». В 1182 г. у Владимира Всеволодовича был воевода Дорожай, «отнь слуга» и т. д. Так и Свенгельд, этот «воевода отень» (статья под 971 г.), в продолжение своей долгой жизни переходил служить поочередно от Игоря к Святославу, от Святослава к Ярополку. Но у последнего был и собственный воевода — Блуд, которого, по всей видимости, приставили к несовершеннолетнему Ярополку при посажении его в 970 г. на киевский стол. Эти соображения, как мне представляется, вполне удовлетворительно разрешают загадку двух воевод Ярополка.

В летописи нет достаточных данных для того, чтобы можно было определить точные размеры властных полномочий обоих воевод при взрослеющем князе, и вряд ли оправданно считать их «опекунами» и даже «соправителями» малолетнего Ярополка, всесильными регентами, как это делают некоторые историки. Согласно летописному тексту, Свенгельд и Блуд только подталкивают Ярополка к совершению тех или иных действий, но никак не диктуют ему свою волю. О «послушании» им мо-

лодого князя нет и речи. Вероятно, они имели свой голос в княжем совете, в остальном же их властные prerogatives не выходили за пределы традиционных функций русских воевод: «управлять войсками, нападать на врагов и замещать князя у его подданных» (сообщение Ибн Фадлана).

Говорить от имени несовершеннолетнего великого князя и «всего княжения» имели право только взрослые родственники Ярополка, члены великокняжеского рода. Многочисленная родня «великих князей русских» попала в поле зрения источников лишь однажды — в период правления Игоря. Это — «боляре» из договора Игоря с греками 944 г., они же — «архонты», отпавлявшиеся в полюдье вместе с Игорем и славшие в Царьград своих «послов» для ведения торговых операций и деловых переговоров с василевсами, как явствует из сообщений Константина Багрянородного. Возможно, в договоре Святослава с Цимисхием «боляре» также означают родственников русского князя, хотя утверждать наверняка здесь ничего нельзя.

Во всяком случае, очевидно, что в 70-х гг. X в. родственное окружение великих князей не вымерло вдруг, и, например, Скилица в связи с событиями начала XI в. упоминает «какого-то сородича» князя Владимира, по имени Хрисохир («Щедрая рука»). Об этом нужно помнить, знакомясь с попавшими в летопись древнерусскими преданиями, представляющими детей Святослава по большей части одинокими героями, как того и требуют драматические законы жанра. Впрочем, и русские люди хорошо запомнили Владимирову уя (дядю по матери) Добрыню.

Поход Владимира на Полоцк

Именно межклановое соперничество княжеской родни, ревниво оберегавшей престиж «своих» князей, привело к первому столкновению, — правда, пока еще на чужой земле.

Подробности его читаем в предании о сватовстве Владимира к полоцкой княжне Рогнеде. В Повести временных лет оно входит в статью под 980 г., где излагается история и трагический

исход противоборства Ярополка и Владимира, однако «полоцкий эпизод», безусловно, должен занять место среди более ранних событий. Для этого хронологического сдвига есть по крайней мере три серьезных основания.

Во-первых, по известию Лаврентьевской летописи, где предание о Владимире и Рогнеде сохранилось в наиболее полном виде (статья под 1128 г.), появление новгородских сватов в Полоцке относилось к тому времени, когда Владимир был еще «детську сушу» (впрочем, и не настолько «детську», чтобы его возраст помешал ему силою «поять» Рогнеду).

Во-вторых, полоцкий поход явно нарушает логическую последовательность разворачивания событий. Вспомним: Олег гибнет в борьбе с Ярополком; Владимир, убоявшись Ярополка, бежит «за море». Затем, вернувшись с «варягами» в Новгород, он изгоняет посадников Ярополка, шлет брату грозное предупреждение: «Володимир идет на тя, пристраивайся противу битися», после чего... делает предложение Рогнеде и, получив отказ, отправляется громить Полоцк. Очевидно, что полоцкий поход должен был предшествовать другим событиям.

И последнее. Речная навигация на Руси открывается в апреле—мае. По сведениям Иакова Мниха, 11 июня с Ярополком было уже покончено. На ведение переговоров о браке и попутный захват Полоцка у Владимира просто не остается времени.

По совокупности этих наблюдений мы должны признать полоцкий фрагмент в составе статьи под 980 г. очевидной вставкой и датировать его довольно кратким промежутком времени, между началом самостоятельного княжения сыновей Святослава (971) и 973/974 г., но не позже, по причинам, которые станут ясны из дальнейшего.

Суть «полоцкого дела» дошла до нас в следующем виде.

Княжение в Полоцке держал пришедший «из заморья» князь Рогволод, «а Володимеру сущю Новегороде, детьску сущю еще и погану, и бе у него Добрына, воевода его, храбор и наряден [тот, кто *на ряде*, то есть в *головаж*, начальниках] муж; сей посла к Роговолоду и проси у него дщере [его] за Володимера». Однако к тому времени в Полоцке уже побы-

вали киевские сваты: «В се же время хотяху вести Рогнедь за Ярополка».

Рогволод предоставил выбирать жениха самой дочери: «он же рече дщери своеи: хощеш ли за Володимера; она же рече: не хочю розути робичича [сына рабыни], но Ярополка хочю». Владимир «разгневался о тои речи» и «пожалиси» Добрыне (ответ Рогнеды оскорблял не только «робичича» Владимира, но и его дядю, брата «рабыни» Малуши). Тот «исполнися ярости, и поемше вои идоша на Полтеск, и победиста Роговолода». Полоцк был взят, вся княжеская семья попала в руки Добрыни и Владимира. В поношение Рогволоду и его гордычке-дочери Добрыня «нарек» последнюю «робичицей» и «повеле Володимеру быти с нею пред отцем ея и матерью», то есть приказал племяннику изнасиловать Рогнеду на глазах у ее родителей; «потом отца ея уби, а саму поя жене, и нарекоша ей имя Горислава» (Лаврентьевская летопись, под 1128 г.). Ипатьевская и Иоанновская летописи добавляют, что вместе с Рогволодом были убиты два его сына.

Таково предание, причем достаточно древнее, судя по отсутствию в нем «варягов» — термина, появившегося не ранее первой трети XI в.¹⁶ Явственно просматривается его близость двум популярным фольклорным мотивам: «добывания невесты» и «укрощения строптивой невесты»¹⁷.

Как все это соотносится с историей? Археологические раскопки Полоцка показали, что город сложился в IX—X вв. на основе местного племенного центра кривичей, расположенного в гуще сельских поселений. Существование у полочан княжеской власти подтверждается наличием крепостного детинца, к которому прилегал городской посад¹⁸. Княжеская династия утвердилась в городе мирным путем, вероятно на началах избрания или приглашения — в пользу этого говорит тот факт, что снос общинного племенного центра, на месте которого возник княжий детинец, не носил характера военного разрушения¹⁹. Но сама княжеская крепость Полоцка, как и повествует предание о Владимире и Рогнеде, во второй половине X в. подверглась разгрому, ее культурный слой этого времени хранит отчетливые следы сильного пожара²⁰.

Таким образом, князь Рогволод, по-видимому, — лицо историческое, и сам факт его княжения в Полоцке не вызывал споров среди историков. Зато его происхождение «из заморья» всегда давало повод к разногласиям. Ученые норманнской школы предпочитали видеть в нем обосновавшегося в Полоцке шведского конунга, «истинное» имя которого было Рёгнвальд/Рагнвальд (Ragnvaldr). Но за их аргументацией не стоит ничего, кроме случайного созвучия имен. Корневая основа «волод», давшая жизнь многим славянским именам, в том числе сложносоставным (Володарь, Всеволод, Беловолод, Владислав, Владимир и др.), имеет вполне ясную славянскую этимологию — «владеть», «обладать», «властвовать». Характерно, что в скандинавских сагах славянское имя Всеволод переименовано в «Виссавальд», но примеры обратного переделывания германского «вальд» в славянское «волод» неизвестны. Вместе с тем имена Рох, Роуг, Рохо-слав, Роховлад зафиксированы у западных и южных славян (чехов, сербов) еще в VIII в., и, стало быть, они появились в славянском именослове без какого-либо участия скандинавских конунгов. Точно так же и имя Рогнеда встречалось преимущественно в славянской среде, где оно имело форму Рогнедь/Рожнеть (у чехов — Rozneta, Roznet). Например, в Новгородской I летописи читаем: «В лето 6643. Заложил той же князь Всеволод Святую Богородицу на Торгу, а Рожнеть [видимо, сестра или жена Всеволода] Святаго Николу на Яковлевой улице». В этой же связи обращает на себя внимание Рожне поле, фигурирующее в летописи под 1099 и 1144 гг. — и не где-нибудь в Скандинавии, а неподалеку от Теребовля.

Для окончательного прояснения этнического происхождения семейства Рогволода полезно припомнить слова Рогнеды: «не хочу розути робичича». Широкое бытование свадебного обряда разувания жениха на Руси надежно засвидетельствовано многими источниками. Между тем у германцев жених должен был одарить невесту обувью, то есть германский свадебный обычай делал упор на *обутие невесты*, тогда как древнерусский — на *разутие жениха*.

Характерные этнографические признаки проступают также в сказании о неудачной мести Рогнеды. После того как Владимир,

став киевским князем, «поя ины жены многи», Рогнеда «нача негодовати» на него. Однажды, когда муж ее уснул, она попыталась зарезать его спящего. Однако Владимир в последний миг проснулся и схватил занесенную над ним руку с ножом. Преступница стала молить о милости, но Владимир приказал ей готовиться к казни, которую решил свершить собственноручно: «и повеле ей устроиться во всю тварь царскую [княжеские одежды]... и сести на постели светле в храмине, да пришед потнеть [пронзит мечом] ее...» Тогда Рогнеда подучила своего маленького сына Изяслава внезапно войти в комнату с обнаженным мечом в руке и напомнить отцу, что он здесь не один. Владимиру не хватило духу прикончить мать на глазах у сына — «и поверг меч свои; и созва бояры, и поведи им». Бояре посоветовали ему отослать Рогнеду и Изяслава с княжеского двора. «Володимер же устрои город и дал има, и нарече имя городу тому Изяславль».

Эта история целиком выдержана в духе славянских правовых представлений дохристианской эпохи. В Житии святого Адальберта-Войтеха есть схожий эпизод казни неверной жены одного из чешских бояр. Мужу ее надлежало самому исполнить приговор, как того требовал *more barbarico*, то есть «варварский» (в данном случае древнеславянский, языческий) обычай, кстати, просуществовавший в Чехии до XIV в. Таким образом, намереваясь покарать Рогнеду, Владимир лишь подчинялся славянскому языческому обычаю, на что указывают между прочим торжественные приготовления к казни и объяснение Владимира с боярами по поводу неисполнения им смертного обряда.

Итак, стоит только перестать тревожить попусту тени викингов, как все встает на свои места, и летописное «заморье», откуда пришел Рогволод, оказывается не чем иным, как славянским берегом Балтики. Предания самих же германских народов недвусмысленно указывают на то, что в Полоцке правила пришедшая династия князей из славянского Поморья. В «Деяниях данов» Саксона Грамматика (вторая половина XII — начало XIII в.) датские конунги VIII—IX вв. ведут ожесточенные войны с князьями «рутеннов» (поморских славян), во владении которых находятся многие области Восточной Прибалтики, а также Полоцкая земля. Сношения потомков Рогволода со сла-

вянским Поморьем прослеживаются и в более позднее время. По сведениям В.Н. Татищева, который в данном случае сослался на летопись Еропкина, полоцкий князь Борис Давидович около 1217 г. женился на Святохне, дочери поморского князя Казимира, которая, как оказалось впоследствии, замышляла подчинить Полоцк Поморью.

Как видно из древнерусского сказания, Полоцк пал жертвой соперничества Ярополковой и Владимировой родни. О Ярополковых послах сказано, что они «хотяху вести Рогнедь» за своего князя. Влияние Добрыни на Владимира проступает еще более рельефно: именно он выступает инициатором сватовства, организует поход на Полоцк и приказывает Владимиру обесчестить Рогнеду. Политическая сторона дела при этом остается в тени, но, видимо, и Киев, и Новгород стремились войти в союзные отношения с Полоцком — важным стратегическим и торговым центром Западного Подвинья. По сообщению Иоакимовской летописи, непосредственным следствием договоренности Киева и Полоцка о заключении династического брака была враждебная выходка Рогволода против Новгорода, которая и вызвала ответный поход Владимира на Полоцк: «Владимир... иде на полоцкого князя Рохволда, зане тот повоева волости новгородские»²¹. Похоже, для Словенской земли вопрос лояльности полоцких князей имел первостепенное значение, чем, по всей видимости, и объясняется болезненная реакция Владимира и Добрыни на отказ Рогнеды стать женой новгородского князя.

Полоцкая трагедия стала прелюдией к беспощадной схватке за первенство между тремя Святославичами.

Глава 3 НАЧАЛО УСОБИЦЫ

Знамение

Летом 975 г. умы людей в разных концах света были смущены необычным видением на небе: «В это время, в начале августа месяца, явилась на небе удивительная, необыкновенная и пре-

вышающая человеческое понятие комета. В наши времена никогда еще не видали подобной, да и прежде не случалось, чтобы какая-нибудь комета столько дней была видима на небе. Она восходила на зимнем востоке и, поднимаясь вверх, высясь, как кипарис, достигала наибольшей высоты, а потом, тихо колеблясь, испуская блестящие и яркие лучи и являясь чем-то полным страха и ужаса для людей. Быв усмотрена, как сказано, в начале августа, она совершала свой восход в продолжение целых 80 дней, будучи видима от полудня до самого белого дня».

Льву Диакону, которому принадлежат эти строки, подобно многим другим, казалось, что комета появилась не на добро, предвещая «страшные мятежи, нашествие народов, междоусобные брани, переселение городов и стран, голод и моровые язвы, ужасные землетрясения и почти совершенную гибель Римской империи, как мы убедились из последовавших затем событий».

Русские летописцы также отметили это небесное явление (правда, ошибочно поместив его под 979 г.): «Того же лета быша знамение в луне, и в солнце и в звездах и быша громи велици и страшни, ветри сильны с вихром, и много пакости бываху человеком, и скотом, и зверем лесным и полским [полевым]» (Никоновская летопись). Как оказалось, «знамение» не сулило ничего хорошего и Русской земле.

Летопись о гибели князя Олега Святославича

Повесть временных лет начинает историю княжения сыновей Святослава рассказом о первой жертве семейного раздела княжеских столов — древлянском князе-посаднике Олеге (статьи под 975—977 гг.).

Однажды ему донесли, что в его охотничьих угодьях появился сын Свенгельда («Свенальдич»), именем Лют²², который, выехав из Киева на «ловы», «гна по звери в лесе», пока волей или неволей не нарушил границы «Деревьской земли». Олег убил браконьера. «И о том бысть межю ими ненависть Ярополку на Олега, и молвяше всегда Ярополку Свенальд: «Поиди на брат свои и прими волость его», хотя отмыстити

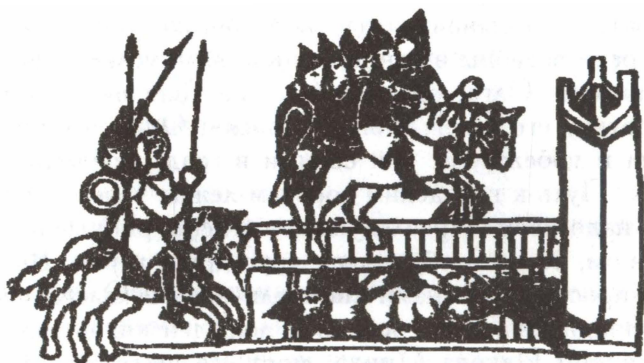
Убийство Люта древлянским князем Олегом Святославичем.
Миниатюра Радзивилловской летописи

сыну своему»²³. Свенгельд добивался правды в полном соответствии с законом русским: «Убьеть муж мужа, то *мьститъ* брату брата, или сынови отца, *любо* *отцю* сына...» Видимо, поэтому речи воеводы в конце концов были услышаны: «Поиди Ярополк на Олга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олег, и ополчистася». Однако в бою Олег не устоял и побежал «с вои своими в град, рекомый Вручий [Овруч]». Путь к городским воротам лежал через мост, перекинутый надо рвом. Преследуемые беглецы ринулись по нему всем скопом, тесня и сбрасывая друг друга в ров. Вместе со многими простыми воинами спихнули вниз и Олега. Под тяжестью придавивших его людей и лошадей князь задохнулся (по сведениям Иакова Мниха, мост, не выдержав тяжести, рухнул и придавил Олега во рву).

Ярополк, войдя в город, не нашел среди пленников брата. На вопросы о его судьбе один древлянин сказал: «Аз видех, яко вчера спехнуша с мосту». Тогда Ярополк послал людей искать брата во рву, «и влачиша трупье из гробли [рва] от утра и до полудне». Тело Олега, найденное под горами мертвецов, вытащили и положили на ковре. «И приде Ярополк, над нем плакася, и рече Свеналду: «Вижь [смотри], сего ты еси хотел!»

Бегство древлянского князя Олега Святославича.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Гибель древлянского князя Олега Святославича.
Миниатюра Радзивилловской летописи

И погребоша Ольга на месте у города Вручого, и есть могила его и до сего дне у Вручого». Ярополк же «перяя власть [волюсть]» брата своего.

Фраза о могиле Олега, существующей «и до сего дне» (это выражение характерно для статей Повести временных лет,

подвергшихся редакции в XII в.²⁴), показывает, что в данном случае мы имеем дело с довольно поздним преданием, связанным с каким-то «Олеговым курганом» в окрестностях города Овруча. Насколько эта краеведческая справка соответствует действительности, видно по другой летописной записи, свидетельствующей, что настоящая могила Олега Древлянского была разрыта уже в 1044 г., когда «кости» его были вынуты из земли и перезахоронены в киевской церкви Святой Богородицы (Десятинной). Впрочем, сама легенда, которой воспользовался летописец в статьях под 975 и 977 гг., вероятно, в главных чертах отразила истинное происшествие. Однако нельзя не заметить, что в ней уже предана полному забвению историческая подоплека схватки Ярополка с Олегом, а в качестве движущей интриги выступает мотив мести за убитого древлянским князем «Свенальдича». Свести вслед за летописцем все дело к личной неприязни Свенгельда к Олегу мы, конечно, не можем.

Причины распри Святославичей

Борьба Ярополка с Олегом и Владимиром, имевшая обманчивый вид исключительно внутреннего междоусобия, находилась в непосредственной связи с упомянутым выше обострением русско-чешских отношений²⁵.

В 972 г. произошло событие, замеченное всей Европой. После десятилетних дипломатических усилий, перемежавшихся с военным нажимом, Оттон I добился от Византии признания его титула «императора августа Священной Римской империи германской нации». Договор был скреплен женитьбой его старшего сына, соправителя и наследника Оттона II, на византийской принцессе Феофано, племяннице василевса Иоанна Цимисхия. В следующем году, на Пасхальной неделе, победитель пышно отметил свое торжество на имперском съезде в Кведлинбурге. В продолжение празднеств в императорскую резиденцию одно за другим прибывали посольства из соседних стран с поздравлениями новому цезарю.

Среди тех, кто «явился с большими дарами», саксонский хронист 70-х гг. XI в. Ламперт Херсфельдский отметил и послов «от Руси» (Ruscogum). С какой целью прибыли они в Кведлинбург? Вероятно, не только затем, чтобы чествовать Оттона I. Как мы помним, буквально только что, за год или два перед Кведлинбургским съездом, чешский князь Болеслав II оторвал от Русской земли изрядный кусок Северо-Восточного Прикарпатья и Подолии вместе с Червенскими городами. К тому же 973 г. был годом учреждения Пражско-Моравской епископии, и этот вопрос, по всей видимости, обсуждался на съезде в Кведлинбурге, поскольку Болеслав II явился туда лично. Восточные границы нового диоцеза не могли не интересоваться и посланцев Ярополка. Мы не знаем, вынашивались ли в Киеве планы возврата в обозримом будущем карпатских земель, или там стремились только не допустить дальнейшего продвижения чешских дружин на восток. Однако ясно, что в том и другом случае Ярополку было важно заручиться поддержкой Оттона I против Болеслава II, являвшегося вассалом германского императора.

Неизвестно, как откликнулся Оттон I на предложения Киева. В том же 973 г. он умер. Но обстоятельства сложились так, что в самом скором времени германская сторона сама должна была проявить живейшую заинтересованность в союзе с Русской землей, направленном против Чехии. Едва Оттон II успел освоиться с положением самодержавного «императора римлян», как в июне 974 г. баварский герцог Генрих II Сварливый поднял против него мятеж. Болеслав II и польский князь Мешко (Мечислав) I присоединились к непокорному вассалу императора. В этой ситуации Оттон II безусловно испытывал острую нужду в союзниках, и его обращение к Ярополку с предложением создания античешской коалиции выглядит с точки зрения сложившейся расстановки сил вполне естественным и закономерным.

Свидетельство о русско-немецких переговорах 974/975 г. и их благоприятном исходе содержится в «Генеалогии Вельфов», составленной около 1125 г. В этом родословном списке могущественного швабского рода упоминается между прочим некий «знаменитейший граф Куно из Энингена» и его многочисленное семейство, в том числе четыре дочери, одна из которых, Ита фон

Оттон II и его супруга Феофано, благословляемые Христом.
Париж. Музей Клуни

Энинген, во второй половине 70-х гг. X в. вышла замуж за графа Рудольфа Вельфа, другая, не названная по имени, стала женой «короля Руси» (*regi Rugorum*) Ярополка²⁶. В настоящее время установлено, что Куно из Энингена — это реальное историческое лицо, граф Конрад (Куно — латинская форма этого имени, *Chuono*, *Chuonis*) фон Энинген, с 983 г. — герцог швабский²⁷.

Когда в 975 г. дело дошло до открытого столкновения Оттона II с Болеславом II, Конрад выступил на стороне императора и активно поддерживал его в течение всей германо-чешской войны, продлившейся до 977 г. Таким образом, сам выбор невесты для Ярополка доказывает, что античешский союз Германии и Руси все-таки состоялся. Посредством брака с дочерью Конрада Ярополк вошел в близкое свойство с императорской семьей, так как энингенский граф, если верить родословной Вельфов, приходился зятем Оттону I²⁸. Надо заметить также, что, по всей вероятности, в 974/975 г. была оглашена лишь помолвка (вероисповедальных различий между женихом и невестой, как будет показано далее, не было), тогда как отправка невесты Ярополка в Киев состоялась, очевидно, в 977 г., после окончания войны с Болеславом II.

Заключение германо-киевского соглашения 974/975 г., скрепленного женитьбой Ярополка на дочери имперского графа, возвращает нас к проблеме датировки полоцкого сватовства Ярополка и Владимира. Теперь мы видим, что последнее событие не могло иметь место позже 974 г., ибо Ярополк, разумеется, не стал бы добиваться руки Рогнеды, будучи обручен с родственницей государя христианского Запада, так как подобное попятное движение на двоеженство немедленно разрушило бы все надежды на престижный династический союз.

Опасность быть зажатым между двух огней побудила Болеслава II, в свою очередь, начать поиск союзников. И он скоро нашел их. Ими стали братья Ярополка — Олег и Владимир, в чьих биографиях прослеживаются более или менее прочные связи с Чехией.

В одном из своих сочинений по истории Моравии (*Zrčadło sławneho Margkrabstwij Morawského*, 1593) чешско-польский исто-

рик Бартоломей (Бартош) Папроцкий, ссылаясь на находившиеся у него под рукой «анналы русские и польские», пишет о некоем русском князе, сыне «Колги Святославича» и племяннике князей Ярополка и Владимира. Жизни Колги/Олега грозила опасность со стороны его брата Ярополка, поэтому он отправил своего сына в Чехию. Впоследствии Колга был убит Ярополком, а его спасенный сын стал родоначальником моравского рода Жеротинов²⁹. Эти события почему-то датированы Папроцким 861 г., но речь, несомненно, идет о междоусобной брани Святославичей во второй половине 70-х гг. X в.

Безымянный Ольгович, переправленный отцом в Чехию, по всей видимости, существовал в действительности, и память о нем некоторое время жила в чешско-моравских летописях. Иначе трудно объяснить, каким образом он попал в прашуры Жеротинов, ведь специально измышлять в генеалогических целях столь незначительную фигуру им не было никакого смысла³⁰. Олег, судя по всему, был ненамного моложе Ярополка, и потому вполне мог в 975—977 гг. иметь младенца-наследника. Категорически отвергнуть такую возможность, во всяком случае, нельзя. Доверить своего сына Олег безусловно мог только дружественной стране. Стало быть, даже если отнестись к сообщению Папроцкого с известной долей осторожности, налицо факт достаточно близких отношений Олега с Болеславом II.

Что до Владимира, то имеется прямое указание летописи на два его чешских брака (статья под 980 г.). В росписи Владимировых сыновей, рожденных от «водимых» (законных) жен, читаем, что от одной «чехини» он «роди» Вышеслава, «а от другое — Святослава³¹ и Мьстислава». В.Н. Татищев приводит имена этих женщин: Малфрид и Адил, которое он считает искаженным от Адельгейда³²; польский историк XV в. Ян Длугош пишет только об одной «чехине». В другом месте Повести временных лет Вышеслав назван «старейшим» сыном Владимира, что делает вероятным его рождение в 975—978 гг., то есть именно в интересующее нас время. Ведь как раз тогда Владимиру, по нашим расчетам, исполнилось 18—20 лет.

Однако точно ли матерью Вышеслава была «чехиня»? Формальным поводом для сомнений на этот счет служит то об-

Болеслав I Храбрый выкупает у пруссов останки святого Адальберта-Войтеха.
Бронзовый барельеф на дверях собора в Гнезно

стоятельство, что во второй половине X в. Чехия имела официальный статус христианской державы. Между тем Владимир в середине 70-х гг. X в. не только оставался язычником, но и был уже женат на Рогнеде. Как же мог состояться брак между язычником-многоженцем и христианкой? Тем не менее такая возможность совсем не исключена.

Языческое многоженство было одной из самых жгучих и вместе с тем самых деликатных проблем, с которыми христианство сталкивалось в процессе обращения «варварских» германо-славянских народов Европы. Христианское воззрение на семью приживалось с величайшим трудом, вследствие чего христианское духовенство, дабы не отпугнуть неофитов и колеблющихся чрезмерной суровостью своих требований, сплошь и рядом было вынуждено идти на скандальные попускания традиционным обычаям и закрывать глаза на вопиющие нарушения церковных правил, регулировавших супружеские отношения. На территории

Чехии и Моравии подобное невмешательство Церкви в повседневную жизнь паствы стало почти что нормой. По свидетельству Паннонского жития Кирилла и Мефодия, католические священники («латиньстии и фряжестии архиереи с иереи»), просвещавшие моравских славян одновременно с солунскими братьями, «не браняху [не запрещали] же жертв творити по перьвому [языческому] обычаю, ни женитьбъ беишисленных творити».

Во второй половине X в. положение дел ничуть не изменилось. По словам немецкого историка XIX в. В. Гизебрехта, «ночь идолопоклонства еще так широко распространялась над страной», что даже сам Болеслав II, оставшийся в истории с прозвищем Благочестивый, порой остывал «в усердии к христианской вере»³³. Пражский епископ Адальберт-Войтех, чех по происхождению, незадолго до своей мученической кончины в 997 г., серьезно полагал, что чехи отпали от христианства и вернулись к языческим порядкам, едва ли не поголовно погрязнув в многоженстве. Его отвращение к нравам своих соотечественников было таково, что он даже не желал оставаться их пастырем и с величайшей радостью воспринял разрешение папы оставить пражскую кафедру для миссионерской деятельности среди пруссов.

На этом историческом фоне летописная запись о женитьбе Владимира на «чехине» выглядит достаточно правдоподобной, тем более что примеры подобных браков христианки и язычника в истории есть. Незадолго перед тем (в 965 г.) не кто иной, как чешский князь Болеслав I, отдал свою дочь Домбровку (сестру Болеслава II) за польского князя Мешко I, тогда еще косневшего в язычестве. Здесь возникает закономерный вопрос: а не могла ли Владимирова «чехиня» тоже быть родственницей чешского князя, чешской княжной, как сказано у польского историка XVI в. Мацея Стрыйковского? Однако состояние источников не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть эту догадку.

Таким образом, направленному против него киевско-немецкому союзу Болеслав II противопоставил чешско-древлянско-новгородский альянс. Создание подобных коалиций было вполне в духе дипломатии Болеслава. Так, он неоднократно заключал

соглашение с язычниками-лютичами для войны против христианской Польши и самой Священной Римской империи.

Из двух младших Святославичей Болеслав II, разумеется, больше всего рассчитывал на Олега. Само географическое положение Древлянской земли делало ее естественным буфером между карпатскими провинциями Чешского княжества и Киевом. Вот почему, вместо того чтобы оказать военную поддержку Оттону II, Ярополк вынужден был совершить поход на Овруч, закончившийся смертью Олега, а Владимир, узнав о гибели брата-союзника, «убоявся бежа за море» — поступок ничем не мотивированный в летописи и находящийся объяснение только в свете международной обстановки 70-х гг. X в.³⁴

Братья-христиане

У истории борьбы Ярополка и Олега был еще один важный аспект. Впервые в летописи Русской земли руку друг на друга подняли не просто кровные братья, но также и братья во Христе.

В вопросе о вероисповедании сыновей Святослава Повесть временных лет проявляет удивительную избирательность, вполне определенно высказываясь только об одном из них — Владимире, который изображен жестоким язычником. Относительно религиозной принадлежности двоих других братьев странным образом умалчивается.

Однако в великокняжеской семье жило устойчивое предание об особой наклонности Ярополка и Олега к христианству. Только этим можно объяснить загадочную летописную запись под 1044 г., когда по приказу племянника погибших, князя Ярослава I Владимировича, состоялось перезахоронение и крещение (!) их останков: «выгребоша два князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею и положиша я в церкви святых Богородица».

Краткий хроникальный характер этого известия служит порукой его достоверности. Не касаясь здесь любопытной самой по себе обрядовой стороны совершенной церемонии, остано-

внимся лишь на ее символическом смысле. В официальной церковной литературе ничего похожего мы не найдем. Единственное соответствие можно извлечь из одного апокрифического произведения. Это — сказание о двойном крещении костей Адама: водами Иордана и кровью Христа, пролитой на Голгофе. Сравнение сюжета апокрифа с обрядом перезахоронения останков Ярополка и Олега приводит к выводу, что «в том и другом случае символически выражена идея предуготованности к крещению»³⁵.

В том, что действия Ярослава в 1044 г. опирались на альтернативную по отношению к Повести временных лет историческую традицию, для которой было характерно подчеркивание сочувствия Ярополка и Олега христианству, убеждает уникальное известие Иоакимовской летописи: «Ярополк же бе муж кроткий и милостивый ко всем, любяше христианы, и аще сам не крестися народа ради, но никому же претяше»³⁶. Очень скоро (вероятно, во второй половине 40-х гг. XI в.) последовала и окончательная христианская реабилитация обоих братьев Владимира, когда их именами были наречены два внука Ярослава — Ярополк Изяславич и Олег Святославич. Это означало, что древнерусские имена Ярополк и Олег были включены в родовой княжеский именослов, «очищенный» от языческих воспоминаний и ассоциаций.

Так, к середине XI в. в древнерусском обществе возобладало воззрение на Ярополка и Олега как на своеобразных предтеч крестителя Руси Владимира, покровителей христианства, хотя хранители исторических преданий и были уверены в том, что дяди Ярослава умерли не просвещенные святым крещением. Однако так ли это?

Наши летописи в один голос утверждают, что Ярополк и Олег в детстве находились на попечении их бабки, княгини Ольги; у Святослава после 965 г. просто не было возможности заниматься их воспитанием, так как его почти не видели в Киеве. Влияние Ольги на духовное развитие внуков, надо полагать, было весьма сильным, и, например, Е.Е. Голубинский допускал, что если бы Ярополк «жил долее, то очень может быть, что не Владимир, а он был бы крестителем всей Руси»³⁷, а А.В. Кар-

ташев убежденно писал, что «в отсутствие Святослава старший сын его Ярополк, воспитываемый бабкой Ольгой, слагался в князя-христианина и будущего крестителя всего народа»³⁸.

Действительно, трудно представить, что Ольга, потерпев неудачу с обращением сына, не попыталась обеспечить историческую преемственность своего дела посредством крещения внуков. И скорее всего, соответствующий обряд был совершен над ними безотлагательно. Но после ее смерти в 969 г. христианское воспитание Ярополка и Олега было резко и грубо оборвано. Святослав был воинствующий язычник: убивая перешедших в христианство Ольгиных «вельмож» и разрушая церкви, он не остановился даже перед тем, чтобы казнить брата-христианина Глеба. Конечно, он не поцеремонился и с сыновьями, заставив их вернуться к языческому культу. Думаю, что легенда о жене-гречанке, присланной Ярополку отцом, сложилась на основе исторических воспоминаний о нелегком положении сыновей Святослава в 969—971 гг., ибо отцовское предложение жениться именно на «чернице» нельзя расценить иначе, чем явно выраженное намерение предать поруганию христианские каноны благочестивой жизни и поглумиться над религиозными чувствами сына, вытравить из Ярополка бабкин дух³⁹. Само предание с исторической стороны ненадежно, но его религиозный (антихристианский) подтекст безусловно следует принять во внимание.

Языческая реакция при Святославе была слишком краткой по времени, чтобы быть действенной, и после гибели князя все возвратилось на круги своя. Ярополк и Олег с облегчением возобновили исповедание привитой им с детства христианской религии. Церковные правила не предусматривают вторичного крещения вероотступников, желающих вернуться в церковную ограду, — для этого им достаточно покаяться и причаститься. Вероятно, поэтому факт крещения Ярополка и Олега, имевший место в их далеком детстве, со временем позабылся. И все-таки мы можем настаивать на том, что оба князя умерли христианами. Вспомним, что в 1044 г. Ярослав «выгребоша» их «кости». Успешная эксгумация останков Ярополка и Олега могла состояться только в том случае, если их тела при захоро-

нении не подверглись языческому сожжению. Следовательно, можно утверждать, что Ярополк похоронил погибшего брата тем же обычаем, каким впоследствии был погребен и сам, — в подкурганной могиле, головой на запад, то есть совершенно так же, как во второй половине X в., согласно археологическим материалам, было погребено большинство жителей Русской/Киевской земли, — в полном соответствии с требованиями христианской религии.

Касательно Ярополка есть и другие свидетельства того, что после 971 г. он открыто порвал с язычеством. В этой связи весьма интересна дата вокняжения князя Владимира — 11 июня 978 г., указанная в «Памяти и похвале» Иакова Мниха: «И седе в Киеве князь Володимер... месяца июня в 11, в лето 6486 [978 г.]. Крести же ся князь Володимер в десятое лето по убьении брата своего Ярополка». Для летописно-житийной хронологии она не совсем обычна. Дело в том, что все полно датированные события древнерусской истории X — первой половины XI в. так или иначе относятся к событиям *церковным*, как, например, кончина Ольги (11 июля 969 г.), убийство варягов-мучеников (12 июля 983 г.), освящение церкви Святой Богородицы (12 мая 996 г.), смерть Владимира (15 июля 1015 г.), мученическая кончина Бориса и Глеба (24 июля и 5 сентября 1015 г.) и т. д.⁴⁰ В этом длинном ряду точных хронологических записей только 11 июня 978 г. стоит особняком, фиксируя чисто светское событие. Это наводит на мысль, что на самом деле дата вокняжения Владимира является датой смерти Ярополка, взятой Иаковом Мнихом из какой-то церковной записи о его кончине и приуроченной им к истории княжения Владимира, так как дата 11 июня появляется в тексте «Памяти и похвалы» сразу после известия об убийстве Ярополка, а «в следующей же за этой датой фразе крещение Владимира датировано десятым годом не от вокняжения его (что было бы понятно), а от гибели Ярополка»⁴¹.

Догадку о существовании в Древней Руси церковных записей с пометами не только даты смерти, но и времени крещения Ярополка подкрепляет сообщение Пискаревского летописца под 980 г.: «Бысть княжения Ярополча 50 лет, а во крещении княжив 17». Здесь важны не конкретные хронологические выклад-

ки, а сама методика их составления (высчитаны годы от крещения до смерти), которая предполагает использование данных некоего помянника или синодика с именем Ярополка. Причем, если общее количество лет его княжения совершенно несуразно, то продолжительность христианского жития Ярополка приблизительно совпадает с его вероятным возрастом на момент смерти, и это обстоятельство можно поставить в связь с высказанным выше предположением, что Ольга крестила своих внуков еще в пору их младенчества.

Но, пожалуй, решающим доводом в пользу принадлежности Ярополка к числу христианских государей своего времени служит известие «Генеалогии Вельфов» о женитьбе «короля Руси» на дочери Куно фон Энингена. Понятно, что в Священной Римской империи попросту не стали бы рассматривать возможность такого брака, продолжай Ярополк и после смерти отца придерживаться язычества⁴².

Из всего вышеизложенного следует, что когда в 974/975 г. послы Оттона II вели переговоры с Ярополком о союзе и династическом браке, они видели перед собой не язычника, согласного из политических выгод внимать их наставлениям в вере, а молодого христианского государя, воспитанного в духе кирилло-мефодиевской традиции и намеревавшегося ввести Русскую землю в круг христианских держав Европы.

Однако времени на это у него уже почти не было.

Глава 4

ЗАХВАТ ВЛАДИМИРОМ КИЕВА

Внешняя политика Ярополка

Между тем ничто не предвещало близкого конца. Напротив, последние годы княжения Ярополка были ознаменованы событиями, которые, казалось, свидетельствовали о непрерывном росте могущества и славы юного державца Русской земли.

По сообщению Никоновской летописи, Ярополк совершил поход против печенегов. Мы не знаем, было ли это возмездие-

ем за убийство Святослава, или Ярополк хотел обезопасить свой тыл перед открытым выступлением против Болеслава II. А может быть, гибель Олега и бегство Владимира «за море», случившиеся, вероятно, в 975/976 г., вынудили чешского князя прибегнуть к последнему средству защиты и бросить подкупленных печенегов на Киев, чтобы задержать неизбежное появление на Карпатской земле русских дружин? Короткая летописная строка говорит только, что степные орды были рассеяны русской ратью: «победи Ярополк печенеги, и возложи на них дань». Сокрушительное поражение произвело такое впечатление на печенежских ханов, что один из них, по сообщению того же источника, поспешил отдаться под Ярополкову руку: «Прииде Печенежский князь Илдея, и би челом Ярополку в службу; Ярополк же приат его, и даде ему грады и власти, и имяше его в чести велице».

Тогда же возобновились дружественные отношения с Византийской империей, причем по инициативе греческой стороны. Прибытие в Киев послов «от греческого царя» русские летописи (Воскресенская и Никоновская) датируют 979 г., но, сообразуясь с известиями византийских хронистов, нужно признать более вероятным 977 г.

10 января 976 г. в Константинополе произошла очередная смена власти. В этот день умер Иоанн Цимисхий. Ходили слухи, что его отравили. И в самом деле, император покинул этот мир удивительно вовремя, ибо двум законным (порфирородным) наследникам трона, василевсам Василию II и Константину VIII, сыновьям умершего в 963 г. Романа II, как раз исполнилось соответственно 18 и 16 лет⁴³.

По обоюдному согласию братья не стали делить самодержавную власть, и всю тяжесть правления взял в свои руки старший, Василий; Константин, который, по словам византийского историка XI в. Михаила Пселла, «всем казался безвольным прожигателем жизни, будучи человеком легкомысленным и склонным к развлечениям», только унаследовал титул императора. Впрочем, и Василий II, как свидетельствует тот же писатель, поначалу «вполне пользовался своим юным возрастом и царским положением», считая своим уделом «легкомыс-

ленные царские развлечения и отдых». Распорядителем всех дел при нем стал опытный царедворец, евнух паракимомен⁴⁴ Василий, которому царственные братья приходились внучатыми племянниками. Этот незаконный сын императора Романа I Лакапина (920—944), некогда оскотенный в интересах безопасности династии, привык стоять у кормила государственной власти, будучи на протяжении долгих лет бессменным «первым министром» при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии.

Однако очень скоро Василию II пришлось оставить пиры и любовные интрижки и заняться куда более серьезными делами. Паракимомен Василий стремился убрать с ведущих государственных должностей влиятельных лиц предыдущего царствования. Наибольшие опасения ему внушал шурин покойного Иоанна Цимисхия, domestik схол Востока (командующий восточными армиями империи) Варда Склир, пользовавшийся огромной популярностью в войсках благодаря своей громкой военной репутации, приобретенной в русско-византийскую войну 970—971 гг. Заслуженный полководец внезапно был смещен с должности domestika схол и назначен простым дукою (губернатором) отдаленной Месопотамской фемы. Это вызвало (или, быть может, ускорило) открытое восстание. Летом 976 г., едва вступив на землю Месопотамии, Варда Склир провозгласил себя императором и начал приготовления к походу на Константинополь. Мятеж Склира имел далекоидущие последствия, в том числе и для Русской земли, предвидеть которые тогда не мог никто.

Получив помощь заевфратских эмиров, Склир в 977 г. овладел почти всей Малой Азией. Солдаты правительственных войск охотно переходили под его знамена. Василий II и его советник пребывали в растерянности. «Узнав, что все тяжелооруженные воины стеклись к Склиру, — пишет Михаил Пселл, — император и его приближенные решили... что погибли».

Вероятно, сознание отчаянности своего положения и побуждало Василия II отправить послов в Киев. Воскресенская и Никоновская летописи не сообщают ничего существенного о

ходе переговоров: «...приидоша послы от греческого царя к Ярополку, взяша мир и любовь с ним, и яшася ему по дань, якоже и отцу его и деду его». Однако известие Татищева, взятое из других летописных источников, поясняет, что речь прежде всего шла о военной помощи империи: «...пришли послы от грек и подтвердили мир и любовь на прежних договорах, обещаваяся погодную дань платить, а Ярополк обещался на грек, болгар и Корсунь не воевать и в потребности грекам со всем войском помогать»⁴⁵. Достоверность этих слов находит документальное подтверждение в текстах «прежних договоров» руси с греками: «Аще ли хотети начнетъ наше царство [Византия] от вас вои на противящихся нам, да пишуть к великому князю вашему, и послеть к нам, елико хоцеть: и оттоле увидят иные страны, какую любовь имеют Греки с Русью» (договор Игоря, 944 г.); «Яко николи же помышлю на страну вашу и елико есть под властью гречьскою, ни на власть [волость] Корсунскую и елико есть городов их, ни на страну Болгарьску. Да аще ин кто помыслить на страну вашу, да и аз буду противен ему и борюся с ним» (договор Святослава, 971 г.).

Итак, греки просили «воев», и Ярополк обещал их прислать. Однако сделать это можно было не раньше следующего года, так как в 977 г. еще продолжалась война с Болеславом II, и русское войско, выполняя союзническое обязательство перед Оттоном II, по-видимому, совершило поход в чешское Побужье⁴⁶. Германо-русский союз неуклонно брал верх над Болеславом II, который сложил оружие в конце лета — начале осени. Наступило время и германской стороне выполнить свое обещание, и, по всей вероятности, зимой 977/78 г. Ярополк встречал в Киеве свою заграничную невесту — дочь графа Куно. Следствием этого брака было дальнейшее усиление позиций христианства в Русской земле. По словам Иоакимовской летописи, Ярополк «даде христианом волю велику»⁴⁷. Внук Ольги с уверенностью смотрел в будущее.

К 978 г. небо на западе и юге от Киева расчистилось. И только север опять затягивался грозовой тучей.

Владимир готовится к войне с братом

Новгород и после отъезда Владимира «за море» оставался неподвластен киевскому князю. Хотя Повесть временных лет и упоминает, будто Ярополк направил туда своих посадников, но достоверность этого известия сомнительна⁴⁸, так как оно опирается исключительно на легендарную концепцию взаимоотношений «русского юга» и «словенского севера», согласно которой Новгород находился в подчинении у Киева с конца IX в. На самом деле Новгород сохранял независимость еще и столетие спустя, как это видно из того, что в 970 г. новгородцы заполучили себе в князя Владимира не по воле Святослава, а по решению своего веча. Ярополковы посадники могли появиться в Новгороде только в результате удачного военного похода, но о подобном предприятии Ярополка нет никаких сведений, хотя, судя по всему, Владимир опасался именно такого развития событий, ибо бежал из Новгорода, ища возможности пополнить за морем свою дружину. Новгородцы между тем и не думали отречься от Владимира, а, напротив, обещали своему князю посильную помощь, так как из дальнейшего летописного повествования ясно, что расходы по содержанию его «варяжской» дружины взяла на себя городская казна.

Как и в случае с Рогволодом, ученые-норманнисты голословно толковали летописное «заморье», куда бежал Владимир, как указание на Скандинавию⁴⁹. Правда, подкрепить свое мнение доказательствами они не пытались, что было бы для них и затруднительно⁵⁰, так как все наличествующие источники, которые только можно привлечь для решения данного вопроса, обнаруживают заморские следы Владимира на южном берегу Балтики, в славянском Поморье.

Возьмем одно из важнейших свидетельств, принадлежащее Титмару Мерзебургскому. Описывая Киев, он заметил, что «до сих пор» (то есть до 1018 г., когда Титмар писал эти строки) русская столица с успехом оборонялась от внешних врагов при помощи «стремительных данов». Замечание это, как видно, относится главным образом к эпохе Владимира (978—1015), и упоминание в составе его дружины «данов» раз навсегда ис-

ключает любые спекуляции со Скандинавией, ограничивая поиск «заморья» южнобалтийским побережьем⁵¹. Но было бы не меньшей ошибкой говорить в этой связи и об этнических датчанах, массовое пребывание которых на Руси конца X — начала XI в. не отмечено ни письменными источниками, ни археологией.

В то же время русские былины свидетельствуют о том, что дружина Владимира пополнялась выходцами из славянского Поморья. Среди последних встречаем «молоды Дюка Степановича», приехавшего в Киев «из-за моря, из-за синева, из славна Волынца», то есть из поморского Волина, и «славнова гостя богатога» Соловья Будимировича, приплывшего с дружиной на тридцати кораблях «из-за моря Верейского» (Варяжского), «из Веденецкой земли» — славяно-вендского Поморья. О постоянных торговых контактах славянского Волина с новгородскими купцами писал во второй половине XI в. Адам Бременский. Из летописи мы знаем, что Владимировы «варяги» (которые, кстати сказать, в скандинавских сагах слынут «гридями») поклонялись Перуну⁵² — божеству, чтимому среди поморских славян.

Ввиду всего этого не будет большой натяжкой предположить, что конечной целью путешествия Владимира «за море» была земля славянского племени вагров (между современными Любеком и Ольденбургом), непосредственных соседей датчан. Не забудем, что дедом Владимира по матери был Малко Любчанин — выходец из поморского Любеча/Любека, то есть из Вагирской земли. Должно быть, Владимир имел в виду эти родственные связи, обращаясь за помощью к ваграм. В 1018 г., когда Титмар писал о киевских «данах», Вагирская земля уже принадлежала Дании и активно заселялась датчанами (по сообщению собирателя скандинавских саг Снорри Стурлусона, один из сыновей датского короля Кнута I Могучего до 1030 г. сидел «в Йомсборге [славянском Волине, в устье Одры] и правил Страной Вендов [славянской областью Западного Поморья]»; в XII в. немецкий хронист Гельмольд отметил, что в Вагирской марке есть множество «мужей сильных и опытных в битвах, как из датчан, так и из славян»). По этой причине Титмар и нарек вагров «данами», руководствуясь скорее их государственно-правовой, чем этнической принадлежностью. Конечно,

в наемную дружину Владимира могло затесаться некоторое количество датчан или бродячих скандинавских «норманнов», но то был случайный элемент, который можно не принимать во внимание. По словам Гельмольда, в мореходном деле вагры были «впереди всех славянских народов» и потому легко могли обеспечить переброску наемных «варягов» Владимира в Новгородскую землю.

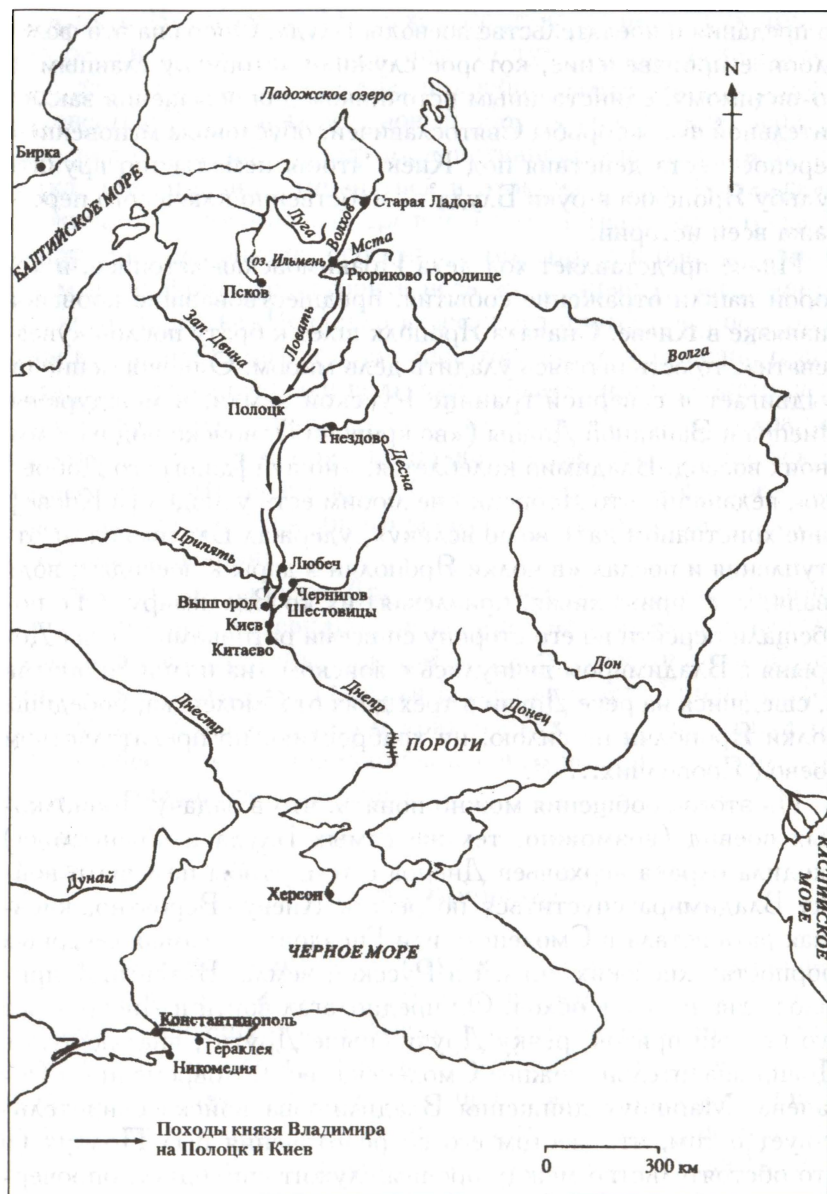
Количество «варягов», приведенных Владимиром из Вагирской земли, поддается приблизительному исчислению. По сведениям скандинавской «Пряди об Эймунде», стоимость наемника на Руси в начале XI в. была такова: простой воин получал в год 1 гривну (51 г серебра по севернорусскому счету, половина этой суммы выплачивалась мехами), рулевой на судне — вдвое больше⁵³. С другой стороны, летописное сообщение под 1014 г. говорит, что Владимир обязал новгородцев давать тысячу гривен «гридем», видимо из числа тех «варягов», которых он после победы над Ярополком «расточил» по городам. Стало быть, в Новгороде осела значительная часть «варяжской» дружины — около тысячи человек. По крайней мере столько же, если не больше заморских наемников должно было остаться с Владимиром в Киеве, о чем свидетельствует Титмар. Общее число нанятых в «заморье» дружинников, таким образом, равнялось, вероятно, двум-трем тысячам воинов.

С этого времени ведет свое существование «Варяжский двор» в Новгороде⁵⁴, так как строительство казарм для наемников входило в условия договора с нанимавшим их князем (в «Пряди об Эймунде» Ярослав обязуется построить воинам Эймунда «каменный дом и хорошо убрать [его] драгоценной тканью»).

Поход на Киев

Начало войны Владимира с Ярополком наши летописи излагают не вполне согласно между собою. Повесть временных лет говорит, что Ярополк побоялся встретить войско Владимира в поле и затворился в Киеве. С осады города и начинается подробное описание военной кампании или, точнее, пересказ устно-

РАСПРЯ СВЯТОСЛАВИЧЕЙ

Походы князя Владимира на Полоцк и Киев

го предания о предательстве воеводы Блуда. Опора на это фольклорное произведение, которое служило летописцу главным и, по-видимому, единственным источником для освещения заключительной фазы борьбы Святославичей, обусловила мгновенный перенос места действия под Киев, чтобы немедленно вручить судьбу Ярополка в руки Блуда — собственно ключевого персонажа всей истории.

Иначе представляет ход дела Иоакимовская летопись, в которой нашли отражение события, предшествовавшие кровавой развязке в Киеве. Сначала Ярополк шлет к брату послов «увесчевати», то есть пытаясь уладить дело миром. Одновременно он выдвигает к северной границе Русской земли, в междуречье Днепра и Западной Двины («во кривичи»), войско под началом своих воевод. Владимир колеблется, «но вуй [дядя] его Добрыня», ведавший, что Ярополк «не любим есть у людей [в Киеве], зане христианом даде волю велику», удержал Владимира от отступления и послал «в полки Ярополчи з дары к воеводам, водя [водя, т. е. приваживая, привлекая] их ко Владимиру». Те пообещали перейти на его сторону со всеми ратниками. Тогда Добрыня с Владимиром двинулись с войском «на полки Ярополчи и, сшедшися на реке Дручи в трех днях от Смоленска, победиша полки Ярополчи не силою, ни храбростию, но предательством воевод Ярополчих...»⁵⁵.

Из этого сообщения можно понять, что в задачу Ярополковых воевод (возможно, тех же самых Блуда и Свенгельда) входила охрана верховьев Днепра с тем, чтобы помешать войску Владимира спуститься по реке к Киеву. Вероятно, киевская рать встала в Смоленске или Гнездове — самых северных форпостах киевских князей в Русской земле. Владимиру пришлось двинуться в обход. Он предполагал войти в Днепр через его правый приток, речку Дручу (ныне Друть), впадающую в Днепр значительно южнее Смоленска, возле современного Рогачева. Маршрут движения Владимирова войска свидетельствует о том, что местом его сосредоточения был Полоцк (и это обстоятельство между прочим служит еще одним опровержением существования прямого водного пути «из варяг в греки», из Ловати в Днепр). Воеводы Ярополка успели прегра-

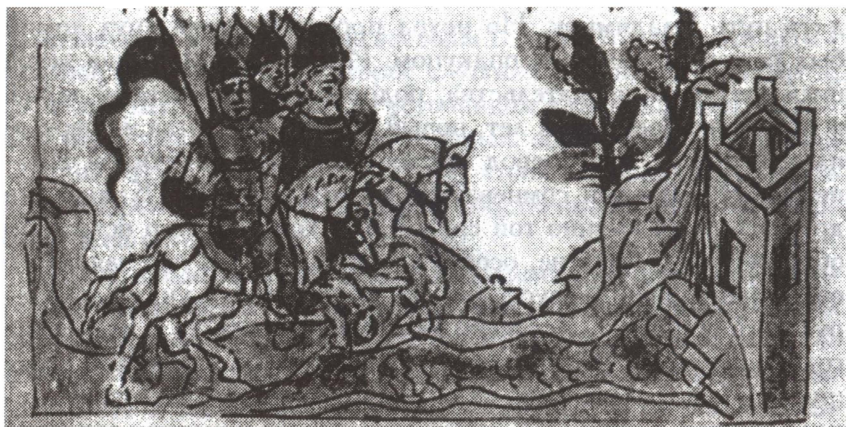

дять путь Владимиру. Но исход противостояния двух армий был решен не мечом, а подкупом. И тут Иоакимовская летопись дает теме предательства, подробно разработанной также и Повестью временных лет, новый оборот, выдвигая на первый план недовольство воевод прохристианской политикой Ярополка. Нет причин сомневаться в этом известии. Княжеская дружина была именно той средой, где христианство встречало обостренное неприятие, особенно с тех пор, как оно заявило о своем намерении переустроить весь жизненный уклад древнерусского общества. Всплески языческого протеста в последние годы княжения Ольги и временное торжество языческой реакции при Святославе были видимым проявлением глубокого раскола внутри дружинной «руси», который, конечно, сохранял всю свою остроту и при Ярополке. Воинствующее киевское язычество, притихшее после смерти Святослава, усмотрело во Владимире князя, способного вернуть «русским богам» их поколебленное величие.

После битвы на реке Друче Владимиру открылась прямая дорога на Киев. Очевидно, не позднее чем через две недели он разбил свой стан под городом, «между Дорогожицем и Капичем», как сказано в Повести временных лет. Урочище Дорогожичи находилось километрах в двух на северо-запад от Киева. Местоположение Капича неизвестно; топоним этот более не упоминается в летописи⁵⁶.

Убийство Ярополка

С этого момента летопись вступает на зыбкую почву предания, которое, разумеется, не может быть целиком сочтено за подлинную картину осады Киева. По всей видимости, в намерения Владимира, собиравшегося «воспрять» киевский стол, не входило брать город приступом и причинять ему разрушения⁵⁷. Между тем киевляне отнюдь не спешили менять одного князя на другого и твердо держали сторону Ярополка. Тогда Владимир посулил свою милость Блуду, и тот, по словам Повести временных лет, «мысля убити Ярополка; гражаны же не бе лъзе

Подступ князя Владимира к Киеву.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Отъезд киевского князя Ярополка из Киева в город Родню.
Миниатюра Радзивилловской летописи

убити его», то есть киевский «полк» (ополчение рядовых горожан) служил Ярополку надежной защитой от любых покушений на его жизнь. Расстановка сил в осажденном городе, вероятно, была такова, что проязычески настроенной дружинной верхуш-

ке, желавшей сдачи Киева Владимиру, противостояла городская христианская община, по археологическим данным весьма многочисленная.

Чтобы оторвать Ярополка от сочувствовавшего ему окружения, Блуд якобы уговорил его бежать из Киева в город Родню, расположенный в устье реки Рось. Войско Владимира обложило его и там. По истечении какого-то времени в городе разразился страшный голод; «и есть притча и до сего дни: беда яко в Родне», добавляет летописец. Вот тут-то Блуд и посоветовал Ярополку сдаться на милость брата.

«Родненский эпизод» является позднейшим домыслом к древнейшей части предания, что видно по разнобою, царящему в различных списках Повести временных лет. В Архангелогородской летописи этого места вообще нет, а в Хлебниковской и Погдинской летописях отсутствует упоминание про голод и «родненскую» поговорку. Сам топоним «Родня» имеет варианты: Родень, Родины, Род; некоторые летописи вообще обходятся без этого названия (в Псковской летописи Ярополк бежит в «град иной», по Супрасльской летописи, князь «затворися в граде»). В Лаврентьевском списке нет названия реки, на которой стоит Родня, другие редакции Повести искажают этот гидроним: Урси и т. д.⁵⁸ В дальнейшем город под названием Родня в Повести временных лет ни разу не упоминается, и это обстоятельство настораживает тем больше, что археологи испытывают затруднения с локализацией летописной Родни: непосредственно в устье Роси древнерусских городищ X в. нет⁵⁹. Славянская колонизация достигла здешних мест только к концу княжения Владимира. Наконец, на продолжительное «сидение» в Родне у Ярополка просто не остается времени, так как поход Владимира на Киев, начавшийся самое раннее в конце апреля или первых числах мая 978 г., был победоносно завершен уже 11 июня, а эта дата, как было сказано выше, указывает одновременно и на день смерти Ярополка.

Конец Ярополка, после того как он послушался предательского совета Блуда и вернулся в Киев, описан в Повести временных лет следующим образом: «И прииде Ярополк к Володимеру; яко полезе в двери, и подъяста его два варяга мечьми

Убийство князя Ярополка двумя варягами.
Миниатюра Радзивилловской летописи

под пазусе [пазуху]. Блуд же затвори двери и не да по нем ити своим. И тако убиен бысть Ярополк...» Однако обоснованный скептицизм по поводу известий о «сидении» великого князя в Родне позволяет думать, что на самом деле Ярополк был предательски убит Владимиром на мирных переговорах, состоявшихся еще во время осады Киева. Факт насильственной смерти Ярополка удостоверяет также Иаков Мних: «...а Ярополка убиша в Киеве мужи Володимирове». О судьбе немецкой супруги убиенного князя можно только догадываться. Скорее всего, после соответствующих переговоров Владимир отправил ее на родину.

Блуд, как передает летописный источник Татищева, ненадолго пережил своего господина. Вначале облаканный Владимиром, он вскоре навлек на себя гнев князя и был казнен. При этом Владимир будто бы помянул опальному воеводе его недавнее предательство: «Я тебе по обещанию моему честь воздал, яко приятелю, а сужю, яко изменника государя своего». Повесть временных лет ничего не сообщает о судьбе Блуда, но и не упоминает больше его имени.

Во всей древнерусской литературе мы не найдем ни одного упрека Владимиру за убийство брата. И это неудивительно. Тот или иной исход вооруженной борьбы в представлении людей того времени, как христиан, так и язычников, являлся непрекесаемым свидетельством свершения небесного правосудия, Божьего суда. Поражение доказывало неугодность побежденного богам (или Богу), победа была видимым знаком торжества справедливости и позволяла победителю законным образом присвоить власть и имущество поверженного врага. «И Бог поможе ему [Владимиру] и седе в Киеве на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря», — простодушно пишет Иаков Мних, предваряя этой фразой свое известие об убийстве Ярополка «мужами Володимеровыми». Поэтому, лишившись Ярополка, киевляне безропотно признали право Владимира на *отний стол*.

Но едва приняв в свои руки княжение, Владимир вступил в конфликт с наемной дружиной. В отличие от князя поморские «варяги» смотрели на Киев только как на свою военную добычу, бесчинствовали и желали получить с киевлян дань: «Се град наш; мы его прияхом, да хотим иметь откуп на них [киевлянах], по две гривне с человека». Владимир, однако, не решился раздражать киевлян поборами. По сообщению летописи, так ничего и не дав «варягам», он отослал большую их часть в Византию, на императорскую службу. Это вроде бы согласуется с желанием греков, высказанным на переговорах с Ярополком в 977 г., получить русских «воев». Но в византийских хрониках нет известий об участии русов в войне против Варды Склира, и, скорее всего, Повесть временных лет просто припомнила не к месту события, произошедшие десятилетием спустя — отправку Владимиром вспомогательного корпуса на помощь империи в 988 г. Для выяснения дальнейшей судьбы «варяжской» дружины Владимира гораздо большее значение имеет показание Титмара, что «даны» еще и в начале XI в. составляли костяк киевского гарнизона. Да и по нашим летописям оказывается, что «варяги» много позднее находились на содержании новгородцев (сообщение под 1014 г. о тысяче гривен, собираемых для «гридей»). Отсюда вероятнее, что Владимир все-таки предпочел сохранить «варягов» у себя на служ-

бе, частью оставив их в Киеве, частью разослав на покорм в разные города; кое-кого он назначил княжими посадниками: «И избра от них мужи добры, и смыслены и храбры, и раздая им грады».

С вокняжением Владимира в Киеве раздел Русской земли был уничтожен, государственное единство ее восстановлено.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНЯЖЕНИЕ ВЛАДИМИРА

Глава 1

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ БОГОВ

Шаги по упрочению власти

Новгородский князь на киевском столе был явлением необычным. Никогда раньше словене не брали так решительно верх над русью. Однако было бы неверно думать, что политический смысл победы Владимира над Ярополком состоял в завоевании Киева Новгородом. В событиях 978 г. отсутствовал сколько-нибудь заметный элемент этноплеменного соперничества. Это была внутридинастическая борьба, и только. Русская/Киевская земля была для Владимира *отчиной*. Он шел не покорять ее, а добывать себе «отний и дедний стол». Оказав ему помощь, новгородцы всего лишь поддерживали династические притязания своего князя, отнюдь не мечтая при этом об установлении господства Новгорода над Киевом.

Подобных мыслей не было и у самого Владимира. Едва заняв опустевший «двор теремный», он превратился из новгородского князя в князя киевского, и это преобразование далось ему легко и естественно. Княжить в Киеве означало продолжать «русскую» политическую традицию. Конечно, Владимир никогда не терял из виду словенский север, но отныне вся его деятельность была подчинена интересам Русской/Киевской земли. Внешне являя собой прообраз «государя всея Руси», Владимир до самой своей смерти оставался прежде всего и по преимуществу киевским князем, проводником киевской политики, которая, впрочем, в иных случаях приобретала общеземскую значимость и объективно выражала интересы всего восточного славянства.

Тем не менее на первых порах он должен был чувствовать себя в Киеве чужаком. Киевляне вряд ли были в восторге от того, что их князем стал северный пришелец, к тому же еще и «робичич». Чтобы укрепить свое положение в Киеве, Владимиру нужно было решить двоякую задачу: повисить свой личный авторитет как удачливого и могущественного князя и завоевать расположение «людей Русской земли», в первую очередь киевлян.

Ограниченность своих связей с русским обществом Среднего Поднепровья Владимир поначалу возместил тем, что усилил славяно-финское присутствие в Русской земле, организовав массовое переселение на юг своих северных подданных. Большая часть переселенцев была размещена в крепостях на русско-печенежском пограничье: «И нача нарубати [набирать] муже лучьшие от словен, и от кривич, и от чюди, и от вятич, и от сих насели грады». Повесть временных лет датирует это сообщение концом 80-х гг. X в. Однако ниже мы увидим, что оборонительные мероприятия Владимира в лесостепной зоне были поистине грандиозны и должны были вестись не одно десятилетие.

Владимир стал первым киевским князем, который столь широко использовал людские ресурсы северных областей. Без сомнения, он рассчитывал таким образом создать более или менее прочную социальную опору своей власти; и вместе с тем, укрепляя границу со степью, Владимир показывал киевлянам, что заботится о благосостоянии Русской земли.

Религиозная реформа

Наглядным воплощением политики Владимира в начальный период его княжения в Киеве стала знаменитая реорганизация языческого культа, о которой Повесть временных лет рассказывает под 980 г.: «И нача княжити Володимир Кыеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хърса, Дажьбога,

и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И жряху им, наричюще их боги...»

Сущность этой «религиозной реформы» Владимира историки толковали по-разному⁶⁰. Здесь важно не исказить смысловые акценты летописного текста. То важное в действиях Владимира, что летописец пытался донести до сведения потомков, заключалось отнюдь не в создании князем пресловутого «языческого пантеона», так как поименный перечень богов, вероятнее всего, является вставкой конца XI — начала XII в.⁶¹ (например, у Иакова Мниха, автора второй трети XI в., сказано только: «Перун, Хорс и ины многа»). И если прочитать летописное сообщение в его первоизданном виде, без именного списка кумиров, то смысловым «гвоздем» его окажется небольшая топографическая деталь: новое святилище находилось «на холме вне двора теремного», то есть было вынесено за пределы княжеского замка, на городскую территорию, где проживали киевские «люди».

Подлинное значение этого нововведения чутко уловил Ф. Корш: «Из того, что эти кумиры были поставлены «вне двора теремного», по-видимому, следует, что они предназначались для общественного поклонения»⁶². Княжеский замок — «двор теремный» — был святая святых князей «от рода русского»⁶³. Его сакрально защищенная территория, недоступная для большинства киевлян, олицетворяла этнорелигиозную обособленность «великого князя русского» и всей дружинной «руси» от остального населения Русской земли. Почти полтора столетия русы ревниво прятали своих богов от чужих глаз, не позволяя никому, даже городской общине Киева, почитать и умиловать тех, кому они обязаны были своей силой и своим господством над словенами и «языками». Но неукротимый процесс культурно-расовой ассимиляции постепенно стирал все видимые различия между завоевателями и завоеванными, превращая их в соотечественников, спаянных общими интересами и нуждами.

И вот, наконец, случилось неизбежное — то, что должно было произойти рано или поздно: «люди Русской земли» были допущены к отправлению официального княжеско-дружинного

культа. По прямому свидетельству Иакова Мниха, «на холме, еде же стояше кумир Перун и прочии... творяху потребы князь и людье». Владимиру, воспитанному в словенском Новгороде и потому наименее «русскому» из всех предшествовавших ему киевских князей, было легче других решиться на этот шаг, тем более что им двигала насущная политическая потребность наладить прочные доверительные отношения с киевским обществом.

Разумеется, нет речи о том, что «религиозная реформа» Владимира знаменовала собой полное слияние руси со славянами и завершение формирования этнически однородного сообщества — русского народа, или древнерусской народности. Но, вынося «русских идолов» за пределы «двора теремного» для всеобщего поклонения, Владимир показывал, что отныне «русский князь» не проводит этнической границы между «русью» и остальными подданными. Предводитель дружины желал быть князем земли, выразителем общеземского интереса, и это означало, что «князь с дружиной из вооруженной силы превращается в политическую власть»⁶⁴.

Летописное сообщение о сооружении кумирни в Киеве имеет продолжение: «Володимир же посади Добрыню, уя своего, в Новегороде. И пришед Добрыня Новугороду, постави Перуна кумира над рекою Волховом, и жряхуть ему людье ноугородьстии акы богу». Историческая достоверность этого известия невелика. К тому времени ильменские словене почитали Перуна уже не менее ста лет, о чем свидетельствуют археологические раскопки в святилище Перынь, располагавшемся неподалеку от Новгорода (в IX—X вв. оно представляло собой круглую площадку диаметром 35 м, в центре которой находился пьедестал для деревянного истукана, вырезанного из бревна размером около 60 см в поперечнике). Видимо, кто-то из позднейших редакторов Повести временных лет использовал для данной заметки новгородские предания о Добрыне — крестителе Новгорода и Словенской земли, которые создавались по аналогии с эпосом о Владимире — крестителе киевлян и Русской земли; таким образом, Добрыня, следуя симметричной схеме жития Владимира, на

протяжении девяти лет оказался вначале насадителем языческого культа, а потом ниспровергателем им же самим поставленных идолов⁶⁵.

Человеческие жертвоприношения

Вместе с «русскими» богами глазам киевских «людей» предстал и самый отвратительный обычай «русского» культа — человеческие жертвоприношения: «...и привожаю [на холм, к кумирам] сыны своя и дщери, и жряху бесам, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровью земля Руска и холм тот».

О ритуальных убийствах у русов в разное время писали византийские, арабские, немецкие авторы; их известия находят подтверждение в материалах археологии. Однако данное сообщение Повести временных лет не может встать в один ряд с этими достоверными показаниями, так как оно является почти дословным заимствованием из так называемой «Речи философа» — самостоятельного произведения западно- или южнославянской церковной литературы второй половины IX — начала X в., включенного летописцем в историю обращения Владимира. «Посем же дьявол в большее прельщение вверже человеки, — сказано там, — и начаша кумиры творити, ови древяны, ови медяны, другие мраморяны, а иные златы и сребряны; кланяхуся и привожаю сыны своя и дщери, и закалаху пред ними, и бе вся земля осквернена».

Данный фрагмент «Речи философа», в свою очередь, восходит к 105-му псалму: «...служили истуканам их... и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским, — и осквернилась земля кровью...» (Псалтирь, 105: 37—38).

Впрочем, обвинить летописца в голой литературщине тоже нельзя. Закланье русами на алтаре юношей и девиц и даже грудных младенцев удостоверено свидетельствами патриарха Фотия, Льва Диякона, составителем Жития Стефана Сурож-

ского. Правда, во всех этих случаях речь идет об иноземных пленниках. Сомнению, таким образом, подлежит не сам факт принесения в жертву на киевском «холме» молодежи обоего пола, а выбор русами для кровавого культового действия собственных детей. Эта якобы «историческая» подробность, безусловно не имеющая никакого отношения к «русскому» язычеству конца X в., навеяна исключительно библейскими ассоциациями: «...стали грешить сыны Израилевы перед Господом Богом своим... и проводили сыновей своих и дочерей своих чрез огонь» (4 Цар., 17: 7, 17); «и устроили высоты Ваалу, чтобы сожигать сыновей своих огнем во всесожжение Ваалу...» (Иер., 19: 5) и т. д.

Другие (внелетописные) литературные свидетельства, которыми иногда пытались подкрепить летописное сообщение — как, например, восклицание митрополита Илариона, противопоставившего в «Слове о законе и благодати»⁶⁶ новые времена старым: «Уже не приносим друг друга в жертву бесам!», или перекликающиеся с ним слова Кирилла Туровского из его проповеди в Фомину неделю: «Отселе бо не приемлетъ адъ требы, заколаемыхъ отцы младенецъ, ни смерть почести: преста бо идолослужение и пагубное бесовское насилие», — по-видимому, имеют тот же ветхозаветный источник.

Варяги-мученики

Известие о кумирах и человеческих жертвоприношениях представляет в Повести временных лет как бы пролог к истории о варягах-мучениках, отце и сыне, которая отодвинута на 983 г., хотя, возможно, когда-то была неотъемлемой частью сказания о борьбе Владимира с Ярополком. Говорится, что после похода на ятвягов Владимир «иде к Киеву и творяше потребу кумиром с людьми своими. И реша старцы и бояре: «Мечем жребий на отрока и девицу; на кого же падеть, того зарежем богам». В Киеве жил один варяг, двор его стоял на том месте, «идеже есть [ныне] церкви святая Богородица [Десятинная]». Этот человек «пришел из грек, и держаше веру

хрестеяньску». У него был сын «красен лицом и душою», на которого и пал роковой жребий. Посланники от киевлян пришли на двор к варягу и сказали: «Паде жребий на сын твой... да створим требу богам». Варяг отвечал: «Не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изгнеетъ; не ядять бо, ни пьют, ни молвят, но суть делани руками в дереве. А Бог есть един, ему же служат греци и кланяются, иже створил небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и дал есть ему житии на земли. А си бози что сделаша? Сами делани суть. Не дам сына своего бесам». Послы поведали обо всем киевлянам. Тогда горожане вооружились и силой вломились на двор к варягу, «он же стояше в сенех с сыном своим». Толпа потребовала выдать сына. «Он же рече: «Аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сын мой. А вы чему претребуете им [зачем хлопочете за них]?» Обозленные киевляне «посекоша сени под нима, и тако побиша их. И не свестъ никтоже, где положиша их».

В целом «варяжскую» новеллу под 983 г. можно считать ценным историческим сообщением (за исключением богословского спора варяга с киевлянами, состоящего из общих мест, взятых из современной летописцу антиязыческой церковной литературы⁶⁷, а также топографической привязки места действия к будущей территории церкви Богородицы, поскольку летописная запись под 991 г. о возведении этого храма умалчивает о якобы произошедшей здесь некогда драме). Поруккой достоверности сказания о варягах-мучениках служит безымянность двух его главных героев, ибо благочестивая легенда, конечно, не преминула бы назвать их по именам⁶⁸.

Однако конкретный исторический смысл внезапного столкновения киевских христиан с язычниками лежит отнюдь не на поверхности. Нас не может не озадачить то весьма странное обстоятельство, что в число потенциальных жертв, на кого метали жребий, было включено христианское население Киева, которое к тому же еще и не было поставлено в известность относительно происходящего, ибо варяг-отец, как выясняется, ничего не знал о предуготованной его сыну участи вплоть до появления на его дворе возбужденных язычников, пришедших

за намеченной жертвой. Само по себе случившееся выглядит беспрецедентным, не поддающимся никакому объяснению событием, особенно если считать инициаторами «жребия» язычников-киевлян, к чему, собственно, и предрасполагает летописный текст. Между тем такое его понимание явным образом противоречит широко известному гостеприимству русов, о котором с большой похвалой отзывались средневековые арабские писатели, и не только они. Вот, например, свидетельство Ибн Русте: «Гостям [русы] оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо. Они не позволяют никому из своей среды грабить и обижать таких пришельцев; если кто-нибудь из пришельцев жалуется им на причиненный вред или обиду, они оказывают ему помощь и защищают его». Но ведь киевские варяги — отец и сын — именно и были такими пришельцами, находившимися под защитой закона русского.

Чтобы добраться до истины, следует обратиться к показанию немецкого хрониста XII в. Гельмольда о человеческих жертвоприношениях главному божеству славянского Поморья Святовиту. Святилище его находилось на острове Рюген, и местные жители (славяне-руги, или ране) «в знак особого уважения... имели обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека — христианина, какого укажет жребий». Это единственная аналогия обычаю, о котором ведет речь Повесть временных лет. Притом нужно принять во внимание, что христиане, приносимые в жертву Святовиту, были захваченными на войне пленниками.

Вытекающий отсюда вывод состоит в том, что сказание о варягах-мучениках первоначально (до включения его в летопись) не было продолжением рассказа о воздвижении кумиров, а венчало повесть о захвате Киева Владимирowymi «варягами». Среди того «зла», которое они, согласно летописи, сотворили тогда киевлянам, до конца поддерживавшим христианина Ярополка, было, вероятно, и требование почитать «варяго-русских» богов христианской кровью, как это было в обычае в славянском Поморье. Наемная дружина Владимира считала Киев своей законной добычей: «Се град наш; мы его

прияхом...», — а по господствовавшему тогда мнению, побежденный был грешником, разгневавшим божество⁶⁹. Естественно, что киевские христиане яростно воспротивились насаждавшимся «варяжским» порядкам, и, по всей видимости, Владимир должен был своей властью прекратить языческие бесчинства, которые грозили настроить против него влиятельную христианскую общину Киева.

Совместные культовые действия

Ближайшим следствием «религиозной реформы» Владимира, то есть учреждения совместных с горожанами культовых действий, стали регулярные приглашения на «двор теремный» киевской городской верхушки: «[Владимир] се же паки творяше людем своим: по вся неделя устави на дворе в гридьнице пир творити и приходити боляром и гридем, и соцьским, идесяцьским, и нарочитым мужем...»

Сообщение это помещено в летописи под 996 г., но мы вправе перенести его на полтора десятилетия назад, так как пиры в княжеском тереме являлись неотъемлемой чертой дружинного быта языческой эпохи. Для Владимира это был еще один способ привлечь к себе киевлян, выступить перед ними в роли общеземского князя. Чтобы вполне оценить всю необычность этой картины — пиршества горожан за одним столом с дружинной русью, — нужно помнить, что княжеский пир издревле был актом обрядовым, во время которого князь и дружинники «ставили трапезы», то есть приносили жертвоприношения своим богам⁷⁰. Пирующие были не только соратниками, но также и единоверцами, служителями корпоративного культа, закрытого от иноземцев и непосвященных. Владимир нарушил обрядовую замкнутость дружинного пиршества-моления. Разрешив киевлянам класть требы «русским богам», он допустил их и на «двор теремный». Тем самым градские «нарочитые мужи» были включены в состав ближнего княжеского совета, в кругу которого Владимир «думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем».

Глава 2

ВОЙНЫ ВЛАДИМИРА
(ДОХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД)

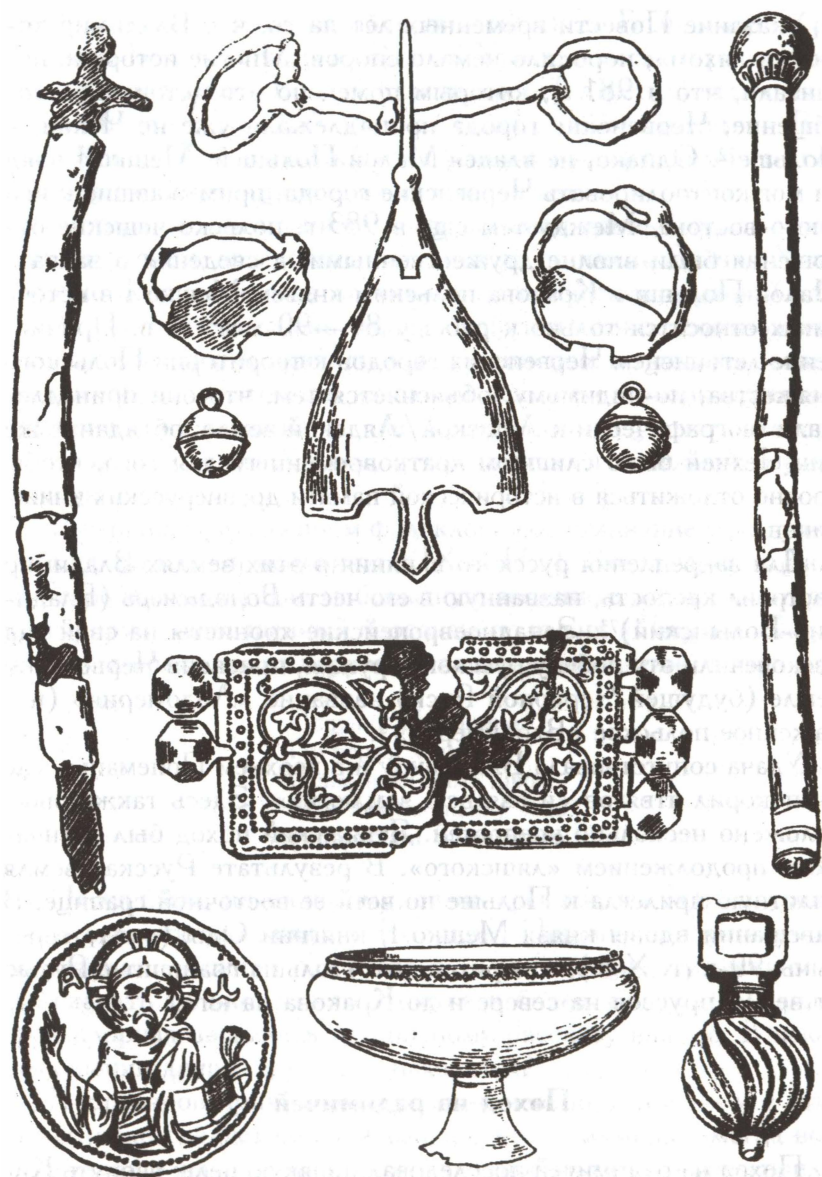
На западных границах

Заручившись поддержкой киевлян, Владимир смог принять в конце 70-х — первой половине 80-х гг. X в. ряд больших военных походов в порубежные земли. Летописная хронология каждой из «языческих» кампаний Владимира ненадежна, поэтому имеет смысл не следовать ей, а рассмотреть направления экспансии: западное (войны с ляхами и ятвягами), северное (присоединение радимичей) и восточное (походы на вятичей, волжских булгар, хазар).

Этот внезапный всплеск военной активности отвечал интересам всех наличных политических сил Русской земли: молодой князь желал укрепить свою репутацию удачливого, то есть любимого богами вождя; дружину прельщала перспектива получения новых даней; киевляне ожидали притока в город обильной добычи, рабов и восстановления международного авторитета Русской земли, сильно пошатнувшегося после гибели Святослава и последовавших за ней внутренних неурядиц. Восстановленное единство Руси обеспечило успех военным предприятиям Владимира. «И побежаше вся врагы своя, и бояхутся его все. Идеже идяше, одолеваше», — пишет Иаков Мних.

Выбор противника, по которому был нанесен первый удар, достаточно показателен и далеко не случаен в свете религиозно-политических мероприятий Владимира, направленных на сближение с городской общиной Киева. Им стал чешский князь Болеслав II, бывший союзник Владимира по антикиевской коалиции. Взойдя на киевский престол, Владимир как бы подхватил меч, только что выбитый им же самим из рук Ярополка, чтобы силой вернуть Русской земле захваченные Чехией карпатские области. Поход увенчался успехом: «Иде Володимер к ляхом и зая грады их Перемышль⁷¹, Червен и ины грады, иже суть и до сего дьне под Русью».

КНЯЖЕНИЕ ВЛАДИМИРА

Вооружение русского воина из погребения X в. «Таганча»
(по Хойновскому)

Указание Повести временных лет на то, что Владимир ходил «к ляхом», породило немало споров. Многие историки считали, что в 981 г., которым помечено это летописное сообщение, Червенские города принадлежали уже не Чехии, а Польше⁷². Однако, не владея Малой Польшей, Мешко I вряд ли мог контролировать Червенские города, примыкавшие к ней с юго-востока. Между тем еще в 983 г. польско-чешские отношения были вполне дружественными, а сведения о захвате Малой Польши и Кракова польским князем Мешко I в источниках относятся только к рубежу 80—90-х гг. X в. Причисление летописцем Червенских городов к территории Польского княжества, по-видимому, объясняется тем, что они принадлежали географически к Ляшской/Лядской земле; обладание же ими Чехией было слишком кратковременным для того, чтобы прочно отложиться в исторической памяти древнерусских книжников.

Для закрепления русского влияния в этих землях Владимир построил крепость, названную в его честь *Володимерь* (Владимир-Волинский)⁷³. Западноевропейские хронисты на свой лад увековечили эту победу русского оружия, присвоив Червенской земле (будущей Червонной Руси) название «Лодомерия» (искаженное польское «Влодимерия»).

Удача сопутствовала Владимиру и в верхнем Понеманье, где он покорил ятвягов «и взя всю землю их». Здесь также было заложено несколько крепостей. Ятвяжский поход был логическим продолжением «ляшского». В результате Русская земля вплотную прилегла к Польше по всей ее восточной границе. В завещании вдовы князя Мешко I, княгини Оды (около середины 90-х гг. X в.), говорится, что Польша граничит с Русью от земли пруссов на севере и до Кракова на юге.

Поход на радимичей

Поход на радимичей преследовал двоякую цель: вернуть Киеву бывших данников и расчистить путь на север, к Новгороду. В отличие от предыдущих сообщений здесь Повесть временных

лет вдается в некоторые подробности: «Иде Володимер на радимичи. Бе у него воевода Волчий Хвост, и посла и [его] Володимер перед собою, Волчья Хвоста; сrete [встретил] радимичи на реце Пищане⁷⁴ [правый приток Сожи], и победи радимиче Волчий Хвост. Тем и русь корятся [смеются над] радимичем, глаголюще: «Пищаньци волчья хвоста бегают».

Историки, как правило, воспринимали данный текст с полным доверием, вследствие чего воевода по имени Волчий Хвост прочно обосновался на страницах исторических трудов. Осталось как-то незамеченным, что действительное соотношение между историей и приведенной летописцем поговоркой совершенно обратное, то есть на самом деле не поговорка увенчала исторические события, а, наоборот, летописец выстроил свой рассказ о Волчьем Хвосте, отталкиваясь от знакомой ему поговорки.

В украинском песенном фольклоре воспоминание о ней удержалось до второй половины XIX в. Н.И. Костомаров записал в Старобельском уезде любопытную весеннюю песню, в которой фигурирует таинственный персонаж по имени «Пищано, Пищанино», а волк срамит парубков, задирая перед ними хвост:

Пищано, Пищанино,
По березі ходило...
Ишов вовк мимо дівок,
Усім дівкам шапку зняв,
А парубкам хвіст підняв.

Песня была, по-видимому, очень древней, и к XIX в. смысл ее был полностью забыт. «Что такое «Пищано, Пищанино» — непонятно, — пишет Костомаров, — да поющие эту песню могли сказать только, что так поется и более ничего»⁷⁵. Однако фольклорная параллель летописному рассказу налицо. В каком отношении друг к другу они находятся?

Костомаров признал совершенно невероятным — и с этим безусловно следует согласиться, — чтобы летопись могла воздействовать на песенное народное творчество. Скорее придется предположить другое, а именно бытование в Южной Руси XI—XII вв. обрядовой песни, упоминавшей в связи с

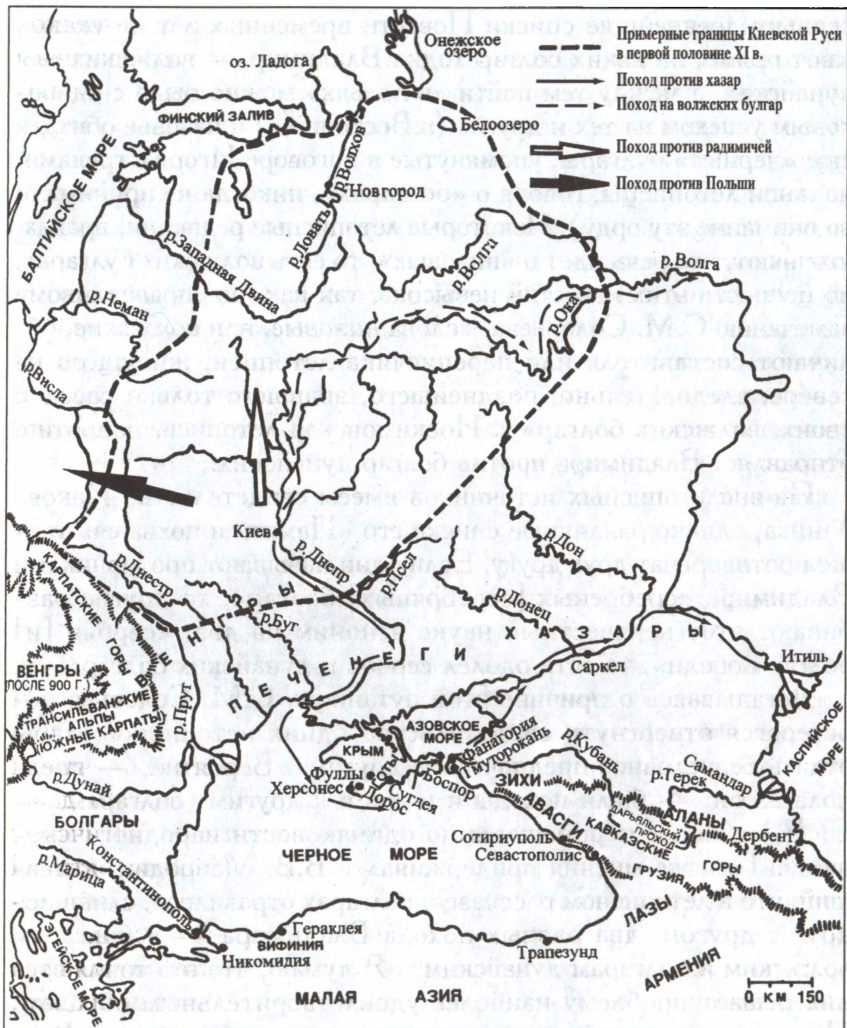
неким «Пищано» (возможно, каким-то персонажем языческой мифологии) волка и его хвост. Исполняемые под эти распевы обрядовые действия коротко резюмировала известная нам поговорка. Летописец усмотрел в загадочном «Пищано, Пищанино» знакомое ему название реки Пищань, а в победоносном волчьем хвосте, обращающем в бегство «пищаньцев»⁷⁶ (участников «пищаньской» мистерии?), — воеводу по имени Волчий Хвост (согласно Новгородской I летописи, в 1019 г. воевода с таким именем сражался на стороне Святополка против Ярослава в битве на Альте). В итоге первоначальная хроникальная запись «иде Володимер на радимичи и победи радимичи на реце Пищане» превратилась в небольшую новеллу с участием нового «исторического лица» — воеводы Волчьего Хвоста и с заключительным *moralite* в виде юмористической поговорки.

Войны с вятичами и волжскими булгарами

На востоке Владимир шел по стопам своего отца и бабки, пытавшихся в 965—969 гг. «примучить» под дань племена и народы Волжско-Окского бассейна. Больших усилий стоило ему покорение вятичей — потребовалось два похода, чтобы поставить их в данническую зависимость от Киева. Но даже после этого Владимир не смог поручить управление Вятической землей княжескому посаднику. Племенные старейшины вятичей цепко держали власть в своих руках, препятствуя действительному слиянию Приокских территорий с Русской землей.

В заметке о походе Владимира на болгар опять появляются «исторические» детали и даже прямая речь действующих лиц: «Иде Володимер на болгары с Добрынею, с уем своим, в лодях, а торки [древнерусское название гузов] берегом привеле на коних: и победи болгары. Рече Добрыня Володимеру: «Сглядах колодник [я видел пленников], и суть вси в сапозех. Сим [эти люди] дани нам не даяти, поидем искать лапотников»⁷⁷. И створи мир Володимер с болгары и роте заходиша [клялись] межю собе, и реша болгаре: «Толи [тогда только] не будеть

КНЯЖЕНИЕ ВЛАДИМИРА

Походы князя Владимира до 986 г.

межу нами мира, оли [когда] камень начнет плавати, а хмель почнет тонуть». И приде Володимер Киеву».

Извлечь из этого текста исторически достоверные факты не просто. Запинка возникает при чтении первой же строки, по-

сколько древнейшие списки Повести временных лет не указывают прямо, на каких болгар ходил Владимир — волжских или дунайских, а между тем пойти «в лодьях» можно было с одинаковым успехом на тех и других (в Восточном Приазовье обитали еще «черные» булгары, упомянутые в договоре Игоря с греками, но наши летописцы, говоря о «болгарах», никогда не принимали во внимание эту орду). Некоторые летописные редакции, правда, уточняют, что речь идет о «низовых», то есть волжских булгарах, но ценность этих известий невысока, так как, по справедливому замечанию С.М. Соловьева, «слова низовые, или волжские, отличают составителя или переписчика летописи, живущего на севере, следовательно, позднейшего, знавшего только соседей своих, волжских болгар»⁷⁸. Иоакимовская летопись, напротив, отправляет Владимира против болгар дунайских.

Из внелетописных источников имеем свидетельство Иакова Мниха, однако различные списки его «Памяти и похвалы» также противоречат друг другу. Если одни называют противниками Владимира «сребренных [серебряных] болгар», то другие разбивают этот неизвестный науке этноним на два: «сербян [и] болгар победы», то есть одолел сербов и дунайских болгар.

Догадываясь о причине этой путаницы, С.М. Соловьев поостерегся отвергнуть свидетельство одних источников, дабы отдать безусловное предпочтение другим. «Вероятно, — предполагал он, — были походы и к тем и к другим (болгарам. — С. Ц.) и после перемешаны по одинаковости народного имени»⁷⁹. Того же мнения придерживался В.В. Мавродин, писавший, что в летописном рассказе о булгарах отразились, слившись друг с другом, два разных похода Владимира — к болгарам волжским и болгарам дунайским⁸⁰. Я думаю, что эта точка зрения решает проблему наиболее удовлетворительным образом. Ниже мы увидим, какие доводы имеются в пользу походов Владимира на Дунай, а пока что рассмотрим аргументы, говорящие за то, что и Волжская Булгария входила в число стран и земель, затронутых завоевательной политикой Владимира.

Их, в общем, всего два, и оба они косвенные. В литературе давно высказывалась мысль, что этнический термин Иакова Мниха «сребренные болгары» (упомянутые еще и летописью

Изображение великого князя Владимира Святославича на древнем знамени.
Реконструкция. Художник Ф. Солнцев. XIX в.

в качестве синонима волжских булгар, в статье о походе князя Всеволода Юрьевича на Волгу в 1182 г.) является буквальным переводом племенного названия «нукратские болгары» (от арабского «нукрат» — серебро). И хотя такой этноним в средневековых источниках не встречается, однако на территории Волжской Булгарии известно Нухратское городище (недалеко от места слияния Волги и Камы, в бассейне реки Актай, левого притока Камы). В более поздние времена «рекою Нухрат» (Нократ-суы, Нократ иделе) татары называли Вятку, а одна из локальных групп татарского народа, поселившаяся в бассейне реки Чепцы (левого притока Вятки), до сих пор носит имя «нухратских татар»⁸¹.

Еще более прозрачный намек на то, что столкновение Владимира с болгарами произошло на волжской земле, содержится в летописном тексте. Весьма показательно то сильное впечатление, какое произвели на Добрыню болгарские пленники, поголовно обутые в сапоги. Между тем от арабских писателей мы знаем, что волжские булгары были превосходными мастерами сапожного дела, и поставлявшиеся ими на экспорт сапоги из юфти на Востоке так и назывались — «булгари».

Но если летопись и позволяет узнать место действия — Волжскую Булгарию, — то исторические реалии самого похода оказываются безнадежно искажены фольклорными наслоениями и привнесением в историческую действительность конца X в. примет современной летописцу жизни. Составитель, или, может быть, позднейший редактор Повести временных лет, несомненно воспользовался здесь какой-то былью о Добрыне, который, как легко заметить, собственно, и выступает в летописи главным героем похода на волжских булгар. О существовании в XI—XII вв. самостоятельного эпического произведения, послужившего источником для болгарского сообщения Повести временных лет, со всей очевидностью свидетельствует вложенная в уста Добрыне ироническая сентенция о лапотниках, не имеющая продолжения в дальнейшем летописном повествовании, где сразу после болгарского похода следует рассказ о крещении Владимира (по Иакову Мниху, победив «сребренных болгар», Владимир отправился воевать с хазарами — тоже отнюдь не «лапотниками»).

Фольклорное (южнорусское) происхождение имеет и образная клятва болгар, которую, конечно, никак нельзя принять за формулу официального ручательства. В старых казачьих песнях казак, прощаясь с семьей, нередко говорит сестре (или матери), что, когда камень будет плавать, а перо или хмель («тонка хмелина») тонуть, тогда он приедет в гости к своим родным⁸². Для датировки возникновения сказания о походе на волжских булгар небезынтересен и такой факт: западноевропейские источники впервые упоминают о хмеле в пиве (немецкого производства) в 1079 г.

Сведения об участии в походе Владимира союзников-торков недостоверны по двум причинам. Во-первых, степнякам было бы чрезвычайно трудно сопровождать русскую флотилию «берегом на коних» из-за топографических условий местности — сплошных лесных массивов, болот и т. д. Последующие сообщения летописи о походах русских дружин на волжских булгар предполагают перемещения русского войска исключительно по воде. Так, в Никоновской летописи под 1205 г. прямо говорится, что великий князь владимирский Всеволод Юрьевич послал на болгар судовую рать. Единственный пример использования кочевников (половцев) для ведения военных операций против волжских булгар приводит под 1220 г. Симеоновская летопись (летописный свод конца XV — начала XVI в.). Но и тогда половцы не шли «берегом на коних», а были посажены в русские ладьи и доставлены под город Ошель, где «изыдоша из лодии половци пеши в поле».

Второе, что вызывает сомнения в достоверности упоминания торков в связи с походом Владимира на волжских булгар, — это явная анахроничность данного известия. В конце X в. степная территория между Днестром и Волгой еще всецело принадлежала печенегам. Гузская (торкская) орда появилась на дальних окраинах южнорусских степей не раньше второй трети XI в., после ухода печенегов в Подунавье, а вплотную подошла к границе Русской земли в середине этого столетия. Первую стычку с торками летопись датирует 1055 г.: «В то же лето иде Всеволод [Ярославич] на торкы... и победи торкы». Сообщения же о совместных военных выступлениях русских князей с торками

(против половцев) появляются в наших летописях с 80—90-х гг. XI в. Видимо, тогда-то, волею летописца, перенесшего в прошлое реалии своего времени, торки и попали в союзники князя Владимира.

Правитель волжских булгар был в состоянии выставить в поле грозную по тем временам военную силу — по оценкам арабских писателей, от 10 до 20 тысяч всадников, в кольчугах и полном вооружении⁸³. Одолеть это войско было нелегко. Анонимное персоязычное сочинение «Границы мира» (Худуд аль-Алам, начало 80-х гг. X в.) сообщает, что «со всяким войском кафиров [неверных], сколько бы его ни было, они [волжские булгары] сражаются и побеждают». Главные городища булгар были укреплены по всем правилам фортификационного искусства своего времени.

Можно предположить, что дружина Владимира разграбила пограничные северные области Волжской Булгарии — земли «серебряных» (нухратских) булгар, в бассейне слияния Волги и Камы. Но затем подход основных сил булгарского войска из расположенных южнее Булгара, Суvara, Биляра, по всей видимости, заставил русов прекратить грабежи и искать примирения, чтобы подбру-поздорову уйти восвояси. Во всяком случае, взять с булгар дань не удалось. Мирный договор заключил не победитель с побежденным, а равный с равным, и, кажется, соглашение с булгарами не принесло Русской земле ощутимых выгод.

Разгром Хазарии

Относительный неуспех набега на Волжскую Булгарию был заглажен в походе на Нижнюю Волгу, где Владимир наголову побил хазар. В данном случае, кроме краткого сообщения об этом Иакова Мниха: «и на козары шед, победы их и дань на них положи», у нас, по счастью, есть современные свидетельства арабских писателей, в известной мере позволяющие восстановить ход событий.

В 70—80-х гг. X в. хазарские беженцы, пережившие русский погром Итиля 968/969 г., вновь заселили опустевшие

низовья Волги. Вместе со своим народом в родные места вернулся и царь Хазарии. Формально каганат был восстановлен, но это было государство-призрак, нежизнеспособное и едва контролирующее узкую степную полосу между Итилем и Таманью, а также небольшой участок земли на северо-западном побережье Каспийского моря; хазарская столица Итиль, бывшая некогда крупнейшим городом Поволжья и Северного Кавказа, так никогда и не возродилась в былом виде.

Набеги гузов — северных соседей Хазарии — грозили ей полным исчезновением. В поисках защиты хазарский царь обратился к шаху Хорезма, который укротил степняков, но в качестве платы за помощь потребовал, чтобы хазары отказались от иудейства и приняли ислам. Отчаявшись собственными силами отстоять свою государственность, хазары в очередной раз поменяли веру. Однако Аллах остался так же глух к их надеждам, как и Яхве. Приблизительно в середине 980-х гг., как пишет современник, арабский ученый аль-Мукаддаси, «войско, пришедшее из ар-Рума и называемое ар-Рус, напало на них [хазар] и овладело их страной». Поскольку арабское «ар-Рум» буквально означает Византию, в данном случае это, очевидно, соседнее с византийскими владениями в Крыму «русское» побережье Таврики. Стало быть, Владимир напал на Хазарию из Тмутарокани и, вероятно, при поддержке дружин своего брата Сфенга, вождя черноморской руси. Потерпев поражение в первой же стычке, хазары прекратили сопротивление — всем еще слишком памятен был 968/969 г., когда разъяренные русы не оставили в опустошенной стране «ни винограда, ни изюма».

Захват Владимиром Итиля грозил перерасти в вооруженный конфликт с Хорезмом. Однако, согласно несколько темному показанию Ибн Хаукаля, хазары сами умоляли шаха Хорезма, их нового покровителя, не затевать войну и позволить им заключить с русами договор, чтобы «они [хазары] были бы покорны им [русам]». По всей видимости, как следует из слов Иакова Мниха, хазарское население было обложено данью в пользу русского князя. Повесть временных лет (в легенде о «хазарской дани») также замечает: «...володеють бо козары русьскіи князи и до днешнего дне». Правда, вряд ли сбор дани осуществлялся со

всей территории каганата. В ряде восточных источников говорится об оккупации в 90-х гг. X в. приволжских городов Хазарии войсками хорезмийского шаха. С другой стороны, сомнительно, чтобы русские князья владели поволжскими хазарами «до днешнего дне», когда писалась Повесть временных лет, то есть в конце XI — начале XII в., поскольку тогда в Дикой степи безраздельно господствовали половцы. Поэтому наиболее вероятно, что русы и хорезмийцы разделили сферы влияния в Хазарии, и Владимир (а также последующие русские князья) собирал дань только с западных хазар, живших в Крыму и по соседству с «русской» Таврикой, между Доном и Кубанью.

Зажатый между Русью и Хорезмом Хазарский каганат был низведен на последнюю степень ничтожества. С конца X в. его сильно поредевшее население ютилось в полуразрушенных городах, где еще сохранялось какое-то подобие стабильности. Характерно, что византийские и западноевропейские писатели XI—XII вв., говоря о Хазарии, подразумевают под ней уже только Крым, в котором еще долгое время существовала довольно многочисленная община хазарских иудеев (караимов).

Поставив в данническую зависимость западную часть Хазарии, Владимир присвоил себе титул кагана («великим каганом земли нашей» величает его митрополит Иларион в своем «Слове о законе и благодати»). То был обдуманый политический шаг. Русские князья издавна стремились к международному признанию своего титула «великий князь русский», который, однако, в иерархии правителей Восточной и Западной Европы котируется довольно низко, в одном ряду с племенной титулатурой вождей печенегов и венгров. Поэтому начиная с Игоря, как о том свидетельствует Константин Багрянородный, киевские князья стремились повысить международный престиж своего «княжения», домогаясь «царских венцов» от византийских императоров. Византия со своей стороны проявляла крайнюю неуступчивость в этом вопросе.

И вот Владимиру представился удобный случай решить проблему титулования другим способом — за счет присвоения себе титула кагана, который обладал неоспоримым авторитетом не только среди народов Восточной Европы, но и при константино-

польском дворе, где хазарского кагана в официальных документах именовали «наиблагороднейшим и наиславнейшим». Тяга «робичича» к пышным титулам вполне понятна и с психологической стороны. Вместе с тем принятие Владимиром титула хазарского владыки «не сопровождалось заимствованием каких-либо элементов государственно-административной системы Хазарии. Более того, реальный статус хазарского кагана, который, согласно тюркским обычаям, мог стать объектом жертвоприношения, вряд ли воспринимался первыми правителями русов как привлекательная модель организации верховной власти. О претензиях русских князей на «хазарское наследство» можно говорить только в смысле территориальном — как об этом сказано в Повести временных лет: «Владеют русские князья хазарами и по нынешний день»⁸⁴.

Принимая титул кагана, Владимир заявлял о себе как о могущественнейшем и, по сути, единственном законном правителе Восточной Европы — от Дона и Волги до Карпат и от Балтийского до Черного моря. Это был вызов, обращенный ко всем окрестным государям, но прежде всего — к императору Византии. «И единодержец быв земли своеи, покорив под ся округняа страны, овы [одни] миром, а непокорливыа мечем, и тако ему... землю свою пасущу правдою, мужьством же и смыслом...» — подводит итог дохристианского правления Владимира митрополит Иларион. Государственное величие Русской земли, опиравшееся на материально-идеологические ресурсы языческого общества, достигло своего предела. Дальнейшее развитие ее государственного суверенитета было невозможно без коренного преобразования религиозно-политических основ княжеской власти.

Глава 3

ОБРАЩЕНИЕ ВЛАДИМИРА В ХРИСТИАНСТВО

Повесть временных лет о крещении Владимира

Официальный переход Руси от язычества к христианству — единственный подлинный переворот в русской истории — имеет странную историографическую судьбу. Запечатленный во

многих наших древних памятниках, он остается, так сказать, невидимым и неосязаемым для исторического знания. И это притом, что Повесть временных лет на первый взгляд отнюдь не обделила вниманием духовное преображение Владимира. Достаточно сказать, что на повествование о принятии им христианства приходится больше половины от общего числа летописных страниц, посвященных его княжению. Но доверие к этим известиям как к основе наших знаний об обстоятельствах крещения Владимира и Русской земли было подорвано еще в дореволюционный период⁸⁵. С тех пор в научной среде ширится осознание того поразительного факта, что у исследователя нет почти никакой возможности опереться в этом вопросе на данные древнерусского летописания и агиографии, которые являют собой вторичный литературный материал, по большей части напрочь лишенный какого бы то ни было реального исторического содержания.

Житийная легенда, вставленная в состав Повести временных лет под 986—988 гг., неожиданно превращает князя Владимира — до сей поры неистового язычника и отважного предводителя победоносных русских дружин — в «какого-то апатичного, почти индифферентного искателя вер»⁸⁶. Столь же внезапно княжеский двор оказывается наводнен посольствами из разных стран, преследующими одну цель — убедить русского князя в истинности своего вероисповедания. Болгары (волжские, то есть мусульмане), «немцы» (католики) и «жидове козарстии» (хазарские иудеи) поочередно излагают перед Владимиром сущность своих религий. Но Владимир не приемлет ни того, ни другого, ни третьего.

Ислам вроде бы поначалу приглянулся ему своим обещанием загробного блаженства в обществе семидесяти прекрасных гурий, «бе бо сам любя жены и блуженье многое»; но услышав об «обрезанье удов и о неяденьи мяс свиных, а о питьи отнудь», Владимир рек: «Руси есть веселье питье, не можем без того быти».

Немцы учили гастрономические пристрастия князя и заявили об умеренных диетических «заповедях» католичества: «пощение по силе; аще ли ясть кто и питъ, то все во славу Божию,

рече учитель наш Павел». Тем не менее Владимир выпроводил и их: «идите опять [обратно], яко отцы наши сего не прияли суть».

Неосторожное признание иудейскими проповедниками того, что за многие грехи еврейского народа Бог «расточил» его по чужим землям, вызвало у Владимира законное опасение насчет исторических перспектив для Русской земли в случае принятия ею «жидовства»: «...аще бы Бог любил вас, то не бысте расточени по чюжим землям; егда и нам мыслите то же зло прияти?»

Последним приезжает в Киев греческий «философ», который в длиннейшей (более 5000 слов) речи разоблачает перед Владимиром пагубные заблуждения и скверные обычаи болгар, «жидов» и «немцев», а затем, не всегда сверяясь с первоисточником, излагает ему ветхо- и новозаветную историю, «что ради сниде Бог на землю». Слова «философа» западают князю в душу, однако он решает «пождать еще мало», желая «испытати о всех верах».

И вот уже из Киева во все стороны едут княжеские послы, чтобы своими глазами увидеть, «кто како служит Богу». Побывав в мусульманской мечети, католическом костеле и в цареградской Святой Софии, Владимировы «мужи» возвращаются в Киев, где убеждают князя, что православная церковная служба по красоте своей не сравнится ни с какой другой на свете. К этому эстетическому аргументу в пользу греческого исповедания они добавляют исторический довод, ссылаясь на то, что «аще [был] бы лих закон греческий, то не бы баба твоя Ольга прияла, яже бе мудрейши всех человек». Владимир окончательно склоняется на сторону греческого православия. Остается выбрать место крещения. Князь спрашивает своих «мужей», где ему надлежит креститься, и слышит в ответ: «...где, господине, любо».

Спустя год после этого Владимир со своей дружиной выступает в поход на Корсунь и принуждает город к сдаче. Оттуда он шлет послов к византийским императорам Василию и Константину, требуя себе в жены их сестру, царевну Анну, и угрожая в случае отказа осадить Царьград. Испуганные «цари»

отсылают протестующую Анну в Корсунь, предварительно получив от Владимира согласие на принятие им крещения. Тут в дело вступает промысел Божий, насылающий на гордого русского князя слепоту. Владимир недоумевает, как ему теперь быть. Тогда Анна советует ему быстрее креститься, дабы на деле познать величие христианского Бога. И точно, как только корсунский епископ «с попы царицины» совершили над Владимиром обряд крещения, пелена тотчас спала с его очей. Прославив Всевышнего, князь обвенчался с Анной, вернул грекам Корсунь в качестве «вена» (свадебного подарка) за невесту и отплыл домой, в Киев, где в том же году совершилось поголовное обращение его жителей в христианство.

Так называемое Житие Владимира особого состава⁸⁷ рассказывает историю крещения Владимира в Корсунь с некоторыми отличиями от летописного варианта. Владимир — ненасытный блудник и многоженец, желая (по внушению дьявола) во что бы то ни стало заполучить в свой гарем двенадцатую жену, шлет послов к правителю Корсунь просить за себя его дочь. Тот отвергает это предложение, ссылаясь на «поганство» (язычество) жениха. Оскорбленный Владимир идет на Корсунь войной и, овладев городом, бесчестит дочь корсунского «князя» в присутствии ее родителей, которых затем убивает. После этого победитель охладевает к опозоренной девушке и сватается к сестре византийских императоров. Дальнейшие события излагаются в соответствии с рассказом Повести временных лет.

Пространному летописному повествованию о крещении Владимира присущи многие недостатки, и в первую очередь — отсутствие сюжетной цельности, ибо Повесть временных лет на самом деле рассказывает не одну, а по крайней мере три истории, почерпнутые из разных источников и сведенные воедино простейшим способом — посредством поочередного их пересказа. Во-первых, это адаптированное к русской почве предание о проповеди представителей трех соперничающих религий (иудаизма, мусульманства, христианства) перед государем, которому предстоит выбор «истинной веры». По всей вероятности, оно восходит к соответствующей еврейской легенде о

принятии хазарским каганом иудейства, широко известной за пределами каганата. Например, арабский писатель XI в. Аль-Бекри в «Книге путей и стран» передает эту историю так: «Причина обращения царя хазар в еврейскую веру после того, как он был язычником, была следующая: он принял христианство, но сознавши ложь своей религии, советовался с одним из своих мерзубанов [наместников] о том, что его в этом деле озабочивало. Тот сказал ему: о царь! обладатели откровенных книг — три разряда людей. Пошли же к ним и разузнай их дело и последуй тем, кто обладает истиной. Вследствие этого он послал к христианам за епископом. А был у него некоторый муж из евреев, ловкий в спорах. Последний начал рассуждать с епископом и сказал ему: что скажешь ты о Моисее, сыне Имране и откровенной ему Торе [Ветхом Завете]? Тот ответил: Моисей — пророк и Тора — истина. Тогда еврей сказал царю: вот он подтверждает истину моей веры... Епископ против этого не мог возразить ничего дельного. И послал царь к мусульманам, и те отправили к нему человека ученого, умного и ловкого в спорах. Но еврей подослал к нему одного человека, чтоб его отравить в пути. Таким образом мусульманин умер; еврей же склонил царя к своей вере, и он стал евреем».

С некоторыми вариациями сказание об «испытании вер» хазарским каганом изложено также в «Хазарской книге» Иегуды бен Галеви и в ответном письме хазарского царя Иосифа к рабби Хасдаю ибн Шафруту (около середины X в.)⁸⁸. Однако древнерусский летописец не ограничился простой перелицовкой этого расхожего предания, дополнив его другим заимствованным произведением — вложенной в уста греческого миссионера «Речью философа», которая, перед тем как попасть на Русь, по видимому, имела хождение в Моравии и Болгарии в качестве истории обращения в христианство моравского князя Ростислава и болгарского князя Бориса (середина 60-х гг. IX в.)⁸⁹.

Второе сказание, использованное летописью — об «изведывании вер» посольскими «мужами» Владимира, — отличается от первого только способом выбора «лучшей» религии. Трудно судить, насколько оно оригинально. Какое-то отдаленное эхо летописной легенды о посольствах, кажется, можно расслышать

в рассказе арабского ученого конца XI — начала XII в. Марвази об «испытании вер» неким «царем русов» Булдмиром/Буладмиром (вероятно, искаженное «Владимир»), вначале принявшим христианство, а затем пожелавшим стать мусульманином. Будучи язычниками, пишет Марвази, русы добывали себе пропитание мечом, «и было их воспитание таким, пока они не приняли христианство... Когда они обратились в христианство, вера притупила их мечи, дверь добычи закрылась за ними, и они вернулись к нужде и бедности, сократились у них средства к существованию. Вот они и захотели сделаться мусульманами, чтобы были дозволены для них набег и священная война... Вот они и послали послов к владельцу Хорезма, четырех мужей из приближенных царя, а у них есть независимый царь, называется их царь Булдмир... Пришли послы их в Хорезм, поведали цель посольства, обрадовался хорезмшах тому, что они захотели стать мусульманами, и послал к ним кого-то, чтобы тот наставил их в законах ислама, и они обратились в ислам».

Разведыванием сущности мировых религий Владимир занимается также в одном анонимном византийском сочинении (так называемый «Аноним Бандури» — по имени его издателя А. Banduri), которое могло послужить источником для соответствующего сюжета Повести временных лет⁹⁰.

Много позднее сложилось польско-литовское предание о враче Иване Смере, половчанине по происхождению, которому Владимир будто бы поручил исследовать веры. Объехав разные земли, Смер добрался до египетской Александрии, откуда отправил князю письмо, вырезанное на медных досках. Суть этого послания сводилась к тому, чтобы Владимир не принимал ни греческую, ни римскую веру, так как чистое апостольское учение сохранилось только в александрийском христианстве. В XVI в. житель Витебска Андрей Колодинский якобы перевел письмо Смера на русский и польский языки, и с тех пор оно хранилось в одном из польских монастырей. В следующем столетии сын польского богослова Андрея Вышеватого, Бенедикт, сообщил эти сведения церковному писателю Христофору Занду, который включил их в свою книгу «Ядро церковной истории». Оттуда известие о Смере попало в «Российскую историю» М.В. Ломо-

носова. Русский ученый предположил, что Смер обратился в Александрии в коптскую ересь, «которая содержит обрезание; чего ради не удостоена Владимирова внимания»⁹¹.

Современная наука разоблачила «письмо Ивана Смера» как фальсификацию XV—XVI вв., вышедшую, по всей вероятности, из среды польско-литовских сочиняиан. Сочиняианское учение относилось к ересям арианского толка, отрицавшим троичность Бога, чем и объясняется восхваление Смером чистоты «александрийского христианства» (ересиарх Арий в конце III — начале IV в. был пресвитером александрийской церкви).

И только третье летописное сказание — о крещении Владимира в Корсунь (так называемая «корсунская легенда») — безусловно является самобытным древнерусским произведением, хотя заимствования отдельных мотивов, вроде предшествующей крещению болезни, вовсе не исключены⁹².

Как можно заметить, каждая из трех использованных летописью легенд с сюжетной стороны вполне самодостаточна, и первые две по своему внутреннему смыслу тоже должны были бы заканчиваться крещением испытавшего веры Владимира. Вероятно, так когда-то и было, и лишь в достаточно поздней редакции Повести временных лет произошло их искусственное сращивание в одно целое посредством плохо мотивированного откладывания Владимиром последнего шага к купели: выслушав проповедников трех религий и греческого «философа», князь решает «подождать еще маленько», чтобы «испытати всех вер», хотя только что всех их «испытал»; а затем, еще раз «испытав» веры через своих послов, он начинает ломать голову над совершенно другой проблемой, которая неожиданно выступает на первый план, заслонив собой все остальные: в каком городе ему следует принять крещение. Ответ, конечно, заранее предопределен существованием «корсунской легенды».

Этот сумбурный и компилятивный рассказ, который даже многим историкам Церкви «представляется совершенно неудовлетворительным, ни логически, ни психологически»⁹³, тем не менее имеет своеобразную логику — логику провиденциализма. Видимо, в свое время она была достаточно убедительна для образованных людей Древней Руси. Благодаря двум характерным

фрагментам текста: словам хазарских «жидов» о том, что «предана бысть земля наша хрестеяном» (крестоносцы удерживали за собой Палестину со второй половины 90-х гг. XI в. до 1187 г.), а также резкому антикатолическому выпадку со стороны «Корсунского епископа» в обращенном к Владимиру вероучительном слове («не принимаи же от латыне учения, их же учение развращено»), из чего с несомненностью явствует полное конфессиональное размежевание с Римской церковью, — можно с уверенностью датировать окончательное оформление сказания о крещении Владимира в составе Повести временных лет XII веком, может быть, даже второй его половиной⁹⁴. В качестве поздней историографической концепции, отразившей дух своего времени, «история крещения, о которой повествуется в летописи, являет собой прекрасный памятник древнерусского (уже христианского) исторического сознания, а также литературной и религиозной жизни и обычаев начала XII столетия»⁹⁵. Но было бы напрасно пытаться обнаружить в ней признаки современного со- бытиям источника.

Вне летописные источники о крещении Владимира

Помимо Повести временных лет есть еще несколько вне- летописных свидетельств, гораздо более близких Владимировой эпохе. Два древнерусских писателя, митрополит Иларион и Иаков Мних, которых от крещения Владимира отделяет всего около полувека, не рассказывают об этом событии литературных сказок, не копаются в обрядовых и бытовых мелочах, будто бы обусловивших религиозный выбор Владимира. Вместе с тем создается впечатление, что и они уже весьма смутно представляли себе причины, подвигнувшие его на этот шаг.

У Илариона больше вопросов, чем ответов: «Како [ты] уверова? Како разгоресе в любовь Христову? Како вселися в тя разум выше разума земных мудрец, чтобы невидимаго возлюбити и о небесных подвигнутися? Како възиска Христа, како предася Ему? Поведай нам, рабом твоим! Поведай, учитель наш, откуда повеяло на тебя благоухание Святого Духа? От-

куду испи памяти будущая жизни сладкую чашу? Откуда вкуси и виде яко благ Господь? Не видел еси Христа, не ходил еси по нем. Как учеником Его сделался? Иные, видевше Его, не вероваша, ты ж не видел уверова... Ведущие бо закон и пророки распяша Его. Ты ж, ни закона, ни пророк не читав, Распятому поклонися. Како разверзлось сердце твое, како вниде в тя страх Божий? Како прилепился любви Его? Не виде апостола, пришедша в землю твою... Не виде, [как] бес изгоняется именем Иисуса Христа, [как] больные исцеляются, немые глаголють, [как] жар в холод превращается, [как] мертвые встают — сих всех не видел, како уверова?»

В поисках объяснения этой разительной и непостижимой перемены в духовном складе благоверного князя Иларион присматривается к случившемуся с разных сторон. То он видит в преображении Владимира глубочайшую духовную тайну, его личный духовный подвиг: «Дивное чудо! Иные цари и властители, видяще [как] все сие сбывающе от святых муж, не вероваша, но на муки и страдания предаша их. Ты же, о блаженный, без всего этого притече ко Христу, токмо от благого смысла и остроумия разумеи яко есть Бог един творец невидимым и видимым, небесным и земным, и яко посла в мир спасения ради возлюбленного Сына Своего. И се осмыслив, [ты] вниде в святую купель».

В другом месте Иларион приписывает духовное прозрение Владимира благодатному озарению Святого Духа: «И тако ему в дни свои живущю и землю свою пасущу правдою, мужеством же и смыслом, [тогда] приде на него посещение Всевышнего — призре на него всемилостивое око благого Бога, и всиа разум в сердце его, яко разумети суету идольской лести и взыскати единого Бога, сотворившаго всю тварь видимую и невидимую».

Допускает он и некоторое внешнее влияние, впрочем, лишь в качестве похвального примера для подражания: «Паче же слышал он всегда о благоверней земле Греческой, христолюбивой и крепкой верою, како единого Бога в Троице чтут и поклоняются, како в них деются чудеса и знамения, како церкви люди исполнены, како вси грады благоверные, вси в молитвах предстоять, все служат Богу»; но духовная инициатива все равно

остается за Владимиром: «И си слыша, возжелда сердцем, возгоре духом, яко быти ему христианином и земли его».

Примерно в том же свете видится обращение Владимира Иакову Мниху, с той лишь разницей, что он ставит это событие в зависимость не от греческих, а от местных, киевских влияний: «Взыска [Владимир] спасения и прия о бабе своей Олзе, како шедши к Царюгороду, и приала бяше святое крещение, и пожи добре пред Богом, всеми добрыми делами украсившись и почи с миром о Христе Иисусе и в блазе вере... То все слышав князь Володимир о бабе своей Олзе... [и тогда] разгарашется Святым Духом сердце его, хотя святого крещения⁹⁶. Видя же Бог хотение сердца его, провидя доброту его, и призри с небесе милостию своею и щедротами и в Троице славимый Бог Отец и Святыи Дух на князя Володимира, испытав сердца и утробы, Бог праведен, вся прежде ведый, и просвети сердце князю Руския земли Володимеру прияти святое крещение».

Спустя еще три-четыре десятилетия мирские причины крещения Владимира начисто забываются, и преподобный Нестор в своем «Чтении о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» (80—90-е гг. XI в.) переносит все происшедшее с князем всецело в мистическую область: «Бысть бо рече князь в те годы, владевший всею землею Русскою, именем Владимир. Бе же муж правдив и милостив к нищим и сиротам, и ко вдовицам, елин [элин, то есть язычник] же верою. Сему Бог послал некое откровение и створи быти ему хрестьяну, якоже древле Плакиде». Рассказав, как Бог открылся этому христианскому святому в видении⁹⁷, Нестор заключает: «Такоже и сему Володимеру явление Божие быти ему хрестьянину створи же».

Другая церковная традиция уподобляла обращение Владимира обращению апостола Павла после видения Господа по пути в Дамаск⁹⁸.

По своему литературному качеству писания древнерусских книжников XI в. выгодно отличаются от известия Повести временных лет — в них нет или почти нет наивности, аляповатой сказочности, бросающихся в глаза внутренних противоречий.

Однако было бы ошибкой преувеличивать их историческую значимость, находя в этих свидетельствах «драгоценный и подлинно-исторический материал, необходимый для объяснения происшедшего на Руси великого исторического переворота»⁹⁹. Никакого исторического материала конечно же здесь нет (если понимать под таковым достоверные сведения, полученные из первых рук, либо в устной или письменной традиции), а есть напряженное умственное усилие незаурядных русских голов XI столетия, направленное на то, чтобы постигнуть и осмыслить важнейшую веху в истории Русской земли.

Реальность, однако, была совершенно другой.

Варда Фока против Варды Склира

В то время как Владимир в конце 70-х — первой половине 80-х гг. X в. возлагал на свою голову чужие венцы, византийский император Василий II был озабочен тем, как сохранить при себе свой собственный. За все первое десятилетие своего долгого царствования он поистине не знал ни одного спокойного дня, постоянно тревожимый то опасностью полного распада государства под давлением извне, то дерзкими покушениями знатных византийских родов на его императорскую власть. Больше всего на свете василевс нуждался в верных войсках, и эта нужда заставляла его внимательно следить за положением дел во «внешней Росии», где всегда было немало охотников послужить «греческому царю». Мы видели, что в 977 г. мятеж Варды Склира побудил Василия II обратиться за помощью к Ярополку, но тогда «вои» срочно понадобились самому киевскому князю, а его гибель в следующем году похоронила всякие надежды на быструю подмогу империи со стороны «росов».

В тот критический момент Василию удалось отвести беду, не прибегая к услугам иноземцев. В столицу был вызван опальный тезка Склира и его непримиримый враг — Варда Фока, племянник императора Никифора Фоки, до этого находившийся в ссылке на острове Хиос за то, что в последний год правления Иоанна Цимисхия поднял против него восстание. Варда Фока

был побежден тогда Вардой Склиром, который возглавил правительственную армию. Мятежника постригли в монахи и отправили в изгнание. И вот теперь Фоке позволили сбросить схиму и вручили ему командование войсками, сохранившими верность Василию II.

Личная вражда полководцев придала войне ожесточенный характер. Несмотря на то что Фока, по словам Михаила Пселла, «был искушен в военных хитростях, опытен в разного рода приступах, засадах и в открытых сражениях», он дважды терпел поражение от Склира, но всякий раз возвращался со свежими войсками, набранными в грузинских провинциях, еще более сильный и опасный, чем прежде. Больше года противники кружили по Малой Азии без ощутимого успеха ни для одного из них. Наконец счастье изменило Склиру: после одного неудачного сражения его армия частью разбежалась, а часть перешла на сторону Фоки, который победителем въехал в Константинополь и был удостоен триумфа.

Склир нашел убежище у багдадского халифа Адуда аль-Даулы, однако вскоре в Багдад прибыл посол Василия II, который от имени императора обещал мятежнику полное прощение, а заодно попытался отравить его. Халиф принял соломоново решение, приказав заключить обоих гостей под стражу.

Византийско-болгарская война

Едва возвратив себе имперский Восток, Василий II потерял почти весь Запад. Самуил, правитель Западной Болгарии¹⁰⁰, воспользовавшись тем, что Василий бросил все наличные силы на подавление мятежа Варды Склира, вторгся в Центральную и Дунайскую Болгарию и к 980 г. практически восстановил Первое Болгарское царство в его бывших границах (хотя Филиппополь/Пловдив остался за Византией). Последние болгарские цари из династии Аспаруха, братья Борис II и Роман, лишенные Цимисхием царских регалий и содержащиеся в почетном плену в Константинополе, сумели бежать из греческой столицы. По дороге на родину Борис, не успевший сменить византийское пла-

тве, был принят за грека и убит какой-то разбойной шайкой болгар; но Роман благополучно добрался в лагерь Самуила и был провозглашен болгарским царем (византийские писатели отрицают легитимность его правления, так как Роман в Константинополе был оскоролен, вследствие чего, по тогдашним понятиям, не мог занимать престол)¹⁰¹. Одновременно была восстановлена независимость Болгарской церкви.

С 980 г. Самуил перенес военные действия на собственно византийскую территорию. Вся Греция, вплоть до самого Пелопоннеса, подверглась опустошительным набегам болгар. Современник этих событий, византийский поэт Иоанн Геометр в одном из своих стихотворений картинно изображает бедственное положение дел на Балканах: «А то, что делается на Западе, какое слово нам это расскажет? Толпа скифов [т. е. болгар]... как будто на своей родине рыщет и кружит здесь по всем направлениям. Как из земли произрастающие благородные ветки, они с корнем вырывают крепкую породу железных мужей, и меч делит пополам поколение младенцев: одни остаются матери, других враг вырывает насилем своих стрел. Прежде крепкие города — теперь легкий прах, табуны лошадей там, где жили люди. Видя это, как удержусь от слез? Так истребляются города и села».

По словам византийского историка Скилицы, Самуил толпами уводил местных жителей «во внутреннюю Болгарию и, зачислив в свои воинские списки, пользовался их содействием против греков».

В 986 г. Василий II лично повел византийские войска в поход на болгар. Прорвавшись через Родопские горы, он осадил Сердику, или Средец (София). Но известие о подходе болгарского войска заставило его снять осаду и поспешно отступить. На обратном пути императорская армия потерпела сокрушительное поражение в ущелье Траяновы Врата (16—17 августа). Болгары применили свою излюбленную тактику: заняв горные проходы, они окружили ромейское войско, отягощенное большим обозом, и почти совершенно истребили его. Весь армейский скарб, награбленная добыча и даже царское убранство Василия достались Самуилу. Сам император спасся только бла-

годаря армянской пехоте, которая, плотно обступив его со всех сторон, пробилась по горной дороге в Македонию. Преследуя разбитого врага, Самуил захватил Фессалоники и крупный порт Диррахий на адриатическом побережье.

Владимир выступает на стороне болгар

К этому времени (986—987) относится ряд отрывочных сообщений о том, что Владимир ввязался в болгаро-византийскую войну, выступив на стороне Самуила против греков¹⁰². Сирийский историк второй трети XI в. Яхья Антиохийский, один из самых компетентных источников по истории русско-византийских отношений второй половины 80-х гг. X в., коротко отметил, что непосредственно перед принятием крещения русы находились в лагере противников Василия II («они его враги»)¹⁰³.

С византийской стороны имеется эпиграмма Иоанна Геометра, озаглавленная «Против болгар», которая в классическом переводе В.Г. Васильевского звучит так: «Примите ныне, фракийцы, скифов союзниками против друзей, прежних союзников против скифов. Ликуйте и рукоплещите, племена болгарские, скипетр, диадему, порфиру имейте и носите, а равно и пурпур (далее в тексте пропущена одна строка. — С. Ц.). <...> [Он вас] переоденет и заклеплет шеи под длинное ярмо, а ноги — в колодки, исполосует частыми ударами спины и живот за то, что, отказавшись работать... вы осмелились носить их и кичиться»¹⁰⁴.

Как можно понять, смысл этой антиболгарской инвективы состоит в следующем: поэт порицает болгар («фракийцев») за то, что они вступили в союз с русами («скифами») против греков (бывших «друзей», с чьей помощью удалось изгнать Святослава из Болгарии), и предрекает болгарам, возмечтавшим о восстановлении независимого царства, близкое порабощение от русского вождя, которого они неосторожно взяли в союзники (намек на горький опыт приглашения Святослава для решения болгаро-византийских споров)¹⁰⁵.

Несколько иначе представляют дело некоторые древнерусские летописи, упоминающие о походе Владимира на дунайских болгар. Татищев свел воедино их показания таким образом: «Владимир собрал воинство великое, и Добрыню вую своего призвав с новгородцы, пошел на болгар и сербы; а конные войска русские, торков, волынян и червенских послал прямо в землю Болгарскую объявить им многие их нарушения прежних отца и брата договоров и причиненные подданным его обиды, требуя от них награждения. Болгары же, не хотя платить оного, но совокупившись со сербы, вооружились противо ему, и по жестоком сражении победил Владимир болгаров и сербов и поплени землю их; но по просьбе их учинил мир с ними, возвратился со славою в Киев, взятое же разделил на войско и отпустил в дома их»¹⁰⁶.

В целом эти сведения безусловно заслуживают внимания, хотя бы потому, что Иоакимовская летопись затем прямо предполагает участие дунайских болгар в крещении Руси¹⁰⁷, а между тем, как заметил еще С.М. Соловьев, во всех известных нам летописных списках рассказ о принятии Владимиром христианства начинается сразу после рассказа о походе на болгар¹⁰⁸. Эта композиционная последовательность вряд ли была бы такой устойчивой, если бы болгарские контакты Владимира ограничились одной стычкой с волжскими, или «серебряными» булгарами. Конечно, многие анахронизмы в сообщении Татищева (участие в походе торков и конных русских дружин, упоминание царя Симеона вместо Самуила) заставляют отнести к нему с осторожностью. Однако та подробность, что Владимир обвинил болгар в нарушении прежних договоров, представляется достаточно информативной, ведь подобные соглашения у Руси были только с Восточной Болгарией, некогда признавшей власть Святослава.

Соображаясь с известиями Яхьи и Иоанна Геометра, можно предположить, что Самуил пригласил Владимира выбить византийцев из болгарских земель в районе Нижнего Дуная. Но почему тогда наши летописи пишут о войне Владимира с болгарскими, а не греками? Вероятно, это может быть объяснено тем, что отвоевание Самуилом у Византии восточноболгарских территорий носило характер гражданской войны¹⁰⁹. Часть болгарской знати повела себя предательски: зять Самуила сдал

Византии важную крепость Диррахий; овладеть Видином византийцам помог местный епископ; даже брат Самуила Аарон был уличен в тайных сношениях с Василием II, за что и заплатил жизнью. Поэтому вполне возможно, что на Нижнем Дунае, в Добрудже, где влияние Византии еще со времен Цимисхия было достаточно сильно, Владимиру пришлось столкнуться с провизантийски настроенной частью местных бояр, которая попыталась с оружием в руках противостоять русскому вторжению¹¹⁰.

Дальнейшие события показали, что Иоанн Геометр был провидцем, когда писал об опасности, угрожавшей болгарам со стороны «скифов», которых они приняли за «друзей». Владимир оказался ненадежным союзником для болгар и бросил их тотчас, как только Василий II протянул ему руку дружбы. Хотя верно и то, что история не поставила ему это в укор.

Восстание Варды Фоки

В 986 г. в Византии разразился очередной политический кризис, опять связанный с именами обоих Вард — Склира и Фоки.

В декабре этого года багдадский халиф вернул Склиру свободу, — по сведениям византийских писателей, в благодарность за важные услуги, оказанные им в борьбе с некими врагами халифата, однако вероятнее, что халифа подвигла на этот шаг весть о сокрушительном поражении Василия II в битве с болгарами у Траяновых Ворот. Во всяком случае, некоторые эмиры открыто поддерживали новое антиправительственное выступление Склира. Встав во главе наемного войска из арабов и курдов, неутомимый вояка на всех парах устремился к восточной границе империи, где к нему присоединились армяне¹¹¹. В начале февраля 987 г. он достиг Мелитены и там провозгласил себя императором. Спустя месяц Склир был уже правителем всех закавказских и евфратских провинций Византии вплоть до Севастии.

Здесь дальнейший путь к столице Склиру преградил его старый соперник — Варда Фока, вновь назначенный Васили-

ем II главнокомандующим греческих и иверийских¹¹² частей, брошенных на подавление мятежа. Император по-прежнему рассчитывал на личную ненависть Фоки к Склиру, но на этот раз прогадал. К тому времени отношения между Василием II и его лучшим полководцем сделались весьма натянутыми. В 985 г. был разоблачен заговор паракимомена Василия, направленный против императора, и Василий II заподозрил Фоку в сочувствии заговорщикам. Несмотря на то что Фока, командуя войсками в Сирии, одержал блестящие победы над арабами, заставив эмира города Алеппо платить Византии дань, Василий II сместил его с должности доместика схол Востока и удалил от двора.

Фока не забыл эту обиду. Уезжая на войну со Склиром, он присягнул на верность императору, но клятвы не сдержал. Вместо того чтобы сразаться с мятежником, Фока вступил с ним в переговоры о совместных действиях против Василия. Затем, при личной встрече, старые честолюбцы договорились о полюбовном разделе империи: Фоке должна была отойти европейская ее часть, Склиру — весь Восток. Однако во время второго свидания (15 августа 987 г.) Фока арестовал Склира и посадил его в крепость под надзор своей жены, пообещав, впрочем, выполнить условия соглашения после взятия Константинополя. 14 сентября 987 г. на собрании богатых византийских магнатов и военачальников в Харсианском округе Фока был объявлен василевсом. Вся Малая Азия подчинилась ему без малейшего сопротивления. Следующим летом он уже стоял на побережье Мраморного моря, разместив часть своих войск под Хрисополем — на азиатском берегу Босфора (ныне Скутари), прямо напротив Константинополя, а с другой частью заблокировав Дарданелльский пролив в районе Абидоса.

Переговоры Василия II с Владимиром

Василий II узнал об измене Фоки не позднее июня 987 г., когда в Константинополь явился с повинной сын Склира Роман. Предотвратить надвигавшуюся катастрофу было нечем: по сви-

детельству Михаила Пселла, большая часть армии, в том числе ее цвет — отборные грузинские и армянские части, — перешла на сторону Фоки, которого также поддерживали «самые могущественные в то время роды»; в распоряжении императора находился только немногочисленный столичный гарнизон. Тем не менее Василий не пал духом. У него еще оставался последний резерв — время, и он великолепно использовал его.

Сознавая очевидность того факта, что спасти трон может только вмешательство посторонней силы, Василий обратился за помощью к «архонту росов», прославившему свое имя рядом выдающихся побед. Больше искать защиты было просто не у кого: с болгарами у Византии шла война не на жизнь, а на смерть, печенеги же в данном случае были бесполезны с военной точки зрения, так как для того, чтобы разбить мятежников, предстояло форсировать проливы. Между тем союз с Владимиром хорошо смотрелся и с военной, и с политической стороны. Русский князь располагал сильным войском, пригодным как для сухопутных, так и для морских операций; кроме того, даже находясь в стане врагов Византии, он не был кровно заинтересован ни в гибели Василия, ни в ослаблении империи. Василий был уверен, что Владимир не откажет ему, и не ошибся.

Место и время русско-византийских переговоров в точности неизвестны. Некоторые обстоятельства отправки византийского посольства можно извлечь из одного сообщения армянского историка второй половины XI в. Степаноса Таронского¹¹³ (в исторической литературе он также часто фигурирует под своим прозвищем Асохик — Певец). Касаясь положения армянских провинций при Василии II, Степанос Таронский пишет, что в 435 г. по армянскому летоисчислению (25 марта 986 г. — 24 марта 987 г.) митрополит Севастии подверг гонению армянских священников в феме Армениак. В том же году император отправил его к болгарам для переговоров о мире. Болгарский царь желал получить в жены сестру василевса. Последний ответил притворным согласием, но, заручившись поддержкой митрополита севастийского, прибегнул к скандальному обману. Вместо багрянородной принцессы болгары получили другую

женщину. Подлог был раскрыт, и разъяренные болгары в отместку сожгли митрополита как обманщика.

Крупные огрехи в изложении болгарских событий для Степаноса Таронского совсем не редкость. Поэтому проще всего было бы счесть его рассказ не заслуживающей внимания литературной поделкой, поскольку очевидно, что пикантный анекдот о подмене невесты понадобился армянскому писателю только для того, чтобы иметь благочестивое удовольствие возвести на костер севастийского митрополита — ненавистного гонителя его соотечественников и единоверцев. В исторической реальности ничего подобного не происходило. Однако в данном случае вымысел возник явно не на пустом месте. По свидетельству «Церковной истории» Никифора Каллиста (первая треть XIV в.), в царствование Василия II митрополит Севастии Феофилакт действительно оставил свою кафедру, причем, по всей видимости, до 991 г.¹¹⁴ Таким образом, большой вес приобретает указанная Степаносом Таронским дата отъезда митрополита Севастии в Константинополь — 986/987 г. Но причину, по которой он оказался в столице, надо искать не в болгаро-византийских переговорах, никем, кроме Асохика, не подтвержденных, а в волнениях среди армянских религиозных общин восточных провинций Византии, терпевших постоянные притеснения от византийского священства. Тогда отъезд, или, точнее, бегство Феофилакta из Севастии следует датировать временем после февраля—марта 987 г., когда армянские провинции империи открыто встали сначала на сторону Варды Склира, а затем Варды Фоки. Недавнее преследование севастийским митрополитом армянских священников, видимо, не было забыто, и он почел за лучшее искать убежище при императорском дворе.

Оказавшийся не у дел иерарх был подходящей фигурой для исполнения дипломатических поручений. И потому Феофилакт вполне мог быть послан Василием II в Болгарию, но только не к болгарам. Сватовство болгарского царя к сестре императора выглядит сомнительно хотя бы ввиду того, что Роман был скопцом. Истинный искатель руки сестры Василия II и единственный иностранный государь, с которым император в 987 г. серьезно обсуждал этот вопрос, был князь Владимир. На этот счет суще-

ствуется множество достоверных показаний византийских и арабских историков. Например, Яхья пишет: «И взбунтовался открыто Варда Фока и провозгласил себя царем в среду, день праздника Креста, 14 сентября 987 года... и овладел страной греков до Дорилеи [Северная Фригия, в районе современного города Эскишехир] и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя. И стало опасным дело его, и был им озабочен царь Василий по причине силы его [Фоки] войск и победы его над ним. И истощились его богатства и побудила его нужда послать к царю русов, — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении. И согласился он на это. И заключили они между собой договор о свойстве, и женился царь русов на сестре царя Василия, после того, как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий».

Вот, следовательно, в каких брачных переговорах только и мог участвовать севастийский митрополит. По-видимому, необходимо согласиться с А. Поппэ в том, что подлинную «историческую основу событий, рассказанных Асохию, можно обнаружить в фактах русско-византийских отношений в этот период»¹¹⁵.

Похоже на то, что переговоры византийских послов с Владимиром и в самом деле проходили на болгарской земле, а не в Киеве, как это обыкновенно считается. С точки зрения хронологии это предположение вполне приемлемо. Серия военных кампаний Владимира на западных и восточных границах Руси должна была завершиться не позднее осени 986 г. В том же году Самуил громит греков под Сердикой, что создает благоприятные условия для болгаро-русского союза, направленного против Византии. Летом 987 г. Владимир предпринимает поход в византийскую Болгарию и овладевает участком Нижнего Дуная. Одновременно с этим в Константинополе узнают о мятеже Варды Фоки. Логично думать, что Василий II, для которого в этой ситуации потеря времени была равнозначна гибели, тогда же и обратился за помощью к русскому князю, стоявшему с войском всего в нескольких днях пути от Царьграда. Судя по всему, возглавил императорское посольство ми-

трополит Теофилакт, изгнанный в начале 987 г. мятежниками из Севастийской епархии. К назначению духовного лица главой дипломатической миссии между прочим предрасполагали сами условия русско-византийского соглашения. Они были необычны, но ведь и василевс находился далеко не в обычном положении.

Вопреки Яхье, из слов которого следует, что все было улажено за один присест, русско-византийский договор 987 г. был заключен в результате довольно напряженных переговоров. Суть возникших разногласий передает Абу Шуджа ар-Рудравари, писавший между 1075 и 1094 гг., чьи сведения восходят к утраченной хронике современника событий Хилала ас-Саби (970—1056)¹¹⁶. «Истошив свои силы, — говорит Абу Шуджа, — оба императора [Василий II и Константин VIII] послали за помощью к царю русов. На это он предложил им отдать ему в жены их сестру, но та отказалась по той причине, что жених разнится с нею верою; переговоры закончились тем, что царь русов принял христианство. Союз был заключен и принцесса отдана ему».

Древнерусское сказание о взятии Владимиром Корсуни, уже полностью забывшее реальные политические обстоятельства, при которых русский князь женился на греческой царевне, тем не менее также удержало тот важный момент, что Анна была настроена категорически против того, чтобы выходить за Владимира: «Она же не хотяше ити: «Яко в полон, — рече, — иду, луче бы ми здесь умерети». Ее не смягчило даже согласие Владимира принять крещение. Василий II с братом чуть ли не силой спровадили ее под венец: «И едва ю принудиша».

И еще один вопрос не мог остаться в тени на переговорах 987 г. в связи с крещением русского князя. Государственной идеологией Византийской империи была теократия в ее цезарепапистской форме. Империя мыслилась государственным сосудом и внешней оградой вселенского православия, а василевс — светским главой Церкви, защитником церковных догматов и народного благочестия. «По телесной своей субстанции император подобен всякому человеку, однако по занимаемому положению он, подобно Богу, повелевает всеми людьми, ибо нет на земле никого выше его», — сказано в популярном ди-

дактическом трактате диакона Агапита (VI в.), рисующем василевса «повелителем всех людей». Поэтому народы, принимавшие христианство из рук греческого духовенства, автоматически зачислялись византийской дипломатией в разряд имперских подданных, на которых распространялось церковно-политическое покровительство василевса. Аристократизм и политический авторитет императорской власти были бесспорны. Крещенные «варварские» вожди, даже если они возглавляли вполне самостоятельные государственные образования, и думать не могли о том, чтобы встать на равной ноге с византийскими василевсами в международной табели о рангах. Поневоле они соглашались занять подчиненное положение по отношению к василевсу. Но естественно, чем более формальным являлся имперский протекторат, тем настойчивее духовные вассалы императора стремились подчеркнуть фактическую независимость своей власти.

Владимир хорошо знал об этих имперских претензиях греков и потому, наряду с брачным венцом, потребовал себе и венца царский — предмет вожделений русских князей со времен Игоря. Момент был подходящий. Браки иностранных государей с византийскими принцессами обыкновенно сопровождались дарованием жениху какого-нибудь высокого титула империи. Так, женитьба на внучке Романа I Лакапина принесла болгарскому правителю Петру Симеоновичу титул «василевс болгар». Норманнский принц Рожер Сицилийский, породнившийся с императором Иоанном II Комнином (1118—1143) через брак с его дочерью, получил титул «кесарь»¹¹⁷. Такой же почести удостоился венгерский князь Бела III — муж дочери императора Мануила I Комнина (1143—1180). Несомненно, что и Владимир как духовный сын и зять Василия II мог рассчитывать на царский титул, который свел бы признание вселенской власти василевса со стороны русского государя к пустым формальностям этикета.

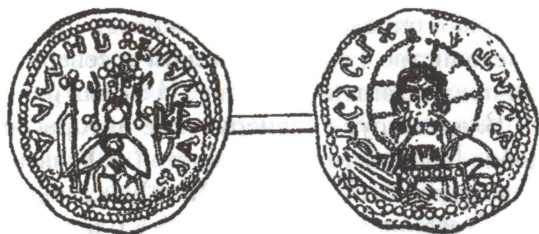
Удовлетворил ли император притязания Владимира? Русские и византийские письменные памятники не дают прямого ответа. Но по некоторым намекам мы можем догадываться, что Василий II действительно даровал Владимиру титул кесаря. «Записка

греческого топарха» определенно присваивает русскому государю царское достоинство («царствующий к северу от Дуная»), и здесь нельзя предполагать обмолвку. В самых ранних текстах, посвященных Владимиру, древнерусские авторы именуют его царем, наподобие Константина I Великого («О святая царя Константине и Володимере...», Иаков Мних), «самодержцем Русской земли» («Сказание о Борисе и Глебе»), каковым термином не вполне точно переводили греческое слово «автократор», прочно соединявшееся в понятии русских людей с титулами «василевс», «цесарь», «царь», а также присваивают ему имя «равноапостольный», которое с давних пор «утвердилось в Византии как общий царский титул»¹¹⁸. Характерной деталью является и то, что во всех летописях и житиях Владимира его византийская супруга Анна фигурирует с титулом «царица». Между тем ее собственный придворный ранг соответствовал титулу царевны, царицей же она могла быть только в качестве жены «царя» Владимира¹¹⁹. В одном позднесредневековом русском произведении («Сказание о Вавилонском царстве») наблюдаем любопытную путаницу. Говоря о присылке царских регалий Владимиру Мономаху, автор смешивает этого князя с его святым тезкой и приурочивает события к правлению императора Василия II: «В то же время... посла вои своя князь Владимир Киевский на Царьград множество. Царь Василей, видевои сильныя Владимирова, убояся их. И посла царь Василей к великому князю Владимиру посла своего с миром, а с ним посла дары великие и ту сердаликову *краницу со всем виссом царским*, а от того часа прослыша великий князь Владимир Киевский Мономахом».

В описи XV в. сокровищ московских великих князей также упоминаются подаренные Владимиру императором великолепные золотые бармы, украшенные драгоценными камнями, жемчугами и эмалью. Стиль этих вещей указывает на конец X в., как на наиболее вероятное время их изготовления¹²⁰.

Еще более красноречив древнерусский нумизматический материал Владимировой эпохи. На золотых и серебряных монетах (так называемых сребрениках I типа), отчеканенных в Киеве в конце X — начале XI в., Владимир изображен в императорском облачении — длинной рубахе с узорчатой полосой и длинным

Златник князя Владимира Святославича

плаще, скрепленном у правого плеча драгоценной застежкой-фибулой, со знаками царской власти — венцом и скипетром, и с нимбом над головой — символом царского величия. Прототипом для златников Владимира послужили золотые монеты Василия II и Константина VIII, причем сходство между ними настолько полное, что первые русские образцы, поступившие в Эрмитаж, были приняты за византийские солиды¹²¹. Сам факт чеканки подобной монеты, по мнению специалистов, «убеждает в том, что ее выпуск в немалой степени вызывался потребностями идеологического характера, требованиями складывающегося государственного права Средневековья и специфического значения монетной чеканки как регалии, символа самодержавной власти... Это как бы политическая декларация, отводящая хорошо известные претензии константинопольского двора на подданство народов, принимавших новую веру от Византийской церкви»¹²².

Общий ход русско-византийских переговоров, таким образом, рисуется в следующем виде. Василий II поначалу обратился к Владимиру с традиционным для византийских императоров предложением о найме некоторого количества русских «воев», необходимых ему для подавления мятежа Фоки. Но русский князь, воспользовавшись безвыходным положением императора, взамен потребовал себе руку Анны и знаков царского достоинства. Василию не оставалось ничего другого, как уступить, оговорив, впрочем, принятие Владимиром крещения в качестве необходимого условия женитьбы.

Тут нужно подчеркнуть, что встречное предложение Владимира о династическом союзе было, по Абу Шудже, полной не-

ожиданностью для греков, и, значит, греческие послы, безусловно не уполномоченные обсуждать столь важный вопрос, как брак императорской сестры, должны были прервать переговоры и вернуться в Константинополь (или отправить в столицу гонцов) за новыми инструкциями. Следовательно, необходимо предположить, что греки ездили к Владимиру по крайней мере дважды. Это, в свою очередь, подтверждает наше предположение, что местом русско-византийских переговоров была нижнедунайская Болгария. В самом деле, двукратно посетить Киев за один навигационный сезон 987 г. (точнее, даже во вторую его половину, если исходить из того, что переговоры начались в июне, после того как Роман Склир выдал изменнические планы Фоки) послы Василия II не могли физически: плавание в один конец из Киева в Царьград занимало около шести недель, а мысль о вторичном зимнем посольстве — сухим путем, через территорию враждебной Болгарии, — следует отбросить как невозможную. Перенести же окончание переговоров на первую половину 988 г. мы не вправе по той причине, что летом или осенью этого года русский флот уже прибыл в Константинополь. Чтобы успеть снарядить несколько тысяч воинов и оснастить большую флотилию, Владимир должен был вернуться в Киев осенью 987 г., имея на руках согласие Василия II на брак с Анной, и, значит, русско-византийские переговоры завершились в том же году, в каком и начались, но вследствие усложнения условий соглашения были проведены в два этапа.

Условия русско-византийского договора 987 г.

Неожиданное расширение круга обсуждаемых тем за счет включения в него вопросов, связанных с бракосочетанием и крещением русского князя, делает понятной роль севастийского митрополита на переговорах 987 г. Видимо, именно при его посредничестве удалось достигнуть договоренности по всем ключевым пунктам. Принятые решения, очевидно, были таковы:

Василий II выражал готовность возобновить действие прежних русско-византийских договоров. Но отныне военно-поли-

тический союз Руси и Византии должен был получить совершенно другую основу. Больше не могло быть речи об опасливых отношениях соседей поневоле, разнствующими между собой во всем и прежде всего в вопросах веры. Новому соглашению предстояло скрепить навечно дружественные узы между двумя христианскими государями и двумя христианскими народами. С этой целью Владимиру предлагалось принять личное крещение по греческому обряду и содействовать быстрейшему обращению в христианство «бояр», «руси» и «всех людей Русской земли».

В случае выполнения этого условия международный ранг крещеной «Росии» подлежал коренному пересмотру. Ей предстояло войти в византийское сообщество народов на правах ближайшего союзника василевсов и защитника христианства в «скифских» землях. Василий II обещал закрепить почетное место Русской земли в системе внешнеполитических приоритетов империи как на уровне государственных, так и церковных отношений. Вслед за духовным усыновлением Владимира император обязывался даровать ему цесарское достоинство. В этом качестве Владимир мог рассчитывать и на вполне земное родство с Василием II через вступление в брак с его сестрой — багрянородной принцессой Анной. Светское величие царственной четы следовало подкрепить основанием в Киеве митрополичьей кафедры. Чтобы компенсировать Русской Церкви подчинение власти константинопольского патриарха, Василий II соглашался предоставить ей большую степень независимости в вопросах внутреннего устройства, выбора языка литургии и т. д.

Взамен от Владимира ожидали немедленного прекращения военных действий против империи и, по возможности скорейшей, отправки в Константинополь крупного русского отряда.

Вопрос о «двуличии» Василия II

Василий II давно заподозрен историками в неискренности, если не сказать в вероломстве, по отношению к Владимиру: будто бы, уступив на словах русскому князю, византийский император и не думал когда-нибудь выполнить свое обещание отно-

сительно его брака с Анной. Упирают главным образом на то, что Василий якобы был связан в своих решениях строгой матримонимальной доктриной византийского императорского двора, запрещавшей династические браки между членами царского дома и «варварами».

Политические, юридические и богословские обоснования этого запрета содержались в постановлениях Трулльского собора 691—692 гг., где, правда, василевсам не возбранялось родниться через браки с иноземными правителями христианского вероисповедания. Однако со временем светская власть по-своему перетолковала соборные постановления, и отнюдь не в сторону умеренности. При императорах Македонской династии (867—1056) любое брачное предложение из-за границы стало рассматриваться как нежелательный мезальянс. Например, Константин Багрянородный высказывается по этому поводу весьма категорично («Об управлении империей», глава 13): «...никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, отверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устроением, особенно же с иноверным и некрещеным, разве что с одними франками». В его глазах любые притязания подобного рода со стороны иноземных владык есть всего лишь «неразумные и нелепые домогательства», особенно неуместные, если они исходят от «этих неверных и нечестивых северных племен». При этом оказывается совершенно неважным, «той или иной из царских родственниц» является невеста, «из далеких или близких царскому благородству [она была], ради общественного или какого иного дела [она выдана]...» — в любом случае, пишет Константин, присваивая себе право толкования соборных решений и не моргнув глазом искажая их суть, «канон это запрещает и вся Церковь считает это чуждым и враждебным христианскому порядку».

Непоколебимым приверженцем подобных воззрений зарекомендовал себя также Никифор Фока. Его отказ германскому королю Оттону I, искавшему в Константинополе невесту для своего сына Оттона II, был выражен в следующих словах: «Неслыханнейшее дело, чтобы багрянородная дочь багрянородного императора¹²³ могла быть выдана за иноземца».

Все это так. И тем не менее такой методологический подход, когда о поступках конкретного человека судят с позиций абстрактного долженствования, едва ли можно признать верным. Один весьма авторитетный моральный кодекс, например, требует от нас не убивать, не красть, не прелюбодействовать и т. д., однако у историков есть масса причин полагать, что политические деятели христианских стран не всегда руководствовались им на практике. Как известно, политическая теория и реальная политика тоже далеко не всегда пребывают между собой в полной гармонии. Говорить с чистой совестью о недопустимости иноземных браков имперским «расистам» мешало отсутствие у них чистой родословной, ибо на деле отступления от заявленного «брачного императива» бывали совсем нередки, и каждое столетие являлось свидетелем нескольких подобных случаев.

В этом отношении характерен пример того же Константина Багрянородного, все-таки допускавшего исключения как в теории (замечание о франках), так и на практике: в 944 г. он женил своего сына Романа II на побочной дочери итальянского короля Гуго, Берте-Евдокии. Подобным же образом поступил в 1064 г. император Константин X — женой его сына Михаила стала дочь грузинского царя Баграта IV. Лет на десять раньше император Константин IX Мономах сам женился (четвертым браком) на аланской княжне.

Когда насущные политические нужды властно заявляли о себе, сватовство иностранного государя к византийской принцессе проходило легко и без заминок. Так, в 927 г. Роман I Лакапин был вынужден выдать свою внучку Марию-Ирину за «василевса болгар» Петра Симеоновича, чтобы приостановить болгарский натиск на балканские владения Византии. Оттон I три года (967—969) безуспешно пытался получить согласие Никифора Фоки на бракосочетание Оттона II с одной из византийских принцесс. Не помогали ни дипломатические переговоры, ни бряцание оружием. Но как только Иоанн Цимисхий, сменивший Фоку на троне, был поставлен перед необходимостью свернуть военные действия в Южной Италии, чтобы сосредоточить все силы против Святослава, брачный контракт с германским импе-

ратором был немедленно подписан, причем по инициативе византийской стороны.

Конечно, могут возразить, что внушка Романа I, отданная за Петра, и племянница Цимисхия Феофано, ставшая женой Оттона II, были не чета багрянородной Анне, поскольку обе они приходились кровными родственницами не законным василевсам, а их формальным «соправителям». Но ведь при заключении в 987 г. русско-византийского договора и речь шла не о преодолении империей временных военно-политических трудностей, а о сохранении Василием II личной власти и судьбе Македонской династии в целом. В той ситуации он вряд ли руководствовался требованиями матримониальной традиции, к тому же вовсе не являвшейся такой уж незыблемой.

Василий II не был человеком, слепо придерживавшимся раз навсегда установленных правил. Наоборот, Михаил Пселл рисует его сторонником неординарных решений, особенно в минуту опасности. Политическая выгода всегда представляла для него несравненно большую ценность, нежели верность обычаю, в том числе и в области династических браков. Имеется бесспорное свидетельство того, что он отнюдь не считал смертным грехом выдачу багрянородной царевны замуж за иностранца, так как через несколько лет после замужества Анны он отдал и другую свою сестру за германского императора Оттона III. Правда, для того, чтобы получить ее, последнему понадобилось шесть лет нудных переговоров (995—1001), однако свадьба все-таки состоялась, хотя Василий уже не был тогда в таком плачевном положении, как в 987—988 гг.

Словом, поведение Василия II во всех трудных случаях определяли конкретные обстоятельства, что, принимая во внимание бурные события его царствования, совсем неудивительно. Поэтому нет ничего невероятного в том, что в 987 г. он с чистым сердцем пошел на заключение родственного союза с Владимиром, раз никакие другие посулы русскому князю не могли надежно гарантировать безотлагательной отправки им в Константинополь обещанной военной помощи.

В конце концов, заключая брачный договор с «архонтом росов», Василий II, как человек умный, понимал, что в данном

случае он не столько нарушает официальную доктрину, сколько идет наперекор общественному мнению, настроенному враждебно по отношению к «народу рос» в связи с обострившимся ожиданием на исходе тысячелетия второго пришествия Христа¹²⁴. Но коль скоро возможность этой брачной сделки ставилась в зависимость от крещения русского «варвара», то страдал от нее один лишь имперский предрассудок, а не христианский принцип династической политики, сформулированный Трулльским собором — не выдавать византийских принцесс замуж лишь за некрещеных варваров.

К тому же в 987 г. тяжелые раздумья о собственном будущем заставили Василия II начисто забыть об аристократической спеси «василевса ромеев». Есть сообщения арабских историков, что между сентябрем 987 и апрелем 988 г., то есть одновременно с русско-византийскими переговорами, Василий искал помощи против Фоки в Каире, у египетских Фатимидов, и согласился на предъявленные ему «унизительные условия», хотя смог договориться не более чем о дипломатической поддержке¹²⁵.

Серьезность намерений Василия II в отношении русского брака Анны явствует, между прочим, из истории с адресованным ему письмом французского короля Гуго Капета (987—996). Этот документ был составлен в конце 987 — начале 988 г. (неграмотный король возложил это поручение на реймского архиепископа Герберта, который позднее станет римским папой под именем Сильвестр II). В то время основатель династии Капетингов был также не прочь породниться с византийскими василевсами, устроив брак своего сына Робера с «дочерью священной империи», под которой, несомненно, подразумевалась Анна — единственная на тот момент совершеннолетняя невеста, рожденная «в порфире»¹²⁶.

Казалось, Гуго выбрал для сватовства самое подходящее время — восстание в восточных провинциях должно было сделать Василия податливым, дабы не поставить под угрозу еще и южноитальянские границы империи. Однако письмо с брачным предложением, по всей видимости, так и не было отправлено в Константинополь. Причиной тому, надо полагать, было обеску-

раживающее известие о помолвке Анны с русским князем¹²⁷. Действительно, едва ли не тотчас после написания письма Гуго бросил свою константинопольскую затею как вполне безнадежное предприятие и скоропалительно (не позднее 1 апреля 988 г.) женил Робера на Сусанне, вдове фландрского графа Арнольда II. Эта поспешность, очевидно, была вызвана тем, что, по достоверным сведениям информаторов Гуго в Константинополе, свадьба Владимира и Анны считалась при византийском дворе делом решенным. Водить за нос своих политических союзников вообще было не в характере Василия II, который, по свидетельству Пселла, бывал коварен лишь на войне, а во время мира проявлял «царственность». Это понятие включало и верность однажды данному слову: «Подвигнуть его на какое-нибудь дело было нелегко, но и от решений своих отказываться он не любил».

Итак, Василий II был слишком гибкий политик, чтобы позволить политической догме опутать себя по рукам и ногам. И затем, мы не должны упускать из виду всей исключительности политической ситуации 987—988 гг., когда самой силою вещей русско-византийские отношения приобрели качественно иной характер, поставив Василия II перед необходимостью переосмыслить роль «внешней России» в начертанной прежними василевсами схеме внешних связей и приоритетов Византии. Дерзкое требование Владимира о династическом браке вынуждало искать другую почву для сближения, нежели сезонная торговля и наемничество. Обращение русского «архонта» и его страны в христианство (и женитьба Владимира на Анне как условие этого обращения) отвечали стратегическим интересам Византии. Как показали дальнейшие события, Василий II отлично понимал это. Важность и необходимость русско-византийского союза отнюдь не исчерпывались для него единовременной помощью русского князя против Фоки. Обманывать Владимира в таком щепетильном деле, как династический брак, значило играть с огнем. Нельзя забывать, что в 987 г. русы не были где-то далеко, они находились рядом, у самых границ империи, действуя заодно с болгарами. Дружба Самуила с Владимиром грозила Византии в самом ближайшем будущем многими бедами, возможно не мень-

шими, чем восстание Фоки. В цели Василия II на переговорах с Владимиром входило, таким образом, еще и расторжение военного союза Руси с Болгарией, и, забегая вперед, надо сказать, что в политическом плане это ему вполне удалось.

С учетом всех этих аспектов русско-византийских отношений на 987 г. переговорная программа Василия в том виде, в каком она изложена на этих страницах, не только не выглядит чем-то невозможным с точки зрения внешнеполитических и матримониальных традиций Византии, но, напротив того, предстает совершенно необходимым, разумным и, безо всякого преувеличения, великолепным дипломатическим ходом. Словно шахматный игрок, попавший в матовое положение, Василий II пожертвовал королевой, и эта жертва спасла все.

Побудительные мотивы Владимира к принятию крещения

Заметим еще раз, что вся эта политическая сторона дела осталась совершенно неизвестной древнерусским писателям. Но мы должны признать их правоту, по крайней мере в том, что решение князя Владимира креститься нельзя сводить к одним политическим резонам, которые сегодня очевидны и более или менее понятны. Предложение Василия II породниться с византийским императорским домом было чрезвычайно выгодно и почетно для честолюбивого «робичича», по-видимому прекрасно сознававшего бесперспективность дальнейшей культурно-политической изоляции созданного им обширного государства от христианского (то есть европейского) мира. Благодаря браку с багрянородной царевной русский князь входил в семью европейских правителей, становясь на равную ногу с могущественнейшими государями, многие из которых не могли даже мечтать о столь тесном родстве с византийскими василевсами. Недаром при германском дворе завистливо судачили о киевском счастливчике, с удовольствием смакуя злые сплетни о нем¹²⁸. Принятие Владимиром христианства, рассмотренное под этим углом зрения, выглядит не более чем прагматичной политической сделкой, ибо

религиозная сторона дела была здесь поставлена в чересчур тесную зависимость от политических видов.

Но если политические соображения, сыгравшие, по всей видимости, решающую роль на русско-византийских переговорах 987 г., и оттеснили духовные мотивы обращения Владимира на задний план, где они образуют сегодня лишь едва различимый фон истории его крещения, то это совсем не значит, что мы можем полностью пренебречь ими. Правда, угадывая их, легко впасть в то же заблуждение, что и древнерусские книжники XI—XII вв., в представлении которых преобразование Владимира явилось следствием некоего кризиса духа, вызванного внезапным осознанием греховности всей его прежней жизни и неудовлетворенностью старыми языческими верованиями. Уже автор первого научного труда по истории Русской Церкви, архиепископ Филарет (Гумилевский), повторил эту ошибку, придав «духовным исканиям» крестителя Руси напряженный психологический драматизм: «Ужасное братоубийство, победы, купленные кровью чужих и своих, сластолюбие грубое не могли не тяготить совести даже язычника. Владимир думал облегчить душу тем, что ставил новые кумиры на берегах Днепра и Волхова, украшал их серебром и золотом, закалал тучные жертвы перед ними. Мало того — пролил даже кровь двух христиан на жертвеннике идольском. Но все это, как чувствовал он, не доставляло покоя душе — душа искала света и мира»¹²⁹.

Яркость красок, игра контрастов в этой картине заворожили многих ученых, так или иначе отдававших дань романтико-психологическому истолкованию произошедшей с Владимиром перемены. По сути, такой подход является отголоском святоотеческих представлений о всякой человеческой душе как «прирожденной христианке», томящейся жаждой слияния с божеством. Эти воззрения имели определенный исторический смысл в рамках позднеантичной культуры, с ее космополитической всечеловечностью, философскими поисками Единого и единства, религиозным скепсисом по отношению к собственным богам, усталостью, духовным разочарованием, страстным желанием утешения и «спасения». Но они совершенно не применимы к эпохе христианизации европейских «варваров» (V—XIII вв.). Если греко-римский

языческий мир отвечал на требование христианства возродиться в новой вере своими «самыми заветными муками мысли и чувства», то в «варварских» землях христианство не встретило никаких религиозных чаяний, никаких «издавна неудовлетворенных потребностей веры»¹³⁰. Там царил культ грубой физической силы, кровавых воинских доблестей, материального изобилия и успеха, понимаемого как непрерывное приращение господства, мощи, славы и богатства. Там искали не душевного покоя, не «света и мира», а войны и побед, добычи и почестей. Братоубийство, конечно, не относилось к числу похвальных деяний, но совершенное в пылу междоусобной брани, в борьбе за власть, оно считалось выражением «божьего суда». Бог для язычников был не в правде, а в силе, и высшая правда всегда оказывалась на стороне победителя.

Близкое знакомство с римско-византийской цивилизацией, безусловно, расшатывало традиционные устои «варварского» мира, порождая тягу к усвоению политического и культурного наследия христианского юга. Однако христианская цивилизация привлекала «варваров» отнюдь не тем, что она была христианской. Напротив, именно христианство в его, так сказать, чистом виде, как нравственное учение, как образ жизни, вызывало непонимание и неприятие, ибо грозило разрушить все те ценности военизированного «варварского» общества, на которых зиждились его сила и благополучие. К новой вере общались пассивно, как бы нехотя и в самую последнюю очередь, когда политические, экономические и культурные связи с христианским миром крепили настолько, что становились уже нерасторжимыми.

Побуждения к принятию крещения, собственно, были теми же, по которым раньше упорствовали в идолопоклонстве: могоществу по-прежнему отдавали предпочтение перед смирением и, предавшись под покровительство христианского Бога, надеялись достичь величия и торжества над врагами¹³¹. Чтобы привлечь к себе эти грубые души, христианство должно было оставить в тени все, что могло казаться в Иисусе слабостью (близость с бедняками, проповедь смирения, крестные страдания и проч.), и явиться перед ними в образе Бога Сил,

Христа-Вседержителя, почти полностью слившегося с Богом Отцом. Христианские миссионеры проповедовали в «варварских» странах не столько Евангелие, сколько единобожие. Христу одному предстояло превзойти могуществом и славой мириады богов национальных языческих пантеонов. И христианский Бог — Отец и Сын одновременно — вступал со всеми ними в состязание, являя свою абсолютную власть над природой и людьми в акте сотворения мира и человека, в триумфе Воскресения, на Страшном суде. За многие столетия миссионерской деятельности Церковь опытным путем установила, что именно эти страницы Библии воздействуют наиболее сильным образом на чувства и воображение «варваров». Не случайно соответствующие эпизоды занимают не менее четверти содержания летописной «Речи философа». Причем свой рассказ о воскресении мертвых и последнем суде, когда каждому воздастся «по делом его: праведным царство небесное, и красоту неизреченную, и веселие без конца, и не умирати во веки, грешником же мука огнена, и червь неусыпающий, тьма кромешная, и муке не будет конца», греческий «философ» подкрепил демонстрацией Владимиру «запоны» (холста с вышитым или нарисованным изображением), «на ней же бе написан страшный суд Господень, и показываше ему [Владимиру] одесную [справа] праведныя в веселии предъидуща в рай, а ошуюю [слева] грешники идуща в муку вечную». Пораженный услышанным и главным образом увиденным, Владимир «воздохнув рече: «добро сим одесную, горе же сим ошуюю».

Здесь литературному персонажу по имени «Владимир» приписаны чувства, действительно испытанные десятками и сотнями тысяч живых людей, которые со страхом узнавали, что их посмертная участь находится всецело в руке Божией. У Владимира, рожденного и воспитанного на языческом севере, не было внутренней предрасположенности к христианству, как у его братьев, сызмальства находившихся при дворе княгини Ольги. Душе его для обращения необходим был сильный внешний толчок, и впечатляющая картина Страшного суда вполне могла дать его мыслям нужное направление.

Стоит отметить, что тема загробного воздаяния присутствует в церковном уставе Владимира, который грозит послушникам церковных правил «перед Богом... отвечать, на Страшном суде, пред тьмами ангелов, идеже каждого дела не скрываются, благая или злая, идеже не поможет никтоже кому, но токмо правда избавить от вторыя смерти, от вечных мукы... от огня негасимаго. Господь рече: в день месть воздам, содержащим неправду в разуме, тех огнь не угаснет, и червь их не умрет; сотворившим же благая [идти] в жизнь и в радость неизреченную, а сотворившим злая... неизмолим суд обрести». Не исключено, что здесь мы имеем дело с неизбывным духовным переживанием самого автора устава, навсегда замороженного грозными отблесками адского пламени. Во всяком случае, имеющиеся свидетельства о второй половине жизни Владимира показывают, что обращение его было непритворным, и, следовательно, обещая Василию II креститься, он не лицемерил и не вел беспринципную политическую игру ради того, чтобы любой ценой заполучить в жены царевну Анну. Политика и религия сплелись здесь настолько тесно, что их просто невозможно отделить друг от друга.

Крещение Владимира

Духовные беседы с севастиийским митрополитом, по-видимому, и в самом деле произвели на Владимира глубокое впечатление, ибо тотчас по их завершении он объявил о своей немедленной готовности креститься. «Переговоры закончились тем, что царь русов принял христианство», — свидетельствует Абу Шуджа. Его известие имеет хронологическое соответствие в древнерусских произведениях XI в., где обращение Владимира также отнесено к 987 г. Так, в «Памяти и похвале Владимиру» Иакова Мниха сказано: «И седе в Киеве князь Володимер... месяца июня в 11, в лето 6486 [978 г.]. Крести же ся князь Володимер в десятое лето по убьении брата своего Ярополка», то есть в 987 г.¹³² Вероятно, обряд крещения был совершен над ним в июле—августе, самое позднее, в начале сентября этого года.

Труднее решается вопрос о месте, где крестился Владимир. Как уже говорилось, в XII в., когда окончательно оформилась «корсунская легенда», официальное предпочтение летописцев было отдано Корсуну. Правда, начатки понятия о научной добросовестности не позволили им скрыть того факта, что, наряду с их мнением на этот счет, существовали и другие: «Се же не сведуще право [не знающие истины] глаголют, яко крестился естъ в Киеве, иные же реша — в Василеве, другие же инако скажут; крещену же Володимеру в Корсуну».

Сказание об «испытании вер» и «Речь философа», взятые как самостоятельные произведения, действительно предполагают обращение Владимира, так сказать, «на месте», в его князем тереме¹³³. Историко-филологическая критика «корсунской легенды», выявившая ее литературное происхождение, по крайней мере в части, касающейся Владимирова крещения, придала вес показаниям «несведущих», побудив многих ученых высказаться в пользу Василева (княжеской резиденции на реке Стугне) или Киева¹³⁴. Было заявлено, что голоса «несведущих» отражают древнейшее воззрение наших предков, согласно которому Владимир крестился в Русской земле. В доказательство их правоты приводили два иностранных свидетельства. Яхья Антиохийский вроде бы протягивает «несведущим» руку, когда пишет: «И заключили они [Владимир и Василий II] между собой договор о свойстве. И женился царь русов на сестре царя Василия, после того, как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны... *И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою...*»

Есть также показание с противоположной стороны света. Скандинавская «Сага об Олаве Трюггвасоне» (в древнейшей редакции монаха Одда) излагает историю крещения Владимира следующим образом. Когда Олав, воспитанный в «Хольмгарде», при дворе Владимира, подал, то испытал духовный перелом. Ему было ниспослано видение, из которого явствовало, что князя Владимира, его благодетеля, и «многих людей, которые верили в деревянных идолов», ожидают загробные мучения.

Олав не медля устремился в Константинополь, где был наставлен в вере «одним превосходным епископом» и крестился. В «Хольмгард» он вернулся уже другим человеком. Отныне он не уставал напоминать Владимиру, насколько «прекраснее вера, когда веруешь в истинного Бога и творца своего, который сделал небо и землю, и все, что им сопутствует», и «как мало приличествует тем людям, которые являются могущественными, заблуждаться в таком великом мраке, чтобы верить в тех богов, которые не могут оказать никакой помощи». Владимир «долго сопротивлялся и говорил против того, чтобы оставить свою веру и тех идолов, но все же понял он благодаря Божьей милости, что многое отличало ту веру, которая была у него, от той, которую проповедовал Олав». К убеждениям Олава присоединила свой голос мудрая жена Владимира, княгиня Аллогия, и в конце концов «согласился конунг [Владимир] и все его мужи принять святое крещение и правую веру, и был там крещен весь народ».

Ввиду того, что Яхья и «Сага об Олаве», в сущности, ведут рассказ о совершенно разных вещах, приходится выбирать между ними, и это сразу сокращает доказательную базу «местной» (киево-василевской) версии крещения Владимира с двух до одного свидетельства. Первым делом естественно отпадает скандинавское известие, ибо оно отстоит от истины даже дальше, чем «корсунская легенда», которая хотя бы знает о связи между крещением Владимира и его женитьбой на Анне (в действительности Олав покинул Русь задолго до того, как Владимир принял христианство¹³⁵). Но затем свою несостоятельность обнаруживают и сведения арабского историка, поскольку такой ход событий, когда язычник Владимир *сначала* женится на христианке Анне, а *потом* крестится и заполучает жену (!), бесспорно, обусловлен только тем, что Яхья в данном случае не совладал ни с логикой, ни со стилистикой. Разумеется, логико-стилистическая погрешность не может считаться доброкачественным историческим свидетельством. Здесь уместно вспомнить постановление Трулльского собора о недопустимости браков с язычниками — это правило в Византии действительно соблюдалось неукоснительно. Таким образом, сообщение Яхьи нуждается в серьезной поправке, состоящей в том,

что крещение Владимира произошло, несомненно, до бракосочетания (или обручения) с Анной и до приезда в Киев «митрополита и епископов». Но тогда оно теряет всякое значение для разрешения интересующего нас вопроса.

Обращение же к русским источникам показывает, что все наши писатели XI в. (Иаков Мних, митрополит Иларион, преподобный Нестор) вообще не упоминают напрямую названный топографических пунктов, имеющих отношение к крещению Владимира. Это опровергает принадлежность «несведущих» к продолжателям древнейшей, «докорсунской» традиции, заставляя отнестись к их мнению о крещении Владимира в Киеве или Василеве как к интеллектуальному продукту того же XII в. и потому не имеющему никаких преимуществ перед «корсунской легендой».

Между тем при сопоставлении вероятного факта проведения русско-византийских переговоров на территории нижнедунайской Болгарии с указанием Абу Шуджи на то, что Владимир крестился *сразу же* после их окончания¹³⁶, открывается возможность заключить последнее событие совершенно в иные географические рамки. В этом случае обсуждению подлежат два варианта. Согласно первому, севастикий митрополит мог окрестить Владимира непосредственно в том городе или местечке Нижнего Дуная, где проходили переговоры. Однако такое скромное, почти «домашнее» крещение «архонта росов» плохо вяжется с исключительным значением этого действия в свете беспрецедентного родственного союза Владимира с византийским царствующим домом и той роли спасителя Македонской династии, которую призван был сыграть новообращенный вождь «народа рос». Соображения престижа, в равной степени важные для обеих сторон, требовали придать крещению русского князя и его предстоящему бракосочетанию с Анной торжественный характер. А достичь этого можно было только перенеся соответствующие церемонии в столицу Византии. Отсюда с необходимостью следует, что Владимир должен был креститься в Константинополе, в присутствии василевсов, их сестры, представителей знати и высшего церковного клира. Некогда так поступила княгиня Ольга, почему же ее внук, пре-

следовавший почти те же самые цели, должен был действовать иначе? Ведь именно он был господином положения и диктовал Василию II условия соглашения.

В этой связи большой интерес представляет один отрывок из «Похвалы Владимиру» митрополита Илариона (в составе его «Слова о законе и благодати»). Уподобляя в этом месте Владимира императору Константину Великому, Иларион пишет: «Он [Константин] с матерью своей Еленою крест из Иерусалима принес, по всем владениям своим части его разослал, веру укрепил. Ты же с бабкою твоею Ольгою принес крест из нового Иерусалима, града Константина — по всей земле своей поставил и утвердил веру». Воздвижение в Русской земле духовного «креста», то есть утверждение и распространение христианской веры, уподобляется здесь рассылке частичек настоящего креста, на котором был распят Спаситель, по землям Византийской империи, но этот «духовный крест», по убеждению Илариона, доставлен был Владимиром, как и Ольгой, из Царьграда (не из Корсуни!). Путешествие Ольги в Константинополь ради принятия крещения — бесспорный исторический факт. Не значит ли это, что и Владимир помнился русским церковным деятелям середины XI в. как цареградский паломник? Да и христианское имя Василий, принятое Владимиром при крещении в честь Василия Великого, наводит на мысль, что император Василий II, нареченный в память того же святого, выступил в роли его крестного отца. Конечно, все это лишь косвенные доказательства, но серьезной альтернативы им на сегодняшний день не существует¹³⁷.

За крещением Владимира, видимо, должно было последовать его обручение с Анной. Эта церемония отвечала интересам обеих сторон: Владимир законным образом закреплял свои права на царственную невесту, а у Василия II прибавлялось уверенности, что его русский зять не замедлит с отправкой в Константинополь вспомогательного войска. Поездка Анны в Киев для официального бракосочетания, естественно, откладывалась до выполнения Владимиром этого важнейшего условия договора. Кроме того, Владимиру предварительно надлежало еще объявить христианство государственной религией Русской земли, ибо ба-

грянородная сестра василевсов не могла быть послана в языческую страну, чтобы царствовать над идолопоклонниками.

После обручения с Анной у Владимира уже не оставалось причин и далее откладывать свой отъезд в Киев. Все гарантии были получены, все формальности соблюдены. Теперь Владимир должен был поспешать, дабы не дать Фоке воцариться в столице империи и обратить его договоренности с Василием II в пустой звук.

Глава 4

КРЕЩЕНИЕ КИЕВА

Отправка в Византию русских «воев»

Владимир возвратился в Киев осенью 987 г. и сразу приступил к последовательному выполнению взятых на себя обязательств. По известию Иакова Мниха, первым его делом было приобщить к новой вере свою семью — многочисленных жен и детей, а также всех ближних и дальних родственников: «Крести же ся сам князь Володимер, и чада своя, и весь дом свой святым крещением просвети и свободи всякую душу, мужеск пол и женеск, святого ради крещения». Вероятно, тогда же крестилась и княжеская дружина (хотя ближние, *старейшие* дружинники могли принять крещение вместе с Владимиром в Царьграде)¹³⁸.

С наступлением зимы Владимир с дружиной, видимо, по обычаю отправился в полюдье, во время которого распорядился, чтобы весной в Киев было сплавлено необходимое количество ладей-однодеревков. Не позднее июня приготовления к походу были закончены, и русская флотилия двинулась в путь¹³⁹. Численность снаряженного Владимиром вспомогательного войска обыкновенно оценивают в шесть тысяч человек, что не совсем верно. Эта цифра взята из исторического сочинения Степаноса Таронского (Асохика). В 1000 г., пишет он, Василий II двинул армию к грузинской границе, чтобы завладеть завещанным ему княжеством умершего иверийского правителя Давида Куропалата. Императорское войско состояло из русских и грузинских

наемников. У города Хавачича (близ современного Эрзерума) несколько русов не поделили с грузинами охапку сена. Завязалась драка, один рус был убит, и стычка переросла в настоящее побоище. «Поднялись все русы, — рассказывает Асохик, — а их было 6000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых император Василий получил от русского князя, когда отдал свою сестру ему в жены, а это было тогда, когда этот народ принял веру в Христа».

Тут нужно учитывать (чего никогда не делается), что описанные армянским историком события произошли спустя двенадцать лет после прибытия русского войска в Константинополь, под начало Василия II. За эти годы русы приняли участие во многих походах и битвах, верой и правдой служа императору. Неизбежные потери должны были изрядно уменьшить их число (Асохик пишет, что у Хавачича с грузинами дрались *те самые* русы, которых прислал Владимир, то есть русский отряд с тех пор не пополнялся). По всей видимости, первоначальная численность русского вспомогательного корпуса составляла не менее восьми—десяти тысяч человек. Это в свою очередь позволяет говорить об участии в экспедиции против Фоки сильной дружины таврических русов, поскольку киевский князь вряд ли располагал такими силами¹⁴⁰.

Подготовительные шаги к крещению киевлян

Теперь, когда главное условие договора с Василием II было выполнено, Владимиру оставалось сделать последнее — крестить киевлян и стать государем христианского народа. Культурно-историческое наследие предшествующих десятилетий в значительной степени облегчало эту задачу. Владимиру было на кого опереться. Христиане уже составляли немалую часть населения Киева. При Ярополке (во время осады Киева в 978 г.) они продемонстрировали, что в союзе с князем способны взять под контроль политическую обстановку в городе. Поэтому Владимир мог не опасаться вспышек возмущения со стороны киевлян-язычников. Но ему предстояло убедить в своей право-

Низвержение идолов в Киеве

те городское вече, для которого княжеское слово отнюдь не являлось законом.

В первую очередь Владимир постарался заручиться поддержкой городской знати — *старцев градских*. Им принадлежало право предварительного совещания, без чего ни один вопрос вообще не мог быть вынесен на обсуждение веча. Старейшины вняли уговорам князя и изъявили готовность креститься (Повесть временных лет об этом не упоминает, но в других летописях сохранились сведения, что перед крещением народа в христианство обратилось «множество знатных людей»¹⁴¹). После этого исход дела был в общем-то предreshен: организованного отпора религиозному нововведению быть уже не могло. В Житии Оттона Бамбергского (начало XII в.) есть схожий эпизод, когда один поморский князь, решивший по совету германского миссионера обратить в христианство свой народ, говорит ему: «Будь покоен, отец мой и господин, никто не станет тебе противиться, коль скоро старцы и знатные приняли христианскую веру».

Тем не менее Владимир не спешил созывать вече. Он не хотел действовать напролом, не исчерпав предварительно многочисленных средств убеждения, имевшихся в миссионер-

ском арсенале той эпохи. Одним из них было эффектное, ошеломляющее зрелище, другим — проповедь. Язычники должны были своими глазами убедиться в ничтожности старой религии и неотвратимости предстоящей перемены веры. Для этого Владимир повелел разрушить святилище Перуна — то самое, которое несколькими годами раньше сам же распорядился устроить «на холме вне двора теремного». «Поганьскыя боги, паче же и бесы, Перуна и Хорса и ины многа попра и скруши идолы», — пишет Иаков Мних¹⁴². Житийно-летописное предание добавляет еще, что Владимир приказал своим слугам сбросить статую Перуна на землю, привязать ее к хвосту коня и волочить с «горы по Боричеву [взвозу] на Ручей», колотя поверженного идола жезлами — «не потому, что дерево чувствует, но для поругания беса, который прельщал нас в этом образе». Слуги сопровождали истукана до днепровских порогов, а там — пустили его по течению. Древнерусская литература XI в. (митрополит Иларион, Иаков Мних) не знает этих подробностей. Впрочем, надругательство над поверженными богами было в обычае при подобных обстоятельствах. Например, когда в 1168 г. датчане взяли город Аркону (на острове Рюген), где находилось наиболее почитаемое в славянском Поморье святилище Святовита, датский король велел «вытащить этот древний идол Святовита, который почитается всем народом славянским, и приказал накинуть ему на шею веревку и тащить его посреди войска на глазах славян и, разломав на куски, бросить в огонь» (сообщение Гельмольда).

Доказав свою решимость искоренить идолопоклонство, Владимир разослал по городу христианских священников, которые «ходяще по граду, учашу люди вере Христове»¹⁴³. Роль проповедников, по-видимому, взяло на себя духовенство киевских храмов, имевшихся на то время, — Святого Илии и других. Однако Иоакимовская летопись сообщает также об участии в крещении киевлян некоторого количества болгарских иереев, привезенных Владимиром в Киев с согласия Константинопольского патриарха¹⁴⁴. Это известие выглядит правдоподобно, так как греческие священники по незнанию славянского языка, конечно, не годились в миссионеры.

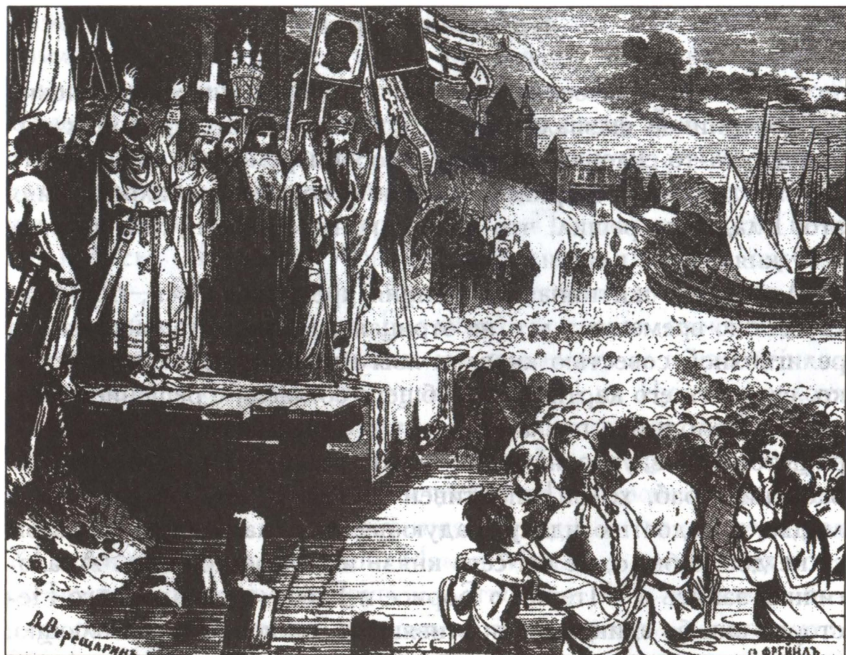
Крещение народа

Поругание языческих святынь и увещевания христианских проповедников вызвали разлад среди киевских идолопоклонников: кто-то склонялся к тому, чтобы переменить веру, кто-то упорно держался старины, большинство же колебалось. Видя это, Владимир решил, что пора наконец прибегнуть к авторитету княжеской власти.

Летописно-житийная концепция крещения Руси, принятая Повестью временных лет, не отрицая самого факта насилия над религиозной совестью киевлян-язычников, постаралась, однако, сгладить его картиной всеобщего согласия с решением князя: «...Володимер посла по всему граду, глаголя: «аще не обрящется кто заутро на реке, богат ли, ли убог, или нищ, ли работник [раб, холоп], противен мне да будет. Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголюще: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли». Аналогичная запись в «Чтении о Борисе и Глебе» преподобного Нестора («ни бо единому сопротивляшеся, ни вопреки глаголющю; но яко издавна научен, тако течаху радующеся к крещению») свидетельствует, что этот официально-оптимистический взгляд на крещение Руси утвердился в церковной среде в последней трети XI в.

Более древняя летописная традиция, отраженная в «Истории» В.Н. Татищева, повествует об этом иначе. Повеление Владимира креститься было встречено жителями Киева неоднозначно: «Тогда Владимир послал по всему граду, глаголя: «заутра всяк изидет на реку Почайну креститься; а ежели кто от некрещеных заутра на реке не явится, богат или нищ, вельможа или раб, тот за противника повелению моему причтется». Слышавшие же сие, людие многие с радостию шли, рассуждая между собою, ежели бы сие не было добро, то б князь и бояра сего не прияли. Иныи же нуждою последовали, окаменелыя же сердцем, яко аспида, глуха затыкающе уши своя, уходили в пустыни и леса...»¹⁴⁵

Достоверность татищевского известия подтверждает известный фрагмент «Слова о законе и благодати» митрополита Ила-

Крещение киевлян. Рис. В.П. Верещагина

риона: «И заповеда [Владимир] по всей земле своей креститься... и не бысть ни единого же противящегося благочестному его повелению: да аще кто и не любовью, но страхом повелевшего крещахуся, понеже бе благоверие его с властью сопряжено».

Однако — и об этом нельзя забывать — несомненный оттенок принудительности в действиях Владимира по отношению к киевским язычникам был стилизован в древнерусской литературе тоже не вполне адекватно историческим реалиям конца X в. Почти безграничная власть киевского князя, которой, пускай и ропща, повинуетсЯ народ, — картина для того времени «далекая от действительности, созданная под впечатлением христианского учения о божественном происхождении власти с вытекающим отсюда требованием беспрекословного ей подчинения»¹⁴⁶.

Ничего подобного не было и не могло быть в Киеве 988 г. Насильственное обращение в христианство некоторой части киевлян было обусловлено характерной особенностью внутривнутриполитических отношений у славян при родоплеменном строе. Вечевого порядка требовал от участников сходки единодушного приговора. Несогласных с мнением большинства поначалу уговаривали всем миром¹⁴⁷, а с теми, кто, несмотря ни на что, продолжал упрямиться, поступали как с преступниками, подвергая их тяжелым наказаниям — побоям, грабежу имущества или крупному денежному взысканию¹⁴⁸. Поэтому, если Владимир и позволил себе припугнуть колеблющихся, то все-таки роль главного и непосредственного притеснителя киевских язычников, безусловно, сыграло само вече, потребовавшее от «окаменелых сердцем» подчиниться выбору князя¹⁴⁹. В этой связи представляется вероятным, что упорствующие идолопоклонники, будто бы сами ушедшие «в пустыни и леса», на самом деле были изгнаны вечем (изгойство было труднопереносимым состоянием для общинного сознания людей того времени, и потому вряд ли могло стать добровольным уделом даже тех, кто открыто противился принятию христианства). В обществе, которое ставило сплоченность и единство, пусть даже формальное, на первое место в ряду социально-политических ценностей, насилие над душой было в порядке вещей — в этом не видели чего-то недопустимого или хотя бы отчасти предосудительного.

Итак, киевское вече, пошумев, одобрило призыв князя и городской знати всем миром помянуть веру. На следующий день¹⁵⁰ поутру, на берегу реки (то ли Почайны, как сказано в татищевском источнике и в Житии Владимира особого состава, то ли Днепра, по известию Повести временных лет и Обычного жития Владимира) сошлось множество людей обоего пола и всех возрастов. Священники разделили их на группы и велели по очереди заходить в реку, которая заменила собою купель. Чтобы вся толпа могла разместиться на мелководье, первым рядам приходилось заходить в воду по шею, следующие за ними стояли в воде по грудь, а тем, кто оказывался ближе всего к берегу, вода доходила до колена. Священники читали положенные молитвы, а потом давали каждой купе крестившихся христианские имена:

одно мужское — общее для всех мужчин, другое женское — всем женщинам (никакого бытового неудобства от этого не возникало, так как и после крещения в повседневном обиходе все равно использовались только светские, «языческие» имена). Пробовали сосчитать новообращенных, да сбились со счета¹⁵¹.

В конце лета — начале осени 988 г. Владимир с дружиной отправился встречать невесту. «На другое лето по крещении [имеется в виду личное крещение князя в 987 г.] к порогам ходи», — пишет Иаков Мних¹⁵². Сам князь с большей частью своих людей, вероятно, встал в порогах, выслав вперед, к днепровскому устью, несколько ладей, на борту которых могли разместиться Анна и вся ее свита. Посыльные, однако, вернулись ни с чем. Византийский корабль, который должен был доставить Анну в Киев, так и не появился. Неожиданное препятствие преградило «царице росов» дорогу в ее новую столицу.

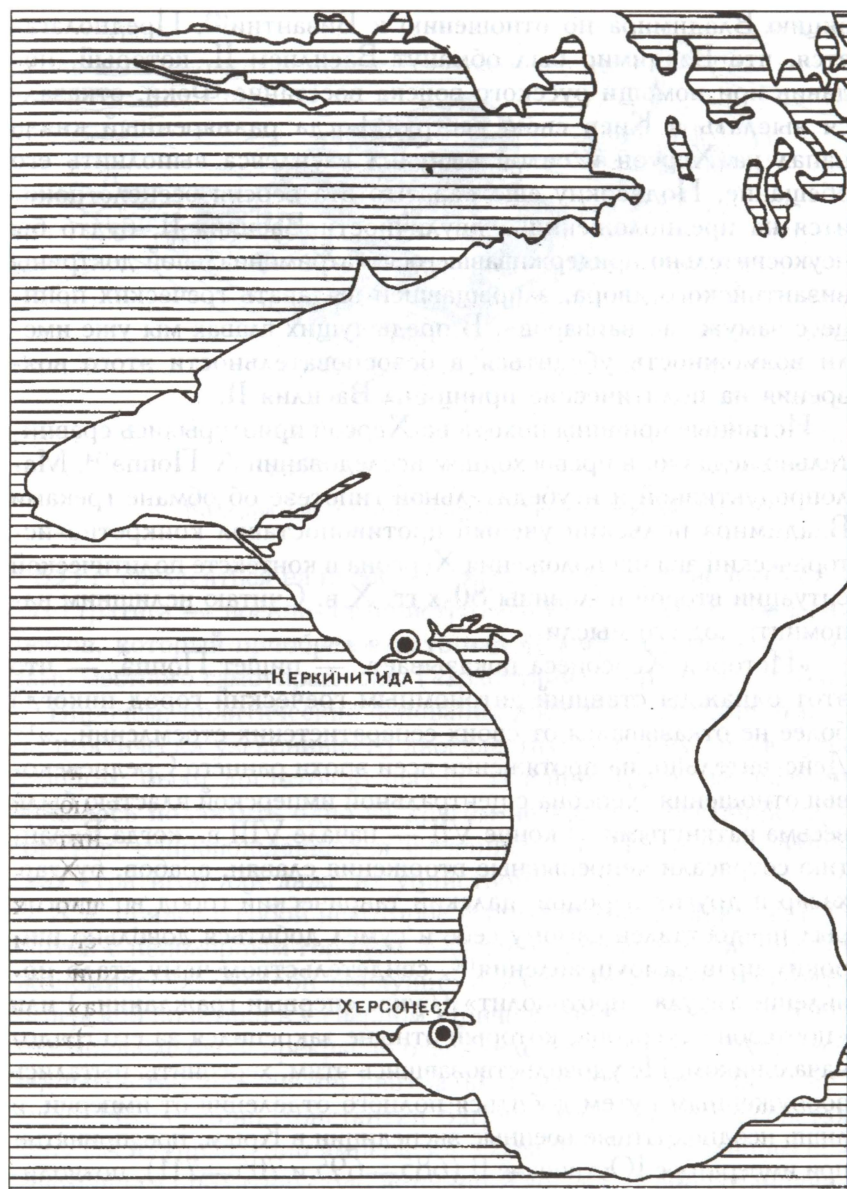
Глава 5

ПАДЕНИЕ ХЕРСОНА

Причины похода на Херсон

Корсунский поход по праву занимает видное место в истории византийского брака Владимира. В памяти русских людей конца XI — начала XII в. прочно отложилось, что жениться на Анне Владимир смог только после того, как овладел Херсоном; там же, в одной из херсонских церквей, произошло их венчание. Но причинная связь между самым громким военным предприятием Владимира и его женитьбой на греческой царице довольно скоро забылась, — «корсунская легенда» является поздней и неудачной попыткой ее восстановить. Этому литературному памятнику уже ничего не известно ни о международной политической обстановке 987—989 гг. в целом, ни о подлинных обстоятельствах заключения русско-византийского династического союза. Тем не менее господствующая историографическая традиция, следуя если не букве, то духу «корсунской легенды», рассматривает корсунский поход как враждебную

КНЯЖЕНИЕ ВЛАДИМИРА

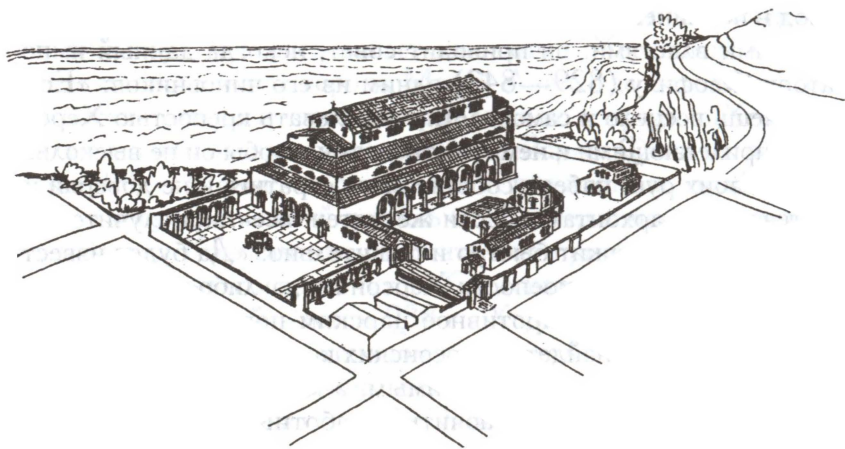
Западный Крым

акцию Владимира по отношению к Византии¹⁵³. Предполагается, что Владимир был обманут Василием II, который, подавив при помощи русского войска восстание Фоки, отказался выслать в Киев свою сестру. Тогда разъяренный князь напал на Херсон и силой вынудил василевса выполнить его обещание. Подчеркну еще раз, что эта версия всецело покоится на предположении о двуличности Василия II, будто бы неукоснительно придерживавшегося матримониальной доктрины византийского двора, запрещавшей выдавать греческих принцев замуж за «варваров». В предыдущих главах мы уже имели возможность убедиться в безосновательности этого воззрения на политические принципы Василия II.

Истинные причины похода на Херсон приоткрылись сравнительно недавно, в превосходном исследовании А. Поппэ¹⁵⁴. Малопродуктивной и неубедительной гипотезе об обмане греками Владимира польский ученый противопоставил конкретно-исторический анализ положения Херсона в контексте политической ситуации второй половины 80-х гг. X в. Считаю нелишним напомнить ход его мысли.

«История Херсонеса показывает, — пишет Поппэ, — что этот однажды ставший автономным греческий город никогда более не отказывался от своих сепаратистских стремлений...»¹⁵⁵ Действительно, на протяжении всей эпохи раннего Средневековья отношения Херсона с центральной имперской властью были весьма натянутыми. В конце VII — начале VIII в., когда Византию сотрясали непрерывные вторжения славян, арабов, болгар, хазар и других народов, далекий таврический город во многом был предоставлен самому себе и сумел добиться довольно широких прав самоуправления¹⁵⁶, свидетельством чему стало появление титула «протополит» (букв. «первый гражданин») или «протевон» Херсона, который отныне закрепился за его градоначальником. Не удовлетвовавшись этим, херсониты пытались вооруженным путем добиться полного отделения от империи, и лишь неоднократные военные экспедиции в Крым, предпринятые при императоре Юстиниане II (685—695 и 705—711), позволили удержать город в орбите византийской политики. Усиление в Крыму хазарского влияния заставило городской муниципалитет

Кафедральный храм Херсона. Реконструкция

в 833 г. согласиться на непосредственное присутствие в его стенах стратига — военно-административного представителя василевсов, который приобрел власть над всеми должностными лицами местного самоуправления («архонтами»), кроме протевона.

Впрочем, политические основания достигнутого компромисса, фактически узаконившего двоевластную систему управления городом, были достаточно шатки. В конце IX в. василевсам пришлось подавлять одно за другим несколько восстаний херсонитов, сопровождавшихся изгнанием из города императорских стратигов или даже их убийством.

X в. принес с собой некоторое успокоение в отношениях Византии с непокорным городом. Обескровленный и ослабленный экономически, Херсон послушно взял на себя роль форпоста имперской политики в Северном Причерноморье. Однако в Константинополе были прекрасно осведомлены о том, что глубинное недовольство херсонитов центральной властью отнюдь не исчезло. Не случайно Константин Багрянородный в своих советах сыну («Об управлении империей», глава 53) подробнейшим образом описал политическую историю Херсона, особо остановившись на системе административно-экономических мер, при помощи которых предыдущим василевсам удавалось удерживать

город в подчинении. Рекомендую никогда не терять контроля над местными властями, он приводит совет, некогда данный императору Феофилу (829—842) одним из его чиновников: «Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и прилегающими к нему местностями, чтобы он не выскользнул из твоих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам». Если же мятеж все-таки случится, то действовать надлежит быстро и решительно: «Да будет известно, что, если жители крепости Херсон когда-либо восстанут или замышлят совершить противное царским повелениям, должно тогда, сколько ни найдется херсонских кораблей в столице, конфисковать вместе с их содержимым, а моряков и пассажиров-херсонитов связать и заключить в работные дома. Затем же должны быть посланы три василика [полномочных государственных чиновников]: один — на побережье фемы Армениак, другой — на побережье фемы Пафлагония, третий — на побережье фемы Вукелларии¹⁵⁷, чтобы захватить все суда херсонские, конфисковать и груз, и корабли, а людей связать и запереть в государственные тюрьмы... Кроме того, нужно, чтобы эти василики препятствовали пафлагонским и вукелларийским кораблям и береговым суденышкам Понта переплывать через море в Херсон с хлебом или вином, или с каким-либо иным продуктом, или с товаром».

Действенность этих репрессивных мероприятий основывалась на том обстоятельстве, что благосостояние Херсона, к несчастью для него, находилось в жесткой экономической зависимости от торговли с империей. Заключительная часть советов Константина не оставляет никаких сомнений на этот счет: «Знай, что если херсониты не приезжают в Романию [Византию] и не продают шкуры и воск, которые они покупают у пачинакитов [печенегов], то не могут существовать. Знай, что если херсониты не доставляют зерно из Аминса, Пафлагонии, Вукеллариев и со склонов Армениака, то не могут существовать».

Последние слова Константина подводят нас к пониманию подлинной роли Херсона в событиях 987—989 гг., ибо «сам византийский император с предельной ясностью указывает нам экономический базис политической ориентации Херсонеса, то

есть кто владеет вышеназванными провинциями на побережье Черного моря, тот располагает ключами к Херсонесу»¹⁵⁸. Все порты и прибрежные города Малой Азии, где находили сбыт херсонские товары и через которые, в свою очередь, в Херсонес поступал хлеб, оказались под властью Варды Фоки не позднее весны 988 г. Можно ли сомневаться, что этот опытный полководец и государственный деятель без промедления исполнил все предписания Константина относительно принудительного обеспечения лояльности херсонитов? Следовательно, приблизительно тогда же, весной—летом 988 г., Херсон должен был волея-неволей подчиниться мятежному правителю Малой Азии. По свидетельству Константина, для этого было достаточно одних только экономических санкций. Однако не исключено, что между Фокой и херсонитами имела место политическая договоренность, и Херсон примкнул к мятежу в надежде обрести наконец вожделенную вольность. Сепаратистские настроения в городе были по-прежнему сильны. Стоит только вспомнить, что во время вторжения Святослава на Балканы сын херсонского протевона Калокир открыто изменил империи и даже сам претендовал на трон василевсов.

Переход Херсона на сторону Фоки затруднил сообщение между Константинополем и Киевом. Поэтому вполне естественно, что Василий II в 988 г. поостерегся посылать Анну к ее русскому жениху, так как херсониты легко могли перехватить корабль принцессы возле крымского побережья или в устье Днепра. Владимир же, еще не зная об изменении политической ситуации в Крыму, на исходе лета отправился навстречу невесте и был оповещен о случившемся только во время длительной стоянки в порогах, когда бесплодное ожидание открыло ему глаза на истинное положение дел.

Именно таким образом женитьба Владимира на Анне вдруг была поставлена в теснейшую зависимость от необходимости овладеть Херсоном. Договоры Игоря и Святослава с греками предоставляли русскому князю законный предлог для военного вмешательства в случае отпадения «страны Корсунской» от империи¹⁵⁹. Однако навигационный сезон 988 г. уже заканчивался. Поход пришлось отложить до следующего года.

Подавление восстания Варды Фоки

Тем временем прибытие в Константинополь русского войска (лето — начало осени 988 г.) вселило в Василия II уверенность в успешном завершении его противостояния с Фокой. Если еще 4 апреля 988 г. василевс горько сетовал в одном из своих указов, что вплоть «до настоящего дня в нашей жизни не только не было ничего хорошего, но, напротив, не осталось такого вида несчастья, которого бы мы не испытали», то теперь он осмелился перейти к наступательным действиям против мятежников. В тыл Фоке, морем, был направлен небольшой греческий отряд под началом Григория Таронита — аристократа армянского происхождения, одного из немногих военачальников, сохранивших верность братьям-василевсам. По-видимому, перед ним была поставлена задача возмутить против Фоки армянские провинции, где среди местного населения имелось немало сторонников Склира, не простивших Фоке предательского ареста их вождя. Десант Таронита без помех высадился в Трапезунде и, пополнив свои ряды, выступил на юг, в направлении Евфрата. Фока был вынужден спешно снять часть своих войск с берегов проливов и перебросить их на восток. Спустя несколько месяцев отряд Таронита был разбит, но временное ослабление сил Фоки на главном театре военных действий оказалось для него роковым.

Армия мятежников и без того была разделена волею ее предводителя на две неравные части, находившиеся на большом удалении друг от друга. Один полководец Фоки, Калокир Дельфина, с большей частью войска занимал холмы вокруг Хрисополя на азиатском берегу Босфора, держа столицу под постоянной угрозой нападения. Другой мятежный военачальник, Лев Мелиосен, осаждал Абидос — последний портовый город на восточном побережье Дарданелл, признававший правительственную власть. Это был настоящий ключ к проливам, не дававший возможности флоту Фоки полностью запереть Дарданеллы и помешать подвозу продовольствия в Константинополь. Пока у Василия II не было средств для решительного контрудара, подобное распыление сил не представляло опасности для восстав-

ших. Но с прибытием в Константинополь вспомогательного корпуса русов ситуация сразу изменилась.

В первую очередь Василий II решил покончить с полуосадным положением своей столицы. Присоединив к русам боеспособные греческие части, он сформировал ударный кулак, которому надлежало сбить мятежное войско с хрисопольских высот. Василевс очень рассчитывал на внезапность нападения, поэтому главная роль в предстоящей операции отводилась русскому ладейному флоту — маневренному, почти бесшумному и менее заметному с берега, по сравнению с большими и неповоротливыми византийскими судами. Между тем Калокир Дельфина проводил время с удивительной беспечностью, не приняв никаких мер, чтобы усилить охрану пролива.

Сражение под Хрисополем произошло в конце 988 или в начале 989 г. (источники не сообщают более точной датировки). Замысел Василия II блестяще удался. Ночью русы тихо переправились на другой берег. С восходом солнца они обрушились на армию Дельфины, застав неприятелей врасплох, «готовившимися не противника побить, а вина попить», по едкому замечанию Михаила Пселла. Немногих сопротивлявшихся быстро перебили, остальные бросились врассыпную. Подоспевший императорский флот довершил разгром, подпав греческим огнем лагерь мятежников. Дельфина и большинство его военачальников попали в плен. Василий II велел подвергнуть их жестоким пыткам, а затем повесить.

О поражении Дельфины Фока узнал в Никее, которую избрал своей резиденцией. Собрав остатки армии, он ушел к Абидосу, где соединился со Львом Мелиосеном. Оба полководца не теряли надежды овладеть городом, что, по их мнению, позволило бы взять Константинополь на измор, и деятельно продолжали осаду. Но через некоторое время под Абидосом высадилось императорское войско. Несколько дней противники не вступали в бой, примериваясь друг к другу. Фока занимал более выгодную позицию: он расположился лагерем на прибрежных холмах, тогда как армия Василия II стояла на береговой равнине. Это заставило Василия вновь сделать ставку на внезапность атаки.

Решающее сражение разыгралось в ночь на 13 апреля 989 г. Понимая, что от его исхода зависит их дальнейшая судьба, Василий II и Константин VIII лично возглавили нападение. Тайно сделав все приготовления, они в темноте незаметно подвели русско-византийское войско к лагерю Фоки. При первых звуках битвы стан бунтовщиков охватил переполох. Воспользовавшись смятением, передовой отряд Василия II, поддержанный императорским флотом и русскими ладьями, сумел поджечь флотилию Фоки, так и не успевшую сняться с якоря. Однако Фока не растерялся. Энергичными действиями ему удалось пресечь назревавшую панику и развернуть боевые порядки. И все же чутье опытного полководца подсказывало ему, что его солдаты полностью деморализованы и сражение им почти проиграно. Тогда он вознамерился вернуть удачу в личном единоборстве с Василием II. Увлекая за собой фалангу грузинских наемников, он во весь опор поскакал к тому месту вражеского построения, где виднелась выдвинувшаяся из рядов фигура Василия II, восседавшего на коне, с длинным копьем в одной руке и иконой Богоматери в другой. Но в ту минуту, когда Фока, вздымая тучи пыли, точно буря, неся на императора, у него внезапно потемнело в глазах, и он тяжело рухнул на землю, сраженный апоплексическим ударом. Устрашенные смертью вождя, грузины мгновенно рассеялись по полю, ища спасения в бегстве. Приближенные Фоки, напротив, окружили его труп и разделили его мечами и кинжалами на куски, словно тушу животного, чтобы первыми поднести Василию II голову, руку или какую-нибудь другую часть тела самозваного василевса. Этим они надеялись заслужить себе прощение. Голова Фоки позже была выставлена на всеобщее обозрение в Константинополе.

Примирение Василия II с Вардой Склиром

После смерти Фоки восстание полыхало еще несколько месяцев. Получив известие о гибели мужа, жена Фоки освободила Варду Склира из-под ареста. К нему немедленно примкнула мятежная знать восточных провинций. Встав во главе большой

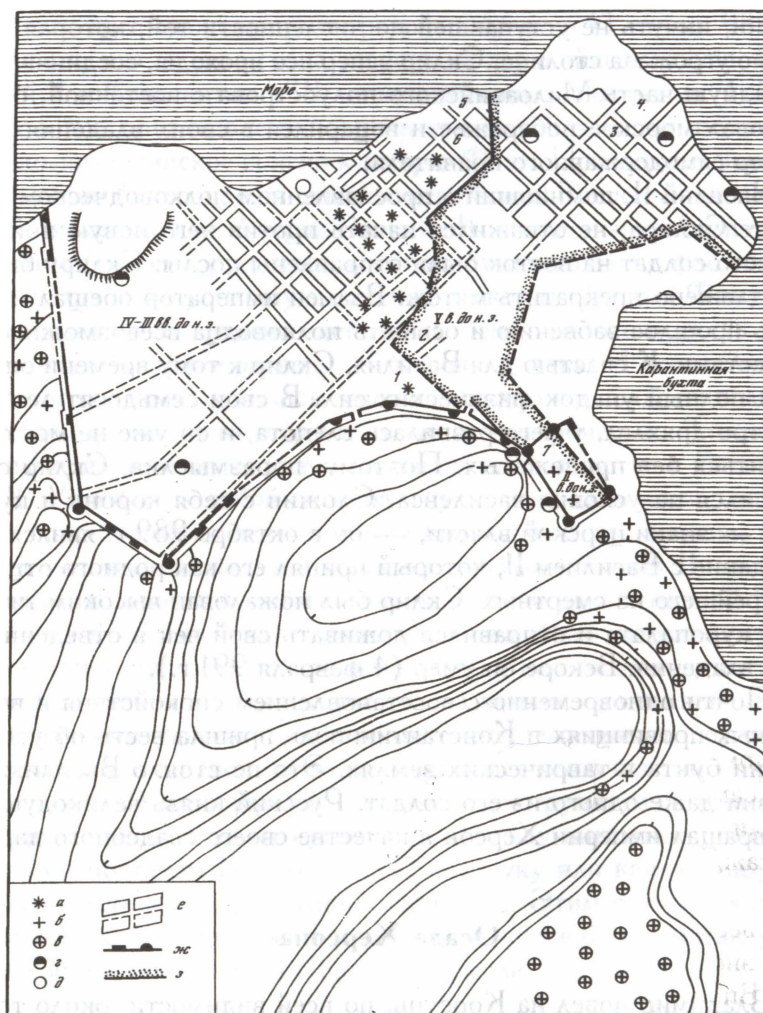
армии, ничуть не уступавшей по численности той, которая недавно угрожала столице, Склир запер все проходы, соединявшие западную часть Малоазийского полуострова с восточной, блокировал морское побережье и воцарился в своих владениях на манер самодержавного правителя.

Василий II, помнивший о прославленном полководческом таланте Склира, не отважился начать против него новую войну. Вместо солдат на восток были отправлены послы. Склиру было предложено прекратить мятеж. Взамен император обещал вернуть прошлое забвению и осыпать полководца всевозможными почестями. К счастью для Василия, Склир к тому времени ощущал полный упадок физических сил. В свои семьдесят лет он быстро дряхлел, у него развилась слепота, и он уже не мог обходиться без провожатых. Поэтому, поразмыслив, Склир согласился на условия василевса. Сложив с себя корону и пурпур — знаки царской власти, — он в октябре 989 г. явился на свидание с Василием II, который принял его как родного отца и мудрейшего из смертных. Склир был пожалован высоким титулом куropалата и отправился доживать свой век в отведенные ему владения. Вскоре он умер (4 февраля 991 г.).

Почти одновременно с восстановлением спокойствия в восточных провинциях в Константинополь пришла весть об усмирении бунта в таврических землях. Это не стоило Василию II жизни даже одного из его солдат. Русский князь великодушно возвращал империи Херсон в качестве своего свадебного дара.

Осада Херсона

Владимир повел на Корсунь, по всей видимости, около трех тысяч «воев» — больше и не было нужно для осады города, в котором, судя по его площади и постройкам, проживало пять-шесть тысяч человек. Навигация на Черном море в древности открывалась после 23 апреля¹⁶⁰. В конце мая или в первых числах июня 989 г. русские ладьи при попутном ветре, который в этих местах летом постоянно дует с моря на побережье, ворвались в большой залив, окаймлявший Херсон с восточной сторо-

План Херсона:

1 — театр; 2 — монетный двор; 3 — общественное здание III в. до н. э. на главной улице; 4 — храм III в. до н. э.; 5 — общественное здание I—III вв. н. э.; 6 — дом с мозаикой II в. до н. э.; 7 — термы на территории так называемой цитадели; а — некрополь V—IV вв. до н. э.; б — некрополь III—I вв. до н. э.; в — некрополь I—IV вв. н. э.; г — гончарные мастерские; д — стеклотделательная печь; е — жилые кварталы; ж — оборонительные стены; з — примерные границы города в V—IV вв. до н. э.

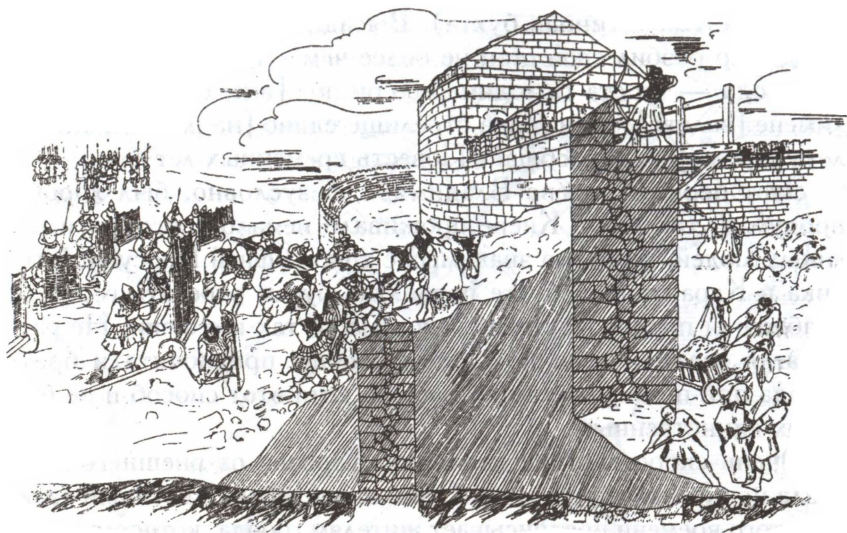

ны (ныне Карантинная бухта). Высадившись здесь на берег, Владимир разбил свой стан не более чем в тысяче шагах к югу от города — «и ста Володимер об он пол [вне, около] города в лимене [заливе], дали града стрелище едино [на расстоянии полета стрелы]», — сообщает Повесть временных лет¹⁶¹.

Этот первый маневр Владимира, безусловно, был хорошо продуман, так как в Киеве проживало немало торговых и военных людей, детально знакомых с топографией Корсуни. Стоянка в Карантинной бухте позволяла русам отрезать город от снабжения продовольствием как с моря, так и с суши. Не располагая осадной техникой, русы вообще предпочитали брать города при помощи тесной блокады, хотя этот способ и не был у них единственным.

Очень скоро тактика изоляции Херсона от внешнего мира стала приносить свои плоды. Один византийский военный трактат этого времени предписывает жителям города, которому угрожает осада, делать запасы еды не менее чем на четыре месяца. Возможно, херсониты по их собственному богатому опыту осадного сидения и не нуждались в подобном напоминании. Однако едва ли они смогли запастись продовольствием для долгой осады. Константин Багрянородный ясно дает понять, что одной только морской блокады было достаточно, чтобы уморить Херсон голодом. Владимир же обложил город еще и с суши, и притом в то самое время, когда местные земледельцы только должны были приступить к жатве (в Крыму страда начинается в июне). Осажденные не раз пытались вылазками прорвать блокаду («боряхуся крепко из града»), но, видимо, безуспешно. Недостаток в съестных припасах с каждым днем чувствовался все острее. «Изнемогаху в граде людье», — свидетельствует летопись.

Впрочем, чересчур долгая осада грозила бедствиями и самим русам, поскольку они не были привычны к зимним кампаниям, особенно в чужих странах¹⁶². Владимиру необходимо было взять Херсон до наступления первых холодов. Чтобы ускорить падение города, он начал приготовления к штурму: «повеле приспу сыпати к граду» (велел «землю наносить и присыпати и с горы приступати», — поясняет приказ князя Архангелогородский летописец). По смыслу этого выражения, кстати чрезвычайно ред-

Русы делают присыпь к стене Херсона

ко понимаемого правильно¹⁶³, действия осаждавших заключались в том, что они, вероятно под прикрытием лучников, *присыпали* к подножию выбранного участка стены землю, камни и т. д., стремясь возвести вровень со стеной верхушкой земляной откос, по которому можно было бы взобраться на стену без помощи лестниц.

Горожане, однако, не пали духом и своевременно приняли контрмеры. Дождавшись, когда присыпь скрыла нижнюю часть стены, они сделали под нее подкоп и через него, незаметно для осаждавших, выгребали землю и уносили ее в город¹⁶⁴. Русы были весьма озадачены тем, что присыпь, несмотря на все их старания, не увеличивается в размерах: «Воины же присыпаху боле, а Володимер стояше [без дела, не имея возможности приступить к штурму]», — сообщает Повесть временных лет; Никоновская летопись еще больше подчеркивает наивное удивление князя бесполезностью его предприятия: «Володимер же зря удивляшеся, яко ничтоже успеваху сыплуще», то есть князь, смотря, наблюдая за ходом работ, удивлялся, что присыпь не увеличивается в размерах.

Если даже Владимир и догадался о хитрости херсонитов, то помешать им было не в его силах. Затея с присыпью провалилась, а другого способа взять город на копье не было. Но тут в дело вмешался случай. По единодушному свидетельству русских источников, Корсунь пала из-за предательства самих горожан. Некий корсунский «муж» по имени Анастас выдал Владимиру секрет местонахождения городского водопровода, послав в сторону русского лагеря стрелу с запиской: «Ко кладезю от восточныя стороны града в град по трубам воды сведены, копав перейми их».

Этому точному топографическому указанию Обычного жития Владимира как будто несколько противоречит сообщение Повести временных лет, где Анастас дает Владимиру другую ориентировку в поисках водопровода, привязывая ее к стоянке русов, расположенной с южной стороны города: «Кладязи, яже суть за тобою от востока». Но, может быть, авторы Обычного жития и летописи, каждый на свой лад, использовали две различные части послания Анастаса, который дал знать Владимиру, что водопроводные трубы выходят из восточной стены Херсона (известие Обычного жития) и тянутся на юг, мимо русского стана, огибая его с востока, как и передает летописец. Это предположение тем более вероятно, что сведенные воедино известия Обычного жития и Повести временных лет полностью соответствуют реальному местоположению и устройству херсонского водопровода. Его линия, состоявшая из двух керамических труб и одного каменного желоба, прослежена археологами на протяжении нескольких километров к югу от города (источник, откуда водопровод брал свое начало, однако, не найден). Входя в Херсон с восточной стороны, водопровод действительно сводил все три водных потока к одной большой цистерне («кладезю»), откуда воду развозили по домам горожан¹⁶⁵.

Верная истине в этом главном пункте, история предательства Анастаса сохраняет правдоподобие и в деталях. Некоторый фольклорно-сказочный колорит, который придает ей пускание Анастасом стрелы¹⁶⁶, на самом деле вполне гармонирует с общим историческим фоном. Стрела издревле была удобным и подруч-

ным средством сообщения между враждующими армиями, особенно при осадах городов; на стреле пересылали официальные предложения, а также угрозы, брань, заклятия и т. д.¹⁶⁷ Выпущенные врагом стрелы обыкновенно подбирали, чтобы впоследствии пустить их обратно, поэтому нет ничего удивительного в том, что послание Анастаса (возможно, это был прикрепленный к стреле кусок бумаги, ткани, кожи и т. п. или же письма могли быть вырезаны прямо на древке, если понимать буквально сообщение летописи, что Анастас *написал* свое послание *на стреле*) не затерялось и рано или поздно попало к своему адресату — князю Владимиру.

Наконец, сам Анастас — не выдуманная фигура, подобно своему литературному двойнику, варягу Ждберну¹⁶⁸, а вполне реальное лицо, еще несколько раз упомянутое в летописи, благодаря чему известно, что этот человек сыграл немаловажную роль не только в судьбе своего родного города, но оставил свой след и в истории Русской земли.

После прекращения поступления в город воды херсониты вряд ли могли продержаться больше недели. Общегородская цистерна в восточной части города вмещала в себя примерно четыре-пять тысяч ведер, то есть около ведра воды на человека, а в домах херсонитов не было сколько-нибудь значительных емкостей для хранения воды¹⁶⁹. Развязка, без сомнения, наступила быстро: «Людье изнемогоша водною жаждою и предашася».

Время падения Херсона устанавливается весьма приблизительно. Древнерусские источники уверены в том, что осада была достаточно продолжительной. По Обычному житию Владимира, Корсунь продержалась больше полугода, а по сведениям Жития особого состава — так даже девять месяцев. Но эти показания потеряли свое значение с тех пор, как В.Г. Васильевский¹⁷⁰ и В.Р. Розен¹⁷¹ сопоставили с ними сообщения византийских и арабских писателей, которые все-таки склоняют к более умеренным срокам осады Херсона — вряд ли больше трех месяцев¹⁷².

Какими бы приблизительными ни были временные рамки, в которые можно заключить капитуляцию Херсона, но, поме-

щенные в контекст исторических событий 989 г., они помогают раскрыть причины предательского поступка Анастаса. Симпатии к русскому князю определенной группы херсонитов (у Анастаса наверняка имелось некоторое количество если не сообщников, то, по крайней мере, единомышленников; в частности, летопись далее дает понять о лояльном отношении к Владимиру херсонского духовенства — «корсунских попов») хоть как-то объяснимы только в том случае, если оставаться при нашем предположении, что Владимир предпринял осаду Херсона будучи официальным союзником, а не врагом Василия II; в этом качестве он, несомненно, представлял для части населения города законную, то есть императорскую, власть. Очевидно, весть о гибели Фоки в сражении при Абидосе оживила немногочисленных сторонников Василия II в Херсоне. Не имея достаточных сил и средств, чтобы повлиять на городские власти и своих сограждан, которые, возможно, в течение весны — лета 989 г. еще рассчитывали на поддержку со стороны Варды Склира, приверженцы императора тем не менее нашли способ положить конец мятежу в городе. Вступив в тайные переговоры с Владимиром, они помогли ему овладеть Херсоном.

Много писалось о том, что Владимир, войдя в Корсунь, предал город огню и мечу. Но, как прекрасно показали С.А. Беляев и А.И. Романчук¹⁷³, мнение это представляет собой историографическое заблуждение, в основу которого в свое время легли две неточности — филологическая и археологическая. Первая была допущена при толковании одного известия Тверской летописи (середина XV в.): «Корсунь разорен бысть от Руси». Слово «разорен» было понято исследователями в его современном значении, между тем как в Древней Руси «разорить» означало еще и «сокрушать, ниспровергать, свергать»¹⁷⁴. То есть тверской летописец говорит, что Русь подчинила себе Корсунь — и только.

С другой стороны, неправильная интерпретация археологического материала из так называемых «слоев разрушения X в.» привела к укоренению в исторической литературе представления о том, что вступление русов в Херсон ознаменовалось грандиозным пожаром, испепелившим почти весь город¹⁷⁵. Но при детальном изучении археологических данных, послуживших осно-

вой для этих заключений, оказалось, что пресловутые «слои разрушения», которые удалось обнаружить в Херсоне, на самом деле «сводятся к пожару одного помещения, расположенного около базилики 1932 г. (год ее исследования. — С. Ц.), и четырех помещений в кварталах XV—XVI (на Северном берегу. — С. Ц.), примыкающих к базилике 1935 г.». Раскопки в остальных частях города не зафиксировали «всепожирающего пожара или же катастрофических разрушений... Какого-либо перелома в градостроительстве, смене построек, изменения планировки на рубеже X—XI вв... не выявлено»¹⁷⁶.

Грабежа, как такового, тоже не было. Вероятно, Владимир взял с побежденного города только обычную «дань»; впрочем, Повесть временных лет не упоминает и о ней. Вся «добыча», которую Владимир вывез из Корсуни, состояла, согласно летописи, из некоторого количества церковной утвари («поима сосуды церковные и иконы на благословение себе»), мощей святых Климента и его ученика Фива и небольшой группы «корсунских попов»¹⁷⁷. Предметы церковного искусства и священники были необходимы Владимиру для собственного храмовладельства в Киеве, и вряд ли по этому поводу между ним и императором возникли какие-нибудь раздоры, — то была ничтожно малая цена за оказанную империи услугу. Напротив, можно с уверенностью предполагать, что херсонские священники поехали в Киев с ведома Василия II и константинопольского патриарха. Херсонское духовенство издавна поставляло священнические кадры в Припонтийские епархии. Известно письмо патриарха Николая Мистика (начало X в.), в котором он предлагает епископу Херсона избрать достойное лицо в епископы какому-то соседнему народу (предположительно, аланам) и прислать кандидата в Константинополь для посвящения¹⁷⁸.

Иными словами, вступив в Херсон, Владимир не повел себя как завоеватель, и это лишний раз подтверждает, что в то время он находился в дружественных отношениях с Василием II. Чтобы окончательно закрыть тему мнимого обмана Василием II русского князя в деле с женитьбой, добавлю еще, что до примирения с Вардой Склиром, то есть до октября 989 г., император не мог позволить себе никаких враждебных поступ-

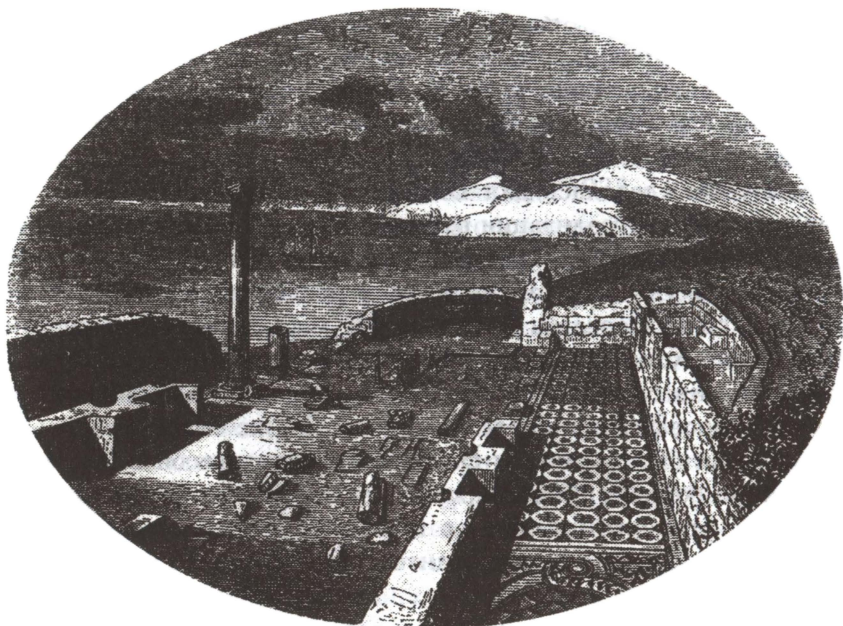

ков по отношению к Владимиру (вроде намеренного затягивания отъезда Анны в Киев), так как полностью зависел от верности русских воинов, которые одним своим присутствием в византийской армии надежно гарантировали выполнение Василием II брачного обязательства. Начиная с этого времени война с Русью сделалась для Византии невозможной без предварительной нейтрализации русских наемников в Царьграде. В этом отношении показательны действия византийских властей в 1043 г., когда Константинополю угрожал флот другого Владимира, сына Ярослава I. В качестве меры предосторожности император Константин IX Мономах первым делом арестовал и выслал из столицы русских купцов и наемных «варягов», расквартированных в пределах города. То же самое, безусловно, должен был сделать и Василий II, находясь он в 989 г. в состоянии войны с Владимиром, но поскольку этого не произошло, то и говорить в связи с корсунским походом о русско-византийской войне не приходится.

Брак Владимира с Анной и поход на крымских готов

После подавления восстания обоих Вард и капитуляции Херсона все помехи к браку Владимира и Анны были устранены. Вероятно, в конце лета — начале осени 989 г. Анна в сопровождении большой свиты, состоявшей из светских и духовных лиц, прибыла в Херсон, где, по свидетельству Повести временных лет, и состоялось ее бракосочетание с Владимиром. В честь этого события была отчеканена медная монета — на ее лицевой стороне значится большая греческая буква «В» и другая, поменьше, «А» (инициалы супругов), на обороте читается надпись: «Владимирос»¹⁷⁹. Усмиренный Херсон, согласно летописи, был преподнесен счастливым женихом Василию II в качестве свадебного *вена* — платы за невесту.

Приложение к Житию Стефана Сурожского содержит сведения, что в Корсуни на Анну напала некая болезнь, заставившая ее ради исцеления предпринять поездку в Керчь¹⁸⁰.

Вид христианской базилики Херсона. Раскопки графа Уварова

Поэтому не исключено, что на обратном пути в Киев Владимир посетил Тмуторокань. На это у него были по крайней мере две серьезные причины. Первая имела отношение к вопросам церковной организации. Поездка Владимира в Тмуторокань могла быть вызвана необходимостью переговоров с местным духовенством первой «Русской митрополии», образованной еще в 860-х гг., о переносе резиденции русского первоиерарха с берегов Понта на берега Днепра.

Вторая причина была военно-политического свойства. Оказавшись на некоторое время полным господином Крыма, Владимир не упустил случая примерно наказать собственных бунтовщиков — таврических готов, прекративших после гибели Святослава выплачивать дань киевским князьям. Но начинать новый поход в том же 989 г. было, по-видимому, уже поздно ввиду приближавшейся зимы, а еще раз ходить в Крым следующим летом вряд ли представлялось Владимиру целесо-

образным, так как в Киеве его ждали гораздо более важные государственные заботы. Тмуторокань же была отличной военной базой, где Владимир мог разместить на зимовку свой карательный отряд и заодно договориться о поддержке предстоящей экспедиции силами черноморской руси и, возможно, подданных ему крымско-таманских хазар.

С наступлением военного сезона 990 г. русы принялись за дело. Кое-какие подробности этой кампании известны по «Записке греческого топарха». Три ее разрозненных фрагмента представляют собой нечто вроде отчета или мемуара, написанного очевидцем и участником событий, вероятно, по горячим следам. По словам топарха, русы учинили дикую расправу над подвластными им «варварами», которые самонадеянно нарушили клятву верности: «Ведь им [русам] было чуждо какое-либо чувство пощады к самым близким, и без какого-либо рассуждения или справедливого решения они постановили не прекращать убийств и стремились во зло и ущерб себе сделать землю их пресловутой добычей мисян [это крылатое выражение означает: предать землю полному опустошению]. Ведь погибла прежняя их бесстрашность и справедливость: ранее почитавшие более всего трофеи, они воздвигали величайшее, и города и народы добровольно присоединялись к ним. Теперь же, напротив, возникла у них несправедливость и неумеренность по отношению к подданным, они решили обратиться в рабство и уничтожить подвластные им города вместо того, чтобы заботиться о них и с пользой управлять ими...»

Из этого описания видно, что поход русов был не войной в собственном смысле слова, а беспощадной карательной акцией, имевшей целью заставить провинившихся оцепенеть от ужаса.

Размеры опустошения были велики. Топарх пишет, что, не довольствуясь наказанием виновных перед ними «варваров», русы разорили и все соседние области, которые «как бы охватила буря; ни в чем не повинные оказались во власти мечей» (он уточняет, что русы «сделали безлюдными более десяти городов, деревень же было совершенно разорено не менее пяти-сот», но верить круглым цифрам в средневековых сочинениях, вообще говоря, нельзя). Наконец, опасность повального гра-

бежа нависла над владениями самого топарха. Некоторое время ему еще удавалось удерживать русов вдали от своих границ, благодаря тому, что он ввел солдат в одну из разоренных областей, создав буферную зону между подчиненной ему страной и захватчиками. Но затем враги перестали отвечать на мирные предложения топарха, и война с ними сделалась неизбежной.

Поздней осенью большое количество пеших и конных «варваров» внезапно вторглось в занятую топархом область. Войско топарха состояло из 300 пращников и лучников и 100 всадников, с которыми он поджидал неприятеля в разрушенном городе, где его люди успели наскоро поправить старые укрепления и возвести новые. Нападение было неудачно для русов; потеряв во время штурма многих своих, они со стыдом удалились ночью. Когда утром отряд топарха совершил вылазку, противника поблизости уже не было.

Топарх использовал короткую передышку, чтобы пополнить свои силы. Для этого он отправил гонцов к вождям соседних областей, предложив им сообща противостоять нашествию. Однако жесткость русов достигла своей цели — никто из местной знати и не помышлял о сопротивлении. На состоявшемся собрании с участием топарха и представителей знатных «варварских» родов последние, «или потому, что будто бы никогда не пользовались императорскими милостями и не заботились о том, чтобы освоиться с более цивилизованной жизнью, а прежде всего стремились к независимости, или потому, что были соседями царствующего к северу от Дуная [то есть Владимира], который могуч большим войском и гордится силой в боях, или потому, наконец, что не отличались по обычаям от тамошних жителей в своем собственном быту, — так или иначе решили заключить с ним договор и предаться ему...». Причем сообща было решено, что ходатаем в этом деле выступит топарх — видимо, как представитель византийского императора, союзника и родственника русского князя.

«И я отправился, — пишет топарх, — чтобы наше положение было спасено, и был принят в высшей степени гостеприимно»¹⁸¹. Владимир поспешил замять неприятный инцидент с нападением его воинов на византийские владения: «И он [Вла-

димир], когда я, насколько возможно, в более кратких словах рассказал ему обо всем... отдал мне охотно снова всю область Климатов, прибавил целую сатрапию и подарил в той земле достаточные ежегодные доходы». Эти слова свидетельствуют, что Владимир чувствовал себя полновластным хозяином значительной части Таврики. Была ли удовлетворена просьба крымских «варваров», топарх не сообщает, но, вероятно, Владимир милостиво принял их под свою руку на условиях возобновления выплаты ими дани¹⁸².

Глава 6

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ В КОНЦЕ X — НАЧАЛЕ XI в.

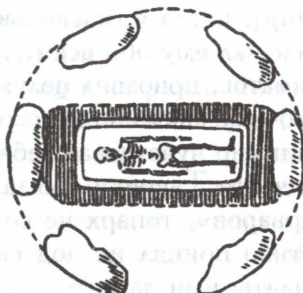
Этапы христианизации при князе Владимире

Крещение Киева и династический союз с Византией обеспечили Русской земле *de jure* место в ряду христианских стран Европы. Однако *de facto* ее официальный статус христианской державы находился в разительном несоответствии с реальным положением вещей. Вне Киева языческая стихия господствовала повсюду, решительно и безраздельно, и Владимиру предстояло обеспечить христианству если не количественный, то, по крайней мере, качественный перевес над «поганьством». С этого времени дальнейшее становление древнерусской государственности было поставлено в самую тесную связь с миссионерскими усилиями Русской церкви и княжеской власти по обращению в христианство основных этнических групп древнерусского населения — руси, словен и «языков» (финно-угорских и балтских народностей).

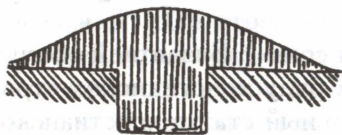
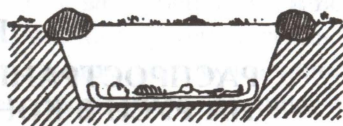
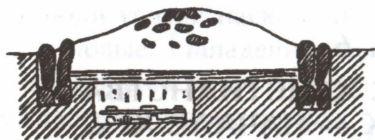
К великому сожалению, сохранившиеся письменные памятники проливают весьма слабый свет на раннюю историю христианизации восточнославянских земель. Примечательнее всего молчание Повести временных лет, которая лишь одними своими заметками о построении храмов в периферийных русских городах дает понять о свершившемся факте крещения. В этой ситуации

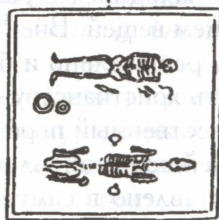
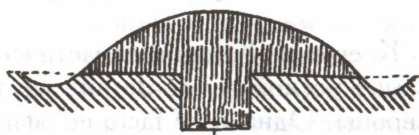
1

2

3

4

5

Типы русских курганов с труположением:
1 — Болхан; 2 — Мышков; 3 и 4 — Чернигов; 5 — Углич

особую важность приобретают результаты археологических наблюдений над эволюцией погребальной обрядности (переход от языческой кремации к христианской ингумации) на различных племенных территориях — зачастую только так можно получить более или менее объективную картину смены верований у жителей той или иной местности. В целом исторические и археологические свидетельства не оставляют сомнений в широком размахе миссионерской деятельности во времена Владимира, как, впрочем, и в том, что далеко не везде ей сопутствовал быстрый и ощутимый успех — слишком разным был тот этнографический материал, которому христианство стремилось придать единую культурную форму.

Если верить Повести временных лет, крещение киевлян было единственным личным подвигом Владимира в деле христианского просвещения Русской земли. Впоследствии он, кажется, уже не принимал непосредственного участия в массовом обращении своих подданных. Поздние летописи, правда, приписывают ему крещение Суздальской и Смоленской земель, а В.Н. Татищев — Поднестровья и Прикарпатья¹⁸³, но известия эти или имеют апокрифический характер, или не поддаются проверке. Во всяком случае, после 989 г., когда его положение христианского государя и родственника василевсов уже ничем не могло быть поколеблено, у Владимира не осталось политических мотивов, которые бы диктовали ему необходимость лично возглавить насаждение христианства в отдаленных от Киева областях. К тому же 90-е гг. X в. и первые полтора десятка лет следующего столетия были отмечены непрерывной чередой войн, которые требовали от Владимира постоянного внимания, а нередко и личного участия.

Похоже, что, сохранив за собой общее руководство миссионерской деятельностью в восточнославянских землях, Владимир перепоручил непосредственное ее осуществление высшему духовенству вновь образованных епархий и ближайшему дружинному окружению — воеводам и посадникам. «Сии [епископы], — говорит Иоакимовская летопись, — шедше по земли с вельможи и вои Владимировыми, учашу люд и кресчаху всюду стами и тысячами, колико где прилучися, аще люди не-

верные вельми о том скорбяху и роптаху, но отрицатися воев ради не смеяху»¹⁸⁴. Яхья также отводит церковным иерархам главную роль в крещении Руси: «они окрестили... всех, кого обнимали его [Владимира] земли».

Затем, на рубеже X—XI вв., миссионерская инициатива на местах, по-видимому, перешла к посаженным на городские княжения сыновьям Владимира. Соответственно с этим можно выделить два этапа распространения христианства в Русской земле: первый, сравнительно недолгий, но чрезвычайно насыщенный, пришелся на начало 990-х гг., когда были крещены Среднее Поднепровье и прикарпатские области, то есть Русь в узком географическом понятии, а также северная волость Владимира — Новгород; во время второго этапа (конец X — начало XI в.) христианская проповедь зазвучала в северо-западных и северо-восточных славянских землях — Древлянской, Туровской, Полоцкой, Смоленской, Ростовской, Муромской, Северной и других.

Образ действий миссионеров был неизменен и одинаков повсюду. В первую очередь, по слову митрополита Илариона, «труба апостольская и гром евангельский огласили все города». Христианизация каждой области начиналась с крещения городского населения, причем раньше других в новую веру обращали жителей того города, который на данной территории играл роль «стольного града». В этом прослеживается осознанное стремление опереться на правовую традицию славян, обязывавшую «меньшие» города («пригороды») беспрекословно повиноваться вечевому собранию «старейшего» города земли или волости: «на что же старейшии [города] сдумают, на том же пригороды станут» (Лаврентьевская летопись)¹⁸⁵. Повеление «быть христианами» касалось всех — «незнатных и знатных, рабов и свободных...» («Слово о законе и благодати»). Поэтому вместе с горожанами крещение принимала их домашняя прислуга и челядь, работавшая в загородных селах. Именно так следует понимать сообщение летописи о том, что Владимир «нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всем градом и селом». Под «сельскими» людьми здесь разумеется зависимое городское население, рабы, заня-

тые на сельскохозяйственных работах (один из первых подвигов смирения преподобного Феодосия Печерского, согласно его житию, состоял в том, что в юности, после смерти отца, он добровольно «выходил с рабами на село»). Церковный устав Владимира сохранил недвусмысленное указание на исключительно городской характер раннего русского христианства. Очерчивая сферу действия и применения этого законодательного свода, составитель его говорит: «То все дал есми церкви Божии по всем градом, и по погостом, и по слободам¹⁸⁶, где христиане суть».

Черед сельской округи в собственном смысле слова, то есть свободных жителей сельских общин, наступил много позже, когда у Церкви, длительное время испытывавшей острый кадровый голод, появилась возможность поставления священников в сельские приходы.

Христианизация Среднего Поднепровья и Прикарпатья

Но даже и в таком виде перемены были столь внушительны, что следующему поколению русских христиан сложный четвертьвековой процесс христианизации различных областей Русской земли при князе Владимире уже представлялся одним повсеместным и почти единовременным триумфом. «В одно время вся наша земля восславил Христа с Отцом и со Святым Духом...» — ликует митрополит Иларион. Иаков Мних с воодушевлением вторит ему: «крести же [Владимир] и всю землю Рускую от конца и до конца».

Конечно, это говорилось и писалось в порыве риторического увлечения. Без чрезмерного преувеличения слова обоих южно-русских писателей приложимы только к Русской земле в узком значении этого термина, которое преимущественно и было в ходу в XI в. По данным археологии, областями наибольшего распространения христианства к концу княжения Владимира и в самом деле были Киевская земля, Волынь и Западное Прикарпатье, где не позднее последнего десятилетия X в. христианский обряд

погребения (в ямах, с ориентацией тела покойного головой на запад) окончательно вытеснил языческое трупосожжение¹⁸⁷. Важной особенностью многих могил (в Киевской земле они численно преобладают) является полный разрыв с языческой обрядностью — над ними нет курганных насыпей, отсутствует и обязательный для язычества культово-бытовой инвентарь (амулеты, оружие, посуда и проч.). Здесь, безусловно, сказалось достаточно длительное влияние христианской традиции. В Киевской земле ей к тому времени насчитывалось не менее ста тридцати лет.

Что касается Прикарпатья, то там христианство было известно по крайней мере со времен проповеди Кирилла и Мефодия. Древнечешское государство в краткий период обладания Червенскими городами, кажется, довольно активно занималось обращением местного населения, о чем свидетельствует архитектура здешних христианских памятников, близкая по стилю церковным сооружениям на территории Чехии и Моравии¹⁸⁸. Глубокие корни христианства в Южной и Западной Руси, несомненно, способствовали быстрому и беспрепятственному крещению этих областей в течение нескольких ближайших лет после провозглашения христианства государственной религией.

Крещение Новгорода

Несколько иной была ситуация в новых поселениях на степной границе, заселенных выходцами со славяно-финского севера, для которых христианство если и было ведомо, то разве что понаслышке. Однако и здесь переход от язычества к христианству не встретил особенных затруднений, по-видимому благодаря тому, что переселенцы были оторваны от родных общин, а общая угроза со стороны степи требовала от них морально-духовной сплоченности, которую христианство обеспечивало несравненно лучше старых верований¹⁸⁹.

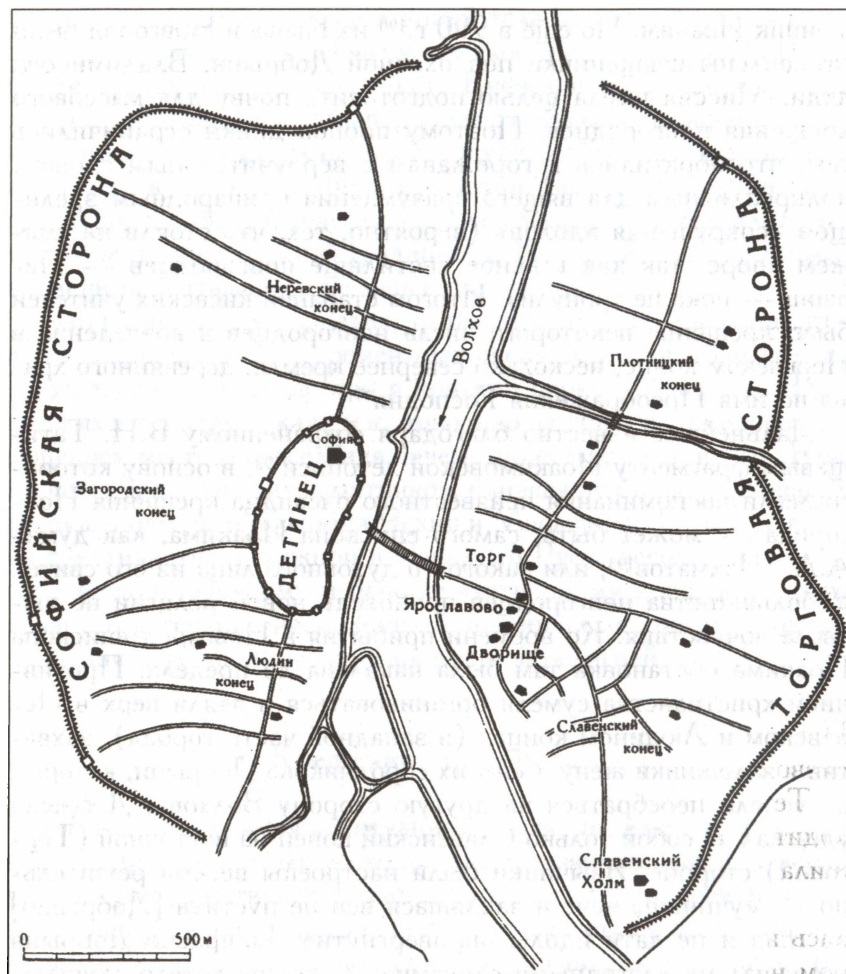
На севере, в Новгороде, события, напротив, развивались в драматическом ключе. В связи с нехваткой лиц высшего духовного звания поставление новгородского епископа состоялось только в 991 или 992 г. — им стал простой корсунский свя-

щенник Иоаким. Но еще в 990 г.¹⁹⁰ из Киева в Новгород были отправлены священники под охраной Добрыни, Владимиров дяди. Миссия имела целью подготовить почву для массового крещения новгородцев. Поэтому проповедники ограничились тем, что обратились к горожанам с вероучительным словом, подкрепленным для вящего вразумления принародным зрелищем «сокрушения идолов» (вероятно, тех, что стояли на княжем дворе, так как главное святилище новгородцев — Перынь — пока не тронули). Итогом стараний киевских учителей было крещение некоторого числа новгородцев и возведение в Неревском конце, несколько севернее кремля, деревянного храма во имя Преображения Господня¹⁹¹.

Дальнейшее известно благодаря сохранным В.Н. Татищевым фрагменту Иоакимовской летописи¹⁹², в основу которого легли воспоминания неизвестного очевидца крещения Новгорода — может быть, самого епископа Иоакима, как думал А.А. Шахматов¹⁹³, или какого-то духовного лица из его свиты. У большинства новгородцев проповедь новой религии не вызвала сочувствия. Ко времени прибытия в Новгород епископа Иоакима обстановка там была накалена до предела. Противники христианства сумели организовать и взяли верх в Неревском и Людином концах (в западной части города), захватив в заложники жену и «неких сородников» Добрыни, которые не успели перебраться на другую сторону Волхова; Добрыня удержал за собой только Славенский конец на восточной (Торговой) стороне. Язычники были настроены весьма решительно — «учиниша вече и заклѣшася вси не пустити [Добрыню] во град и не дати идолы опровергнути». Напрасно Добрыня увещевал их «лагодными словами» — его не хотели слушать. Чтобы не дать отряду Добрыни проникнуть на городское левобережье, новгородцы разметали волховский мост и поставили на берегу два «порока» (камнемета), «яко на сущия враги своя».

Положение княжеской стороны осложнялось тем, что городская знать и жрецы примкнули к народу. В их лице восстание приобрело авторитетных вождей. Иоакимовская летопись называет два имени: главного городского волхва («высшего над жрецами сла-

План древнего Новгорода (по Б. Колчину).
Направление течения Волхова указано неправильно

вян») Богомила и новгородского тысяцкого Угоняя. За первым закрепилось прозвище Соловей — по его редкому «сладкоречию», которое он с успехом пускал в ход, «вельми претя народу покориться». Угоняй не отставал от него и, «ездя всюду, вопил: «Лучше нам помрети, неже боги наша дати на поругание».

Наслушавшись таких речей, рассвирепевшая толпа повалила на Добрынин двор, где содержались под стражей жена и родственники воеводы, и убила всех, кто там находился. После этого все пути к примирению были отрезаны, чего, видимо, и добивались речистые предводители язычников.

Добрыне не оставалось ничего другого, как применить силу. Разработанная им операция по захвату новгородского левобережья может украсить учебник военного искусства любой эпохи. Ночью несколько сот человек под началом княжего тысяцкого Путяты¹⁹⁴ были посажены в ладьи. Никем не замеченные, они тихо спустились вниз по Волхову, высадились на левом берегу, немного выше города, и вступили в Новгород со стороны Неревского конца. В Новгороде со дня на день ожидали прибытия подкрепления — земского ополчения из новгородских «пригородов», и в стане Добрыни, очевидно, прознали об этом.

Расчет воеводы полностью оправдался: никто не забил тревогу, «все бо видевши чаяху своих воев быти». Под приветственные крики городской стражи Путята устремился напрямик ко двору Угоняя. Здесь он застал не только самого новгородского тысяцкого, но и других главарей восстания. Все они были схвачены и под охраной переправлены на правый берег. Сам Путята с большей частью своих ратников затворился на Угоняевом дворе.

Тем временем стражники наконец сообразили, что происходит, и подняли на ноги новгородцев. Огромная толпа окружила двор Угоняя. Но арест городских старшин сделал свое дело, лишив язычников единого руководства. Толпа разделилась на две части: одна беспорядочно пыталась овладеть двором новгородского тысяцкого, другая занялась погромами — «церковь Преображения Господня разметаша и дома христиан грабляху». Береговая линия временно была оставлена без присмотра. Воспользовавшись этим, Добрыня с войском на рассвете переплыл Волхов. Оказать непосредственную помощь отряду Путяты было, по-видимому, все-таки непросто, и Добрыня, чтобы отвлечь внимание новгородцев от осады Угоняева двора, приказал зажечь несколько домов на берегу. Для деревянного города пожар был хуже войны. Новгородцы, по-

забыв обо всем, бросились тушить огонь¹⁹⁵. Добрыня без помех вызволил Путятю из осады, а вскоре к воеводе явились новгородские послы с просьбой о мире.

Сломив сопротивление язычников, Добрыня приступил к крещению Новгорода. Все совершилось по киевскому образцу. Новгородские святилища были разорены ратниками Добрыни на глазах у новгородцев, которые с «воплем великим и слезами» смотрели на поругание своих богов. Затем Добрыня повелел, «чтоб шли ко крещению» на Волхов. Однако дух протеста был еще жив, поэтому вече упорно отказывалось узаконить перемену веры. Добрыне пришлось опять прибегнуть к силе. Не хотевших креститься новгородцев воины «влачаху и крещаху, мужи выше моста, а жены ниже моста». Многие язычники хитрили, выдавая себя за крестившихся. По преданию, именно с крещением новгородцев связан обычай ношения русскими людьми нательных крестов: их будто бы выдали всем крестившимся, чтобы выявить тех, кто только притворился крещеным.

Позже киевляне, гордившиеся тем, что введение христианства прошло у них более или менее гладко, злорадно напоминали новгородцам, в поруху их благочестию: «Путята крестил вас мечом, а Добрыня огнем».

Вслед за Новгородом христианство утвердилось в Ладоге¹⁹⁶ и других городах Словенской земли. В начале XI в. в Приильменье, а также в бассейнах Луги, Шексны и Мологи распространился христианский обычай погребения¹⁹⁷.

Сопротивление христианству в других восточнославянских землях

В последние годы X — начале XI в. состоялось распределение волостных городов между сыновьями Владимира. Это позволило значительно расширить область миссионерской активности княжеской власти, так как молодые княжичи стремились превратить свои удельные «столицы» в центры христианского просвещения. Благодаря их стараниям христианство проникло далеко за пределы Русской земли в узком географическом по-

нятии, хотя во многих восточнославянских землях княжеским резиденциям суждено было надолго остаться одинокими форпостами новой веры посреди языческого окружения.

Приобщение к христианству славян Верхнего Поднепровья происходило в целом мирным путем. Лишь в преданиях дреговичей сохранился глухой намек на какое-то кровавое побоище крестителей Туровской земли с местными язычниками. Одна легенда говорит, что когда знаменитые каменные кресты, которые и сегодня являются достопримечательностью Турова, приплыли по Припяти к городу и встали на берегу, речная вода окрасилась кровью.

Впрочем, вне зависимости от того, какими средствами христианские миссионеры добивались торжества над язычеством, им нигде не удалось достичь быстрого результата — христианизация днепровских славян растянулась на долгие годы. В одной старинной рукописи крещение Смоленской земли помечено 1013 г.¹⁹⁸, и эта дата довольно точно соответствует материалам археологических исследований кривичских курганов, согласно которым первые немногочисленные захоронения по христианскому обряду появились в верховьях Днепра еще около середины X в., но заметное преобладание они получили только в первой четверти XI в. Примерно та же картина наблюдается на племенных территориях древлян, радимичей, дреговичей и северян, где замена языческой кремации на христианскую ингумацию произошла в последней четверти X — первой трети XI в.¹⁹⁹

В землях, прилегавших к Поднепровью с северо-запада и северо-востока, христианство приживалось с еще большим трудом.

Первыми просветителями Полоцкой земли народное предание называет Рогнеду и ее старшего сына Изяслава. Поселившись после изгнания из Киева в Изяславле — городе, который построил для них Владимир, — они будто бы основали в его окрестностях монастырь, ставший рассадником христианства в земле полочан²⁰⁰. Несмотря на свое позднее происхождение (рассказ о пострижении Рогнеды в «мнишеский образ» включен в Тверскую летопись XV в.), легенда довольно точно указывает на первоначальную область распространения христианства в Полоцкой земле. Подавляющее большинство

местных христианских могильников конца X — начала XI в. действительно сосредоточено на юге, по берегам Свислочи (в районе Менеска и Изяславля), тогда как севернее, в окрестностях Полоцка, Друцка, Витебска, всецело господствует языческая погребальная обрядность²⁰¹. Ожесточенное сопротивление полочан насаждению христианства засвидетельствовано также здешним сказанием о некоем безымянном богатыре, «который разрушил множество церквей»²⁰². Возможно, полоцкие кривичи, тяжело переживавшие недавний разгром Владимиром их племенного княжения, длительное время расценивали попытки привить им христианскую веру как политику духовного порабощения, усугублявшую их зависимость от Киева.

О раннем этапе христианизации Волго-Клязьминского междуречья повествует сравнительно большой корпус письменных памятников. Однако в основном это поздние источники сомнительного качества, обязанные своим возникновением стремлению книжников Владимиро-Суздальского и Московского княжеств создать собственную «священную историю».

В XII—XV вв. постепенно оформилось несколько самостоятельных традиций, каждая из которых опиралась на отдельный цикл сказаний, со своим главным героем. Одним из них был Добрыня, якобы ходивший с епископами «по Русской земле и до Ростова», «и учаше... веровати в единого Бога в Троице славимого, и научи и показа богоразумию и благочестию многих, и крести без числа людей, и многиа церкви воздвиже, и презвитеры и диаконы постави, и клиросы устрои, и уставы благочестие устави. И бысть радость велия в людех, и множашеся верующеи, и повсюду прославляшеся имя Христа Бога» (Никоновская летопись, под 991 г.).

Другим крестителем местных жителей почитался сам Владимир, который «ходи в Суздальскую землю, и тамо крести всех...» (там же, под 992 г.).

В Холмогорской летописи под 988 г. находим известие еще об одном крещении ростовцев и суздальцев. Здесь эта заслуга приписана легендарному епископу Федору, о котором сказано, что он «бысть первый епископ в Ростове и крести всю землю Ростовскую и Суздальскую»; с его именем также было связано

предание о построении в Ростове великолепной дубовой церкви Успения Богородицы, простоявшей будто бы больше ста шестидесяти лет²⁰³ и уничтоженной пожаром около 1160 г.

Ряд летописей упоминают о миссионерской деятельности в Ростове князя Бориса (сына Владимира) и епископа Илариона, соперничавшего с Федором в праве считаться первым ростовским святителем и создателем Успенского храма.

Знаменательно, однако, то, что, несмотря на преизбыток крещений Ростово-Суздальской земли, в летописании так и не сложилось «канонического» рассказа о крещении жителей Ростова, подобного повестям о крещении киевлян и новгородцев, и, например, Ростовский (Хлебниковский) летописец, говоря об обращении своих соотечественников, почти дословно повторяет статью Повести временных лет под 988 г. о крещении киевлян²⁰⁴.

Более того, бодрые заявления летописей о триумфальном шествии христианства по Ростово-Суздальской земле и «радости велией», царящей в сердцах туземцев, очень плохо вяжутся с мрачными оценками положения вещей в этом крае, имеющимися в житийной литературе. Составители житий первых ростовских чудотворцев — епископа Леонтия (60-е — начало 70-х гг. XI в.) и монаха Авраамия (XII в.?) — не скрывают, что их предшественники, епископы Федор и Иларион, весьма мало преуспели («ничтоже успе») в деле просвещения язычников и вскоре после прибытия в Ростов вынуждены были оставить кафедру по причине крайней враждебности местного населения: «не терпяще неверия и досаждения людей, избегоша».

То же противоречие наблюдаем в известиях о христианизации Муромской земли. Если Воскресенская и Никоновская летописи сообщают о крещении муромцев князем Владимиром (статья под 1471 г.), то Житие Константина Муромского говорит о полном провале христианской миссии, которую, согласно этому источнику, возглавил князь Глеб Владимирович. Получив от отца благословение на княжение в Муроме, Глеб «пойде... ко граду Мурому и став под градом, и в Муроме граде неверные люди многие исполчишася и укрепишася, и стояв под градом Муромом и отиде. И невернии людие князю Глебу не здашася, и благо-

верный князь Глеб тех неверных людей не одолев, от града Мурома отиде 12 поприщ и жит ту... в пределах муромских два лета», то есть до своей мученической кончины в 1015 г. Безусловно, именно такой прием и встречали христианские просветители Ростово-Суздальской и Муромской земель во времена Владимира.

«Сказание о построении града Ярославля»

Любопытным памятником, живописующим непростую обстановку, в которой приходилось действовать княжеской власти на этой окраине восточнославянского мира, является «Сказание о построении града Ярославля». В его основе лежит достаточно древнее предание, более или менее различимое сквозь поздние наслоения²⁰⁵. Из него мы узнаем, что некогда, «в 60 поприщах» от Ростова, неподалеку от места слияния Волги и Которосли, где суждено было возникнуть новому городу, «бысть селище, рекомое Медвежий угол, в нем же населенцы — человецы поганяны веры — языци, зли сущи».

Язычники поклонялись Волосу, скотьему богу, «сему же многокозненному идолу и керметь [святилище] створена бысть и волхов [волхв, жрец] вдан, а сей неугасимый огонь Волосу держа и жертвенная ему кури». Волхв занимался прорицаниями и за это «вельми почтен бысть... у языцев. Но люто и истязуем бываше, егда огонь у Волоса преста: волхва по тем же дне и часе реши кермети [отлучали от святилища], и по жребию избра иного, а сей закла волхва и, ражже огонь, сожиги в сем труп его...».

Жители Медвежьего угла помаленьку занимались скотоводством, однако основным их занятием был разбойный промысел на волжском торговом пути.

Так продолжалось до тех пор, пока в Ростов не приехал Ярослав (начало его ростовского княжения летописи датируют концом 80-х гг. X в.). Желая положить конец грабегам, он нагрянул с дружиной в Медвежий угол. Язычники ополчились против него, но были разбиты, после чего «клятвою у Волоса

обеща князю жити в согласии и оброки ему даяти». Тем не менее они решительно воспротивились крещению, на котором настаивал Ярослав.

Князь ушел в Ростов, однако через какое-то время вернулся в Медвежий угол. Теперь, наряду с дружиной, его сопровождали епископ, священники, дьяконы и церковные мастера. На этот раз язычники не осмелились сами вступить в бой с княжеским войском, но «напусти от клети некоего люта зверя и псов, — да и растешут [растерзают] князя и сущих с ним». Храбрость Ярослава спасла его спутников: князь поразил секирой «лютого зверя» (речь, очевидно, идет о медведе — священном животном Волоса), а псы, струсив, «неприкоснувшись никомуждо от них».

Растерявшиеся обитатели Медвежьего угла запросили пощады. На следующее утро Ярослав заложил рядом с их селищем город, который назвал «во свое имя» Ярославлем. На месте, орошенном святой водой, князь лично водрузил деревянный крест, ознаменовав начало строительства храма пророка Илии, так как его победа над «хищным и лютым зверем» состоялась в день памяти этого святого (20 июля). Новый город был заселен христианами, а к церкви Илии Пророка Ярослав приставил священников и дьяконов. Однако и после всего этого язычники продолжали упорствовать — «не приобщишися граду, живяше особь и кланяшеся Волосу».

Их обращение произошло много позднее, в год, когда Ростовская область подверглась сильной засухе. Молитвы Волосу о дожде не помогали. Тогда священник Ильинской церкви спросил язычников, уверуют ли они, если предстательством Пресвятой Богородицы и пророка Илии на землю изольется дождь. Те ответили утвердительно. В их присутствии был отслужен молебен, после которого небо заволокло тучами и начался ливень. Потрясенные могуществом христианского Бога, жители Медвежьего угла сами сожгли идол Волоса и все поголовно крестились.

Само собой разумеется, что «Сказание...», даже с большими оговорками, не может быть отнесено к полноценным историческим свидетельствам. Но кое в чем оно, несомненно, отразило

истину. Обращает на себя внимание политическая осторожность, если не сказать деликатность, в обхождении с язычниками, совершенно несвойственная действиям княжеской власти в других восточнославянских землях: хотя Ярослав и строит в Медвежьем углу крепость — оплот христианства, но вместе с тем он явно не склонен пускать в ход насильственные средства, вроде «низвержения кумиров» и т. п. Не менее показателен контраст между неустанной миссионерской заботой земных властей и конечной тщетностью их усилий, подчеркнутый концовкой «Сказания...», где главная роль в обращении идолопоклонников отведена чудесному вмешательству свыше. В этом позволительно видеть не просто характерный для церковных преданий сюжетный шаблон, а отложившееся в памяти русских людей устойчивое представление о трудностях, с которыми сталкивалась княжеская администрация при христианизации Ярославского Поволжья.

Материалы археологических раскопок показывают, что ингумационные захоронения появляются здесь в конце X в., но их широкое распространение приходится на XI—XII столетия²⁰⁶.

Приблизительно такими же темпами эволюционировала погребальная обрядность в земле вятичей. Сказать больше о проникновении христианства в Приокский бассейн в конце X — начале XI в. невозможно из-за отсутствия в древнерусской литературе и фольклоре каких-либо известий на этот счет.

Миссионерство среди «языков»

Важно помнить, что миссионерская деятельность княжеской власти на окраинах в течение длительного времени была направлена на обращение главным образом славянского населения. Инородческие племена Русской земли вовлекались в этот процесс лишь там, где их ассимиляция протекала достаточно активно. В целом княжеская власть не проявляла особенной заинтересованности в христианизации финно-угорского мира, который пока еще оставался по преимуществу объектом внеш-

ней колонизации, обеспечивавшей приток военной добычи, рабов и т. д.

Порубежные кочевые народы и вовсе выпадали из поля зрения киевских просветителей, и не только по причине нехватки миссионеров — сказывалась этническая неприязнь славян к враждебному населению Великой степи. Немецкий епископ Бруно Кверфуртский, отправившийся в начале XI в. проповедовать слово Божие печенегам и завернувший по дороге в Киев, был вынужден надолго задержаться при дворе Владимира, так как, по его словам, «государь Руси... в течение месяца удерживал меня против [моей] воли, как будто я по собственному почину хотел погубить себя, и постоянно убеждал меня не ходить к столь безумному народу, где, по его словам, я не обрел бы новых душ, но одну только смерть, да и то постыднейшую».

Бруно в конце концов все-таки настоял на своем. Владимир проводил его до южной границы Русской земли и там снова попытался отговорить полюбившегося ему немца от его безумного намерения: «именем Господа прошу тебя, не губи к моему позору своей молодой жизни». Впрочем, когда Бруно, «обратив в христианство примерно тридцать душ» (вероятно, знатных людей), вернулся в Киев, князь принял живейшее участие в устройстве новой Печенежской епархии. «Мы, — пишет Бруно, — посвятили в епископы одного из наших²⁰⁷, которого затем государь [Владимир] вместе с сыном поместил в середине земли печенегов».

Возможно, к этой странице русско-печенежских отношений относятся помещенные под 988 и 991 гг. сообщения Никоновской летописи о печенежских ханах Метиге и Кучюге, которые «прииде... к Володимеру, в Киев, и приат веру греческую, и крестися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и служаше Володимеру чистым сердцем, и много на поганых одоление показа».

Однако, если строго следовать духу текста, то и тут вполне очевидно, что крещение Метигая и Кучюга не было результатом предварительной миссионерской работы; своим переходом в христианство ханы просто закрепили служебные отношения с новым господином²⁰⁸.

Итоги «крещения Руси» при князе Владимире

В итоге мы видим, что историческое явление, получившее в историографии название «крещение Руси», по своим географическим, этническим и социальным характеристикам предстает далеко не столь всеохватным, как это подразумевается. Историк должен поправить Иакова Мниха: Владимир не то чтобы крестил Русскую землю «из конца в конец», скорее при нем христианство было занесено во все концы Русской земли. «Володимер [землю] взора [вспахал] и умягчи рекше крещеньем просветив... а мы пожинаем ученье приемлюще книжное», — говорит летописец. Другими словами, в княжение Владимира был заложен фундамент христианской Руси, достаточно прочный, чтобы в будущем понести не колеблясь величественное здание русской цивилизации.

Вместе с тем рассматривать принятие Русью христианства в одном только местном, узконациональном аспекте — значит крайне обеднить (и, следовательно, исказить) историческое значение этого события, поскольку крещение Руси было лишь частью неизмеримо более широкого процесса христианизации варварских народов Европы, преимущественно германцев и славян, собственно и обеспечившего Христовой церкви всемирно-историческую победу. В X столетии многовековой период распространения христианства *in barbaros* (среди варваров) подходил к концу. Языческие боги еще сохраняли свою власть над многими племенами и народами, скрывавшимися в лесных дебрях и других труднодоступных местах на окраинах европейского севера и востока, но вожди последних крупных племенных объединений, претендовавших на государственное бытие, один за другим склонялись перед всепобеждающим Крестом. В 930-х гг. христианство окончательно укореняется в Чехии, благодаря святому князю Вячеславу (Вацлаву); в 960 г. польский князь Мешко I сдается на увещания своей чешской жены Домбровки и принимает крещение по римскому обряду; в 974 г. немецкие миссионеры обращают в христианство датского короля Харальда Синезубого; примерно тогда же крестится Геза Венгерский, а в середине 990-х гг. нор-

вежский король Олав Трюггвасон познает в Царьграде истинного Бога.

Но только с крещением Русской земли европейский христианский мир приобрел более или менее законченное этногеографическое оформление, позволив наконец Европе заявить о себе как о едином культурно-цивилизационном целом.

Глава 7

УСТРОЙСТВО РУССКОЙ ЦЕРКВИ И ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА ВЛАДИМИРА

Владимир и кирилло-мефодиевская традиция

Повесть временных лет в своих древнейших изводах (Лаврентьевском и Ипатьевском) ничего не говорит об установлении церковной иерархии на Руси при князе Владимире. Это обстоятельство тем примечательнее, что его нельзя объяснить незнанием, ибо в статье под 1074 г. о печерских подвижниках упоминается очевидец, живой свидетель того, уже полуполюгендарного, времени — монах «именем Еремия, иже помняше крещение земли Русьския». Причину этого странного умолчания историки справедливо усматривали в цензурной чистке, которой подвергся Начальный летописный свод в конце XI — первой половине XII в., когда приверженцы ортодоксального византийского православия взяли верх в Русской Церкви.

Не менее удивительно, что и византийское летописание ни словом не обмолвилось о крещении Руси при Владимире и появлении на свет новой митрополии Константинопольского патриархата²⁰⁹. И это совсем не имперское равнодушие к делам северных «варваров», так как военная помощь русов Василию II и женитьба Владимира на Анне мимоходом упомянута многими греческими писателями. Следовательно, и в том и в другом случае очевидно стремление замолчать неудобные факты. Но что это за факты? Извлекать их приходится буквально по крупицам из самых разных источников. Однако и того немногого, что нам известно сегодня, вполне достаточно, чтобы обнаружить больной вопрос, «прова-

лившийся» в информационные пустоты древнерусских и византийских памятников. Вопрос этот касается вероучительных основ русского христианства и канонических отношений Русской Церкви с византийской церковной иерархией в конце X — начале XI в. Именно тут позднейшие ревнители «чистоты» русского православия усмотрели крамолу, идущую вразрез с их собственной историографической концепцией крещения Руси, согласно которой русские почерпнули веру и основы церковной организации из одного — греческого — источника. Но истина заключалась в том, что заботы Владимира о церковном устройстве вовсе не сводились к простой пересадке византийских церковных учреждений на русскую целину; речь шла о согласовании греческого церковного образца с историческим опытом и духовными традициями русского христианства. И эта деятельность к тому же была подчинена задачам государственного строительства.

Ранняя история Русской Церкви не укладывается в рамки собственно церковной истории, поскольку с первых же шагов по Русской земле христианство оказалось вовлечено в процесс становления и самоопределения древнерусской государственности. Государство и Церковь на Руси изначально встали так близко друг от друга, что, несмотря на непонимание и конфликты (по большей части и вызванные чересчур близким соседством, в котором сразу очутились эти два незнакомца), их теснейший союз был делом времени. При Ольге в Киеве уже ясно осознали, что политическое будущее княжеского двора напрямую связано с решением вопроса о церковной организации русского христианства. Таким образом, Владимиру не пришлось выдумывать собственную церковную политику: он получил ее по наследству, вместе с великокняжеским столом. Ее основные положения состояли в том, чтобы: 1) обеспечить христианству статус господствующей (государственной) религии; 2) соединить канонически Русскую Церковь с Церковью вселенской; 3) сохранить за государственной властью церковно-политическую самостоятельность. Последний пункт для Владимира был особенно актуален ввиду того, что официальная доктрина Византийской империи не отделяла церковной зависимости от политической, предусматривая установление политического протектората василевса над обращенны-

ми «варварами». Вот почему, когда перед Владимиром встал вопрос о каноническом оформлении отношений Русской Церкви с Константинопольским патриархатом, он сделал все от него зависящее, чтобы свести к минимуму непосредственное влияние Византии на русские дела по церковной линии.

Размышляя над тем, какие формы приняли церковные отношения Русской земли и Византии при князе Владимире, двое наших историков — Е.Е. Голубинский и М.Д. Приселков — выдвинули оригинальные гипотезы о кратковременном существовании на Руси церковной автокефалии (автономии). По мысли Голубинского, Владимир вытребовал от Константинопольского патриарха поставления на Русь независимого архиепископа, чья кафедра разместилась в Тмуторокани²¹⁰. Приселков пошел еще дальше, настаивая на полном выходе Русской Церкви из-под юрисдикции Константинопольского патриархата: «Греческая иерархия в Киеве после крещения не установилась, а византийская дипломатическая игра в данном случае оказалась проигранной, так как северный варвар сумел уйти от церковно-политических сетей императора». По его мнению, Владимир, так и не придя к соглашению с Василием II по поводу автономного устройства Русской Церкви, поставил последнюю под власть Болгарского (Охридского) патриархата²¹¹, чем и обеспечил ей фактическую самостоятельность²¹².

При всей привлекательности этих смелых предположений, завоевавших права гражданства в отечественной и зарубежной науке²¹³, им присущ один и тот же коренной изъян: система аргументации во всех случаях построена исключительно на косвенных доводах²¹⁴. Хуже того, игнорируются прямые указания источников на каноническую зависимость Русской Церкви от Константинопольского патриархата в конце X — начале XI в.²¹⁵ К такому следует отнести, во-первых, свидетельство Яхьи: «И послал к нему [Владимиру] царь Василий впоследствии митрополитов и епископов...» По присутствию среди этой группы архиереев митрополита (Яхья допускает ошибку, употребляя множественное число) видно, что организационные вопросы к тому времени были улажены и греческий митрополит ехал в Киев занять созданную там кафедру. Вхождение Русской Церкви в

епархиальную организацию Константинопольского патриархата засвидетельствовано также византийскими «Перечнями епископий» (*Notitia episcopatum*) — официальными списками кафедр, на которые распространялась власть константинопольского патриарха. Один подобный список конца X в. упоминает на 60-м месте «Русскую митрополию», или «митрополию Киева России»²¹⁶. Между тем автокефальные Церкви православного вероисповедания, как, например, Болгарская архиепископия, были исключены из списков епархий Константинопольской патриархии²¹⁷.

Но как могло случиться, что, имея уникальную возможность потребовать для Русской земли положения автокефальной епархии, Владимир не сделал этого? Ведь на русско-византийских переговорах 987 г. и позднее, вплоть до подавления мятежа Варды Склира в конце 989 г., Владимир был хозяином положения, и ему, казалось бы, было крайне желательно получить вместе с Анной и царским венцом еще и церковную автономию. Конечно, свою роль здесь могло сыграть то обстоятельство, что в лице константинопольского патриарха (и византийской церковной иерархии в целом) Владимиру, безусловно, противостоял гораздо более упорный переговорщик, нежели император, отчаянно нуждавшийся в военной помощи русского князя. В отличие от Василия II Византийская церковь отнюдь не связывала свою судьбу с исходом восстания Фоки и потому могла позволить себе отвергнуть требования северного «варвара» или вступить с ним в торг. Скорее всего, церковные власти настаивали на простом возрождении существовавшей в конце IX — начале X в. Русской митрополии, находившейся в ведении Константинопольского патриархата. Чтобы сломить сопротивление византийского клира, нужно было, по крайней мере, располагать временем²¹⁸, а именно его-то у Владимира и не было. Василий II мог выполнить свои обязательства перед ним только в качестве победителя Фоки. Поэтому Владимир был связан временным фактором ничуть не меньше императора, ибо должен был успеть оказать ему военную помощь до того, как Фока овладеет Константинополем. Это заставляло Владимира спешить с заключением соглашения. Можно предположить, что, столкнувшись с невозможностью получить все и сразу, он волей-неволей должен был пожертво-

вать церковной автономией и согласиться с включением Русской Церкви в состав Фракийского диоцеза Константинопольского патриархата на правах дочерней митрополии.

Эта важная уступка, однако, не была поражением, сдачей позиций. Церковная зависимость от Византии представляла для Владимира опасность не сама по себе, а лишь в той мере, в какой она влекла за собой установление прямого политического протектората василевса над Русской землей. Но после того как Василий II даровал русскому князю царский титул, тем самым отказавшись от сколько-нибудь серьезных претензий на политическое главенство в отношениях с Русью, эта опасность была устранена. В области же собственно церковных отношений с Византией Владимир придерживался принципов, усвоенных задолго до него христианской общиной Русской земли, то есть кирилло-мефодиевской традиции, в рамках которой вопрос о независимости Русской Церкви не стоял так остро, или, лучше сказать, ставился совершенно в другом ключе. Солунские братья завещали славянству не столько борьбу за церковную автономию во что бы то ни стало, сколько твердое отстаивание перед римским и константинопольским престолами своего права на национальную Церковь. Применительно к Русской земле принцип национального церковного устройства означал свободное совершение богослужения на славянском языке и сохранение духовной самобытности русского христианства. В незыблемости этих двух начал, двух основ церковной жизни Русская Церковь имела прочный залог своей самостоятельности, исключавший возможность ее поглощения Константинопольским патриархатом. Несомненно, что Владимир именно так и понимал существо дела, когда обсуждал с византийской стороной вопрос о статусе Русской Церкви, и остался верен этому пониманию до конца своей жизни.

Русская митрополия

Относительно времени создания Русской митрополии в источниках нет полной ясности. Яхья в цитированном выше отрывке выражается довольно неопределенно: церковные иерархи,

говорит он, были посланы на Русь спустя некоторое время после завершения переговоров между Василием II и Владимиром. Но от него же мы знаем о вакантности константинопольского патриаршего престола с 16 декабря 991 г. по 12 апреля 996 г., когда назначать митрополитов было просто некому. Следовательно, поставление митрополита «Росии» могло произойти либо в ближайшее время после заключения русско-византийского договора, то есть в промежутке между 987 и концом 991 г., либо уже во второй половине 90-х гг. X в.

Последнее, однако, маловероятно, в чем убеждает сравнительный анализ места, занимаемого Русской митрополией в *Notitia episcopatum* Константинопольской патриархии X — начала XII в. Твердо установлено, что порядок занесения в списки вновь образованных за эти два столетия митрополий (число которых достигает тридцати) не был произвольным, а находился в строгом соответствии с хронологической последовательностью их создания, так что предыдущая (по списку) епископия всегда оказывается «старше» последующей. Значит, для того, чтобы установить приблизительную дату возникновения Русской митрополии, необходимо знать даты образования тех епархий, которые стоят в перечне непосредственно перед ней и вслед за ней.

В дошедших до нас «Перечнях епископий» указанного времени «митрополия Росии» упоминается между митрополией Кельцене и Аланской митрополией. Первая, впрочем, не представляет особого интереса, так как дата ее создания (середина 70-х гг. X в.) отстоит более чем на десятилетие от уже известного нам исходного рубежа 987—991 гг. Ситуация с Аланской митрополией более любопытная, хотя и менее определенная. Точное время ее образования не нашло отражения в источниках, но сведения о начале деятельности первого митрополита Алании Николая, во всяком случае, не уходят глубже 997 г.²¹⁹ Памятуя сообщение Яхьи о почти пятилетнем «вдовстве» патриаршей кафедры в Константинополе с конца 991 по начало 996 г., естественно заключить, что поставление митрополита «Росии» совершилось до середины декабря 991 г., а митрополита Алании — после апреля 996 г., чем и объясняется старшинство Русской митрополии перед Аланской в византийских *Notitia*. Отсюда наиболее веро-

ятно, что решение о создании Русской митрополии было принято в 988/989 г. константинопольским патриархом Николаем III Хрисовергом (979—991), и глава Русской Церкви прибыл на Русь вместе с принцессой Анной, в чьей свите Повесть временных лет и Житие Владимира особо выделяют «царицыных попов».

Первый митрополит Русской земли

Этим первым византийским архиеером на Киевской кафедре был уже знакомый нам Феофилакт — бывший севастийский митрополит и дипломатический визави Владимира на русско-византийских переговорах 987 г. О его поставлении в русские митрополиты сообщает византийский писатель XIV в. Никифор Каллист. Коснувшись в одном месте своей «Церковной истории» вопроса о переводе епископов на новую кафедру, что, по церковным законам, допускается только в исключительных случаях, он перечислил подобные прецеденты в византийской истории. Один из них имел место в 434 г., когда кизикский митрополит Прокл был назначен константинопольским патриархом, следующий — при Василии II: «в то же царствование Феофилакт был возвышен из митрополии Севастийской на Русь»²²⁰.

Достоверность известия Никифора Каллиста подтверждается тем фактом, что Севастийская кафедра действительно пустовала с конца 80-х гг. X в. и до 997 г.²²¹, а этот временной отрезок, как мы теперь знаем, совпадает с началом существования Русской митрополии. Апостольские правила предусматривали оставление епископом своей епархии по единственной причине — «злонравию паствы». Надо полагать, что даже после подавления мятежа обоих Вард Феофилакт не мог вернуться в Севастию, где еще была свежа память о гонениях, которым он подвергал армянских священников. Да и Василий II, вероятно, не хотел лишний раз раздражать только что утихомиранные восточные провинции. В этих обстоятельствах перевод Феофилакta на новое место с позиций канонического права выглядел достаточно обоснованным.

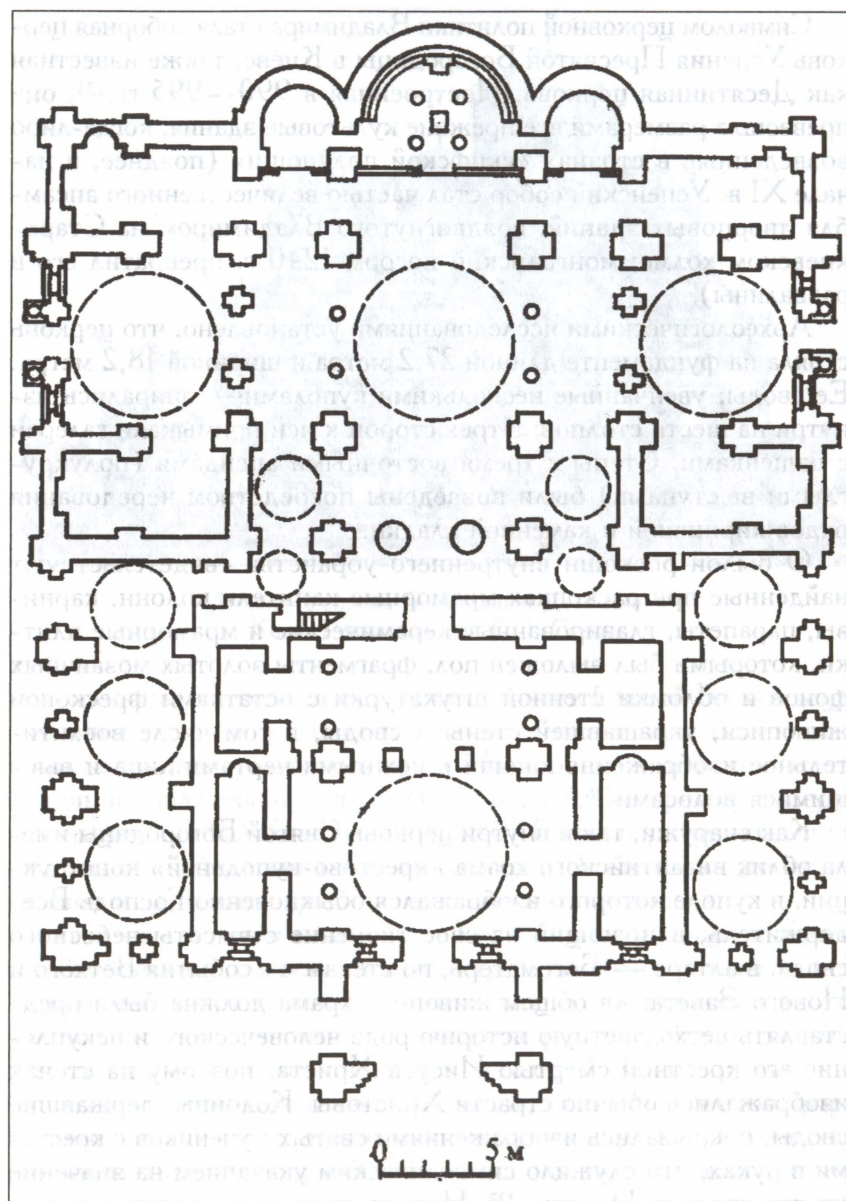

Русское служение Феофилакта было недолгим. Успев благословить закладку в Киеве кафедрального собора Успения Пресвятой Богородицы (990 г., по Иакову Мниху) и, возможно, поставить епископов в первые русские епархии — Новгород, Чернигов, Владимир-Волынский и Белгород, он скончался в самом начале 990-х гг.²²² Вследствие непродолжительности его архиерейства имя Феофилакта на Руси было прочно забыто²²³.

Строительство соборного храма Успения Пресвятой Богородицы (Десятинной церкви)

Смерть первого митрополита «Росии» прилась на период церковных неурядиц в Византии. Патриарший престол пустовал, и это не позволило греческому клиру своевременно назначить преемника Феофилакту. В течение нескольких лет русская митрополичья кафедра оставалась незанятой. Повесть временных лет косвенным образом отмечает данное обстоятельство в статье под 996 г., где, помимо прочего, говорится о совещании Владимира с высшим духовенством по поводу важной государственной реформы — согласования древнерусского законодательства с нормами византийского уголовного права. Знаменательно, что круг церковных советников князя ограничен здесь одними епископами, митрополит же вообще не упоминается (в других случаях, когда летопись сообщает об участии высшего клира в делах государственного значения, митрополит всегда открывает список церковных иерархов — таковы, например, статьи под 1072, 1089, 1091 гг.).

Временное ослабление непосредственного контроля со стороны Константинопольской патриархии поставило Русскую митрополию в положение фактически независимой епархии. Благодаря этому Владимир получил полную свободу в церковных делах, которую он употребил на то, чтобы, не посягая внешним образом на церковный авторитет Византии, закрепить за Русской Церковью ее неповторимые национальные черты.

План фундамента Десятинной церкви

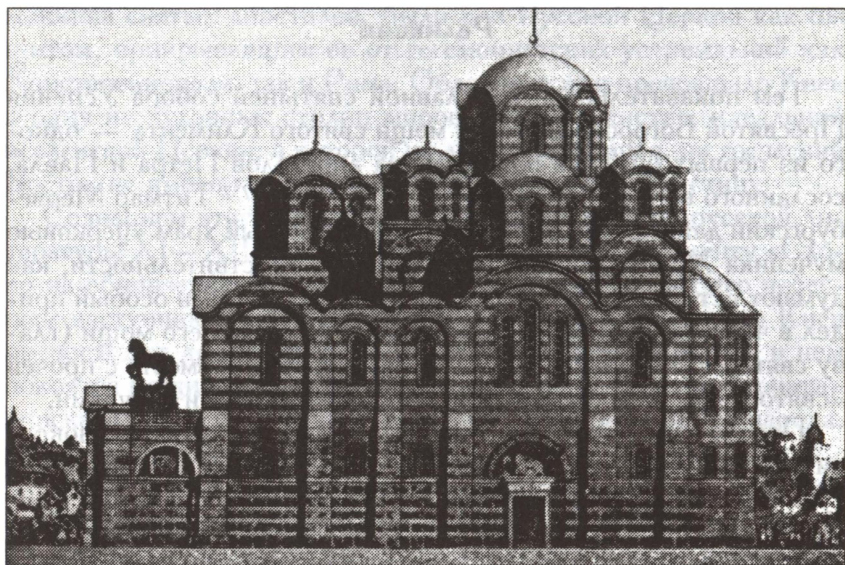

Символом церковной политики Владимира стала соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы в Киеве, также известная как Десятинная церковь. Построенная в 990—995 гг.²²⁴, она превзошла размерами все прежние культовые здания, когда-либо возведенные в странах «скифской полунощи» (позднее, в начале XI в. Успенский собор стал частью величественного ансамбля дворцовых зданий, воздвигнутого Владимиром на Старокиевском холме; монгольский погром 1240 г. превратил его в развалины).

Археологическими исследованиями установлено, что церковь стояла на фундаменте длиной 27,2 метра и шириной 18,2 метра. Ее своды, увенчанные несколькими куполами²²⁵, опирались изнутри на шесть столпов; с трех сторон к ней примыкали галереи с башенками. Стены с тремя восточными апсидами (полукруглыми выступами) были возведены посредством чередования рядов кирпичной и каменной кладки.

О былой роскоши внутреннего убранства свидетельствуют найденные при раскопках мраморные капители колонн, карнизы, парапеты, глазированные керамические и мраморные плитки, которыми был выложен пол, фрагменты золотых мозаичных фонов и обломки стеной штукатурки с остатками фресковой живописи, украшавшей стены и своды, в том числе восхитительное изображение юноши с нежными чертами лица и вьющимися волосами²²⁶.

Как снаружи, так и внутри церковь Святой Богородицы имела облик византийского храма «крестово-купольной» конструкции, в куполе которого изображался обыкновенно Господь Вседержитель, вззирающий на свое творение с высоты небесного свода, в алтаре — Богоматерь, по стенам — события Ветхого и Нового Завета; «в общем живопись храма должна была представлять ветхозаветную историю рода человеческого и искупление его крестной смертью Иисуса Христа; поэтому на стенах изображались обычно страсти Христовы. Колонны, державшие своды, покрывались изображениями святых мучеников с крестами в руках, что служило символическим указанием на значение их как столпов Церкви»²²⁷. Непосредственным архитектурно-каноническим образцом для киевской церкви Успения Пресвятой

Церковь Успения Богородицы Десятинная.
Киев. Реконструкция Г.П. Сухова

Богородицы послужила фаросская церковь Святой Богородицы Большого дворца в Константинополе, построенная Василием I Македонянином — основателем Македонской династии, к которой принадлежали супруга Владимира²²⁸ и ее братья, императоры Василий II и Константин VIII²²⁹. Таким образом, киевский Успенский собор символически соединял Владимира с династической и церковной традицией Византийской империи²³⁰.

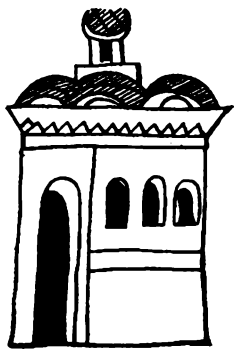
В архитектурном плане храм Успения Богородицы в Киеве заложил основу для всего последующего развития древнерусской церковной архитектуры. Могли меняться те или иные черты внешнего храмового облика — его размеры, количество и формы апсид, количество глав, притворов и галерей, однако «новые, по сравнению с прежними, известными по Десятинной церкви, формы организации внутреннего пространства в храмостроении стали появляться не раньше XV столетия. До того времени русское зодчество сохраняло консерватизм форм и приемов, истоки которого лежали в структуре Десятинной церкви»²³¹.

Реликвии

Тем показательнее, что главной святыней собора Успения Пресвятой Богородицы стали мощи святого Климента — одного из первых римских пап, ученика апостолов Петра и Павла, сосланного в Херсон и умершего около 101 г.²³² Титмар Мерзебургский даже именует киевский кафедральный храм «церковью мученика Христова папы Климента». В действительности, как думают историки, в Успенской церкви был устроен особый придел в честь Климента, где Владимир и поместил его мощи (главу святого), вывезенные в 989 г. из Херсона²³³ вместе с прочей «святостью» — иконами, крестами и церковными сосудами.

Передачей княжеского соборного храма под небесное покровительство Климента Владимир четко обозначил направление и суть своей церковной политики. В Византийской империи Климент никогда не пользовался особенным почитанием. Зато на Западе культ папы-первомученика получил широкое распространение, в том числе среди западных славян, у которых появилась обширная «климентовская» литература («Житие» Климента, «Слово» об обретении его мощей, проложные сказания) и были воздвигнуты церкви в его честь. Солунские братья были причастны к этому самым непосредственным образом. Обретение Климентовых мощей Константином (Кириллом) Философом в Херсоне (около 860 г.) и последующее перенесение их в Рим

Десятинная церковь.
Древнерусская миниатюра

чрезвычайно способствовало прославлению Климента. Папский престол видел в этом величайшую заслугу Кирилла, тогда как Византия осталась совершенно равнодушной к удалению ее таврической святыни в Рим²³⁴. Но кирилло-мефодиевская традиция наполнила климентовский культ и новым идейным содержанием, выдвинув на первый план верность духу соборной апостольской Церкви, изначально основавшей себя на свободном религиозном творчестве национальных Церквей. Мощи Климента, совре-

менника святых апостолов, были для Русской Церкви как бы щитом, прикрывавшим ее от гегемонистских устремлений как Константинополя, так и Рима. Обладание ими превращало Киев в одну из духовных столиц мирового христианства, идеальной вселенской Церкви, в которой ни латинский Запад, ни греческий Восток не имели конфессиональной монополии на истину.

Сознанием этого проникнуты многие памятники русской литературы XI—XII вв. Например, посвященное Клименту «Слово на обновление Десятинной церкви» представляет его небесным заступником всей Русской земли и утверждает, что Киев превосходит другие русские города именно потому, что в нем покоятся мощи святого. В «Чуде святого Климента о отрочати» иносказательно проводится мысль о спасении русского народа, покровительствуемого Климентом.

Характерный случай выдвижения русской церковной иерархией фигуры Климента — в противовес духовному империализму греков — приводит летопись. При поставлении в киевские митрополиты инока Зарубского монастыря Климента Смолятича на соборе русских епископов в 1147 г. было решено обойтись без согласия и благословения константинопольского патриарха, на том основании, что достаточно будет благословить избранника главою Климента. Черниговский епископ Онофрий убеждал собравшихся: «Достоит нам [мы сами вправе] поставить митрополита; а се имеем у себе главу святого Климента, якоже ставить [патриархов и митрополитов] греци рукою святого Иоанна [Предтечи]». И по сему совету епископы поставиша его [Климента Смолятича] митрополитом главою святаго Климента».

С той же целью — подчеркнуть самодостаточность и национальные корни Русской Церкви — Владимир перенес в Успенский храм останки княгини Ольги. К тому времени среди киевских христиан Ольга уже почиталась как местночтимая святая; у ее гроба происходили исцеления и другие чудеса. Перезахоронение честных мощей знаменитой бабки Владимира в Успенском соборе, в открытом каменном саркофаге (как было принято помещать мощи святых на православном Востоке), должно было стать первым шагом к ее официальной канонизации. Владимир, несомненно, добивался этого от Константинопольской патриар-

хии, так как прославление Ольги освятило бы местные русские корни кирилло-мефодиевской традиции. Неудивительно, что византийский клир в течение всего Средневековья упрямо противился канонизации русской княгини, и Ольга была причислена к лику святых только в 1547 г. на поместном соборе Русской Церкви, уже полностью свободной от византийского диктата.

Духовенство

В свете сказанного получает объяснение и тот факт, что главную церковь страны Владимир поручил херсонскому духовенству: «и попы корсунския пристави служити ей». Смысл этого поступка, — без сомнения, хорошо продуманного, — долгое время ускользал от историков, обычно довольствовавшихся указанием на нехватку в Киеве местного духовенства, хотя на самом деле речь идет о предпочтении, оказанном «корсунским попам» не перед славяно-русскими священнослужителями, а перед приезжими византийскими иереями — «царицыными попами» и священниками Феофилакта, прибывшими на Русь из Константинополя.

Опора на херсонское духовенство позволяла Владимиру вывести Русскую Церковь из-под влияния византийской церковной иерархии, не уходя вместе с тем в раскол. Херсонские священники должны были проявлять гораздо большую терпимость к местным особенностям культа, поскольку и сама Херсонская епископия в своей церковной практике допускала определенные отклонения от византийской ортодоксии. В частности, это проявлялось в почитании ею Климента Римского и другого западного святого — римского папы Мартина (649—653). Не менее важно было и то, что Херсон занимал выдающееся место в кирилло-мефодиевской традиции²³⁵. Именно здесь Кирилл открыл мощи святого Климента; здесь же, согласно его Житию, он «обрел Евангелие и Псалтирь русскими письменами писано» — то есть засвидетельствовал существование перевода на славянский язык основополагающих богословских текстов, написанных глаголическим письмом, посредством которого предание приобщало

русское христианство к древней апостольской Церкви²³⁶. Словом, в херсонском духовенстве Владимир нашел необходимую ему прослойку греческого священства, которая проявляла полную лояльность к проводимой им церковной политике. Не случайно епископом в Новгород тоже был поставлен выходец из Херсона — Иоаким Корсунянин.

Наряду с «корсунскими попами», Владимир на первых порах охотно привлекал в Киев священников из Болгарии. Иоакимовская летопись сообщает, что по его просьбе болгарский царь «присла иерей учены и книги довольны»; далее говорится, что среди посланных на Русь были «4 епископы и многи иереи, диаконы и демественники [певчие] от славян»²³⁷. Болгары — наследники и продолжатели кирилло-мефодиевской традиции — были прямыми союзниками Владимира в деле построения национальной Церкви.

Задачу подготовки в достаточном количестве русского духовенства Владимир решил, по летописи, в приказном порядке: «послав нача поимати у нарочитые чади дети, даяти нача на ученье книжное», то есть обязал знатных людей посылать своих детей в церкви к священникам учиться книжной «премудрости»²³⁸. Имя одного из них известно по Новгородской летописи, которая, сообщив о смерти первого новгородского епископа Иоакима Корсунянина, прибавляет: «и бяше ученик его Ефрем...»

Под руководством болгарских и херсонских грамотеев русские ученики овладевали богатствами славянской (болгарской, чехо-моравской) и греческой письменности. В истории русской культуры им суждено было сыграть особую роль. «Наиболее выдающиеся из этих «выпускников», которые должны были достичь зрелости самое позднее к 1000 г., составили ядро первой христианской элиты на Руси, — пишет Д. Оболенский. — В течение последующих десятилетий им предстояло создать первые произведения русской словесности»²³⁹. «Словенская грамота» была еще одним, может быть важнейшим, инструментом сохранения самобытных начал Русской Церкви. Славянская литургия, звучавшая под сводами собора Святой Богородицы²⁴⁰ и в других церквях Русской земли, как плотина, вставала перед наплывом на Русь византийского духовенства.

Так, стараниями Владимира, Успенский собор сделался центром национальной церковной идеологии, отвечавшей интересам и потребностям молодого Русского государства.

Ограничение византийской церковной иерархии

В довершение всего Владимир совершенно отстранил византийскую иерархию от участия в управлении церковными делами. Это произошло во второй половине 90-х гг. X в., когда споры по поводу замещения патриаршей кафедры в Константинополе были наконец улажены и Константинопольская патриархия смогла прислать на Русь нового митрополита. Звали его Лев, или, в древнерусской традиции, Леон. В Русской земле его ожидал большой сюрприз. Владимир не позволил ему поселиться в Киеве, отправив жить в Переяславль, расположенный в 94 километрах южнее Киева, при слиянии рек Альты и Трубежа.

Льву даже пришлось изменить свою титулатуру: вместо «митрополита Киева Руси» он стал называться «митрополитом Переяславля Русского». Его послание к латинянам об опресноках, сохранившееся в греческих списках XIII—XIV вв., озаглавлено: «Боголюбивейшего Льва, митрополита Преславы на Руси, о том, что не следует употреблять в службе опресноки²⁴¹». С этого времени Переяславль надолго сделался официальной резиденцией русских митрополитов, что мимоходом отмечено в Лаврентьевской летописи под 1089 г.: «В се же лето священа бысть церкы святаго [архангела] Михаила Переяславская Ефремом, митрополитом тоя церкы, юже бе создал велику сушу, бе бо *преже в Переяславли митрополья*» (Никоновская летопись в статье под 1091 г., повторив это сообщение, прибавляет еще: «и живяху множае тамо [в Переяславле] митрополити Киевстии и всея Руси, и епископы поставляху тамо...»)²⁴².

В Киев митрополиты приезжали, очевидно, лишь по большим церковным праздникам для торжественного совершения литургии в Десятинной церкви или по вызову князя. Несторово «Чтение о Борисе и Глебе» повествует, что в 1020-х гг.

князь Ярослав, услышав о чудесах, происходивших у гроба Бориса и Глеба в Вышгороде, «повеле призвати архиепископа Иоанна²⁴³, тогда пасущу ему Христово стадо разумных овец его». Как явствует из текста, Иоанн явился в Киев откуда-то со стороны, прославил своим авторитетом мощи, освятил церковь во имя братьев-мучеников, установил праздник святым, рукоположил священников и дьяконов и после всего этого вновь оставил Киев, удалившись в свою «кафоликанскую церковь», то есть на митрополичью кафедру в Переяславль.

В остальное время церковными делами в Киеве заведовал корсунянин Анастас, которому Владимир, по свидетельству Повести временных лет, «поручил» Успенский собор вместе со всем церковным «имением» (церковными доходами). Это было сделано, вероятно, без благословения митрополита. Любопытно, что в этом месте летопись называет его уже не «мужем», каковым он значится в тексте «курсунской легенды», а священником, «иереем». Должно быть, по приезде в Киев Анастас принял священство и в память заслуг перед Владимиром во время осады Корсуни был зачислен в «княжие попы» — особую категорию священников, обслуживавших духовные нужды княжеского двора и не подчинявшихся напрямую церковным властям.

В общецерковных вопросах митрополиты-греки также были лишены права голоса. Обыкновенно дела Русской Церкви решались на соборе епископов, проходившем под председательством самого Владимира. В похвальном слове Владимиру митрополита Илариона говорится: «Ты же с новыми нашими отцами епископы снимаяся²⁴⁴ [собираясь на совет] часто, с многым смирением свещавашася, како в человецех сих, новопознавших Господа, закон уставити». Впрочем, такой порядок тоже соблюдался не всегда, и, например, церковный устав Владимира извещает, что этот важнейший документ принят князем в кругу ближайших родственников, на семейном совещании: «и яз сгадав с своею княгинею с Анною и с своими детми²⁴⁵, дал есмь те суды церквам, митрополиту и всем пискупиям [епископам] по Русьской земле».

Верно, однако, то, что если к голосу епископов на княжеском дворе так или иначе прислушивались, свидетельство чему пре-

доставляет летописная новелла о разбоях (в статье под 996 г.), о которой мы еще будем говорить, то в советах греческих митрополитов Владимир, как видно, совершенно не нуждался. Это был русский вариант православной теократии: не являясь официальным главой Церкви, подобно василевсу ромеев — «эпистемонарху Церкви», «царю и первосвященнику», русский «кесарь» тем не менее приобрел решающий голос в церковных делах. При Владимире роль константинопольского патриарха и назначаемого им «митрополита Росии» во внутренней жизни Русской Церкви свелась исключительно к духовному окормлению христианской общины Русской земли.

Храмоздательство князя Владимира

Другие стороны церковной деятельности Владимира уже не соприкасались так тесно с политикой и были обращены на то, чтобы удовлетворить повседневные практические потребности Церкви. Первейшей ее заботой было, конечно, восторжествовать над «поганьством» в чисто земном, материальном смысле, посредством повсеместного ниспровержения лжебогов и разорения языческих святилищ.

Княжеская власть взяла на себя эту разрушительную работу. По словам Иакова Мниха, Владимир «поганьския боги, паче же и бесы, Перуна и Хрса и ины многы попра и скруши идолы и отверже всю безбожную лесь... Храмы идольские и требища [жертвенники] всюду раскопа и посече, и идолы скруши».

Помимо искреннего религиозного рвения, князь был одержим соблазном завладеть сокровищами, которые веками накапливались в святилищах языческих богов²⁴⁶. Несметное богатство его казны, так восхищавшее летописцев и былинников, было добыто не одними воинскими трудами в чужих странах, но и повальным ограблением культовых центров язычества в Русской земле.

Христианство отвергало старых богов и старую веру, но традиции самого почитания божества сохранялись в неизменности. Поэтому строительство церквей находилось в самой непосред-

ственной связи с низвержением языческих кумиров. При Владимире оно приняло широчайший размах. «...И грады вся украси святыми церквами», — пишет Иаков, а Титмар Мерзебургский в своей хронике поведал, что к концу жизни Владимира в одном только Киеве насчитывалось более 400 церквей — преувеличение само по себе весьма замечательное (еще более невероятно сообщение Никоновской летописи, что при пожаре 1017 г. в Киеве сгорело 700 храмов)²⁴⁷.

Христианские церкви возникали на месте прежних святилищ, ибо благоговейная тяга новообращенных к «святым местам» своих предков была неистребима. По свидетельству Повести временных лет, Владимир «повеле рубити церкви и поставляти по местом, идеже стояху кумиры. И постави церковь святого Василия на холме, идеже стояще Перун и прочии, идеже творяху потребы [жертвоприношения] князь и людье».

Вступая в конкурентную борьбу с языческим прошлым, Церковь старалась затмить языческий культ великолепием своих храмов и торжественной пышностью христианской литургии²⁴⁸. Никогда еще красота не обладала такой силой аргументации, как в эпоху Средневековья; она спасала мир в буквальном смысле слова. Вот почему мотивы эстетического превосходства христианства так сильны в произведениях древнерусской литературы. «Не вемы, на небесех ли есмы были, или на земли, — говорят в летописи Владимировы послы, побывавшие на богослужении в Царьграде, — несть бо на земли такового вида, или красоты такая, недоумеем бо сказати... Мы убо не можем забыти тоя красоты». Митрополит Иларион ставит Владимиру в особую заслугу то, что он «...весь клирос украсиша и в лепоте одеша святыя церкви», чем неизмеримо увеличил притягательность новой религии: «мужи и жены, и малые и велиции — все людие исполнише [наполнили] святыя церкви». Дни освящения храмов отмечались всенародными торжествами — с пирами, раздачей милостыни и проч.

Христианское храмоздательство преобразовывало весь об-разный строй городского пространства. В глазах новообращенного христианина город и храм составляли некое единство, сакральную территорию, отмежеванную мощными укреплениями

от хаоса языческих лесов и степей. Замкнутое пространство города, с храмом как его средоточием, с княжеским замком — местопребыванием светских и церковных властей, становилось отныне обителью верных, огражденной от внешней тьмы, земным воплощением Дома Премудрости Божией²⁴⁹.

Вместе с Владимиром храмовым строительством занималась и его византийская жена, царица Анна. По сведениям Яхьи, «она построила многие церкви в стране русов». Вероятно, под ее покровительством были основаны также первые монастырские обители: «Монастыреве на горах стаща, черноризьци явишася» («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона).

Церковный устав князя Владимира

Поставленное в новое для него положение государственной религии, русское христианство настоятельно нуждалось в юридическом оформлении своих отношений с обществом, которому оно предлагало новые законы и новую мораль, и с властью, чьим сотрудником, а нередко даже и наставником оно притязало быть. С этой целью Владимир издал церковный устав — первый памятник русского церковного права, призванный очертить законодательно область деятельности Церкви по устройению общества и поддержанию государственного порядка. Древнейший из его списков датируется концом XIII в., но в летописи есть почти прямое указание на время создания этого документа. Помещенный под 996 г. рассказ о том, как Владимир назначил десятину на содержание собора Успения Богородицы, подтвердив свой дар клятвенным завещанием, завершается словами: «...и положи написав клятву в церкви сей». Между тем устав Владимира именно и открывается статьей о десятине, а в заключение грозит вечным проклятием тем, кто «пообидит» его установления.

Общим образцом для церковного устава Владимира послужили греческие Номоканоны, или Кормчие книги — кодексы святоотеческих, императорских, патриарших и соборных узаконений, касающихся Церкви. В то время в ходу было два таких

сборника церковных законов: Номоканон антиохийского адвоката Иоанна Схоластика (VI в.) и так называемый Номоканон в XIV титулах, окончательная редакция которого приписывалась патриарху Фотию (60—80-е гг. IX в.). Оба Номоканона были переведены на славянский язык: первый, как полагают, самим славянским первоучителем Мефодием, второй — его болгарскими учениками, еще до Фотиевой редакции²⁵⁰.

По крайней мере с одним из этих переводов Владимир был знаком: в своем уставе он пишет, что составлял его, имея перед глазами «грецьскыи номоканон» — скорее всего, это был Номоканон в XIV титулах, известный на Руси при Ярославе и сохранившийся в древнерусских списках XII в.²⁵¹ Но при сличении того и другого сразу же выясняется, что меньше всего речь может идти о простой компиляции и тем более слепом копировании. Это и понятно, ведь государственные, правовые, нравственные и бытовые устои византийского и русского обществ были совершенно различными, и Владимир приноравливал свой церковный устав к условиям и обстоятельствам русской жизни, которая была и оставалась по преимуществу жизнью варварского общества, еще только вырабатывавшего простейшие формы христианского цивилизованного общежития. В результате законодательных трудов Владимира на Руси сложился особый тип частного (не затрагивающего вопросов догматики) церковного права, творчески сочетавший христианские каноны с некоторыми правовыми традициями языческой старины и не мыслимый ни в каком другом обществе, кроме древнерусского.

Юридическим его источником была княжеская, то есть светская власть, и потому устав Владимира определил не обязанности, а *права и привилегии* русской церковной иерархии. Духовная власть епископов над паствой была дарована им свыше, и князь не мог ни прибавить, ни убавить архиерейских прерогатив в области собственно внутрицерковной жизни. Но Церковь желала также влиять на дела мира сего, и тут права ее могли быть расширены только за счет государственной власти. Впрочем, сами же церковные правила ограничивали мирскую деятельность духовных лиц, запрещая им, под угрозой низвержения из сана, вмешиваться в дела гражданского управления. Вследствие

этого законодательная и административная власть, по уставу Владимира, сохранялась за князем в полной неприкосновенности, а к Церкви отходила только доля власти судебной вместе с рядом имущественных прав.

Так было и в других христианских странах, в том числе в Византии, но на Руси перераспределение судебной власти между государством и Церковью произошло на принципиально иной основе. В Византийской империи судьями были правительственные чиновники, получавшие жалованье от государства и потому не имевшие материального интереса в сфере судопроизводства. Последнее обстоятельство отличало и судейский труд греческих епископов, осуществлявших гражданский суд над мирянами во всех случаях, когда истец и ответчик желали для решения своей тяжбы прибегнуть к нравственному авторитету Церкви. При такой постановке судебного дела церковный суд нисколько не стеснял прав государственных судей и не посягал на их материальное благополучие, а, наоборот, сильно облегчал их работу, беря на себя рассмотрение значительной части гражданских дел²⁵².

Совершенно иначе была устроена судебная система в Русской земле, где политико-правовой обычай делал из нее доходную статью княжеской казны и притом весьма прибыльную. По закону русскому большинство преступлений искупалось вирами — денежными штрафами в пользу князя, который направлял этот обильный денежный поток на покорм дружине, княжим наместникам и тиунам (судьям). Суд, стало быть, был источником благосостояния самих судей (включая князя), а правосудие (за исключением собственно княжеского суда) — привилегией, пожалованной князем некоторому числу доверенных лиц из его окружения. Вторжение Церкви в область древнерусского суда напрямую задевало материальный интерес этого влиятельного дружинного слоя и, несомненно, воспринималось им очень болезненно. Показательная деталь: Владимир в уставе почел необходимым особо наказать своим тиунам «церковного суда не обидети», то есть не вмешиваться в церковную юрисдикцию и исправно уделывать епископам положенную им часть судебных пошлин. Любопытно, что приказ этот повторен

дважды, и эта настойчивость, конечно, говорит о том, что на практике тиуны с величайшим трудом мирились с посягательством Церкви на их заповедные права.

Сильнейшая материальная заинтересованность княжеской власти в отправлении правосудия делала невозможным участие епископов во всех гражданских делах, как это было в Византии. Вместо этого в церковное ведомство был выделен особый круг лиц и особый круг дел и преступлений, подлежащих епископскому суду. С одной стороны, под непосредственное попечение Церкви было поставлено особое общество церковных людей, состоявшее из: 1) черного и белого духовенства, включая семейства священников («игумен, поп, дьякон, дети их, попадия, и кто в клиросе, игуменья, чернец, черница», по уставу Владимира); 2) мирских лиц церковного причта («проскурница [просвирия], лечец [знахарь]») и «задушных» людей, то есть рабов, отпущенных на волю по духовному завещанию или завещанных Церкви на помин души; 3) бесприютных, убогих, увечных, больных и вообще нетрудоспособных людей, пользовавшихся гостеприимством при церквях и монастырях («прощеник [человек, чудесно исцелившийся], стороник [странник], слепец, хромец, монастыреве, болнице, гостинници, странноприимнице»). Это общество в целом составляло небольшую часть всей христианской паствы, зато оно было полностью подведомственно церковной власти во всех делах церковных и нецерковных²⁵³. Обычный мирянин, если у него была тяжба с церковным человеком, также должен был предстать перед судом епископа.

Важной отличительной чертой устава Владимира по сравнению с греческими Номоканоном был провозглашенный в нем полный судебный иммунитет церковных людей от светской власти: «А по сем не надобе вступатися ни дѣтем моим, ни внушачом, ни всему роду моему до века ни в люди церковные, ни во все суды их». В Византии императору принадлежало право верховного суда над лицами духовного звания²⁵⁴.

С другой стороны, Церкви была предоставлена юрисдикция над всеми христианами, но лишь в пределах определенного круга правонарушений. Сюда относились прежде всего нарушения

святости и неприкосновенности христианских храмов и символов, еретичество и тому подобные преступления против веры и святости, традиционно судимые церковным судом. Вместе с тем устав Владимира передал в церковную юрисдикцию такие деяния, которые по византийским нормам церковного права не входили в церковное ведение или были вовсе им неизвестны. Так, покушение на святость родительской власти («или сын отца бьет или мать, или дчи [дочь], или сноха свекровь»), предоставленное в Византии государственному суду, по уставу Владимира подлежало суду церковному. То же произошло с разводом, прелюбодеянием, двоеженством, скотоложством, оскорблением словом и действием и некоторыми другими статьями гражданского законодательства, по которым Византийская церковь ограничивалась наложением епитимий. Более того, на суд епископов был отдан ряд уголовных преступлений — похищение, изнасилование, убийство ребенка матерью, смертоубийство во время свадьбы, — что явилось абсолютным новшеством для законодательной практики христианства²⁵⁵.

Ввиду всего этого к уставу Владимира полностью приложимы слова А.И. Лотоцкого, сказанные по поводу церковного законодательства Ярослава Владимировича, который собственно лишь развил законодательные идеи, заложенные в уставе его отца: «Едва ли на такой шаг отважился и такую инициативу проявил какой-либо митрополит из греков, ибо греческие иерархи были тесно связаны со своими церковными кодексами»²⁵⁶. Сам же Владимир подтверждает правоту этой догадки, свидетельствуя, что уставные правила о церковных судах он «сгадал с своею княгинею с Анною и с своими детьми».

Заметные новшества наблюдались также по отношению к закону русскому. Соблюдение чистоты семейных отношений, преследование за оскорбление нравственности, волхование, чародейство, совершение языческих обрядов, повреждение могил — все это проходило прежде мимо внимания древнерусского права. Кроме того, теперь церковные власти должны были следить за верностью весов и мер: «...поручено святым пискупьям [епископиям] городские и торговые всякая мерила и спуды извесы, ставила, от Бога тако искони уставлено пи-

скупу [епископу] блюсти бес пакости ни умалити, ни умножити. За то все дати ему слово в день суда великаго, якоже и о душах человеческах».

Церковная десятина

Положения устава Владимира о церковных судах, в той мере, в какой они пересекались с древнерусской правовой практикой денежных взысканий за правонарушения, имели непосредственное касательство к другой проблеме, поставленной и разрешенной в том же документе, а именно к материальному обеспечению Церкви. В апостольские времена церковная иерархия существовала на добровольные приношения паствы. Но в Русской земле, по понятным причинам, подобное было невозможно: среди вчерашних язычников было совсем немного таких, которые были расположены содержать на свой счет христианских епископов и священников, а политические отношения, связывавшие князя с городом и с землей, не позволяли ему прибегнуть к принудительным мерам — дополнительному налогообложению в пользу Церкви и т. д. И поскольку христианство на Руси было введено государственной властью, то забота о содержании Церкви легла всецело на государственную власть.

Повесть временных лет и другие древнерусские памятники свидетельствуют, что Владимир предоставил духовенству привилегию на церковную десятину, которая и сделалась надолго основной статьей церковных доходов. Вопрос о происхождении института десятины на Руси до сих пор не утратил дискуссионной остроты, причем полемике изначально был задан неверный тон. Со времени научного спора двух известных канонистов А.С. Павлова и Н.С. Суворова (вторая половина 80-х гг. XIX в.) внимание исследователей было сосредоточено на том, из какой части христианского мира — восточно-православной или западно-католической — десятина пришла на Русь²⁵⁷.

Однако тогда же обнаружились и слабые места такого подхода к изучению истоков русской десятины. Византийское влияние выглядит сомнительно уже по одним хронологическим со-

ображениям. Если в Римской церкви институт десятины был учрежден Мейсенским собором (VI в.) и получил юридическое развитие в королевских капитуляриях 774—790 гг. Карла Великого, то в Византии государственная руга (отчисления из государственного бюджета) для Церкви, введенная при Константине I, была отменена уже Юстинианом I (VI в.), и с тех пор духовенство должно было существовать на свои собственные средства. Византийская десятина появилась только в XI в. (в Болгарии и Сербии она известна с XII в.), но то была государственная подать, взимаемая натурой с урожая, скота и т. д. Так что Византия в продолжение всей своей истории вообще не знала церковной десятины как юридически закрепленного учреждения; в византийской вероучительной литературе лишь высказывалась мысль, что десятина, согласно Ветхому Завету, есть идеальная норма добровольного церковного пожертвования для каждого верующего²⁵⁸.

Но, что важнее всего, русская десятина существенно отличалась от своих восточно- и западнохристианских аналогов, которые представляли собой род государственного налога, которым облагалось всякое частное лицо, владевшее земельной и иной собственностью, тогда как на Руси обязательную десятину Церкви платило не население, а князь — и лишь со своих доходов. Это дает право рассматривать русскую десятину как вполне самобытное явление, чьи корни уходят в местную, славянскую почву.

У славян с незапамятных времен существовали хозяйственные, административные и военные системы, основанные на десятке²⁵⁹. Подобная десятичная система, освященная давней традицией, применялась и в области обеспечения языческого культа. По сообщениям Гельмольда и Саксона Грамматика, многие племена славянского Поморья отдавали десятую часть военной добычи в Арконское святилище Святовита на острове Рюген; другой немецкий хронист, Герборд, оставил показание, что та же десятая доля взятого на войне имущества поступала в щетинский храм Триглава — верховного бога лютичей. И это было еще очень «по-божески». Литовские жрецы-вайделоты, к примеру, брали себе третью часть добычи.

Русская церковная десятина своим возникновением была обязана именно этой языческой традиции. Нельзя сказать, что в древнерусских памятниках связь эта оказалась так уж сильно затушевана, и тем не менее мало кто из историков заметил ее. Однако вот что говорит об учреждении десятины Житие блаженного Владимира (или так называемое Обычное житие, в составе «Памяти и похвалы» Иакова Мниха): завершив строительство церкви Святой Богородицы, Владимир «поручи ю Анастасу Корсунянину, и попы корсунские пристави служити в ней, и вдасть все им, еже бе взял в Корсуни, и кресты, и отда от всего имения десятью [часть] той церкви и от града»²⁶⁰.

«Корсунский» подтекст всего фрагмента со всей очевидностью указывает на то, что этот безымянный «град» есть не что иное, как Корсунь (но ни в коем случае не Киев, никогда не плативший церковной десятины). Значит, житийное известие следует понимать так, что десятина от «имения»²⁶¹ и «от града», отданная на нужды церкви Успения Богородицы, была десятой долей дани, взятой Владимиром с Херсона в 989 г. Таким образом, благочестивый поступок князя находился в полном соответствии со славяно-русской языческой традицией материального обеспечения культа²⁶².

Итак, начало института церковной десятины на Руси было положено единовременным пожертвованием Успенскому собору десятой части корсунской «дани». Но для содержания всей Церкви требовались более обильные и, главное, более регулярные поступления в ее казну, чем отчисления из военной добычи. Проблема эта была решена путем жертвования на церковные нужды десятины с ежегодных княжеских доходов — «от даний и от вир и продаж [судебных пошлин], что входит в княж двор всего», как значится в ст. 15 устава князя Владимира²⁶³. Являясь выделенной частью привычной княжеской подати, церковная десятина не отягощала народ новыми поборами и потому не вызывала к себе такой лютой ненависти, как на католическом Западе, где церковная десятина, рассматриваемая как юридически-обязательное вознаграждение за оказываемые Церковью духовные благодеяния²⁶⁴, легла новым бременем на плечи податного населения, служа в сущности только обогащению высшего

духовенства. На Руси же «десятина предназначалась главным образом для осуществления самых широких задач благотворительности, так что в пользу клира если и отделялась какая-либо часть десятины, то лишь для удовлетворения крайних его нужд»²⁶⁵. У древнерусских духовных писателей не раз встречается мысль, что церковная десятина должна идти не только на потребу духовенству, но и на материальное поддержание всего круга лиц, призываемых Церковью. Иаков Мних пишет, что Владимир «...церковь созда камену во имя пресвятыя Богородица, прибежище и спасение душам верным, и десятину ей вда, тем попы набдети [на содержание храмовых священников] и сироты и вдовича и нищяя». А спустя два столетия владимирский епископ в послании одному из сыновей Александра Невского говорит о десятине так: «То дано клирошаном [духовенству, состоящему при архиереях] на потребу, и старости, и немощи, и в недуг впавших чад мног кормление, обидимым помоганье, страньным [странникам] прилежание в гладе прокормление, пленным искупление, сиротам и убогим промышление, вдовам пособие... церквам и монастырем подъятие». Хорошо слышимая переключка с Иаковым Мнихом свидетельствует, что подобное представление о предпочтительном использовании доходов от церковной десятины в среде русского духовенства XI—XIII вв. было традиционным, являя еще один яркий пример национального своеобразия Русской Церкви.

Глава 8

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА ЛИЧНОСТЬ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Образ Владимира в житийной литературе и Повести временных лет

История княжения Владимира чрезвычайно скудна сведениями, относящимися к его личной жизни и характеру. А. Поппэ выразил общее сожаление историков, сказав, что у Владимира, к несчастью для нас, не было своего Эйнгарда²⁶⁶. Это не

значит, что русские люди не проявили должного интереса к личности крестителя Русской земли. Наоборот, ни о каком другом князе легендарно-героического времени «дедов и прадедов» народная память не сохранила столько подробностей, и именно подробностей личного свойства, как о князе Владимире, и ни одна эпоха древнерусской истории не изображена в летописи настолько «персонально», то есть по сути через жизнеописание одного человека, как Владимирово эпоха. Но собственно исторический интерес к личности «нашего учителя и наставника, великого кагана земли нашей Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава», пробудился лишь во втором-третьем поколении образованных русских христиан, всерьез задумавшихся над значением и последствиями его исторического дела для Русской земли. Деятельность Владимира получила глубокую и всестороннюю оценку в трудах панегиристов, составителей житий и летописцев, однако единого мнения о его духовном облике в древнерусской литературе так и не выработалось.

При князе Ярославле и митрополите Иларионе (середина XI в.) княжеская власть и Русская Церковь активно добивались от Константинопольской патриархии канонизации Владимира. Видимо, поэтому первые наши писатели (митрополит Иларион, Иаков Мних) и агиографы, авторы древнейшей житийной традиции о «благочестивом князе Владимире всея Руси», не противопоставляли резко образы Владимира-язычника и Владимира-христианина. Согласно их воззрению, Владимир, еще до того как познал истинного Бога, жил по закону Божию, и Господь даровал ему свою благодать именно вследствие его прирожденного благонравия. Митрополит Иларион подытоживает языческую пору жизни Владимира в следующих словах: «И единоподержец быв земли своей, покорив под ся округняа страны, овы миром, а непокоривыа мечем, и тако ему... землю свою пасущу правдою, мужьством же и смыслом, приде на него посещение Вышняго... и всиа разум в сердце его, яко разумети суети идольскыи лъсти...» Сходным образом характеризует жизнь Владимира до крещения Иаков Мних: «Такоже пребывающу князю Володимеру в добрых делех, благодать Божия просвещаше сердце его, и рука Господня помогаше ему, и побежаше вся врагы своя, и бояхут-

ся его все». Никакого нравственного воскрешения Владимира в крещении, следовательно, не произошло, да в этом и не было нужды. Всемиловитый Господь, возлюбивший Владимира за праведную жизнь, по своему человеколюбию просто придал его врожденной добродетели христианскую форму и направленность: «Видя же Бог хотение сердца его, провидя доброту его, и призри с небесе милостию своею и щедротами... и просвети сердце князю Володимеру прияти святое крещение» (Иаков Мних). Крестившись, Владимир сразу стяжал себе жизнь вечную: «...человечьское естество свлече же ся [с себя] убо каган и с ризами ветхаго человека сложи тленныя, отрясе прах неверия и влезе в святую купель и породися от Духа и воды, в Христа крестився, в Христа облечеса, и изиде от купели белообразуяся, сын быв нетленья, сын вскрешения, имя приим вечно именито в роды и роды — Василий, имже написася в книги животныя, в вышнем граде и нетленном Иерусалиме» (митрополит Иларион).

Житийная стилизация образа Владимира, однако, плохо согласовалась с имевшимися историческими сведениями. В устных сказаниях, а также, возможно, и в отдельных долетописных заметках хроникального характера, существование которых в первой половине XI в. достаточно вероятно, слишком явно проступал образ совсем другого Владимира — многоженца и неистового язычника, вовсе не помышлявшего в сердце своем о Господе, а творившего кровавые «требы» Перуну и прочей идольской нечисти. Тогда в житийной литературе появился мотив покаяния обращенного Владимира за грехи языческой жизни. Переходным произведением можно считать Несторово «Чтение о Борисе и Глебе», где за Владимиром-язычником еще признаются немалые добродетели, но в уста князю уже вложены покаянные слова: «аки зверь бях, много зла творях в поганьстве и живях, яко скоти, наго». Впрочем, конкретизировать «зло» в произведениях подобного рода не находили уместным.

В более сложном положении оказались монахи-летописцы, которым сам летописный жанр не позволял полностью игнорировать неудобный исторический материал или отделяться обиняками. Трудность заключалась в том, что им надлежало писать не житие, а историю, но историю не заурядного госу-

Великий князь Владимир Святославич

даря, а «апостола во князьях» и «второго Константина», и потому свой писательский долг они видели в том, чтобы не дать языческому прошлому покрыть своей тенью славу того, кому Господь «даждь венец с праведными, в пище райстей» и кого «бо в память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье». В соответствии с этим умонастроением летописный рассказ о земном пути Владимира был выстроен как бы в раскрытие основополагающей евангельской мысли: «А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Римл., 5: 20), что благополучно сгладило все острые углы.

При таком идейном освещении языческая пора жизни Владимира представляла необходимым этапом его обращения. Это дало возможность остаться верным исторической правде, поскольку теперь можно было без всякого смущения ввести в по-

вестование весь комплекс исторических сведений о преступлениях Владимира-язычника против христианского закона (насилие над Рогнедой, братоубийство, «поставление кумиров», человеческие жертвоприношения, любострастие и многоженство), и в то же время решительно отмежевать икону от портрета, святого от грешника, Павла от Савла, ибо благодатное преображение нравственной природы князя после крещения разом искупало все его прежние грехи: «Аще бо бе и прежде в поганьстве, на скверную похоть желая, но послеже прилежа к покаянию... Аще бо прежде в невежестве етера [какие-нибудь] сгрешения быша, послеже расыпашася покаяньем и милостынями». В литературном плане выигрыш был очевиден, так как изложенное подобным образом жизнеописание Владимира приобрело внутренний драматизм, не теряя прочной связи с исторической основой. Но ввиду того, что летописная история духовного перерождения Владимира была осмыслена в контексте священной истории, даже при более или менее точной передаче исторических фактов смысловые искажения были неизбежны.

Женолюбие Владимира

Возьмем, например, женолюбие Владимира, раздутое в Повести временных лет до ветхозаветного масштаба благодаря сравнению с Соломоном: «И бе Володимер побежен похотию женьскою, и быша ему водимыя [законные жены, среди которых названы Рогнеда, «грекия», две «чехины» и «болгарыня»]... а наложницъ бе у него 300 в Вышегороде, а 300 в Белегороде, а 200 на Берестовом в селце, еже зовуть ныне Берестовое. И бе несyt блуда, и приводя к себе мужьскыя [замужних] жены и девицы, растля я; бе бо женолюбець, яко и Соломон».

Нескрываемые библейские параллели²⁶⁷ давали повод считать летописное известие о грубом сладострастии Владимира позднейшим литературным вымыслом²⁶⁸, тем более что монументальная фигура библейского царя, олицетворяющего собой «ветхий закон», оттеняет летописный образ Владимира и во

многих других случаях. Однако перед нами, несомненно, реальная черта человеческого облика Владимира, сильно занимавшая уже его современников, причем не только на Руси, но и за границей, как это видно по хронике Титмара Мерзебургского, который, со слов бежавшего в Польшу князя Святополка Владимировича или кого-то из его окружения²⁶⁹, называет Владимира «великим и жестоким распутником». Характерно, что в монашеском восприятии сексуальная разнузданность князя выглядела обыкновенным распутством, обусловленным его природным нравом (летопись объясняет скандальное с точки зрения христианства поведение Владимира тем, что он «прелюбодейчичь убо бе»; Титмар говорит о его «врожденной склонности к блуду»).

Между тем многоженство и наложничество были важнейшими институтами дохристианского общества, тесно связанными с общественным статусом вождя как сакральной и политической фигуры. Языческая мистика видела прямую зависимость между мужской силой вождя и благоденствием племени, народа, страны. По свидетельству арабского путешественника Ибн Фадлана (начало 20-х гг. X в.), «царь русов» должен был публично демонстрировать перед дружинниками свои мужские способности, тем самым подтверждая, что благоволение богов еще почит на нем, а вместе с ним и на его подданных. Поверье это еще долго жило на Руси, проявляясь видимым образом, например, в обычае вывешивать в церкви княжеские «порты», то есть в сакрализации той части княжеского одеяния, которая как бы заключает в себе детородную силу. Во внешнеполитической сфере институт многоженства (через династические браки) способствовал закреплению союзных отношений с соседними народами, а в многоплеменном государстве — еще и обеспечивал внутреннее единство страны, собирая в гареме верховного вождя дочерей племенных и родовых старейшин. Наложницам, кроме того, была отведена важная роль в погребальном обряде — одна из них сопровождала своего умершего господина в загробный мир. Таким образом, само положение языческого владыки обязывало его иметь жен и наложниц, и притом как можно больше, ибо это умножало его могущество в глазах сородичей и соседей и давало

обществу уверенность в благодетельности его правления. Но для людей христианской культуры, в особенности монахов и книжников, за всем этим не стояло ничего, кроме прелюбодеяния и блуда, почему женолюбие Владимира, имевшее истоки в языческой полигамии, и было истолковано в Повести временных лет и хронике Титмара через понятие личного греха. Справедливости ради следует также заметить, что приведенные в летописи цифры наложниц Владимира, несомненно, сильно преувеличены молвой. Реальные данные о гаремах правителей Восточной Европы IX—X вв. выглядят гораздо скромнее. Например, арабские историки пишут о 25 женах и 60 наложницах хазарского кагана, а к услугам «царя русов», по сведениям Ибн Фадлана, было «сорок девушек для его постели».

В продолжение всего периода Средневековья Церкви приходилось проявлять терпимость к нецерковным бракам и сожительству — по чрезвычайной их распространенности среди паствы. Например, константинопольский патриарх Николай Мистик (начало X в.) в своих наставлениях к архиепископу Алании Петру по поводу того, как следует водворять христианские нравы в семейном быту новообращенных, говорит так: «Ты сам понимаешь, что нелегко дается переход от языческой жизни к строгости Евангелия». Ввиду этого патриарх советует действовать отеческим убеждением, допуская осторожность и послабления в отношении князя страны и людей знатных и властных, издавна живущих в языческих браках, чтобы не отвратить от христианства весь новоприобретенный для Церкви народ²⁷⁰.

И в иных случаях терпимость добрых пастырей была поистине беспредельной. Доминиканский монах Юлиан, посетивший около 1235 г. Матарху (Тматорокань), с удивлением поведал, что князь той земли исповедовал христианство греческого обряда в приятном обществе ста своих жен. Впрочем, католическое духовенство тоже не закрывало коронованным распутникам пути к спасению при наличии искупительных добрых дел и особенных заслуг перед Церковью. «Видение Веттина» (первая половина IX в.) приоткрывает читателю посмертную судьбу Карла Великого: легендарный король хотя и терзаем пламенем за свое сластолюбие, но лишь для того, чтобы очищенным перейти в уготован-

Печать Робера II Благочестивого

ную ему жизнь вечную. А троеженство французского короля Робера Капетинга (996—1031), отягощенное двойным кровосмесительством, не помешало ему прослыть после смерти Робером Благочестивым, так как он обильно проливал слезы во время молитвы и широко благотворительствовал нищему люду.

Что касается Владимира, то христианская переоценка ценностей в этом вопросе, по-видимому, далась ему нелегко. Акт крещения превращал его пристрастие к «женской прелести», за которое языческая традиция не предполагала никакой нравственной ответственности, в греховную половую распущенность, осужденную и наказуемую Господом: «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог» (Евр., 13: 4). Повесть временных лет как будто оставляет распутство русского Соломона в языческом прошлом; во всяком случае, после 988 г. летопись больше не возвращается к этой теме. Но вряд ли Владимир в одночасье изменил свое

поведение. Иоакимовская летопись говорит, что это произошло не сразу и под воздействием чужой воли, вероятно под давлением Анны и христианского духовенства: «Владимир *вскоре* по крещении» (это «вскоре» предполагает прошествие нескольких лет, так как далее сообщается, что к этому времени Анна успела два раза родить) «*упрошен* бе отпусти жены от себе, яко обеща...». Вняв увещеваниям, князь разослал «водимых» жен и их сыновей по городам, а прочих «даде в жены ближним своим, не имущим жен...»²⁷¹.

Данное известие можно было бы счесть не вполне аутентичным, так как оно встречается только в позднейших летописях и у польского историка XVI в. М. Стрыйковского, если бы хроника Титмара не содержала очень похожего свидетельства. Немецкий хронист пишет, что Владимир еще некоторое время после крещения не только искусственно распалял свою похоть, но будто бы даже в простоте души оправдывал свое бесстыдство ссылкой на Евангелие, пока христианские священники не растолковали ему истинный смысл евангельских слов: «Упомянутый король [Владимир] носил венерин набедренник, усугублявший его врожденную склонность к блуду. Но Спаситель наш Христос, заповедав нам препоясывать чресла, обильный источник губительных излишеств, разумел воздержание, а не какой-нибудь соблазн. Услышав от своих проповедников о горящем светильнике, названный король смыл пятно содеянного греха, усердно творя щедрые милостыни».

Скрытые в тексте цитаты отсылают читателя к словам Христа из Евангелия от Луки: «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» (Лк., 12: 35), которые означают необходимость постоянного духовного бдения в ожидании суда Господня. По Титмару выходит, что Владимир знал это евангельское изречение в усеченном виде (только первую его часть), трактуя его, мягко говоря, несколько своеобразно и в благоприятном для себя смысле. Рассказ Титмара, скорее всего, передает гулявший по Киеву слух, за достоверность которого, разумеется, поручиться нельзя; но вместе с тем у него есть две точки соприкосновения с сообщением Иоакимовской летописи: Владимир обращается к моногамии не вдруг и не добровольно, а

постепенно, под влиянием духовных бесед с придворными клириками, которым, возможно, вновь пришлось развернуть перед очами князя памятную «запону» с изображением Страшного суда. Такое представление об изменениях в личном поведении Владимира, по-видимому, в наибольшей степени соответствует действительности.

Щедрость Владимира. Княжеские пиры

По убеждению современников и потомков Владимира, после обращения в христианство князь искупил все свои прегрешения и заблуждения языческой жизни щедрыми подаяниями: «рассыпа грехи своя... милостынями, еже есть паче всего добрее». Христианское вероучение отводило милостыне исключительную роль в спасении души, и древнерусские летописцы и духовные писатели не жалели слов, чтобы прославить милосердие и нищелюбие Владимира. «Бе бо любя словеса книжная, — говорит Повесть временных лет, — слыша бо... Евангелъе чтомо: блажени милостивии, яко ти помиловании будутъ [Мф., 5: 7]... Си слышав, повеле всякому нищему и убогому приходить на двор княжъ и взимати всяку потребу — питье и яденье, и от скотъниц кунами [то есть из казны деньгами]. Устрой же и се рек: «Яко немощнии и больнии не могут долези двора моего» — повеле пристроити кола [телеги] и вскладаше хлебы, мяса, рыбы, оwoще разноличный, мед в бочках, а в других квас, возити по городу, вопрошаючи: где больний и нищ, не могы ходити? Тем раздаваху на потребу».

Митрополит Иларион видит в благотворительности Владимира образец истинно христианского жития, живое исполнение евангельского завета любви к ближнему. «Кто исповестъ [кто расскажет], — восклицает он, — многия твоя ношныя милости и дневныя щедроты, яже к убогим творящее, к сирым же и к болящим, к должным и вдовам и ко всем требующим милости! Слышал бо глагол Господень... не до слышания стави глаголанное, но делом сконча слышанное [то есть не просто услаждал слух евангельскими словами, а осуществлял их на деле], прося-

щим подавая, нагия одевая, жадныя и алчныя насыщая, болящим всякое утешение посылая, должныя [должников] искупая, работныя [слуг, зависимых людей] освобождая. Твоя бо щедроты и милостыня и ныне в человецех поминаемы суть». Чтобы должным образом почтить неслыханное и невиданное милосердие «великого кагана земли нашей», он без устали унижает словесную ткань своей «Похвалы» христианскими добродетелями Владимира, словно драгоценными жемчугами: «Радуйся, учитель наш и наставник благоверия! Ты был облачен правдою, препоясан крепостию, венчан смыслом и украшен милостынею, как гривною и утварью златою. Ибо ты, честная главо, был одеждою нагим, ты был питателем алчущих, был прохладою для жаждущих, ты был помощником вдовицам, ты был успокоителем странников, ты был покровом не имеющим крова. Ты был заступником обижаемых, обогатителем убогих».

Иаков Мних выражается, может быть, с меньшим литературным блеском, но зато сообщает немаловажную подробность: оказывается, от щедрот Владимира вкушала убогая братия не одного только Киева, а еще и многих других городов и сел Русской земли: «Боле же всего бяше милостыню творя князь Володимер; иже немощней и старей не можаху дойти княжа двора и потребу взяти, то в двор им посылаше, немощным и старым всяку потребу блаженный князь Володимер даяше. И не могу сказати многыя его милостыня: не токмо в дому своем милостыню творяше, но и по всему граду, не в Киеве едином, но по всей земли Руской и в градах и в селех, везде милостыню творяше, нагия одевая, алчныя кормя и жадныя напаяя, странныя [странников, паломников] покояя милостью, церковники чества и любя и милуя, подавая требование, нищая, и сироты, и вдовица, и слепыя и хромыя и трудоватыя — вся милуя и одевая, и накормя и напояя».

К этому согласному хору русских голосов присоединяется сообщение Титмара об «усердии», с которым Владимир творил милостыню.

Засвидетельствованная с разных сторон широкая благотворительная деятельность князя, несомненно, является историческим фактом. Но, как и в случае с Владимиром-женолюбцем,

перо христианских писателей привнесло в образ Владимира-благодетеля изрядную долю литературы. По летописи, необыкновенное рвение Владимира в делах милосердия проистекало из чисто христианского побуждения исполнить буквально евангельский завет любви к ближнему. Однако подобная мотивация его поведения в корне противоречит «Чтению о Борисе и Глебе» преподобного Нестора, где прямо говорится, что нищелюбие было присуще Владимиру и до крещения: «Бе же муж правдив и милостив к нищим и к сиротам и ко вдовичам, елин [язычник] же верою». Трудно представить, что летописец мог не знать этого произведения своего выдающегося современника, поэтому в отношении летописного известия мы вправе говорить о сознательной идеализации.

Призывы к богатым и могущественным людям «роздать имение свое» звучали в языческом обществе не менее громко, чем в христианском; правда, награда за это их ожидала не в Царстве Небесном, а в царстве земном, где постоянное перемещение собственности из рук в руки было средством установления и закрепления социальных (главным образом, служебно-иерархических) связей. Расточение имущества (путем дарений, устройства пиршеств и т. д.) повышало общественный престиж собственника и уважение к нему со стороны общества. «Богатым», то есть «подобным богу» в отношении способности наделять благами, был тот, кто давал, тратил свои богатства, причем тратил нерационально, безвозвратно, а не тот, кто сидел на сундуке с сокровищами. В силу этих представлений щедрость мыслилась даже не столько личной добродетелью князя, сколько необходимым атрибутом княжеского достоинства. Еще до принятия христианства от княжеских щедрот на Руси питалось немалое количество людей: дружинники ежедневно пировали с князем в гриднице; в дни религиозных и иных праздников князь устраивал «всенародный» пир для жителей стольного града; существовали, конечно, и традиции социальной благотворительности, коренившиеся в самих общинных устоях тогдашней жизни.

Владимир потому и оказался столь чуток к христианскому учению об искупительном значении милостыни, что оно внешней, формальной своей стороной было созвучно традиционному тре-

бованию общества по отношению к князю: быть щедрым расточителем материальных благ. Это был тот редкий случай, когда усвоение христианской добродетели не вынуждало новообращенного радикально менять привычный образ жизни. Таким хлебосольным хозяином, привечавшим у себя на княжем дворе весь крещеный люд, Владимир и остался в народной памяти:

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Было пиروваньице почестен пир
На многих на князей на бояров,
На могучих на богатырей,
На всех купцов на торговых,
На всех мужиков деревенских.

Миролюбие и богобоязнь Владимира

Крайне неудачную интерпретацию поступков крещеного князя дает еще одна летописная статья — под 996 г., — касающаяся, в частности, болезненной проблемы о пределах применения христианской морали в государственной политике. Варварские вожди, принявшие христианство, безусловно, задавались этим вопросом²⁷²; вероятно, серьезно размышлял над ним и Владимир. «Живяше же Володимир в страсе Божьи», — подводит итог нравственному обновлению князя летописец.

Как явствует из двух примеров, иллюстрирующих этот тезис, обращенный Владимир будто бы проникся непреодолимым отвращением к человекоубийству, пусть даже совершаемому в интересах государства и общества. Однако в том и другом случае Повесть временных лет весьма далека от исторической достоверности. В первом примере говорится о выдающемся миролюбии Владимира, прежде всего по отношению к соседним христианским народам: «и бе живя с князи околними миром: с Болеславом Лядским [Польским], и с Стефаном Угорским [Венгерским] и со Андрихом²⁷³ Чешским, и бе мир межю ими и любовь». Между тем всего несколькими строками выше Владимир, уступая прихоти своей дружины «ясти» не деревянными ложками, а

серебряными, произносит слова, которые отнюдь не сулят спокойствия его соседям: «Сребром и золотом не имам налести дружины, а дружиною налему сребро и золото, якоже дед мой и отец мой доискася дружиною золота и сребра».

Действительно, источники сохранили сведения о двух войнах Владимира с Польшей в конце X — начале XI в., хорватском походе и еще двух походах на волжских булгар, не говоря уже о беспрестанной «рати» на русско-печенежской границе. Это позволяет обоснованно заключить, что и во внешнеполитическом аспекте княжения Владимира Повесть временных лет приняла за образец царствование Соломона, у которого «был... мир со всеми окрестными странами» (3 Цар., 4: 24). Правда, не довольствуясь этим, летописец далее показывает богобоязненность князя на собственно древнерусском материале. В небольшой новелле о «разбоях» рассказывается, что неслыханный расцвет разбойного промысла на дорогах заставил епископов обратиться к князю с требованием строгих мер: «И умножишася разбоеве. И реша епископы Володимеру: «Се умножашася разбоиницы. Почто не казниши их?» Он же рече им: «Боюся греха». Епископы, однако, настояли, чтобы Владимир казнил злодеев, «но со испытанием», то есть при несомненных доказательствах их вины.

История эта содержит неповрежденным историческое зерно, о котором скажем чуть позже. Но нежелание Владимира проливать кровь находит объяснение, конечно, не в религиозных соображениях, а в существующем правовом обычае древнерусского общества. Закон русский не предусматривал смертной казни для разбойников — их выдавали на поток и разграбление, с конфискацией имущества в пользу княжеской казны. Продолжая рассказ, летописец в простоте душевной так и говорит, что помеху для более строгого наказания преступников создавало не человеколюбие Владимира, а традиционное древнерусское законодательство: «Володимер же отверг виры, нача казнити разбойники». Но затем сообщается, что сокращение денежных поступлений от судопроизводства по «разбойным» делам вызвало оскудение казны, и Владимир вернулся к прежним (собственно, языческим) обычаям: «живяше Володимер по строению дедню и отню». Столь явное противоречие с за-

явленным ранее христианским перерождением Владимира свидетельствует, что «разбойная» новелла в Повести временных лет представляет собой не очень умелую обработку более древнего сказания, изначально не имевшего целью прославить житие Владимира в страхе Божиим.

Свидетельство Бруно Кверфуртского

Прочные нити, видимые и невидимые, связывали крещеного Владимира с языческим прошлым, — и, возможно, как государь он чувствовал их сильнее, нежели как человек. И все же, несмотря на очевидный недостаток добротного исторического материала, не подлежит сомнению, что христианство было воспринято им той деятельной частью духовной сущности, которая определяет движения сердца, ума и воли. Крестившись скорее по политическим резонам, чем вследствие свободного внутреннего выбора, он тем не менее совершенно свободно, со всем пылом своей страстной натуры, пожелал быть христианином не только по имени, — и таким христианским государем, в полном смысле слова, увидели его не только потомки, судившие о крестителе Руси по более или менее достоверным рассказам и преданиям, но и современники, лицезревшие Владимира собственными глазами. Мы располагаем свидетельством очевидца, достаточно близко сошедшегося с князем, — свидетельством тем более ценным, что исходит оно от лица, не имевшего по отношению к Владимиру никаких национальных, конфессиональных или личных пристрастий. Это — Бруно Кверфуртский, чье имя уже не раз упоминалось на этих страницах. Прежде чем обратиться к его известию о Владимире, естественно сказать несколько слов о нем самом.

Бруно происходил из рода графов Кверфуртских. Получив прекрасное образование в Магдебургской школе, где незадолго до него учился святой Адальберт-Войтех, он, как юноша знатный и «необыкновенно образованный в свободных науках, особенно же отличавшийся в музыкальном искусстве» (по аттестации Жития святого Ромуальда), был взят ко двору императора

Оттона III на должность капеллана. Способный и воспитанный молодой человек чрезвычайно полюбился Оттону III, который называл его не иначе как «душа моя». Однако эта душа не принадлежала миру сему. Году в 996-м, сопровождая императора в его поездке по Италии, Бруно вступил в братство пустынника Ромуальда, основателя ордена камалдулов, и принял постриг под именем Бонифация. В Германию он вернулся только в 1002 или 1003 г., уже при новом императоре Генрихе II. Примерно тогда же он был посвящен в епископы и назначен главой миссии в восточных странах. Вдохновленный примером святого Войтеха, Бруно жадно искал мученического подвига во славу Христа. Забегая вперед, скажем, что он обрел свой крест в 1009 г., в Пруссии, где был убит местными язычниками вместе с шестью его спутниками. Но за год перед тем он возымел намерение обратиться ко Христу печенегов, «жесточайших из всех язычников». Так, весной 1008 г., тридцатилетний Бруно очутился в Киеве, дабы уговорить Владимира препроводить его в Печенежскую землю.

О своем пребывании у киевского князя Бруно поведал в личном послании к Генриху II. «Государь Руси, — пишет он, — великий державой и богатствами, в течение месяца удерживал меня против моей воли, как будто я по собственному почину хотел погубить себя, и постоянно убеждал меня не ходить к столь безумному народу, где, по его словам, я не обрел бы новых душ, но одну только смерть, да и то постыднейшую. Когда же он не в силах был уже удерживать меня долее и уstraшен неким обо мне, недостойном, видением, то с дружиной два дня провожал меня до крайних пределов своей державы, которые из-за вражды с кочевниками со всех сторон обнес крепчайшей и длиннейшей оградой. Спрыгнув с коня на землю, он последовал за мною, шедшим впереди с товарищами, и вместе со своими боярами вышел за ворота. Он стоял на одном холме, мы — на другом. Обняв крест, который нес в руках, я возгласил честной гимн: «Петре, любишь ли меня? Паси агнцы моя!» По окончании ре-спонсория [церковного песнопения] государь прислал к нам одного из бояр с такими словами: «Я проводил тебя до места, где кончается моя земля и начинается вражеская; именем Господа прошу тебя, не губи к моему позору своей молодой жизни, ибо

знаю, что завтра до третьего часа²⁷⁴ суждено тебе без пользы, без вины вкусить горечь смерти». Я отвечал: «Пусть Господь откроет тебе врата рая так же, как ты открыл нам путь к язычникам!»

Им суждено было увидеться еще раз — когда спустя пять месяцев Бруно, к великому изумлению и радости Владимира, живой и невредимый опять появился в Киеве, сообщив о благополучном исходе миссии и крещении «примерно тридцати душ» (вероятно, из числа старейшин печенежских родов, так как простой люд в подобных случаях обычно не считали). Окрыленный успехом, Бруно поставил в епископы печенегам одного из своих спутников, а Владимир взял на себя все политические заботы, связанные с устройством Печенежской епархии²⁷⁵.

В свидетельстве Бруно замечательно то, что этот суровый аскет и неутомимый проповедник истины ни на секунду не усомнился в подлинности христианства Владимира, в его глубокой личной приверженности христианскому идеалу. И в то же время он не заметил ничего из того, что было так выпячено последующими писателями — ни гаремов Владимира, ни его любострастия, ни совершаемых в покаянном порыве ежедневных подаяний, ни расслабляющего пацифизма и дрожания меча в нетвердой руке. Владимир предстал перед Бруно — и перед нами — в образе благочестивого христианского правителя, неколебимо стоящего на охране границ христианского мира. Правда, этот князь-воин еще сомневается во всепобеждающей силе духа и больше доверяет своему мечу, но ему дан непосредственный опыт богообщения («видение» о Бруно) и потому он умеет смиряться и предавать себя в руки Господа: «Да будет воля Твоя!»

И еще одна черта личности Владимира выпукло проступает в послании Бруно — живая, действенная любовь князя к конкретному человеку. Он тревожится за своего гостя, сострадает ему и — склоняется перед его духовной свободой. Не забудем при этом, что речь идет о римском епископе. Однако Владимир не видит для себя ничего зазорного в том, чтобы участвовать с ним в одном богослужении и оказывать покровительство ему самому и основанной им Печенежской епархии. Очевидно, что эти два человека разговаривали на общем языке веры²⁷⁶. Вели-

кий князь русский, шурин византийского императора и хранитель мощей святого Климента, был свободен от конфессиональных предубеждений более позднего времени²⁷⁷. Оберегая степные рубежи Русской земли, он ощущал себя защитником единого христианского мира — той Европы, которая еще не прочертила внутри себя гибельных религиозно-конфессиональных и культурно-цивилизационных границ.

Глава 9

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ВЛАДИМИРА ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА

Отношения с Византией

Языческая Русь на всем протяжении своего существования была довольно мощной военной державой, — одно только это и придавало ей определенный политический вес в отношениях с цивилизованными государствами Запада и Востока. Но после 988/989 г. ситуация в корне изменилась, и Русская земля обрела высокий международный статус прежде всего как суверенная христианская страна, спаянная династическим союзом с Византией. В связи с этим целесообразно будет начать обзор внешне-политической деятельности Владимира с русско-византийских отношений, хотя надо сразу сказать, что в конце X — начале XI в. они проявились несравненно заметнее в идеологической и религиозно-культурной областях, чем в государственно-дипломатической практике обеих стран.

На политическом уровне принятие Русью христианства не только не упростило, но, пожалуй, даже усложнило традиционные отношения, сложившиеся между ней и Византией в X столетии. С одной стороны, крещеная Русская земля пополнила число «подданных и друзей» империи, каковыми в разное время считались около десятка или дюжины окрестных стран и народов, признававших, более или менее формально, церковно-политический протекторат византийского «императора православия».

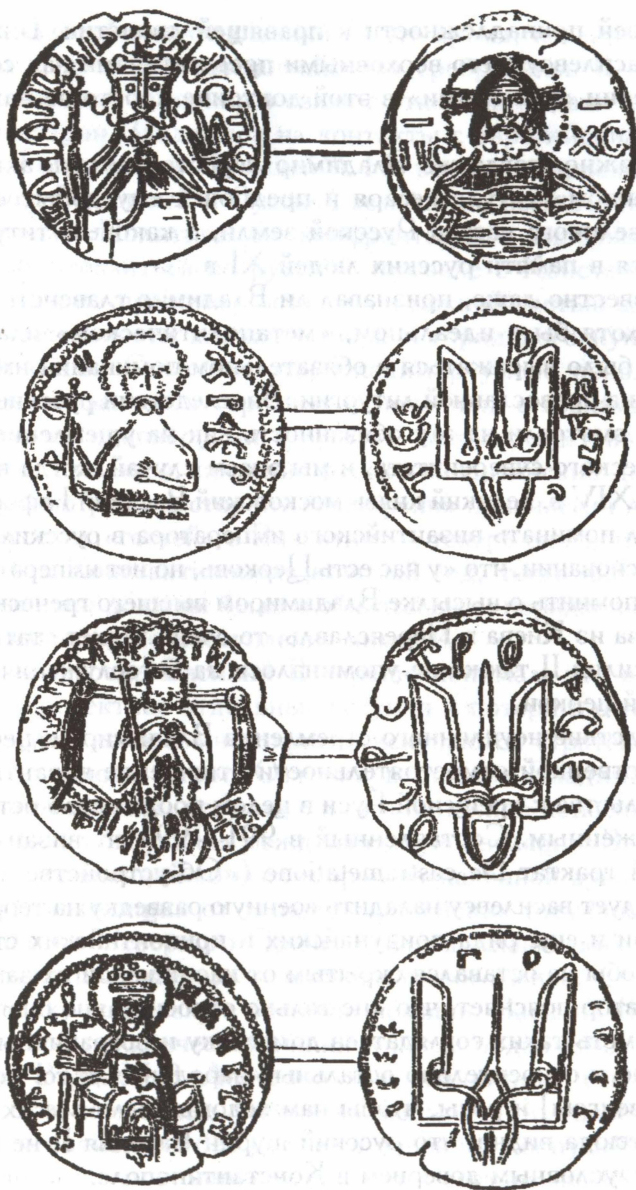

С другой стороны, Русь вошла в «Византийское Содружество Наций» (по терминологии Д. Оболенского) при уникальных обстоятельствах, на особых условиях и, главное, с ясно выраженным стремлением не допустить ни малейшего стеснения своей национальной жизни. Мы видели, с какой настойчивой последовательностью Владимир отстаивал самостоятельность Русской Церкви. С неменьшим упорством он ограждал от гегемонистских притязаний Византии независимость русской политической (великокняжеской) власти.

Несомненные доказательства тому предоставляет нумизматика. Если первыми своими монетами (златниками и сребренниками I типа) Владимир еще всецело подражает византийскому солиду, чеканя на их лицевой стороне свое изображение в царских одеждах, а на реверсе — оплечный образ Христа-Пантократора (Вседержителя), то на монетах последующих выпусков (сребренниках II—IV типов) источник политического суверенитета великого князя подчеркнуто явлен не в дарованных Владимиру императорских инсигниях (знаках царского достоинства), но в местной государственной традиции. Князь-кесарь изображен восседающим на *столе*; надписи в свою очередь акцентируют внимание на этом предмете: «Владимир на столе», «Владимир на стле, а се его сребро». В данном случае налицо осознанное отступление от византийского образца (для византийских монет изображение императорского трона не было характерно)²⁷⁸, с целью зафиксировать значение великокняжеского стола как важнейшего атрибута власти, символа ее политической самостоятельности и самодостаточности, равночестного со скипетром и державой византийского василевса.

Более того, русская государственная атрибутика (языческая по своему происхождению) почти полностью вытесняет даже христианскую символику: изображение Христа исчезает, нимб (символ царского величия) перекочевывает на голову князя, а место Христа занимает родовой знак русских князей — пресловутый «трезубец», то есть летящий вниз сокол со сложенными крыльями. По сути — это не что иное, как наглядная политическая декларация: Владимир владеет великокняжеским столом — достоянием «отцов и дедов» — исключительно в

КНЯЖЕНИЕ ВЛАДИМИРА

Монеты князя Владимира

силу своей принадлежности к правящей династии. Византийскому василевсу с его верховными прерогативами над союзными империи «архонтами» в этой доктрине просто не находится места.

Возможно, тогда же Владимир перестал делать акцент на «подаренном» титуле кесаря и предпочел ему добытое с бою звание великого кагана Русской земли, с каковым титулом он и остался в памяти русских людей XI в.

Неизвестно даже, признавал ли Владимир главенство императора хотя бы в идеальном, «метаполитическом» плане, что должно было выражаться в обязательном поминании имени василевса на православной литургии. Впоследствии русские князья нередко смотрели на эту обязанность как на ущемление своего политического суверенитета, и мы знаем случаи, когда в начале 90-х гг. XIV в. великий князь московский Василий I официально запретил поминать византийского императора в русских храмах на том основании, что «у нас есть Церковь, но нет императора»²⁷⁹. Если вспомнить о высылке Владимиром высшего греческого духовенства из Киева в Переяславль, то очень может статься, что имя Василия II также не упоминалось на богослужениях в Десятинной церкви.

Вследствие неуклонного стремления Владимира к церковно-государственной самостоятельности отношение византийского правительства к крещеной Руси в целом продолжало оставаться настороженным. Составленный в 991—995 гг. византийский военный трактат *De castrametatione* («Об устройстве лагеря») рекомендует василевсу наладить военную разведку на территории Болгарии и еще ряда придунайских и припонтийских стран — «так, чтобы не оставался скрытым от нас никакой их замысел». Далее автор поясняет, что «не только относительно болгар надлежит иметь таких соглядатаев доместику и пограничным стражам, но и относительно остальных народов, как то: печенеги, турки [венгры] и росы, чтобы нам ведомы были все их замыслы». Отсюда видно, что русский шурин Василия II не пользовался безусловным доверием в Константинополе.

Смерть Анны, случившаяся согласно Повести временных лет в 1011 г.²⁸⁰, могла способствовать дальнейшему охлаждению

русско-византийских отношений (в это время, наверное, и последовал выпуск «антивизантийских» сребреников II—IV типов). Некоторые историки в связи с этим пишут даже о резкой переориентации Владимира на контакты с европейскими странами — Германией и Польшей²⁸¹. Но все-таки серьезных трений между Византией и Русской землей, по всей вероятности, не возникало. Политическая конфронтация с империей могла невыгодно отразиться на русской торговле с Константинополем, которая по-прежнему оставалась важной частью экономической деятельности княжеского двора и городского купечества Русской земли. Сознывая это, Владимир умело использовал религиозный фактор в торговых отношениях с греками, ставшими отныне одноверцами с русами. Как явствует из одного сообщения Скилицы, прежние русско-византийские договоры были пересмотрены в сторону расширения привилегий для крещеных русских «гостей» в Византии — теперь они могли вести свои дела в Константинополе круглый год, тогда как раньше русы-язычники должны были в обязательном порядке покидать столицу империи до наступления зимы²⁸².

В свою очередь Василий II хорошо понимал, что в долгосрочной перспективе отдельные уступки и потери в отношениях с киевским князем многократно искупаются стратегической выгодой от союза с ним. Оттолкнув от себя Владимира как непокорного вассала, вступив с ним в затяжной конфликт, император только бы усилил международную изоляцию Византии, и без того охваченной со всех сторон раскаленной дугой внешних угроз, исходящих от западноевропейских государств, кочевых народов Северного Причерноморья, славянских держав Балканского полуострова и мусульманского мира. Однажды сделав ставку на русскую военную помощь, Василий II остался верен этой политической линии и после подавления восстаний обоих Вард. М.В. Левченко совершенно прав, говоря, что политические и военные успехи знаменитого Болгаробойцы²⁸³ были бы невозможны без русского военного корпуса²⁸⁴, который недаром же постоянно находился в составе византийской армии в продолжение всей второй половины царствования Василия II (до 1025 г.). Тот же военный трактат *De castrametatione*

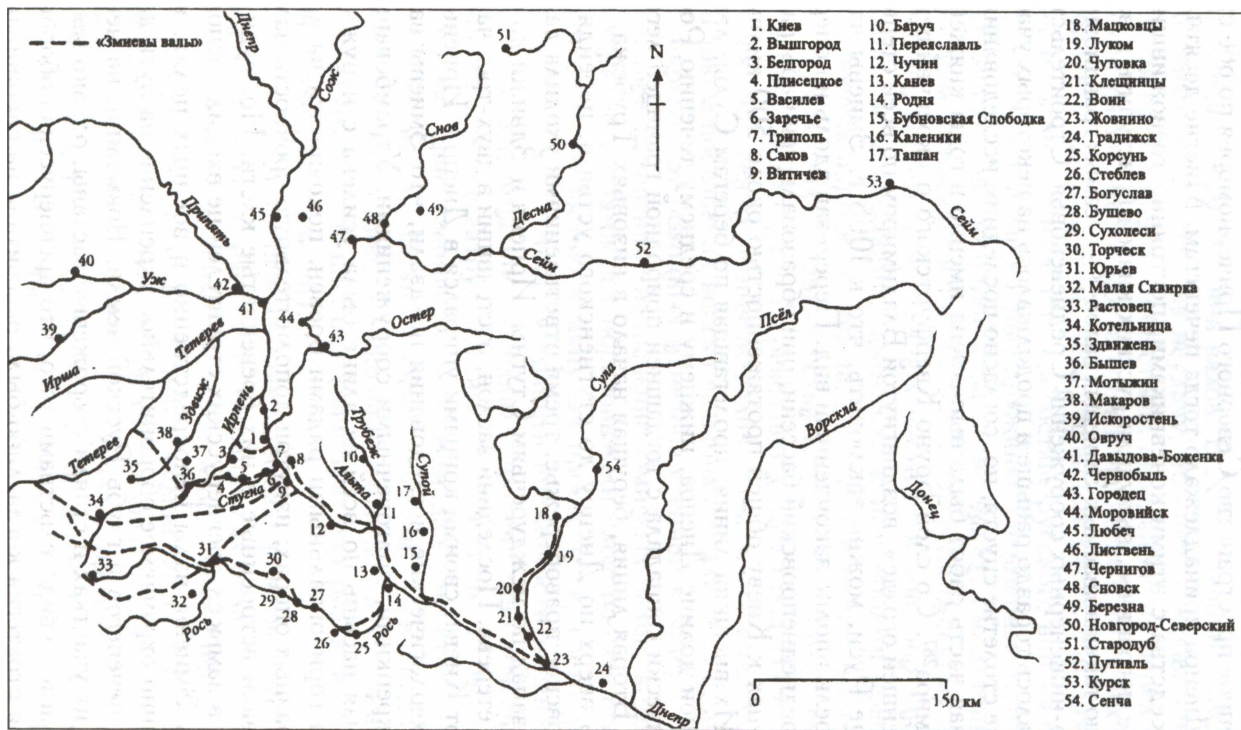
tiōne свидетельствует, что русы были частью гвардейской элиты и в походах всегда состояли при особе императора. Сражаясь обыкновенно пешими, они лишь иногда, для быстроты передвижения, садились на коней.

Их послужной список, — конечно, далеко не полный, — по сохранившимся сведениям выглядит так. В 999 г. русы сражаются вместе с византийскими войсками против арабов в Северной Сирии. В следующем году они помогают присоединить к империи ряд закавказских областей. В 1009 или 1010 г. — действуют в Южной Италии, под городом Бари²⁸⁵ и в Апулии. В 1016 г. Василий II использует их против болгар, причем после битвы при Пелагонии, где его армия захватывает множество пленников, отмечает решающий вклад русов в победу тем, что отдает им третью часть добычи — столько же, сколько уделяется всей остальной армии (еще треть отходит самому императору). В 1019 г. русы наголову громят норманнских рыцарей в битве при Каннах, спасая Византию от чувствительных территориальных потерь в Италии. В 1022 г. они отличаются в битве с грузинами при Шегфе (около Эрзерума). Наконец, в последний год своего правления Василий II вновь бросает их на защиту имперских владений в Италии — в Апулию.

Понятно, что, будучи столь многим обязан русской силе, византийский император в дипломатических сношениях с Владимиром вряд ли настаивал усиленным образом на своей политической юрисдикции, пускай и формальной, над Русской землей.

Строительство Змиевых валов. Пограничные города

Несмотря на качественные изменения в русско-византийских связях, реальное содержание внешнеполитической деятельности Владимира на южных рубежах Русской земли с начала 90-х гг. X в. определялось все же не ими, а изнурительной борьбой со степью, которую, наряду с крещением Руси, можно назвать главным делом его жизни и наиболее выдающимся государственным подвигом.

Зимовые валы

Степное пространство Северного Причерноморья по обе стороны Днепра принадлежало тогда печенегам. Многие десятилетия соседства с этими кочевниками, постоянно тревожившими русское пограничье, вынудили русских князей приступить к возведению так называемых Змиевых валов²⁸⁶ — самых грандиозных военно-инженерных сооружений Средневековья. Строительство их началось гораздо раньше и продолжалось на некоторых участках еще столетие спустя, но, согласно последним исследованиям, основная часть работ была выполнена именно в годы княжения Владимира²⁸⁷. Со слов Бруно Кверфуртского о «крепчайшей и длиннейшей ограде», воздвигнутой Владимиром по всей степной границе Руси, можно заключить, что к 1008 г. Змиевы валы приобрели вполне законченный вид. Перерезав вдоль и поперек весь среднеднепровский бассейн, они образовали три барьера на подступах к Киеву общей протяженностью около 500 километров. Их внешняя линия, пролежавшая по берегам Сулы, левобережной долине Днепра, нижнему и среднему течению Роси, практически совпадала с тогдашней природной границей леса и степи. Вторая линия, берущая начало в низовьях Трубежа, тянулась вверх по Днепру до стугненского устья и, перейдя на днепровское правобережье, тремя ответвлениями уходила дальше на запад по междуречьям Стугны, Ирпеня и Эдвижи до самого Тетерева. Последний заслон, отстоявший в двух-трех часах езды от Киева, своими концами упирался в Днепр и Ирпень.

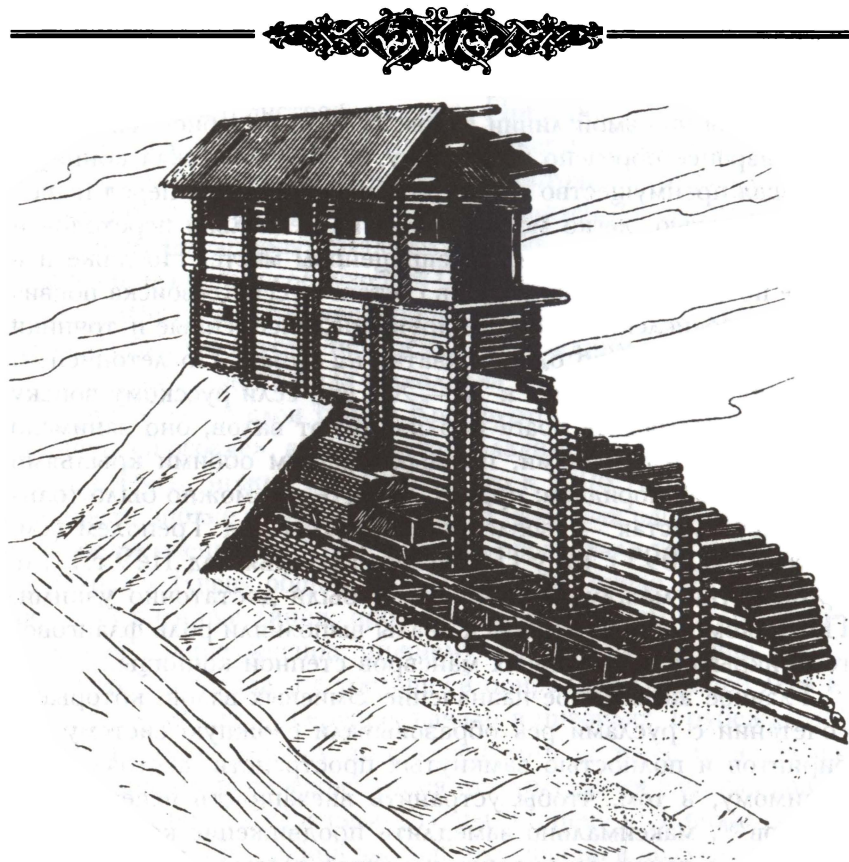
Археологические исследования показали, что Змиевы валы были крепкими, долговечными сооружениями. Утрамбованная земляная насыпь по всей ее длине была усилена с наружных сторон горизонтальными рядами бревен, покоящихся на крестообразных опорах; изнутри дополнительную прочность валам придавали встроенные в них бревенчатые клетки. Но, судя по всему, в замысел древнерусских строителей не входило использовать Змиевы валы непосредственно в военных целях, как постоянно охраняемое оборонительное укрепление на пути движения печенегов в глубь Русской земли. Возможно, на некоторых их участках и стояли сторожевые заставы, однако мы не располагаем свидетельствами того, что древнерусская оборонительная стратегия когда-либо была рассчитана на сдерживание

неприятеля на самой линии валов. В X в. подобное намерение было заранее обречено на неудачу, ибо печенежская конница, имевшая преимущество в быстроте передвижения перед пешей русской ратью, легко могла отойти на несколько переходов и преодолеть вал в другом, незащищенном месте. Но даже и в более поздние времена, когда в составе русского войска появились многочисленные конные дружины, письменные источники не упоминают ни об одной схватке *на валах*. По летописным известиям, относящимся к XI—XII вв., если русскому войску случалось встретить врага поблизости от валов, оно занимало позицию *между* валами, примыкая к ним обоими крыльями своих боевых порядков; правда, сделать это можно было только в двух местах — возле устья Стугны под Треполем (см. статью под 1093 г.) и у Переяславля (статья под 1149 г.), где промежутки между линиями валов были достаточно узкими. При таком построении войска валы выполняли роль флангового прикрытия от обходных маневров степной конницы.

Главное же военное назначение Змиевых валов, которые в сочетании с руслами рек образовывали сложную систему лабиринтов и полностью замкнутых пространств, состояло, по-видимому, в том, чтобы устранить внезапность печенежских набегов²⁸⁸, максимально замедлить продвижение кочевых орд к Киеву, а также затруднить им отход в степь. И тут основное препятствие степнякам создавали даже не столько сами валы, которые не были особенно высоки — в среднем не выше четырех метров, — сколько вырытые перед ними рвы двенадцатиметровой ширины (вынутую изо рва землю и использовали для насыпей).

За то время, пока печенеги преодолевали рукотворные и естественные преграды, население пограничных областей успевало «исполчиться» и организовать отпор вторжению. Центрами сопротивления становились крупные и мелкие военные поселения, во множестве рассыпанные вдоль Змиевых валов. Археологи обнаружили здесь около 40 древнерусских городов и крепостей, построенных в домонгольское время; не менее двух десятков из них, в том числе и те, названия которых впервые упоминаются только в летописных сообщениях XII в., имеют культурный слой

Крепостная стена Белгорода. Конец X в. Реконструкция

конца X — начала XI в. Так что Повесть временных лет совершенно права, связывая массовое градостроительство на южных оборонительных рубежах с именем Владимира: «И рече Володимер: «Се не добро, еже мало город около Киева». И нача ставити города по Десне и по Востри [реке Остру] и по Трубежеве [Трубежу] и по Суле и по Стугне».

В большинстве своем это были просто огороженные поселения площадью в 4—7 гектаров, годные лишь на то, чтобы переждать в них несколько дней осады в ожидании подхода основных сил. Но на каждой линии Змиевых валов, в стратегически важных местах, были воздвигнуты и более мощные крепости, державшие на себе всю линию обороны, а также служившие

местом сбора княжеской дружины и ополчения, посылаемых из Киева для отражения набега или для похода в степь. На внешнем рубеже к таковым относились крепость-гавань в устье Сулы²⁸⁹ с красноречивым названием Воишь и городище Корсунь на реке Рось. По линии Трубеж—Стugna стояли три твердыни — Переяславль, Треполь, Василев. Ближайшие подступы к Киеву прикрывал Белгород — любимое, по словам летописца, детище Владимира, огромный город-лагерь, чьи восьмиметровые, увенчанные частоколом валы обнимали площадь в десятки гектаров.

Не исключено, что для возведения некоторых крепостей Владимир привлёк военных инженеров и строителей из Византии. На это указывают как отдельные элементы византийской фортификационной техники, использованные при строительстве городских укреплений²⁹⁰, так и греческие названия многих южнорусских городищ²⁹¹.

Богатыри князя Владимира — реальность или миф?

Для несения пограничной службы Владимир привлёк охотливых людей из северных лесов (вероятно, посулив им различные льготы), которыми и заселил окраинные города: «И нача нарубати [набирать] муже лучьшие от словен, и от кривич, и от чюди, и от вятич, и от сих насели грады».

С учетом археологических данных о количестве и размерах южнорусских городищ конца X — начала XI в. речь может идти примерно о двух-трех тысячах славяно-финских воинов, прикрывших своей грудью границу со степью, — цифра по демографическим меркам того времени совсем не малая. Принято считать, что их нелегкий ратный труд получил эпическое воплощение в героических образах богатырей, стороживших Русскую землю от степных ворогов:

Ай да не близко от города, не далёко ж не,
Не далёко от Киева за двенадцать верст,
Там и жили на заставе богатыре.
Караулили, хранили стольней Киев да град и т. д.

Почитаемое за аксиому, мнение это, однако, не подтверждается источниками — ни летописными, ни фольклорными. Воспетое в былинах *богатырство*, как историческое явление, принадлежит другой, более поздней эпохе²⁹². Памятникам, близким ко времени Владимира, оно совершенно неизвестно. Так, в Повесть временных лет, под видом реальных исторических событий, оказались включены два образчика народного эпоса, посвященные борьбе с печенегами и сложившиеся не позднее середины XI в. Это сказания о юноше, победившем печенежского силача (помещено под 992 г.), и о белгородском киселе (под 997 г.).

Первое рассказывает о том, как Владимир повел свое войско отражать набег печенежской орды, пришедшей на Русь из-за Сулы. Противники встретились у брода через Трубеж и встали по берегам реки. Никто не осмеливался первым начать переправу и вступить в сражение. Тогда печенежский хан предложил решить дело единоборством: русские и печенеги выставят поединщика; если победит русский, то не будет войны три года, если же печенег — то быть трехлетней войне. Владимир согласился; однако, несмотря на его призывы, в русском стане не нашлось охотника биться с печенегом. На рассвете, когда на другом берегу реки уже гарцевал готовый к бою степной витязь, к затужившему князю пришел старый ратник из киевского ополчения, сказавший, что он вышел на брань с четырьмя своими сыновьями, а дома у него остался пятый, младший сын — отрок необыкновенной силы; однажды отцу случилось выбрать его, и он в сердцах разорвал руками изрядный кусок сырой кожи, который мял в это время. Поединок отложили на день, а юношу срочно доставили в русский лагерь и подвергли испытанию, напустив на него быка, предварительно разъяренного раскаленным железом. Отрок подскочил к бесновавшемуся животному и вырвал из бока клочок шкуры с мясом, сколько захватила рука. Владимир обрадовался, что наконец нашелся достойный противник печенегу. На следующее утро состоялось единоборство. Русское войско построилось напротив печенежского; между полками отмерили место и выпустили бойцов. Печенег был велик телом и страшен; он рассмеялся, увидев невысокого отрока, вышедшего

навстречу ему из русских рядов. Но когда они схватились, то печенегу стало не до смеха: юноша крепко обхватил его своими руками, удавил до смерти и бросил оземь. Печенеги в страхе бросились врассыпную, а русские погнались за ними и посекали их во множестве. На месте поединка Владимир заложил город, назвав его Переяславлем²⁹³, «зане переля славу отрок тот» (или «зане Переяслав отрок тот», что, по мнению А.И. Соболевского, правильнее).

Исследователи не раз отмечали литературные и фольклорные параллели этому преданию, в котором «отразился прежде всего очень распространенный мотив победы над великаном, в частности присутствующий и в Библии (Давид и Голиаф); кроме того, в параллель к нему может быть приведена сказка — борьба Никиты или Кирилла Кожемяки со змеем»²⁹⁴. Однако осталось незамеченным то, что летописное сказание напрочь отрицает наличие у Владимира «сильных могучих богатырей», в окружении которых он предстает в былинах: договорившись с ханом о единоборстве, Владимир возвращается в свой лагерь и шлет бирючей сказать: «Нету ли такого мужа, иже бы ся ял [который бы схватился] с печенежином?» *И не обретется нигдеже*. Сама же схватка юноши с печенегом — это отнюдь не былинное богатырство, когда герой ради того, чтобы приобрести или преумножить свою честь и славу, ищет достойного себе противника, а обычный для военной истории Средневековья поединок рядовых удальцов (иногда их место занимали вожди противоборствующих армий) перед началом сражения.

Сказание о белгородском киселе и вовсе далеко от любования грубой физической силой, взамен которой прославляет хитрость жителей Белгорода, сумевших одурачить осадивших город печенегов. По совету одного старца белгородцы наварили киселя, разлили его в кадки и опустили их в городские колодцы; в княжеском погребѣ нашлась еще бочка меда, отправленная туда же. После этого они пригласили печенегов поглядеть, что делается в осажденном городе. Водя печенежских посланцев от колодца к колодцу, горожане на славу угостили их киселем и медом и уверили, что, стой те под Белгородом хоть десять лет, все будет бесполезно: взять город измором невозможно, потому что

сама земля кормит его жителей. Изумленные печенеги, убедившись в неисчерпаемости съестных припасов у осажденных, ушли обратно в степь.

Здесь мы также видим древнерусскую разработку бродячего сюжета мировой литературы и фольклора. Например, Геродот приводит схожий рассказ о милетянах, которые пригласили в свой город посла лидийского царя, враждовавшего с Милетом и регулярно опустошавшего его окрестности в расчете уморить милетян голодом. Царский посланец увидел ссыпанную на рыночной площади гору хлеба (то были последние запасы милетян) и горожан, весело пирующих и распевающих песни. Когда он поведал об этом лидийскому царю, тот поспешил заключить с милетянами мир. Фольклорным аналогом подобных историй являются сказки, притчи, анекдоты, высмеивающие простаков, которых надувают смышленные плуты и хитрецы.

Итак, в противоположность утверждению об историческом соответствии «богатырской эпохи» древнерусских былин Владимирову княжению, мы видим обратное, а именно, что в Повести временных лет и наиболее древних народных преданиях дружина князя Владимира выступает безликой и безымянной массой, не выдвинувшей из своей среды героических личностей. Исклю-

чение составляет только княжий уй и воевода Добрыня, чей образ, впрочем, тоже лишен черт эпического героизма.

Персонификацией «дружинушки хороброй» князя Владимира занялись позднейшие летописцы, которые взяли за образец не столько русский народный эпос, сколько библейскую историю. Никоновская летопись (XVI в.) добавила в печенежский цикл сообщений Повести временных лет ряд известий о «богатырях» — Яне Усмошвце, Александре Поповиче и Рагдае Удалом. Причем если первый из них — это тот самый повзрослев-

Печенеги получают от жителей Белгорода корчаги с киселем.
Древнерусская миниатюра

ший отрок, некогда «убивый Печенежского богатыря»²⁹⁵, то два последних являются русскими двойниками *гибборим* — «сильных» из окружения царя Давида: Александр Попович, которого Владимир за победу над половцами²⁹⁶ «сотвори вельможа в полате своей», повторяет судьбу Ванеи, происходившего из священнического рода и сделавшегося за свои подвиги «ближайшим исполнителем приказаний» Давида (3 Цар., 23: 23; I Пар., 11: 25); Рагдай Удалой, «яко наезжаше сей на триста воин», заставляет вспомнить Авессу, «убившего копьем своим триста человек» (3 Цар., 23: 18; I Пар., 11: 20). Один из русских «Иконописных подлинников»²⁹⁷ даже устанавливает количественное соответствие между богатырями Владимира и «сильными» Давида. Последних, по Библии, было «всех тридцать семь» (3 Цар., 23: 24—39), из которых необыкновенной физической силой отличались трое; и у князя Владимира Киевского, говорит русский источник, «быша сильнии мужие богатыри: Ян Усмошвец, Переяславец, что печенежского богатыря убил; Рогдай Удалий, против трех сот мог выходить на бой; Александр Попович, и всех их было 37 богатырей»²⁹⁸.

Борьба с печенегами

Многолетняя война Руси с печенегами в княжение Владимира охарактеризована Повестью временных лет как одно нескончаемое сражение: «рать велика бес перестани». Однако мы можем выделить в этой растянувшейся почти на четверть века борьбе два этапа.

Первый, сугубо оборонительный, продолжался примерно до конца 90-х гг. X в. Он был отмечен как блестящими победами русского войска, вроде той, которая получила легендарное отражение в сказании о переяславском отроке, так и тяжелыми поражениями, когда жизнь самого князя Владимира оказывалась под угрозой: «...приидоша печенези к Василеву, и Володимер с малыми людьми изыде противу им, и не мог Володимер стати противу им, подбег ста под мостом, едва укрыся от противных» (летописная статья под 995 г.).

К археологическим свидетельствам яростного печенежского натиска на Русь относятся разоренные пограничные городки²⁹⁹, расчлененные тела людей в древнерусских погребениях этого времени, скелеты мужчин, хранящие следы сабельных ударов (могильники в Воине и Жовнине). В постоянной опасности находился и Киев, о чем говорят остатки внушительного вала, которым Владимир опоясал Старокиевский холм. Но политика князя по укреплению южной границы принесла свои плоды. Хотя печенеги и доходили до белгородской оборонительной линии, им, по-видимому, все же не довелось разбить свои шатры под стенами «матери городов русских». В 1018 г. Титмар Мерзебургский записал, что Киев — город «чрезвычайно укрепленный», и «до сих пор ему, как и всему тому краю... удавалось противостоять весьма разорительным набегам печенегов».

С началом XI в. война вступила во второй этап. Русь перешла к наступлению на степь. Наибольшие успехи были достигнуты на правом берегу Днепра. Применительно к этому времени археология фиксирует расширение зоны славянской колонизации в Среднем Поднепровье до бассейна реки Рось, неуклонный рост количества пограничных поселений (в том числе торговых) и увеличение занимаемых ими площадей. Правобережная печенежская орда³⁰⁰ вынуждена была откочевать далеко в глубь степи. Если в середине X в. Константин Багрянородный писал, что печенежские кочевья отделяет от «Росии» всего «один день пути», то Бруно Кверфуртский в 1008 г. засвидетельствовал, что его путь от Киева до русско-печенежской границы продолжался уже два дня (что соответствует расстоянию от Киева до берегов Роси), а месторасположение самого табора печенегов было обнаружено им лишь на пятый день путешествия по степи. Он же отметил глубокую усталость кочевников от войны и, главное, их убеждение, что длительный мир с Русью возможен только при условии, если «государь Руси не изменит уговору». Другими словами, Владимир к тому времени настолько сильно прижал правобережных печенегов, что судьбы войны и мира всецело находились в его руках. Стараниями Бруно мир тогда был заключен, но продлился он, по-видимому, недолго, и в по-

следние годы жизни Владимиру вновь пришлось вести брань с вероломными степняками.

Так, благодаря целеустремленным государственным усилиям и кровавому труду тысяч безвестных русских людей в княжение Владимира были заложены предпосылки для окончательной победы над печенегами и изгнания этой орды из «русского» ареала Великой степи.

Войны с Польшей

Лесостепная полоса была самым тревожным участком русского пограничья, и печенежские набеги наносили немалый урон Русской земле, но они никогда не грозили ей полным разрушением государственности и потерей национальной независимости³⁰¹. Борьба со степью еще не требовала от Руси напряжения всех наличных сил, поэтому, ведя непрерывную войну с кочевниками, Владимир мог в то же время проявлять активность и в отношениях с другими своими соседями.

На западе Владимир продолжил политику, начатую еще в языческую пору своего княжения, когда с захватом Червенских городов он обнаружил стремление к пределу карпатских земель. В начале 90-х гг. X в. это привело к столкновению с Польшей, которая также вступила в пору государственного расцвета и начала усиливаться за счет соседних народов. В 990 г. польский князь Мешко I нанес сокрушительное поражение Чехии, отторгнув от нее Краков, Моравию и овладев на время самой Прагой.

Владимир не остался безучастным зрителем этих событий и объявил войну Мешко, «за многие противности его», как сказано у В.Н. Татищева. Военные действия поначалу шли с переменным успехом. Воеводы Владимира дважды разбивали ляхов, Мешко в ответ разорял западнорусские области, доходя до Горыни (правый приток Припяти). Тогда Владимир лично возглавил войско, двинув его в самое сердце Польши. Решающее сражение произошло на реке Висле. Поляки были наголову разгромлены. По словам Иоакимовской летописи, Владимир «так

победи, что Месч [Мечислав, Мешко] все воинство погуби, едва сам спасся, а преднии его мужи все пленены быша»³⁰².

Преследуя разбитого врага, «Владимир все грады ляцкия зяят»; Ипатьевская летопись уточняет, что победный поход русского войска закончился в районе Калиша³⁰³. Побежденный Мешко уступил Владимиру пять городов и обязался платить погодную дань. Но это было только началом почти восьмисотлетней тяжбы двух великих славянских держав за первенство в славянском мире.

При Болеславе I Храбром, старшем из пяти сыновей Мешко, наследовавшем польский престол в 992 г., последовало новое обострение отношений, известное по одному краткому сообщению Хильдесхаймских анналов. Летом 992 г. германский император Оттон III призвал вассалов под свои знамена для похода на славянский Бранибор (Бранденбург). Явились Генрих Баварский и Болеслав II Чешский, а польский князь Болеслав, сын Мешко, не пришел, ограничившись присылкой вспомогательного отряда, потому что, говорит немецкий анналист, «ему угрожала большая война с Русью». Похоже, причиной русско-польского конфликта было дальнейшее упрочение позиций Руси на Карпатах, так как Повесть временных лет под 992 г. сообщает о покорении Владимиром белых хорватов. Болеслав, занятый борьбой за власть со своими братьями, кажется, предпочел уладить ссору с русским князем путем переговоров. Согласно Татищеву и Никоновской летописи, польские послы в том же 992 г. побывали у Владимира в Киеве и «дары многи принесли».

Поход в Волжскую Булгарию

Те же источники сообщают под 997 г. об успешном походе русского войска на волжских булгар и заключении с ними торгового договора (1006), судя по всему более выгодного русской стороне. Русские купцы могли свободно торговать в булгарских городах — для этого им нужно было только получить печать от своего посадника. Булгарские же гости должны были

испрашивать разрешение на торговлю у русского князя, который выдавал им печати; торговая зона для них была ограничена Волго-Окским бассейном³⁰⁴, где им дозволялось вести дела с одними городскими купцами и категорически воспрещалось ездить по селам и торговать с тиунами, вирниками, огнищанами и смердами — эти меры, по всей видимости, охраняли торговую монополию «княжего двора» и крупных городов.

Конфликты в Восточной Прибалтике

Русские летописи сохранили известия, что Владимир и после того, как стал киевским князем, временами наезжал в Новгород. Но какова была цель этих путешествий — об этом летописцы умалчивают. Не исключено, что Владимира призывали туда в том числе и внешние дела, судить о которых, правда, приходится только по отрывочным сведениям скандинавских преданий.

Так, одно скальдическое стихотворение (виса), включенное в «Круг земной» Снорри Стурлусона, повествует о разрушении Ладоги (Альдейгы) норвежским ярлом Эйриком, сыном Хакона: «Ты, устрашающий людей, разрушил Альдейгью; мы удостоверились в этом. Эта битва мужей была жестокой. Тебе удалось добраться на восток, в Гарды».

Более поздний прозаический рассказ о подвигах Эйрика в восточных землях уже не знает ни «жестоких битв», ни вообще сколько-нибудь серьезных затруднений на победном пути героя: «...весной собрал ярл [Эйрик] свое войско и поплыл вскоре по Восточному пути. И когда он пришел в государство конунга Вальдамара, стал он воевать и убивать людей, и жечь повсюду, где проходил, и опустошил ту землю. Он подошел к Альдейгьюборгу [Ладоге] и осаждал его, пока не взял города, убил там много народа, разрушил и сжег всю крепость, а затем воевал во многих местах в Гардарики [на Руси]».

В своде саг «Гнилая кожа» приводятся еще кое-какие подробности: «...отправился он [Эйрик] на восток в Гардарики против Вальдамара Старого и воевал во многих местах в его государстве. Он разрушил Альдейгьюборг и взял там много

богатства, и еще дальше продвигался он на восток в Гарды. Везде шел войной, жег города и крепости, а бонды [свободные общинники, хуторяне] бежали с имуществом в леса». Но исследователи «Гнилой кожи» предостерегают от излишнего доверия к данному сообщению, поскольку «термины, которыми обозначены места, подвергшиеся нападению, — borg, город, в значении укрепленного города, и kastellum, отдельное укрепление, крепость, замок — довольно обычны в сагах, независимо от страны, где происходит действие», а бонды, спасающиеся со своим имуществом в лесах, — «картина, возможная в рассказе о любом разбойничьем набеге, на любой территории»³⁰⁵.

Историки датируют разрушение Ладоги норвежцами 997 г.³⁰⁶ Саги объясняют войну Эйрика с Владимиром тем, что русский «конунг» был союзником Олава Трюггвасона, к которому Эйрик питал вражду за убийство его отца. Но гораздо вероятнее, что поход Эйрика на Ладогу преследовал цель остановить рост русского влияния в Восточной Прибалтике, население которой скандинавы считали своими старинными данниками. Между тем из саги об Олаве Трюггвасоне явствует, что Владимир обложил данью эстов, поскольку об одном из действующих лиц, Сигурде Эйрикссоне, служившем вместе с Олавом в дружине Владимира, говорится следующее: «Приехал в Эстляндию Сигурд, сын Эйрика, дядя Олава по матери, будучи послан от Вальдемара, конунга Хольмгарда [Новгорода], для взыскания в той стране дани».

Таковы первые более или менее достоверные известия о русско-скандинавских межгосударственных отношениях. Тогда же, в период Владимировой княжества, норвежский поэт Хальфред Трудный Скальд (умер в 1007 г.) впервые упоминает скандинавское название Руси — Гарды³⁰⁷.

Судебная реформа

В статье под 996 г. Повесть временных лет рисует Владимира мудрым правителем, пребывающим в неустанных заботах «о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем». Но если кня-

жеским «ратям» летопись отвела на своих страницах достаточно места, то деятельности Владимира внутри страны, не относящейся напрямую к церковным делам, она уделила всего несколько строк, за которыми, однако, стоят значительные социально-политические явления.

Христианский период княжения Владимира, как любая переломная эпоха, был временем большого социального нестроения. Христианизация Руси, сопровождавшаяся ломкой традиционных общественных, бытовых и моральных устоев, кровавыми столкновениями с язычниками и изгнанием упорствующих староверов в «пустыни и леса», породила довольно многочисленный слой обездоленных и озлобленных людей, враждебно настроенных по отношению к обществу и власти; бесконечные войны и опустошительные набеги печенегов из года в год пополняли их число. По своему социальному статусу эти несчастные были свободными людьми, принадлежавшими к коренному населению. Кроме них страна оказалась наводнена еще и рабами — славянами и иноземцами, — лишившимися своих хозяев по причине вышеназванных бедствий или самовольно путившимися в бег. Парадоксальным образом только они и могли рассчитывать на поддержку правительства. Со слов Титмара Мерзебургского известно, что Владимир, остро нуждавшийся в людских ресурсах для борьбы с печенегами, охотно принимал беглых невольников на военную службу³⁰⁸, так что к концу его княжения в Киеве не было проходу от «спасавшихся бегством рабов, стекавших сюда со всех сторон». Но в отношении изгоев-идолопоклонников из свободного сословия власть не делала ничего, чтобы облегчить их участь.

Вынужденные сами искать себе пропитание, многие из них вышли на большую дорогу. Невиданный прежде размах лихого промысла, поразивший современников Владимира, нашел лаконичный отголосок в Повести временных лет: «И умножишася разбоеве». Впоследствии московские книжники развили эту многообещающую тему, и Никоновская летопись под 1008 г. персонифицировала древнее предание об «умножении разбоев в земле Русстей» в судьбе разбойника Могуты — летописного предшественника атамана Кудеяра: «Того же лета изымаша хитростию некоею славнаго разбойника, нарицаемаго Могута; и

егда ста пред Володимером, вскрича зело, и многы слезы испущая из очию, сице глаголи: «поручника ти по себе даю, о Владимире, Господа Бога и пречистую его Матерь Богородицу, яко отныне никакоже не створю зла пред Богом и пред человеки, но да буду в покаянии вся дни живота моего». Слышав же сиа Владимир, умилися душою и сердцем, и посла его ко отцу своему, митрополиту Ивану [Иоанну I], да пребывает никогдаже исходя из дому его. Могут же заповедь храня, никакоже исхожаше из дому митрополичя, и крепким и жестоким житием живяше, и умиление и смирение много показа, и провидев свою смерть, с миром почи о Господи». Далее следует сентенция, ради которой Могути и украсил своим покаянием страницы летописи: «Бе же Владимир милостив и нищелюбив, и сиа присно глаголаше слова: блажени милостиви, яко тии помиловании будут; и милость хвалится на суде, и суд без милости не сотворившему милости...» То есть история с Могутой понадобилась для того, чтобы иллюстрировать христианское преображение Владимира.

Подлинную биографическую иллюстрацию к летописному известию о разбоях историки обнаружили, как ни странно, не в древнерусских источниках, а в совершенно неожиданном месте — хранилище старых рукописей при Каирской синагоге. Один тамошний документ, датируемый X в., рассказывает историю некоего Мар Якова бен Ханукки, члена иудейской общины Киева. Этот незадачливый купец как-то отправился по делам в египетский город Фустат, но по дороге был до нитки ограблен разбойниками. Мало того, когда он вернулся в Киев, то был арестован за неуплату долга. Братья по вере выкупили его; однако, дабы он мог возместить затраченные средства, они отправили его с протянутой рукой и рекомендательным письмом «по святым общинам». Путешествуя из страны в страну в поисках милостыни, киевский гость Яков в конце концов, вероятно, добрался до Египта³⁰⁹.

На безудержный рост преступности власть попыталась ответить ужесточением репрессивных мер. Краткое сообщение о разбоях является зачином древнерусского предания о судебной реформе Владимира, которое составитель Повести временных лет включил в статью под 996 г. Мы уже говорили о нем в

связи с влиянием христианства на личность Владимира, теперь рассмотрим его историко-юридическое содержание.

Легендарное по форме и наивное по стилю, предание это в основе своей вполне достоверно³¹⁰. В совете «казнить разбойников, но со испытанием», поданном епископами колеблющемуся Владимиру, исследователь сумел расслышать глухой отзвук весьма кардинальной реформы в области судебных наказаний. Речь идет о замене характерных для древнерусской судебной практики вирных платежей (судебных штрафов) системой физических наказаний («казни») за тяжкие уголовные преступления: «Володимер же отверг виры, нача казнить разбойников». Юридической основой для этих преобразований, по-видимому, стала Эклога (византийский свод законов), а именно ее XVII титул, посвященный различным видам разбоя и смертоубийства, за которые полагалась как собственно смертная казнь, так и другие «казни»: членовредительство (отсечение руки, языка, носа), наказание плетью, изгнание и т. п.³¹¹

Предложение епископов отказаться от традиционного законодательства в пользу византийских судебных норм было по своему естественным и ожидаемым. За принятием греческой веры неизбежно должна была последовать экспансия византийской цивилизации с ее целостным восприятием системы церковного и светского права. Однако несмотря на то, что греческие кодификаторы на Руси ориентировались на упрощенный свод Эклоги, созданный в конце IX в. специально для «варварских» народов, попавших в орбиту византийского миссионерства (моров, болгар, сербов и т. д.), и выбрали для практической реализации на русской почве достаточно узкую область права, а именно уголовное право (XVII титул Эклоги), как наиболее понятное и доступное «варварам», они так и не смогли учесть всю глубину цивилизационных и ментальных различий древнерусского и византийского обществ. Волевое насаждение принципов византийского законодательства вызвало немедленную реакцию отторжения. Провал судебной реформы наш источник описывает так: «И реша епископы и старцы: «Рать многа, оже вира — то на оружьи и на коних буде». И рече Володимер: «Тако буди». Другими словами, быстрый и непродуманный переход к более

«прогрессивным» юридическим принципам сразу же привел к сбою в работе древнерусского государственного механизма. Вирные платежи составляли видную долю государственных сборов, служа, по прямому свидетельству летописи, материальной основой боеспособности князей дружины: «...если случится правая вира, [князья] ту брали и тотчас отдавали дружине на оружие. Дружина этим кормилась, воевала чужие страны». Отмена системы судебных вир, по всей видимости, больно ударила по княжеской казне, создав угрозу окончательного ее истощения³¹², что в условиях «рати многой» самым отрицательным образом сказалось на обороноспособности страны. К тому же духовенство в процессе реформы должно было почувствовать ухудшение собственного материального положения — ведь вместе с упразднением денежных взысканий за тяжкие уголовные преступления существенно сократились и размеры церковной десятины, которой по уставу Владимира облагались «виры и продажи».

Но, может быть, главная причина краха судебной реформы заключалась в том, что против нее в лице старцев градских подали свой голос киевляне. Русские люди не захотели менять вместе с верой и кафтан. И Владимир проявил незаурядную государственную мудрость, отказавшись ломать через колено традиционные правовые представления своих подданных ради того, чтобы добиться формального соответствия юридических систем Руси и Византии. Виры и продажи вернулись в судебную практику. Безымянный автор древнерусского предания с явным одобрением констатировал: «И живеше Володимер по устроенью отню и дедню».

Глава 10 ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Сколько сыновей было у Владимира?

Принятие Русью христианства и византийский брак Владимира не замедлили отразиться на самой княжеской власти как политическом институте, внеся заметные новшества в политиче-

скую культуру правящих верхов, династический порядок и в конечном счете — в процесс формирования всей древнерусской государственности. Новые тенденции и здесь вступили в острый конфликт с патриархальными традициями. Но прежде, чем говорить об этом подробнее, нам необходимо затронуть чрезвычайно запутанный вопрос о сыновьях Владимира.

Многочисленность мужского (как, впрочем, и женского) потомства Владимира отмечена многими источниками, древнерусскими и зарубежными. Однако среди них нельзя найти и двух, которые бы не имели серьезных разночтений. В древнерусском летописании существовало несколько росписей детей Владимира. Повесть временных лет под 980 г. сообщает: «Бе же Володимер побежен похотью женьскою, и быша ему водимые [законные жены]: Рогнедь, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекине — Святополка; от чехине — Вышеслава; а от другое — Святослава и Мьстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба». Итого 2 дочери и не то 9, не то 10 сыновей, смотря по тому, считать или нет опиской наличие в этом перечне двух Мстиславов (от Рогнеды и от «другой» чехини).

В статье под 988 г. о дочерях уже не упоминается, зато количество сыновей возрастает: «Бе бо у него [Владимира] сынов 12: Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мьстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав». Но расширение списка невозможно отнести на счет естественного прироста в княжеской семье, поскольку данный перечень не просто дополняет предыдущий новыми именами, а коренным образом редактирует его, удаляя одного Мстислава и меняя отношения семейного старшинства между оставшимися Владимировичами (порядок их перечисления). Следовательно, это другой вариант исчисления потомков крестителя Руси. Тех же «сынов 12, не от единой жены, но от разн матер их, в них же бяхе старей Вышеслав, а по нем Изяслав, 3 — Святополк и т. д.» находим в анонимном «Сказании о святых Борисе и Глебе»³¹³ и Тверской летописи (заменяющей Позвизда — Болеславом), и есть основания полагать, что здесь не обошлось без влияния библейского предания о двенадцати сы-

Князь Владимир с сыновьями. Роспись Грановитой палаты. XIX в.

новьях Иакова, родоначальниках колен Израилевых (Быт., 35: 22—26).

Летописный источник В.Н. Татищева (Иоакимовская летопись) располагает собственным списком сыновей Владимира, коих насчитывает 10: Вышеслав, «иже родися от Оловы княжны варяжские»; Изяслав, Ярослав, Всеволод (от Рогнеды/Гориславы); Святополк (от Предславы); Святослав (от чехини Мальфрид); Мстислав и Станислав (от чехини Адили); Борис и Глеб (от «Анны царевны»)³¹⁴. В этом перечне, как мы вскоре убедимся, различимы следы древнейшей традиции. Вместе с тем наименование Оловы «варяжской княжны», вкупе с прозвищем Рогнеды — Горислава, которое фигурирует также в статье под 1128 г. Лаврентьевского списка Повести временных лет, где излагается трагическая история полоцкой княжны, свидетельствует о достаточно позднем его оформлении — не ранее первой трети XII в.

Таким образом, сведения древнерусских памятников расходятся по самым существенным пунктам: нет единого мнения ни о точном количестве сыновей Владимира, ни об их происхождении по матери, ни о том, в каком порядке они появлялись на свет.

Иностранные писатели осведомлены на сей счет еще хуже. Титмар Мерзебургский, современник Владимира, был убежден, что русский князь «имел трех сыновей»: имена двоих — Святополк и Ярослав — ему известны, третий так и остается безымянным. (Зато хроника Титмара позволяет уточнить количество Владимировых дочерей. Выясняется, что в 1018 г. были живы по крайней мере девять «сестер Ярослава», ставших пленницами польского князя Болеслава I.)

У византийского историка Кедрина под 1036 г. есть упоминание о смене на Руси двух князей третьим³¹⁵. Его сообщение перекликается с датированным тем же годом рассказом Повести временных лет о смерти Мстислава и заточении Ярославом своего «меньшого брата» Судислава в «поруб», после чего «прия власть... великий князь Ярослав, и бысть самовластец Русской земли».

Скандинавская «Прядь об Эймунде» говорит опять же о троих сыновьях «конунга Вальдемара», из которых точной исторической идентификации поддается только Ярицлейв/Ярослав. «Сага об Олаве Трюггвасоне», современнике князя Владимира, знает некоего «конунга» Виссавальда/Всеволода «из Гардарики», то есть из Руси.

В историческую память адыгов запал храбрый князь Тамтаракая (Тмуторокани), победивший в поединке их богатыря Ридадю³¹⁶. По древнерусским известиям (Повести временных лет и Слово о полку Игореве), это был Мстислав, «иже зареза Редедю пред полкы касожскими».

Единственный иностранный свидетель, который мог бы оставить самые точные данные о потомстве Владимира — Бруно Кверфуртский, — проявил как раз наименьшую заинтересованность к составу княжеской семьи. В его письменном отчете о пребывании в Киеве эпизодически возникает всего один сын «государя Руси», да и тот безымянный.

В итоге получается, что в поле зрения соседей Руси с большей или меньшей отчетливостью попали пять сыновей Владимира: Святополк, Ярослав, Мстислав, Судислав и Всеволод.

Легендарные сыновья

Сколько же их было на самом деле? Точного ответа на этот вопрос у историков нет. По всей видимости, Позвизд, Станислав и Болеслав — фигуры всецело легендарные. Нигде больше они не упоминаются; сами их имена не находят места в русской действительности конца X — начала XI в. Позвиздом в позднесредневековых источниках именуется славянское божество непогоды, чей культ в более древние времена, однако, неизвестен. Станислав и Болеслав — польские имена, совершенно не употребительные среди русских князей. Притом имя Станислав появилось в христианских святцах не ранее конца XI в.³¹⁷

Из остальных десяти Владимировичей трое — Вышеслав, Святослав и Всеволод — это лица, относительно которых нет надежных свидетельств, способных опровергнуть или, наоборот, подтвердить их реальное существование. В статье под 988 г. Вышеслав назван «старейшим» сыном Владимира и занимает подобающее первое место в списке, но в перечне 980 г. он стоит шестым по счету. Иоакимовская летопись удостоверяет его старшинство, однако вместо «чехини» дает ему в матери «варяжскую княжну». Предание о Вышеславе стоит твердо только на том, что он получил в удел Новгород и не пережил своего отца (по данным Татищева, Вышеслав умер в 1010 г.³¹⁸). Проверить эти сведения нечем.

Матерью Святослава в статье под 980 г. выступает «другая» чехиня; Иоакимовская летопись знает ее имя — Мальфрид, которое также встречается в краткой заметке Повести временных лет под 1000 г.: «Преставися Малфредь. В се же лето преставися и Рогнедь, мати Ярославля». Загвоздка в том, что Никонская летопись считает это имя мужским и, очевидно, числит данное лицо среди Владимировых богатырей, сообщая под 1002 г.: «Преставися Малвред сильный». Единственным соображением

в пользу идентичности Мальфреды Иоакимовской летописи с Малфредью Повести временных лет по сей день остается замечание С.М. Соловьева: «Мать Святослава Иоакимова летопись называет Малфридою; что это имя одной из жен Владимировых не вымыслено, доказательством служит известие начальной Киевской летописи... о смерти Малфриды, которая здесь соединена с Рогнедою», из чего «ясно, что здесь говорится о двух женщинах»³¹⁹.

Но даже если это и так, то была ли Мальфрид матерью Святослава или другого княжича, остается под вопросом. Характерно, что Повесть временных лет не прибавляет к ее имени: «мати Святославля», как в случае с Рогнедой — «мати Ярославля». Дело осложняется тем, что все свои сведения о Святославе Повесть временных лет (Ипатьевский список) почерпнула не из «преданий старины глубокой», а из сложившегося в конце XI — начале XII в. борисоглебского житийного цикла («Сказание о святых Борисе и Глебе» и «Повесть об убиении святых новоявленных мучеников Бориса и Глеба»), где этому сыну Владимира отведена довольно-таки странная роль. При распределении волостных столов его сажают княжить в древлянском Овруче, а затем от него словно спешат поскорее избавиться, делая его третьей (после Бориса и Глеба) жертвой Святополка («Святополк же оканьный злой уби Святослава»), но при этом наотрез и безо всяких причин отказываются поставить его смерть в один ряд с мученической кончиной младших братьев. Более того, о нем забывают настолько быстро, что в дальнейшем имя Святослава вообще никогда не упоминается среди убиенных Святополком братьев. Кое-кого из историков это наводит на мысль о легендарности самой его личности³²⁰. Добавим еще, что Никоновская летопись под 1002 г. сообщает, наряду со смертью «Малвреда сильного» и Рогнеды, о рождении у Святослава сына по имени Ян, но впоследствии напрочь забывает о нем.

Судьбу Всеволода прослеживает одна «Сага об Олаве Трюгвасоне», по сообщению которой, где-то в середине или второй половине 990-х гг. он посватался к Сигрид Суровой, вдове шведского короля Эрика Победоносного (умер ок. 993/995 г.), и был убит ею вместе с другим незадачливым женихом: «А она

посчитала себя униженной тем, что к ней посватались мелкие конунги, а их самоуверенными, поскольку они посмели мечтать о такой королеве, и поэтому сожгла она тогда их обоих в доме одной ночью».

Впрочем, исследователи отмечают, что «сведения саги об этом «Виссавальде» не слишком подходят к Всеволоду Владимировичу»³²¹. К тому же «Сага об Олаве Трюггвасоне» путает вехи жизни даже своего главного героя и до неузнаваемости искажает реальные факты русской истории, относящиеся ко времени пребывания Олава в «Гардах» (мы наблюдали это на примере мнимого участия Олава в крещении Владимира), а потому положиться на ее показания вряд ли возможно.

Изяслав и Судислав

Итак, из десяти—тринадцати сыновей, которыми предание окружает Владимира, только семь могут быть безоговорочно признаны действительно существовавшими людьми. Это — Изяслав, Святополк, Ярослав, Мстислав, Судислав, Борис и Глеб.

Что нам известно о них? К сожалению, тоже очень немного. Например, все сведения о жизни Изяслава исчерпываются легендой о том, как благодаря его вмешательству Рогнеда избежала смерти от руки Владимира. Тем не менее Изяслав — безусловно лицо историческое. Об этом свидетельствует хроникальная запись в Повести временных лет под 1001 г.: «Преставися Изяслав, сын Володимиров», а также несколько последующих заметок, отводящих Изяславу четко фиксированное место в родословной полоцких князей, его прямых потомков. Так, под 1003 г. читаем: «Преставися Всеслав, сын Изяславль, внук Володимерь». О другом его сыне под 1021 г. сообщается: «Приде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь, на Новгород...»; та же генеалогическая формула повторена под 1044 г.: «В се же лето умре Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь...»

Непроницаемым туманом окутана и биография Судислава. Лишь датированные 1034, 1059 и 1063 гг. летописные статьи,

достоверность которых вне сомнений, бросают скупой свет на последние три десятилетия его жизни, проведенные им в тюрьме и монастыре.

Мстислав

О Мстиславе известно, что он был младше Ярослава (летописная статья под 1024 г.). В Любецком синодике он записан под крещальным именем Константин³²². Кроме того, в словесном портрете Мстислава под 1036 г. среди характерных черт его облика летописец отметил «великие очи». Если это знаменитые «восточные глаза», всегда восхищавшие европейцев, то тогда, возможно, матерью его была уроженка Северного Кавказа.

Но был ли Владимир его отцом? Вопрос не праздный ввиду: 1) отсутствия каких-либо иных данных на этот счет, кроме легендарных росписей сыновей Владимира; 2) пришествия Мстислава на Русь из Тмуторокани и 3) упорного нежелания киевлян видеть его своим князем. Повесть временных лет объясняет «тмутороканское» происхождение Мстислава тем, что Владимир будто бы посадил его на тмутороканский стол в 988 г. при разделе городов между сыновьями. Но это не соответствует действительности, так как правителем «русской» Таврики был Владимир брат Сфенг, который, согласно известию Скилицы-Кедрина, пережил Владимира по крайней мере на год. Самый естественный путь, каким Мстислав мог занять тмутороканский стол, заключался в том, чтобы унаследовать его от Сфенга. Отсюда очень может быть, что на самом деле Мстислав приходился Владимиру племянником по мужской линии, будучи сыном Сфенга.

Святополк

Немногим лучше обстоит дело со Святополком и Ярославом — двумя непримиримыми антагонистами громких событий 1016—1019 гг. Главными героями летописного повествования,

а также заметными действующими лицами хроники Титмара они становятся только к концу жизни Владимира; до того в их биографиях царит полнейшая неопределенность.

Происхождению Святополка древнерусские книжники уделили повышенное внимание, которое, однако, нимало не прояснив сути дела, лишь способствовало нагромождению противоречий. Так, «Сказание о Борисе и Глебе» сообщает о матери Святополка следующее: «Сего [Святополка] мати прежде бе черницею, грекыни сущи, и поял ее бе Ярополк, брат Володимирь, и ростриг ее красоты дея лица ея... Володимир же поганый еще [будучи еще язычником] убив Ярополка и поят жену его непраздну сушу, от нея же роди ся сии оканьнии Святополк, и бысть от двою отцю и брату сушу, тем же и не любляше его Володимир».

Здесь утверждается, во-первых, что матерью Святополка была расстриженная грекиня-черница (каким образом она попала в Киев, не поясняется) и, во-вторых, что Владимир не был родным отцом Святополка. Цель этих генеалогических разысканий вполне очевидна — убедить читателя в прирожденном «окаянстве» убийцы святых братьев-мучеников, проведя параллель с известным библейским персонажем — Авимелехом, незаконнорожденным сыном судьи израильского Гедеоны, истребившем 70 своих братьев: «сей же Святополк, новый Авимелех, иже ся бе родил от прелюбодеянья, иже изби братью свою, сыны Гедеоны; тако и сей [то есть Святополк] бысть».

Повесть временных лет (Ипатьевский список), разделяя со «Сказанием» саму идею предопределенности Святополковых злодеяний, вместе с тем толкует ее по-своему: «у Ярополка жена грекини бе, и бяше была черницею, юже бе привел отец его Святослав и вда ю за Ярополка, красы дея лица ея» (под 977 г.); «Владимир же залеже жену братню грекиню, и бе не праздна, от нея же роди Святополка. От греховнаго бо корене злой плод бываетъ, понеже была бе мати его черницею, а второе, Володимир залеже ю не по браку; прелюбодейчишь бысть убо, темъже и отец его не любяше, бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимира» (под 980 г.).

Разночтения со «Сказанием» весьма значительны: одни подробности появляются (оказывается, грекиню привел Ярополку из Византии его отец, Святослав), другие исчезают (о «поятии» и расстрижении грекини Ярополком). Но наиболее важны два момента. Возвещая, как и «Сказание», о рождении Святополка «от двою отцю», Повесть временных лет в то же время фактически дезавуирует это известие тем, что сообщает о «непраздности» грекини уже после того, как Владимир «залеже» ее (правда, тут все еще возможно двойное толкование — то ли она зачала от Владимира, то ли все-таки была беременна от Ярополка), а затем и прямо удостоверяет отцовство Владимира фразой, что именно он «роди» Святополка (грамматическая форма, употребленная в «Сказании» — «от нея же роди ся сии оканьнии Святополк», — наоборот, тщательно отстраняет Владимира от участия в его рождении: не Владимир «роди» Святополка, а тот как бы сам «роди ся» от грекини). Греховность же происхождения Святополка летописец видит в монашеском чине его матери и в том, что Владимир сожительствовал с грекиней незаконным образом, то есть сделал ее своей наложницей, тогда как для автора «Сказания» корень зла заключается исключительно в рождении Святополка от двух отцов, которые к тому же приходились друг другу еще и братьями.

Переяславско-Суздальская летопись (XIII в.), следуя в основном тексту «Сказания», дополнила его сообщением Повести временных лет о том, что грекиня прибыла на Русь в качестве военной добычи, и собственным уточнением о времени ее пострижения в монахини: «Сего [Святополка] мати прежде бе черница, пленена в Цариграде, грекини сущи, и бе красна, и поя ее Ярополк, брат Владимиров; по мужней же смерти паки пострижеса. Владимир же растриг ее красоты дея ея».

Поздняя письменная фиксация, тенденциозность, морализаторство, смещение акцентов, разноречивость в важных и второстепенных сведениях (вот еще мелкая, но характерная деталь: виною расстрижения несчастной черницы «красоты дея лица ея» оказались последовательно Святослав, Ярополк и Владимир), а также внутренние неувязки (Ярополк получает грекиню в жены после византийского похода Святослава, то есть в

970/971 г., а «непраздной» она становится только десять лет спустя, в 980 г.) — все эти особенности летописно-житийной разработки сюжета о рождении Святополка делают его типичным образцом литературного мифотворчества. В действительности русские писатели конца XI — начала XII в. уже не располагали почти никакими достоверными данными о Святополке, о чем между прочим свидетельствует отсутствие в Повести временных лет и «Сказании» таких капитальных фактов его биографии, как женитьба на дочери Болеслава I и достаточно длительное тюремное заточение, хотя в свое время о том и другом были прекрасно осведомлены даже в Германии (хроника Титмара). Исключение составляет лишь утверждение, что «отец его не любяше», но подлинная причина раздора между ними — участие Святополка в заговоре против Владимира — также оказалась закрыта для древнерусских книжников завесой времени.

С известной долей вероятия можно предположить, что краеугольным камнем для летописно-житийной родословной Святополка послужила одна из упомянутых выше росписей детей Владимира, а именно та, которая сообщает о рождении Святополка «от грекине». Роспись эта очевидным образом не принадлежит перу летописца, несмотря на то что он завершил ею свой рассказ под 980 г. о судьбе Ярополка и его жены-грекини. Дело в том, что эти грекини отнюдь не тождественны друг другу: если первую (Ярополкову) грекиню Владимир, согласно убеждению летописца, «залече не по браку», то вторая (из росписи) включена в число «водимых», то есть законных жен любвеобильного князя. Между тем единственной известной нам «водимой» грекиней Владимира была Анна. Не значит ли это, что по одной из древнерусских княжеских генеалогий Святополк числился сыном византийской «царицы»? Однако его имя, характерное только для западных славян, скорее говорит в пользу его рождения от какой-то «чехини»³²³.

Что же касается происхождения Святополка «от двою отцю», то, к сожалению, эта литературная сплетня вовсю гуляет по страницам исторических трудов, побуждая даже некоторых ученых ничтоже сумняшеся изменять отчество Святополка с «Владимирович» на «Ярополкович»³²⁴. Не хотят замечать, что эта скан-

дальная тема не получила развития даже в тех произведениях, которые и дали ход навету, ибо и «Сказание о Борисе и Глебе», и Повесть временных лет, бросив мимолетнюю тень на обстоятельства рождения «треклятого» князя, продолжают свой рассказ так, словно теперь уже боятся подать малейший повод для сомнений относительно принадлежности Святополка к Владимировичам. Сам он величает Владимира своим отцом («Посла [Святополк] по блаженаго Глеба, рек: приди вборзе, отец зоветь ты» («Сказание»); то же в Повести временных лет: «С лостью посла къ Глебу, глаголя сице: поиде вборзе, отец ты зоветь»), да и наши авторы как будто совсем не склонны разубеждать читателя в правоте его слов, заявляя: «И се приде вестник к нему [Святополку] поведая ему отцю смерть»; «...и како Святополк потан смерть отца своего»; «Святополк же сядя Кыеве по отци...» («Сказание»); или в Повести: «Святополк же седе в Кыеве по отци своем». Борис не хочет выступать против Святополка именно потому, что чтит в нем старшего брата: «Не буди ми взяти руку на брата своего и еще же и на стареиша мене» («Сказание»); «Не буди то мне възняти руку на брата стареишаго» (летопись). В свою очередь Святополк, наставляя убийц Бориса, хорошо понимает, на кого поднимает руку: «не поведючи никомуже, шедше убиите брата моего Бориса» (Повесть временных лет) и т. д.

Данные наблюдения приобретают еще большую значимость в свете некоторых особенностей счета родства в княжеской семье. Когда умирал отец, то его место в роду занимал старший сын, становившийся «отцом» для своих младших братьев; сыновья такого старшего брата становились для своих дядей (младших братьев отца) из племянников — «братьями», хотя и младшими³²⁵. Отсюда понятно, что будь Святополк действительно сыном Ярополка (который играл роль «отца» по отношению к Владимиру), то он по междукняжескому родовому счету приходился бы Владимиру — «братом», а Владимировичам — «дядей». Если же предположить, что усыновленный Владимиром Святополк признал своего дядю «в отца место», превратившись из «дяди» в «брата» Владимировичей, то все равно он не мог бы называться их «братом старейшим», так как линия родового

старшинства продолжилась бы тогда через детей Владимира, старшим из которых на момент смерти князя был Ярослав.

Наконец, отметим любопытное обстоятельство, что «Сказание» и Ипатьевская летопись прилагают к Святополку (точнее, к его вокняжению в Киеве) библейские слова: «Люте бо граду тому, в нем же князь ун [юн]», тем самым косвенно подтверждая его достаточно молодой возраст в 1015 г. То, что ему в это время, коль скоро отцом его был Ярополк, полагается быть зрелым тридцатипятилетним мужчиной, совершенно позабыто.

В доказательство подпорченной генеалогии Святополка приводили еще два отрывка из хроники Титмара (VIII, 32 и VIII, 33), где упоминаются «мачеха» и «девять сестер» Ярослава («короля Руси»), но без добавления имени Святополка. «Не странно ли? — спрашивает в этой связи А.В. Назаренко. — Ведь если бы Святополк считал себя Владимировичем, то это были бы также и его «мачеха и сестры». Приходится думать, что он так не считал»³²⁶. Заключение поспешное, поскольку данные высказывания принадлежат не самому Святополку, и, значит, уместно говорить только о том, что считал или не считал Титмар. Немецкий же хронист, несмотря на допущенную двусмысленность (скорее все-таки невольную, чем сознательную), во всех других случаях описывает положение Святополка в княжеской семье с предельной ясностью, называя его два раза сыном Владимира (VII, 72 и VII, 74) и один раз — братом Ярослава, причем в том же самом параграфе, где фигурируют «мачеха и сестры» (VIII, 32). Поэтому можно смело утверждать, что Святополку при жизни не пришлось выслушивать намеки насчет того, кто был его настоящий отец.

Ярослав

Перейдем к Ярославу. Его долгое княжение совпало по времени с рождением древнерусского летописания и, казалось бы, должно было полно и правдиво отразиться в нем. Однако этого не произошло. Неожиданный вывод А.Л. Никитина о том, что летописец «не задавался целью сколько-нибудь полно отразить

деятельность и фигуру Ярослава на страницах своего сочинения», так как «в определенном смысле Ярослав, похоже, оказался для него более загадочной фигурой, чем Владимир...»³²⁷, увы, достаточно верно описывает историографическую ситуацию, сложившуюся в наших древних памятниках вокруг личности одного из самых прославленных русских князей.

Поражает сбивчивость летописных сведений относительно времени рождения Ярослава. Лаврентьевская летопись под 1054 г. (годом его смерти) сообщает: «Жив же всех лет 70 и 6». Эта биографическая справка отсылает нас к 978/979 г.³²⁸, от которого вроде бы и должен начинаться отсчет прожитых Ярославом лет. Но при этом все известные нам древнерусские родословные называют матерью Ярослава Рогнеду — она же, по хронологии Повести временных лет (в том числе Лаврентьевского списка), была «поята» Владимиром только в 980 г., и кроме того, в чем также согласны все древнерусские источники, Ярослав был не первый ее ребенок.

Но загадки на этом только начинаются. В подавляющем большинстве списков Повести временных лет под 1016 г., к которому приурочено «начало княженья Ярославля Кыеве», вдруг находим указание: «бе же тогда Ярославу лет 28». Ярослав внезапно молодеет на целых десять лет, по сравнению с данными Лаврентьевской летописи. Пытаясь отстоять свою хронологию, Лаврентьевский летописец вставляет в эту фразу уточнение: «И бе тогда Ярослав *Новгороде* лет 28». Теперь, стало быть, речь идет не о возрасте Ярослава, а о числе лет его новгородского княжения (начиная с 988/989 г.). Однако, открыв статью под 988 г., читаем, что Новгород тогда был дан Вышеславу, Ярослав же получил Ростов. Концы с концами опять не сходятся. Новое открытие нас ждет в Ипатьевской летописи, которая в статье под 1016 г. сбрасывает Ярославу еще десяток лет: «бе же тогда Ярославу лет 18» — а это уже вплотную приближает его рождение к XI столетию (998/999 г.).

Интереснее всего, что результаты анатомического исследования в 1939 г. останков Ярослава³²⁹, опровергнув одну из летописных датировок его рождения (978/979 г.), в известном смысле подтвердили принципиальную возможность двух

других (988/989 и 998/999 гг.), поскольку точный возраст князя на момент смерти так и не был установлен. Некоторые кости скелета в самом деле имели резко выраженные старческие особенности, характерные для человека семидесяти и более лет (именно это и утверждает Лаврентьевская летопись: «Жив же всех лет 70 и 6»). Но состояние костей далеко не всегда соответствует биологическому возрасту организма. Чрезмерные нагрузки и болезни преждевременно старят костную систему, и у пожилых людей разница между их подлинным возрастом и относительным «возрастом» скелета (по его фактическому состоянию) может достигать десяти и даже двадцати лет.

Обследование скелета Ярослава выявило, что в детстве он страдал от врожденной патологии — вывиха (или подвывиха) правого тазобедренного сустава, — которая уже в зрелые годы осложнилась болезнью правого коленного сустава, а затем и переломом обеих костей правой голени, закончившимся срастанием бедренной кости с наколенником и полной неподвижностью коленного сустава. Этот физический недостаток Ярослава бегло отмечен Повестью временных лет в статье под 1016 г.: «и нача воевода Святополчъ, яздя възле берег, укаряти новгородци, глаголя: что приидосте с хромьцем сим?»³³⁰ Врожденный порок неблагоприятно отразился также на позвоночном столбе: второй и третий грудные позвонки рано срослись, межпозвонковые ткани и суставы окостенели, вследствие чего позвоночник искривился. Ввиду столь тяжелых болезненных изменений в костной системе, развившихся у Ярослава еще смолоду, исследователи пришли к выводу, что в действительности князь прожил по крайней мере на восемь лет меньше того срока, который отмерила ему Лаврентьевская летопись, то есть не 76, а не больше 68 лет. Это делает вероятным его рождение около 988 г., в полном согласии с теми летописями, которые пишут под 1016 г.: «бе же тогда Ярославу лет 28». И даже более того. Отличная сохранность костей черепа (ни следа старческих изменений в челюстях, наличие всех зубов и т. п.), явным образом контрастирующая с изношенностью других частей скелета, подвергшихся патологической деформации, позволяет го-

ворить о том, что на смертном одре Ярослав выглядел человеком не старше 50—55 лет — на чем настаивает Ипатьевская летопись, относящая его появление на свет к самому концу X в. (998/999 г.).

Обе наиболее вероятные даты рождения Ярослава (988/989 и 998/999 гг.) ставят под сомнение его происхождение от брака Владимира с Рогнедой. Упомянутая выше заметка под 1000 г.: «В се же лето преставися и Рогнедь, мати Ярославля» — не меняет дела, поскольку, безусловно, принадлежит позднему редактору Повести временных лет. Современник, конечно, назвал бы вместо Ярослава, который мало кого интересовал в 1000 г., старшего сына Рогнеды — Изяслава³³¹. Тут кстати вспомнить, что полоцкие князья XI—XII вв. в обоснование своей наследственной и непримиримой вражды к потомству Ярослава («Ярославим внукам») настойчиво выделяли себя в отдельную генеалогическую ветвь великокняжеского рода («Рогволожичи») именно по женской линии, через Рогнеду³³², тем самым отрицая родство Изяслава и Ярослава по матери. Пожалуй, единственное, что можно сказать о матери Ярослава, — это то, что она, судя по антропологическим чертам ее сына, была славянка северного (новгородско-поморского) типа.

Подытоживать приходится тем, что достоверные сведения о Ярославе до 1014/1015 г. исчерпываются тремя фактами: при крещении он получил христианское имя Георгий, в последние годы жизни Владимира княжил в Новгороде и был женат первым браком на некоей Анне³³³. После вскрытия саркофага с ее именем в новгородском соборе Святой Софии было установлено, что в нем покоилась женщина, скорее всего не дожившая до 35 лет³³⁴. Наиболее вероятной датой ее смерти следует считать интервал между 1018 г. (когда «жена государя Руси» Ярослава, по свидетельству Титмара, еще находилась в Киеве) и 1019 — началом 1020 г., так как затем Ярослав женился вторично на шведке Ингигерд. Если верно предположение, что Анна была примерной ровесницей Ярослава, то появляется косвенный аргумент в пользу датировки его рождения временным промежутком между 985 и 990 гг.

Борис и Глеб

Родословная (по матери) Бориса и Глеба представлена в древнерусских памятниках двумя на первый взгляд взаимоисключающими свидетельствами: Повесть временных лет (ропись детей Владимира под 980 г.) и литература бориоголебского цикла («Сказание о Борисе и Глебе» и др.) числят обоих братьев сыновьями князя Владимира от безымянной «болгарыни», тогда как по Иоакимовской летописи матерью их была «Анна царица» (аналогичная запись есть также в Тверской летописи)³³⁵. Может показаться, что во втором случае речь идет о византийской супруге Владимира, однако это не так, почему Татищев в свое время и не усмотрел здесь никакого противоречия со сведениями Повести временных лет, уверенно заключив, что эта Анна, мать Бориса и Глеба, «царица была болгарская», с чем, в общем, согласился и С.М. Соловьев³³⁶.

Действительно, происхождение Бориса и Глеба от «болгарыни» фиксируется уже в самых ранних произведениях древнерусской литературы XI в. Но те же памятники одновременно указывают и на то, что святые братья были рождены от брака Владимира с особой царской крови. Восхваляя красоту, силу, умственные и нравственные качества Бориса, «Сказание о Борисе и Глебе» между прочим говорит: «съ убо благовернии Борис, *благого корене сыи... светя ся цесарьскы*», то есть Борис как бы излучал царское величие, присущее ему от рождения. Важно отметить, что подобные характеристики и эпитеты не являются расхожими в древнерусской литературе XI—XII вв. и, например, в многочисленных летописных портретах князей они больше никогда не повторяются.

О Глебе «Сказание» молчит, но «Канон святому мученику Бориса и Глеба» (XI—XII вв.) провозглашает: «Давиде [христианское имя Глеба] богохранимый *от благородныя крови рожься* и воспитан благочестивно [то есть в христианском браке]»³³⁷. Между тем единственная христианская жена Владимира, принадлежавшая к царскому роду, которую могли иметь в виду древнерусские книжники, — это «царица Анна», упомянутая в летописной статье под 1011 г.: «Преставися царица

Володимеряя Анна», — других цариц из княжего терема памятники той поры не знают.

Традиционно считается, что данная запись отмечает кончину гречанки Анны, и это, по-видимому, соответствует истине. Вместе с тем мы видим парадоксальное явление: среди образованных русских людей XI в. эта «царица Анна» слыла «болгарыней» — вывод еще более очевидный в свете уже известного нам факта, что ни в одном произведении русской литературы того времени ровным счетом ничего не говорится о нашумевшей некогда женитьбе Владимира на багрянородной гречанке. Митрополит Иларион и Иаков Мних вообще обходят молчанием тему браков Владимира; «Сказание» и прочие памятники борисоглебского цикла, кратко сообщая о многоженстве Владимира, не находят места греческой принцессе в списке княжеских жен. И только ближе к середине XII в., по мере более детального ознакомления с византийской историографией предыдущего столетия, и прежде всего с монументальной хроникой Скилицы, первым из греческих историков упомянувшего о византийском браке «русского архонта Владимира», личность «царицы Анны» как сестры императоров Василия II и Константина VIII проясняется наконец для древнерусских агиографов; тогда возникает «курсунская легенда», которая задним числом вносится в Повесть временных лет³³⁸.

Но, повторим еще раз, для летописцев XI в. «царица Анна» из хроникальной заметки под 1011 г. и «болгарыня» из перечня сыновей Владимира под 980 г. были одной и той же женщиной, знаменитой лишь в качестве матери Бориса и Глеба. Именно по этой причине умершая «царица» была помянута летописцем как какая-нибудь Малфредь или Рогнеда, не удостоившись даже эпитета «благочестивая», не то чтобы похвального слова, — каковое обстоятельство всегда вызывало удивление историков³³⁹. В самом деле, можно ли представить, что бесстрастная летописная запись под 1011 г. относится к византийской принцессе Анне — женщине, сыгравшей такую выдающуюся роль в крещении Владимира и которая даже в далекой Сирии полвека спустя была славна тем, что «построила многие церкви в стране русов» (сообщение Яхьи)?

Остается понять, как могло случиться, что в древнерусских памятниках XI в. имя «царицы Владимировой Анны» оказалось накрепко связанным с Болгарией. Выше мы отмечали стойкую композиционную связь между походом Владимира на болгар (статья под 985 г.) и крещением князя (статьи под 986—988 гг.), которая прослеживается во всех без исключения летописных списках: одно событие следует непосредственно за другим. Историографическая причина текстуального соседства этих сообщений становится ясна благодаря уникальному известию Иоакимовской летописи: «...иде Владимир на булгары и, победа их, мир учини и приат кресчение сам и сынове его, и всю землю Русскую крести. Царь же болгарский Симеон присла иерей учены и книги довольны»³⁴⁰.

Упоминание здесь болгарского царя Симеона (893—927) легко можно было бы счесть довольно обычной для древнерусского летописания анахронистической неточностью (правителем Болгарии во времена Владимира был Самуил, 991—1014)³⁴¹, если бы не одно обстоятельство: по имеющимся историческим сведениям, у Симеона была сестра по имени Анна³⁴². После всего сказанного это совпадение уже не выглядит случайным. Очевидно, древнерусские писатели второй половины XI в. были убеждены, что успешный поход Владимира на дунайскую Болгарию закончился женитьбой князя на «болгарыне» Анне — сестре болгарского царя³⁴³ и обращением Руси в христианство. Эта историческая концепция крещения Руси, надо полагать, была изложена в древнейшем летописном своде (вторая треть XI в.), но при дальнейшей правке летописи в духе «корсунской легенды» всякое болгарское участие в христианизации Русской земли было тщательно вымарано, дунайские болгары заменены волжскими, а «болгарыня» потеряла свое имя.

Теперь, установив абсолютную мифологичность личности «болгарыни», которую древнерусские родословные прочат в матери Борису и Глебу, посмотрим, какие существуют доводы в пользу того, что братья все-таки были рождены от брака Владимира с гречанкой Анной, сестрой византийских императоров Василия II и Константина VIII. Во-первых, за это гово-

рит их происхождение от «благого корени» и «благородныя крови». Затем, имеются косвенные указания на возраст братьев в 1015 г., из которых вытекает, что Борису в это время было не больше 20—22 лет («брада мала и ус, млад бо бе еще... аки цвет цветийи в уности своеи»), Глебу — около 13—15 лет («Сказание» влагает в его уста слова: «возрастом младствую» и уподобляет Борисова брата «колосу недозревшему» и «лозе, не до конца возросшей»; «детеск телом», — говорит о нем преподобный Нестор).

Таким образом, рождение как того, так и другого, несомненно, приходится на пору супружества Владимира и Анны. Со стороны последней к тому же было вполне естественно дать своему первенцу христианское имя Роман (в честь святого Романа Сладкопевца), которое носил также отец Анны, император Роман II. Наконец, тот факт, что древнерусский культ Бориса и Глеба довольно быстро, не позднее первой половины XII в., прижился в Византии³⁴⁴, где к почитанию «чужих», тем более «варварских» святых всегда относились с неприязнью — достаточно вспомнить равнодушие, проявленное Византийской церковью к открытию в Херсоне мощей папы Климента, — может быть объяснен отчасти тем, что греки не забыли, кто на самом деле был матерью святых братьев. Конечно, косвенные данные не могут устранить всех сомнений, но ввиду очевидной легендарности «болгарской» родословной Бориса и Глеба мы будем придерживаться версии об их происхождении от «царицы Володимировой Анны».

Новшества в престолонаследии

Христианизация княжеского двора, сопровождавшаяся усвоением библейско-христианских представлений о царской власти, привнесла новые элементы в систему поведения князя как политической фигуры — теперь уже христианского государя, сюзерена, монарха милостью Божией. Так, исследования Десятинной церкви показали, что во время богослужений Владимир занимал с семьей особое место — на хорах, возносясь там над

клиром и прочими молящимися, но пребывая ниже Бога, архангелов и пророков, изображенных в верхней части храма — на купольном своде и барабане³⁴⁵. Чеканка Владимиром собственной монеты (златников и сребреников), в свою очередь, ярко свидетельствует о новом понимании «кесарем» и «великим каганом Русской земли» своего политического достоинства, ибо денежная эмиссия была одной из важнейших регалий самодержавной власти (примечательно, что монетный выпуск Владимира, даже несмотря на катастрофическое ухудшение его качества, — явление исключительное для Восточной Европы конца X — начала XI в.). Вероятно, тогда же, при Владимире, под непосредственным влиянием Церкви и византийского окружения царицы Анны, мало-помалу прекратилась практика разъезда князей в полюдье, и этот родоплеменной институт, утратив свою языческую сущность, постепенно превратился в род внутреннего налога.

Полностью изжить патриархальные обычаи, однако, было нелегко, а в ряде случаев и невозможно, особенно в области властных отношений внутри самой великокняжеской семьи. Выше мы говорили о тех специфических даже для раннесредневекового общества принципах государственного (княжого) права Древней Руси, в основе которых лежало понятие семейного владения. Княжеский род выступал совокупным владельцем Русской земли или, лучше сказать, коллективным держателем княжения в ней, а члены династии были «пайщиками», имевшими свою долю в общем владении — княжении. Эта архаическая традиция сохранила полную силу и при Владимире, который выделил своим сыновьям часть государственной собственности (крупные волостные города)³⁴⁶ и обеспечил им полноправное участие в государственном управлении (припомним формулировку церковного устава Владимира: «и яз сгдав с своею княгинею с Анною и с своими детми...»).

И все-таки христианство с его радикальным отрицанием языческой полигамии заставляло всех членов разветвленной княжеской семьи считаться с одним важным новшеством, грозившим разрушить устоявшийся порядок престолонаследия. Своим вступлением в христианский брак с греческой принцессой Владимир

создал династическую коллизию, не имевшую прецедентов в истории матримониальных отношений русских князей, так как теперь с точки зрения византийского церковно-государственного права все прежние супружества Владимира приобрели характер незаконного сожителства. Тем самым сыновья, рожденные в этих браках, независимо от преимуществ родового старшинства, совершенно отстранялись от наследования великокняжеского стола, который отныне должен был принадлежать потомкам Владимира и Анны.

Не подлежит сомнению, что византийская царевна и ее окружение усиленно внушали эту мысль Владимиру, и их старания увенчались полным успехом. Нарушив вековую традицию передачи великого княжения в руки старшего сына, князь объявил своим наследником Бориса. По единодушному свидетельству древнерусских памятников, Владимир любил его более других сыновей и держал при себе, в чем еще С.М. Соловьев прозорливо усмотрел «намерение передать ему старший стол киевский»³⁴⁷. Сажая на великое княжение сына византийской «царицы», Владимир рассчитывал повысить политический престиж киевской династии.

После смерти в 1011 г. Анны Владимир, кажется, женился еще раз³⁴⁸, но это никак не повлияло на его решение относительно династических прав Бориса³⁴⁹. Зато приближавшаяся старость князя подтолкнула его старших сыновей к открытому возмущению против родительской воли.

Князь Борис Владимирович.
Из Синодальной рукописи

Заговор Святополка

Первым обнаружил недовольство Святополк, опиравшийся на иностранную поддержку. Со слов Титмара Мерзебургского известно, что Владимир женил Святополка на дочери польского князя Болеслава I Храброго. Когда и при каких обстоятельствах был заключен этот брак, немецкий хронист не уточнил. Высказывалось предположение, что русский и польский князья могли скрепить династическим союзом мирный договор 992 г.³⁵⁰ Однако это невозможно, так как, по известию Титмара, вместе с дочерью Болеслава на Русь прибыл Рейнберн, епископ колобжегский (кольбергский)³⁵¹, а эта епархия была образована только в 1000 г. при учреждении польского архиепископства в Гнезно.

На сегодня мы не можем сказать больше того, что женитьба Святополка на польской княжне состоялась после 1000 г. и несколько ранее 1013 г. Не исключено также, что решение о свадьбе Святополка и Болеславны было принято во время визита в Киев Бруно Кверфуртского (1008), который мог выступить посредником на русско-польских переговорах.

Некоторое время спустя при дворе молодоженов созрел заговор. Мы знаем о нем только в самых обидных чертах. Не вполне понятно, например, кто стоял во главе готовящегося мятежа. Титмар говорит, что Святополк действовал «по наущению Болеславову», хотя, как считает А.В. Назаренко, этим словам и не следует «придавать большого значения: хронист был яростным ненавистником польского князя и имел обыкновение во всем усматривать его козни»³⁵². Данное замечание, впрочем, имеет вес скорее в плане источниковедческо-филологическом, чем историческом, ведь независимо от субъективного отношения Титмара к Болеславу за последним в 10-х гг. XI в. укрепилась заслуженная репутация опытного интригана и неумолимого сеятеля смут в сопредельных с Польшей государствах, и нет никаких оснований полагать, что в отношениях с Русской землей он придерживался более миролюбивой политики. Но с другой стороны, Титмар, безусловно, не прав, выставляя Святополка пассивным орудием в руках Болеслава, тогда как у Святополка были собственные

веские причины противиться отцу, отстранившему его от престолонаследия, и он вряд ли нуждался в подстрекательствах извне, чтобы подогреть свое честолюбие. По-видимому, истинное участие Болеслава в заговоре выразилось в том, что, не будучи политическим наставником своего русского зятя, он тем не менее сразу приобрел значение ключевой фигуры всей интриги, успешный исход которой — чего не мог не понимать Святополк — находился в непосредственной зависимости от военно-политической помощи польского князя.

Совершенно не ясна роль в этом деле епископа Рейнберна. Наши историки издавна подозревают его в активном содействии замыслам Святополка и Болеслава, приписывая ему не больше не меньше как намерение поставить Русскую Церковь под власть папы. Рейнберн действительно был ревностным миссионером. В своей колобжегской епархии он сжигал славянские языческие святилища и в пылу борьбы против идольской скверны даже совершил очистительный обряд над Балтийским морем, которое, как он узнал, было посвящено местными жителями демонам. Результатом его бескомпромиссного служения Господу было всеобщее восстание паствы и изгнание Рейнберна с епископской кафедры. Конечно, это классический портрет религиозного фанатика. Однако заметим, что фанатизм Рейнберна был направлен против идолослужения. Был ли колобжегский епископ еще и ненавистником восточнохристианской Церкви? Похоже что нет, раз Владимир не воспрепятствовал его приезду на Русь³⁵³. Во всяком случае, у Титмара нет ни малейшего намека на то, что заговор Святополка имел религиозно-конфессиональный оттенок. По его словам, цель заговорщиков была чисто политическая: Святополк намеревался «тайно выступить» против Владимира. Характерно, что и в 1018 г., когда Болеслав держал в своих руках Киев, с польской стороны не было предпринято никаких шагов для насильственного окатоличивания Руси. В связи с этим, возможно, следует признать правоту Титмара, который расценил арест Рейнберна как «несправедливость». Если строго держаться свидетельства немецкого хрониста, то вся вина колобжегского епископа состояла, по-видимому, в том, что он вступился за

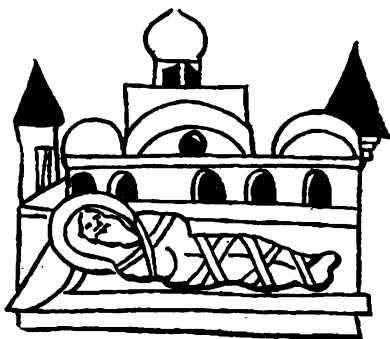
своих духовных чад, ибо, по словам Титмара, Владимир вознегодовал на Рейнберна после какой-то беседы с ним.

Как бы то ни было, когда измена обнаружилась, Владимир велел схватить не только Святополка с безместным польским епископом, но также и дочь Болеслава, о чьей вине историку уже совсем нечего сказать, «и заключил каждого в отдельную темницу» (Титмар не поясняет, где находились эти тюрьмы — в Киеве или, быть может, в разных городах). Рейнберн, находившийся, вероятно, уже в преклонном возрасте, не выдержал тягот заточения и вскоре отдал Богу душу. По свойственной людям привычке предрешать суд Божий, Титмар отвел колобжегскому епископу «прибежище на небесах», где тот, вкушая мир, «смеется над угрозами беззаконника [Владимира], созерцая пламя возмездия, терзающее этого распутника...».

Владимир, должно быть, готовился наказать и Болеслава, но тот опередил его. Спешно закончив продолжительную (тянувшуюся с 1007 г.) войну с Германией компромиссным Мерзебургским миром³⁵⁴, польский князь ринулся на восток. Титмар пишет, что в 1013 г. «подкрепленный нами», то есть вспомогательным германским войском, а также присоединившимся к нему отрядом печенегов, Болеслав «напал на Русь и разорил значительную часть этой страны». Однако затем между ляхами и степняками «случился раздор», и тогда Болеслав приказал своим воинам перебить печенегов. Это положило конец его военным успехам, но ярость Болеслава не утихла, и он «не переставал мстить, чем только мог». Тем не менее при жизни Владимира ему так и не удалось добиться освобождения заговорщиков.

Мятеж Ярослава и смерть Владимира

Окончание войны с Болеславом доставило Русской земле не прочный мир, а лишь короткую передышку. Уже в следующем году неповиновение выказал другой старший сын Владимира Ярослав, сидевший в Новгороде. Повесть временных лет под 1014 г. сообщает: «Ярославу же сущю Новегороде, и уроком дающею Киеву две тысячи гривен от года до года, а тысячу Но-

Погребение князя Владимира Святославича в Десятинной церкви.
Миниатюра Радзивилловской летописи

вегороде гридем раздаваху. И тако даяху вси посадници новгородости, а Ярослав сего не даяше к Киеву отцю своему».

Невыплаченный «урок» в две тысячи гривен Ярослав потратил на то, чтобы перекупить верность находившихся в Новгороде «гридей» (княжеского гарнизона) и нанять «за морем» новые отряды «варягов».

Разгневанный Владимир начал собирать силы для похода на Новгород: «Хотящю Володимеру ити на Ярослава». Предстояла война отца с сыном — неслыханное дело даже в языческой Руси. «Но Бог не вдасть дьяволу радости», — с некоторым облегчением замечает летописец. В разгар военных приготовлений Владимир внезапно «разболелся» и слег. Врачеванье не помогало, недуг все усиливался, и 15 июля 1015 г. Владимир скончался в одной из своих загородных резиденций, на Берестове.

Канонизация князя Владимира

«Сего бо в память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье» — такими словами заключает летописец свой панегирик Владимиру, свидетельствуя, что личность «нового Костянтина... иже крестився сам и люди своя» неизгладимо врезалась в историческую память «новых людей, просвещенных Святым Духом» — русских христиан XI—XII вв.

Неудивительно, что у первого же поколения древнерусских книжников, воспитанников Владимировых «школ», отлично со знававших, чем они обязаны предыдущей эпохе («Володимер [землю] взора [вспахал] и умягчи рекше крещеньем просветив... а мы пожинаем ученье приемлюще книжное»), возникло горячее желание канонизировать крестителя Русской земли. Но добиться согласия на это византийской церковной иерархии оказалось нелегко. Сам тип нового святого смущал греков, придерживавшихся в вопросах канонизации строгих традиций, или, если угодно, предрассудков. Почти безраздельное господство в византийском православии монашеско-аскетического идеала приводило к тому, что преобладающее место в греческих святцах занимали мученики за веру и лица духовного звания — преподобные (аскеты-подвижники) и святители (епископы). Миряне в чине «праведных» встречались только в виде исключения, и в основном это были цари и царицы. Но какой бы естественной ни казалась русским книжникам параллель Владимир — Константин Великий, для Греческой церкви она была совершенно неприемлема, ибо в канонизации василевсов находил выражение специфически византийский теократический идеал царского служения. Их святость нисколько не зависела от личных добродетелей. Византия почитала тех своих царей и цариц, чьи имена были связаны с созывом вселенских соборов, ниспровержением ересей и торжеством православия. Это была канонизация «мирских епископов» — светских хранителей веры, внешних защитников Церкви. Однако «архонт Росии», пускай даже и носивший титул кесаря, не мог равняться с царями ромеев, поскольку он не был главой Русской Церкви, которая через греческого митрополита формально подчинялась константинопольскому патриарху и в конечном счете — византийскому императору. Поэтому, на взгляд греческого священства, единственным основанием для прославления его в качестве святого могли быть особые личные подвиги, притом непременно аскетического характера, — а таковых за Владимиром не числилось вовсе³⁵⁵.

Помимо этих идеологических соображений у противников канонизации Владимира имелся аргумент более практического свойства: у гроба князя в Десятинной церкви не совершались

Святой равноапостольный князь Владимир Святославич.
Фреска Архангельского собора

чудеса, что не позволяло открыть и прославить его честные мощи.

Высокомерному скепсису греческого духовенства русские писатели противопоставили личное убеждение в святости Владимира. Крещение Руси было для них тем подвигом, в свете которого делались ненужными какие бы то ни было еще доказательства права князя на «венец с праведными, в пищи райстей». Владимир совершенно чист пред Господом, так как «аще бо прежде в невежестве етера [какие-нибудь] сгрешения быша, послеже расыпашася покаяньем и милостынями» (Повесть временных лет под 1015 г.). Иаков Мних обращается к нему с такими словами: «О блаженный и треблаженный княже Володимере, благоверне и христолюбивче и страннолюбче! Мзда твоя многа зело пред Богом» — и далее уподобляет его царям Давиду, Езекии, Иосии и Константину, «иже избраша и изволиша Божий закон боле всего и послужиша Богу всим сердцем и получиша милость Божию и наследиша рай и приаша царство небесное и почиша со всеми святыми угожьшими [угодившими] Богу. Тако же блаженный князь Володимер послужив Богу всим сердцем и всею душою». Там же, на небесах, принимающим вознаграждение за свои благие дела, созерцает князя митрополит Иларион.

Что же до отсутствия чудес при гробе, то «не дивимся, возлюбленей, — внушает своим читателям Иаков Мних, — аще чюдес не творить по смерти: мнози бо святеи праведней не створиша чюдес, но святи суть». Господь не являет зримые знаки святости Владимира по нашим грехам, нашему маловерию, рассуждает летописец: «Диво же есть се, колико добра сотворил [Владимир] Русьстей земле, крестив ее. Мы же, хрестьяне суще, не воздаем почестья противу [то есть в меру] оного воздаяню... Да аще быхом имели потщание и молбу приносили Богу за него в день преставления его, и видя бы Бог тщанье наше к нему, прославил бы его: нам бо достойть за него Бога молити, понеже тем Бога познахом».

Эта терпеливая вера в конце концов одолела все преграды, и Владимир был причтен к лику святых в чине равноапостольного³⁵⁶.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БРАТ НА БРАТА (1015—1036)

Глава 1

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Повесть временных лет о начале междоусобицы сыновей Владимира

Длительная усобица, вспыхнувшая на Руси после смерти князя Владимира, была прямым и неизбежным следствием бунта старших Владимировичей против воли отца, самоуправно изменившего древний порядок престолонаследия в пользу своих сыновей от «царского» брака. В лице Святополка и Ярослава «отний и дедний» обычай открыто восстал против чуждого ему государственно-монархического принципа Византийской империи. Христианизированная политическая элита Русской земли оказалась не готова к столь кардинальному пересмотру своих государственно-правовых представлений. Выработка древнерусским обществом собственных форм политической культуры продолжилась на ощупь, опытным путем, через преодоление и осмысление последствий череды кровавых конфликтов и сокрушительных катастроф.

Ожесточенная схватка сыновей Владимира за киевский стол сделалась, без преувеличения, самым популярным историческим сюжетом древнерусской литературы домонгольского периода. Классическое его изложение дано в Повести временных лет (статьи под 1015—1019 гг.).

Незадолго до своей кончины Владимир поручает Борису отбить очередное нападение левобережных печенегов. Борис с дружиной выступает из Киева навстречу врагам. Спустя несколько дней, 15 июля 1015 г., Владимир умирает «в болести» на Берестовом. Ближнее окружение князя решает «потанть» его

Вокняжение Святополка в Киеве; Борис получает весть о смерти отца.
Миниатюра Радзивилловской летописи

смерть, «бе бо Святополк Кыеве». Тело умершего, обернутое в ковер, спускают вниз сквозь разобранный пол верхней горницы, везут на санях в Киев и помещают в Десятинной церкви. Вскоре печальная весть разносится по городу, к храму начинают стекаться люди «без числа». Под плач и стенания народа Владимира торжественно хоронят в «мороморяном» гробу.

Святополк садится княжить «по отци своем». Чтобы расположить к себе киевлян, он созывает вече и щедро раздает собравшимся «именье». Горожане принимают подарки, но «не бе сердце их с ним, яко братья их беша с Борисом».

Тем временем сам Борис, «не обретшу печенег» поблизости от русской границы, ведет войско назад, в Киев. Дорогой он узнает о смерти отца и делает остановку на реке Альте (под Переяславлем), дабы обсудить с дружиной, что делать дальше. Дружинники советуют ему свергнуть Святополка: «Се дружина у тебя отня и вои. Поиди, сяди Кыеве на столе отни». Однако Борис отказывается «возняти руки на брата своего старейшаго» и выражает готовность признать его «в отца место». Тогда дружина покидает его. Борис остается с одними верными ему «отроками» (младшей дружиной). К нему приходят послы Святополка и передают слова старейшего брата: «Хочу с тобою любовь

имети». Но это не более чем обман, «лесьт». Святополк уже «исполнився беззаконья, Каинов смысл приим» и ищет способа «како его погубити».

Ночью Святополк отправляется в Вышгород (километрах в пятнадцати к северу от Киева). Здесь он тайно встречается с неким Путшей и «вышегородскими боярцами», которые клянутся ему в верности: «Можем головы свое с вышегородци положити за тя». Убедившись в их преданности, Святополк объявляет свою волю: «Не поведаячи никомуже, шедше убиите брата моего Бориса».

Путша и его «чадь» рыщут в ночи и находят опустевший лагерь Бориса на Альте. На рассвете они обступают княжеский шатер, из которого слышится голос Бориса, поющего заутренние псалмы. Оказывается, Борис каким-то образом проведал о злодейском умысле Святополка, но положил в душе своей «не противитися брату своему, любви ради Христовы». Ожидая неминуемой смерти, он проводит свои последние мгновения на земле в молитве. Убийцы, «акы зверье дивии», врываются в шатер и пронзают свою невинную жертву копьями; раненый Борис выбегает наружу, где его и добивают. Вместе с Борисом Путшина «чадь» приканчивает любимого княжего отрока Георгия, «угрина» родом, пытающегося прикрыть собою своего господина. На шее Георгия блестит золотая гривна — подарок Бориса. Снять ее с убитого не получается, и, чтобы завладеть дорогой вещью, Георгию отсекают голову. Обезглавленное тело верного слуги потом бесследно исчезает: «после же не обретоша тела сего в трупии».

Убитого Бориса завертывают в шатер, кладут на телегу и везут в Киев. По дороге несчастный юноша неожиданно подает признаки жизни — «и еще дышюшу ему». Узнав об этом, Святополк посылает «два варяга приконьчевати его». Один из них пронзает мечом сердце Бориса, и блаженный страстотерпец наконец принимает «венец от Христа Бога с праведными». Тело его тайно относят в Вышгород и хоронят в церкви Святого Василия. «Оканьных» убийц Святополк осыпает милостями, «суть же имена сим законопреступником: Путша, Талец, Елович, Ляшко, отец же их сотона».

Покончив с Борисом, Святополк начинает строить козни против Глеба. Младший брат Бориса, ничего не ведая, княжит в Муроме. Святополк шлет к нему послов «с лестью», предлагая от имени Владимира поскорее приехать в Киев: «отец ты зовет, не здоровит бо вельми». Ничего не подозревающий Глеб немедленно садится в седло и пускается в путь берегом Волги в сопровождении малой дружины. Где-то «на поле»³⁵⁷ его конь неудачно спотыкается «во рву»; Глеб при падении повреждает ногу. Приходится пересаживаться в ладью. Чуть ниже Смоленска, в районе небольшого днепровского притока — речки Смядыни, — к Глебу приходят люди Ярослава. Новгородский князь, уже извещенный от своей сестры Предславы о смерти Владимира и Святополковых кознях, предостерегает младшего брата: «Не ходи; отец ти умерл, а брат ти убит от Святополка». Глеб направляет ладью в устье Смядыни и разбивает стоянку на берегу. Скорбя о своем погибшем брате и не желая жить без него, он готовится разделить участь Бориса.

Вскоре появляются посланные Святополком убийцы — на этот раз не вышгородские «боярцы», а безымянная толпа его «злых слуг» во главе с неким «оканьным» Горясером. Завидев их ладью, Глеб приказывает своей дружине плыть навстречу. Он не верит в их злые намерения и надеется «целование... прияти от них». Но те, поравнявшись с его ладьей, прыгают в нее с обнаженными мечами в руках. Дружинники Глеба цепенеют от страха, весла падают у них из рук. Без малейшего сопротивления нападавшие завладевают ладьей Глеба. Растерявшийся юный князь поначалу взывает к ним о пощаде, но, видя их неумолимую свирепость, обретает крепость духа и с последней молитвой на устах предает себя в их власть. Горясер приказывает побыстрее кончить дело. На его слова неожиданно отзывается Глебов повар по имени Торчин. С ножом в руке он бросается на князя и перерезает ему горло. Тело Глеба оставляют на берегу непогребенным, «межи двумя колодами». Лишь через несколько лет его найдут, нетленным, и похоронят в вышгородской церкви Святого Василия, рядом с Борисом.

Князь Святополк посылает убийц к Борису.
Миниатюра из Сильвестровского сборника

Наступает черед древлянского князя Святослава. Спасаясь от расправы, он бежит «в угры» и гибнет, настигнутый по дороге людьми Святополка.

Невинно пролитая кровь младших братьев и опасения за собственную жизнь побуждают Ярослава поднять меч на Святополка. Но неожиданная помеха заставляет его отложить поход на Киев. Нанятые им «варяги» бесчинствовали в городе, «насилие творяху новгородцем и женам их». Потерявшие терпение новгородцы восстали, окружили «поромонь двор» («варяжскую» обитель в Новгороде) и перебили насильников. Ярослав в отместку иссек тысячу повинных в мятеже «нарочитых мужей»³⁵⁸, заманив их на свой двор якобы для мирных переговоров. Все это случилось еще до того, как Ярослав получил от своей сестры Предславы послание о вокняжении Святополка в Киеве, — оно попало к нему в руки только ночью, последовавшей за кровавой баней, устроенной новгородцам на княжем дворе. Теперь Ярослав решает пойти на мировую с горожанами. «Сотворив вече на поле», он кается в «безумии своем» и просит новгородцев помочь ему изгнать Святополка из Киева. Те соглашаются поддержать в трудную минуту своего князя: «Аще, княже, и братия наша избита суть, а мы можем с тобою ити».

Убийство раненого Бориса. Миниатюра Радзивилловской летописи

В 1016 г. Ярослав выступает на Киев, ведя с собой дружину «варягов» и 40-тысячное новгородское ополчение³⁵⁹. Святополк противопоставляет ему «бе-щисла вой, руси и печенег». Противники сходятся у Любеча. Приплывшее в ладьях войско Ярослава занимает позицию «об сю» сторону Днепра (на правобережье), полчище Святополка — «об он пол» (на другом, левом берегу) реки. Никто не решается переправиться на другой берег и дать сражение. Бесплодное стояние на виду друг у друга продолжается три месяца; между тем дают себя знать первые заморозки («бе бо уже в замороз»). Но вот однажды воевода Святополка, разъезжая вдоль берега, начинает задирать новгородцев обидными словами: «Что придосте с хромьцем сим, а вы плотники суще? А приставим вас хоромов рубити наших!» Разозленные новгородцы решают завтра напасть на лагерь Святополка, грозя убить всякого, кто не поддержит их боевой порыв. Ярослав волей-неволей дает приказ к выступлению. В предрасветной темноте его войско беспрепятственно высаживается на тот берег, благо Святополк с дружиной беспечно пирует всю ночь, забыв о всякой осторожности. Прежде чем пойти в бой, новгородцы отталкивают ладьи от берега — теперь им остается победить или умереть. С первыми лучами солнца закипает злая

сеча. На свою беду, Святополк расположился лагерем между двумя озерами, вследствие чего печенежская орда не в состоянии развернуться на тесном пространстве и оказать ему помощь. Притиснутая к воде, дружина Святополка вступает на неверный лед, который тут же ломается под тяжестью множества людей. Победа в итоге достается Ярославу. Разбитый Святополк бежит «в ляхи», Ярослав же садится в Киеве «на столе отъни и дедни».

Летописная версия с точки зрения историко-филологической критики

Противоборство старших братьев на этом только начинается. Впереди еще — возвращение Святополка в Киев на польских пиках, его короткое княжение, новое изгнание, окончательное поражение от Ярослава в битве на реке Альте и мучительная гибель в чужих краях — события, составляющие содержание летописных статей под 1018—1019 гг. Но мы пока прервемся на разгроме Святополка в сражении под Любечем в 1016 г., чтобы поразмыслить, в какой степени летописная картина начала размирья между сыновьями Владимира адекватна исторической реальности.

С источниковедческой стороны проблема эта видится следующим образом. Давно замечено, что летописная статья под 1015 г. не принадлежит целиком к древнейшему тексту Повести временных лет. Структурно она состоит из трех частей: 1) рассказа о смерти Владимира (включая похвалу «новому Костянтину» от «русьстних людей»); 2) повести о смерти Бориса и Глеба, открывающейся фразой: «Святополк же седе в Киеве по отци своем»; 3) описания «княжения Святополча», со слов «Святополк же оканьный нача княжити в Киеве» и до приготовлений Святополка и Ярослава к битве при Любече.

Уже С.М. Соловьеву было ясно, что сообщение о вокняжении Святополка в Киеве в третьей части статьи под 1015 г. изобличает вставной характер повести о Борисе и Глебе, начинающейся с того же известия, так как принадлежит оба текста перу летописца, он не стал бы повторяться³⁶⁰. Кроме того, повесть о

Погребение Бориса; Святополк принимает убийцу Бориса.
Миниатюра Радзивилловской летописи

смерти Бориса и Глеба резко обрывает логико-смысловые связи с предыдущим рассказом о намерении Владимира силой принудить к покорности взбунтовавшегося Ярослава («Хотящу Володимеру ити на Ярослава») и направляет действие совершенно в другое русло: вместо похода на Новгород Владимир внезапно посылает войско во главе с Борисом против «идуших на Русь» печенегов, хотя далее выясняется, что никакой опасности со стороны кочевников не было, ибо Борису так и не удалось «обрести» их поблизости от русской границы. Странный поход Бориса против мифической орды, несомненно, возник уже в житийной традиции о братьях-мучениках, мало заботящейся о собственно исторической стороне дела. Характерно, что «Сказание о Борисе и Глебе» ни словом не упоминает о ссоре Владимира с Ярославом, представляя последнего исключительно в качестве праведного мстителя за невинно убиенных братьев, а в «Чтении о Борисе и Глебе» преподобного Нестора Борис выступает не против печенегов, а против каких-то неопределенных «ратних».

Следовательно, в изначальном своем виде статья под 1015 г. включала только первую и третью части, то есть рассказывала о смерти Владимира, вокняжении Святополка и начале его

борьбы с другим искателем «отънего и деднего» стола — Ярославом. Что же касается летописной повести о Борисе и Глебе, то это — самостоятельное, агиографически стилизованное литературное произведение³⁶¹, «с весьма драматическим, местами художественным развитием действия, с морально-религиозным освещением событий, с обрамлением из текстов Священного Писания и акафистным заключительным славословием»³⁶², внесенное в летопись не ранее конца XI в. и, по всей видимости, затем еще не раз переработанное.

Составленная из хронологических и жанрово разнородных текстов, летописная статья под 1015 г. уже в силу своей сложной структуры не может считаться вполне надежным историческим источником, особенно во второй, «борисоглебской» ее части, являющейся литературным продуктом более позднего времени. «Вживляя» повесть о смерти Бориса и Глеба в летописный текст, редакторы Повести временных лет, конечно, меньше всего имели в виду восполнить пробел в исторических знаниях о после-владимировой эпохе. Их целью было согласовать оформившуюся в конце XI — начале XII в. житийную традицию о святых братьях с уже существующими летописными представлениями о политических реалиях начала XI столетия. Насколько удачной оказалась эта попытка?

Сегодня есть все основания утверждать, что летописно-житийная история злодейств Святополка Окаянного едва ли заслуживает того авторитета, которым она долгое время была окружена в отечественной историографии, — слишком много в ней несообразностей и внутренних противоречий. Укажем наиболее слабые ее места.

Во-первых, действие разворачивается в условиях полнейшего пространственно-географического и временного произвола. Борис, которому вроде бы назначено княжить в Ростове, почему-то находится при отце и воюет с печенегами на границах Переяславской земли. Между тем Ростовская земля была присоединена к Переяславскому княжеству только четырьмя десятилетиями спустя, в результате раздела Руси между Ярославичами (сыновьями Ярослава Мудрого), и, следовательно, ранее не имела самостоятельного княжения.

Еще удивительнее, что Святополк, туровский князь, в день смерти Владимира внезапно обнаруживается в Киеве. Может быть, его заранее вызвали к постели умирающего Владимира? Но тогда почему он обретается в Киеве, а не на Берестовом? Впрочем, согласно Несторову «Чтению», Святополка в Киеве вовсе не было; но и конкретное местонахождение его не указано, читаем только, что, узнав о кончине отца, «Святополк... вседе на коня и скоро доиде Кыева».

Задумав устранить Бориса, Святополк едет подыскивать исполнителей в Вышгород, то есть в противоположную от Альты сторону. Убийцы ночью (!) безошибочно находят в степи шатер Бориса. Покинутый отцовской дружиной Борис все это время стоит на Альте, даже не пытаясь перебраться в соседний Переяславль, под защиту городских стен.

Глеб, напротив, демонстрирует чрезвычайную подвижность, которая, однако, вызывает не меньше вопросов, чем медлительность его старшего брата. Он держит путь верхом из Муром в Киев через Смоленск³⁶³, но до Смоленска добирается не по Окско-Клязьминскому междуречью, как это было бы естественно сделать всаднику, а долгой кружной дорогой вдоль верхнего течения Волги, что имеет смысл лишь при путешествии в ладье (в расчете доплыть до Вазузы, откуда рукой подать до верховьев Днепра). Далее Глеб с дружиной, послы Ярослава и подосланные Святополком убийцы чудесным образом сходятся практически в одно и то же время в одном месте (на Смядыне), причем Глеб, извещенный Ярославом о грозящей ему опасности, не уходит назад в Муром, не отдается под защиту Ярослава, не прячется в Смоленске, а заплывает в днепровский приток (иначе говоря, загоняет сам себя в тупик), где его и обнаруживают убийцы, опять-таки проявившие отменный нюх.

В самый последний черед Святополк вспоминает о Святославе, сидящем в «Деревах», то есть в непосредственной близости от Киева. Этот сын Владимира совсем не торопится к умирающему отцу, никак не реагирует на убийство Бориса и бежит «в угры» только после расправы с Глебом, а его убийцы, бросаясь за ним в погоню, проявляют завидную прыть.

Убийцы захватывают ладью князя Глеба.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Нет ни малейших оснований думать, что перечисленные подробности гибели младших сыновей Владимира взяты из исторического предания. Слишком многое говорит за то, что у зачинателей древнерусской письменной традиции о Борисе и Глебе не было под рукой никаких других исторических материалов, кроме могилы братьев в вышгородской церкви Святого Василия да церковных записей об их поминании, где они, вероятно, значились лишь под своими крестильными именами³⁶⁴. Недостаток в источниках пришлось восполнить собственными фантазиями, вроде генеалогических изысканий относительно «болгарских» корней Бориса и Глеба, происхождения Святополка «от двою отцю» и проч., а также заимствованиями из западнославянской агиографии — житийных преданий о святом Вацлаве (Вячеславе), святой Людмиле и т. д.³⁶⁵

Слепое следование сомнительным извещениям летописно-житийной интриги не было обязательным даже для современников, и, например, преподобный Нестор вообще убрал из своего «Чтения о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» названия конкретных местностей, в том числе те, где братья приняли смерть, и посчитал, что несовершеннолетнему Глебу

правдоподобнее будет не княжить в Муроме, а быть «при отце» в Киеве и погибнуть от руки убийц при попытке бежать «в кораблеце» на север. Разумеется, такое вольное обращение с летописно-житийным сюжетом было бы невозможно, если бы последний опирался на твердую историческую основу и общеизвестные факты.

Второе, что бросается в глаза, — это немотивированность действий главных героев летописной повести о Борисе и Глебе или несоответствие мотивации их поступков историческим реалиям начала XI в. Святополк злодействует, потому что он злодей по натуре. Борис и Глеб добровольно обрекают себя на смерть, идя до конца в своем послушании старшему брату («Не буди мне возняти руки на брата своего старейшего: аще и отец ми умре, то съ ми буди в отца место», — говорит Борис).

Однако на Руси конца X — начала XI в. власть старшего брата над младшими и даже отца над сыновьями отнюдь не была подобием монархической власти и никогда не переходила границы нравственно допустимого. В случае нарушения старшим братом своих «родительских» обязанностей по отношению к младшим братьям те имели полное право отказать ему в повиновении. Так когда-то поступил Владимир, так поступит и его сын Ярослав. Добровольная смерть Бориса и Глеба никак не могла быть их нравственным и политическим долгом. Морально-политическая идея безусловного послушания старшему брату созрела гораздо позже, в условиях княжеских распрей конца XI в., и была перенесена древнерусскими книжниками в прошлое в качестве политического урока для современников³⁶⁶. Эта назидательность особенно видна у преподобного Нестора, который заканчивает свое «Чтение о Борисе и Глебе» такими словами: «Видите ли, братья, коль высоко покорение, еже стяжаста святая к старейшу брату. Си аще бо быста супротивлися ему, едва быста такому дару чудесному способлена от Бога. Мнози бо суть ныне детескы князи, не покоряющиеся старейшим и супротивящиеся им; и убиваемы суть; ти не суть такой благодати сподоблени, яко же святая сия».

К тому же в случае с Борисом добровольная жертвенность его подвига обоснована единственно тем, что он каким-то не-

Убийство Святослава в горах Угорских.
Миниатюра Радзивилловской летописи

постижимым образом заранее узнает о готовящемся на него покушении, хотя Святополк оглашает свое желание избавиться от Бориса на тайном совещании с вышгородскими «боярцами», после чего убийцы немедленно пускаются в путь.

В-третьих, следует отметить откровенную литературность отдельных эпизодов и положений, причем литературность эта невысокого качества, так как многие линии повествования намечены вскользь или обрываются внезапно, без дальнейшей проработки. Таинственным манипуляциям с телом Владимира придано значение политической интриги: окружение князя во что бы то ни стало стремится скрыть его смерть от Святополка («Сказание о Борисе и Глебе», наоборот, приписывает намерение «потайть» кончину Владимира на Берестовом именно Святополку). Однако вся эта странная суeta

заканчивается тем, что княжеский гроб выставляют на всеобщее обозрение в Десятинной церкви. Надуманность истолкования данной ситуации в политическом ключе особенно хорошо видна на фоне последующих летописных сообщений, из которых явствует, что «потаение» тела умершего князя (положение во гроб?) перед погребением было традиционной частью древнерусского похоронного обряда³⁶⁷, никак не связанной с политическим умыслом отдельных лиц.

Каков зачин, таково и продолжение. Дружина, покинувшая Бориса, направляется в Киев и по дороге исчезает навсегда. Путша с тремя сообщниками совершают убийство Бориса при полном попустительстве со стороны его «отроков», счет которым в княжеских дружинах XI в. обыкновенно шел на сотни (статья под 1093 г.). Однако только один из них — Георгий Угрин — встает на защиту своего князя; труп его впоследствии не находят, но каким-то образом становится известно, что ему отрубили голову³⁶⁸. Панический страх поголовно парализует и муромскую дружину Глеба, которая, потеряв своего вождя, отчаливает в неизвестном направлении. Так же бесследно пропадают возникшие на мгновение из небытия «сатанинские дети» — Путша, Талец, Елович, Ляшко, Горясер и Торчин. Везя Бориса в Киев и обнаружив, что он еще дышит, Путшина «чадь» почему-то робеет добить его и предоставляет закончить начатое самому Святополку, который поручает это двум «варягам», неизвестно как очутившимся в дружине туровского князя (явная литературная параллель с убийством Ярополка двумя Владимировыми «варягами»). Предслава в своем письме, отправленном Ярославу в Новгород, оповещает его об уже совершенном Святополком убийстве *обоих* братьев: «Отец ти умерл, а Святополк сидеть в Киеве, послав уби Бориса и Глеба, а ты блюди сего повелику» (Ипатьевский список Повести временных лет); или по тексту Новгородской I летописи: «отец ти умерл, а братья ти избиена». Тем не менее Ярослав, получив эту весточку, посылает гонцов *предупредить* Глеба о грозящей ему опасности (в Хлебниковском списке видим попытку исправить эту литературную неряшливость: здесь Предслава пишет, что Святополк «убив Бориса и по Глеба посла»). Тело Бориса предъявляют Святополку и

Князья Борис и Глеб. Икона XIV в.

затем хоронят, но трупы Глеба и Святослава бросают на месте убийства и т. д.

Наконец, в-четвертых, в летописной повести о Борисе и Глебе (равно как и в «Сказании о Борисе и Глебе») содержится целый пласт известий, удивительно совпадающих с летописными сообщениями о деятельности другого Святополка, сына киевского князя Изяслава Ярославича³⁶⁹. Современники, в том числе ученое киевское монашество, не особенно жаловали Святополка Изяславича. Он был нарушителем Любечского соглашения 1097 г., призванного урегулировать междукняжеские споры, и одним из виновников ослепления в том же году князя Василька Теребовльского — злодеяния, дотоле неслыханного между членами княжеского рода и вызвавшего тогда всеобщее возмущение. Кроме того, во время его киевского княжения (1093—1113) вышгородская церковь, где были похоронены блаженные братья-мученики, пребывала, по свидетельству «Сказания о Борисе и Глебе», в «забвении».

Так вот у этого Святополка и его «окаянного» тезки неожиданно обнаруживаются такие общие биографические черты, как княжение в Турове, война с противником по имени Ярослав (Святополк Изяславич в 1101 г. воевал с сыном своего брата, князем Ярославом Ярополковичем) и даже происхождение от незаконного брака³⁷⁰. Но на этом аналогии не кончаются. В сцене ослепления Василька Теребовльского читаем, что «изымал зеницы» несчастному князю ножом некий «торчин, именем Береньдей, овчюх Святополчъ», который сразу вызывает в памяти другого «торчина» — повара Глеба, который зарезал блаженного «аки агня» (по другому варианту, «аки овча»). Далее Василька «вземше... на ковре возложиша на кола [телегу] яко мертва, повезоша его [к] Володимерю», подобно тому как полумертвого Бориса убийцы «увертевши... в шатер, и возложиша его на кола, повезоша» к Святополку (тут, кажется, получаем объяснение внезапному воскрешению Бориса по пути в Вышгород — его, как и Василька, для полноты аналогии грузят на телегу не мертвым, а «яко мертва»). Нельзя пройти и мимо того, что предводитель вышгородских «боярцев» Путша носит уменьшительную форму имени воеводы Святополка Изяславича, Путя-

ты. Этот набор совпадений, конечно, не может быть случайным³⁷¹, и, стало быть, неизбежен вывод, что, живописуя злодеяния Святополка Окаянного, авторы летописной повести о Борисе и Глебе и «Сказания» определенно метили в Святополка Изяславича, в биографии которого они почерпнули обильный материал для создания демонического образа его двоюродного деда.

Невиновность Святополка в смерти братьев

После всего сказанного правомерно задаться вопросом о виновности Святополка Владимировича в смерти Бориса и Глеба. За последние десятилетия многие историки выражали серьезные сомнения на этот счет. Правда, выдвинутые аргументы, при всей их изобретательности, в своем абсолютном большинстве недостаточно убедительны для оправдательного приговора. Тем не менее имеет смысл ознакомиться с теми из них, которые смущают умы современных исследователей.

Так, А.Л. Никитин придает особое значение «тому беспрецедентному в истории факту... что имя «Святополк» на протяжении XI и XII вв. продолжает употребляться потомками Ярослава Владимировича (кроме Святополка I, летописью отмечены Святополк Изяславич (1050—1113), сын Изяслава Ярославича; Святополк Мстиславич (до 1132—1154), сын Мстислава Владимировича; Святополк Юрьевич (до 1157—1190), сын Юрия Ярославича, князя Туровского; наконец, Святополк, боярин галицкий, упоминаемый под 6681/1173 г.), и получает одиозный оттенок только к концу XII в. по мере распространения «Сказания», «Повести временных лет» и утверждения «борисоглебского» культа... Другими словами, до конца XI в. и даже позднее, пока происходило формирование культа Бориса и Глеба... имя Святополка не было предано проклятию и табуированию»³⁷².

Однако то, что кажется ученому «беспрецедентным», на самом деле таковым не является, подобные вещи случались сплошь и рядом у ближайших соседей Руси. Например, западнославянское «княжеское» имя «Болеслав» в X—XI вв. было запятнано двойным преступлением: убийством чешским князем Болесла-

вом I Укрутным своего брата, святого Вацлава/Вячеслава (929), и расправой польского короля Болеслава II Смелого над святым Станиславом, епископом краковским. Тем не менее эти злодеяния отнюдь не исключили немедленно имени «Болеслав» из повседневного обихода, и впоследствии в роду чешских князей были и Болеслав II Благочестивый, и Болеслав III Рыжий, а у поляков — Болеслав III Кривоустый. Нет нужды предполагать, что в аналогичном случае русские князья должны были проявить большую щепетильность.

Если же в конце XII в. имя «Святополк» все-таки выпало из древнерусского княжеского именослова, то произошло это по причинам, не имевшим прямого отношения к процессу становления «борисоглебского» культа, ведь примерно в то же время русские князья перестают называть своих сыновей также Вышеславами, Святославами, Судиславами, Ярополками, Все-славами, Брячиславами и т. д. Это явление было вызвано укреплением позиций Церкви в древнерусском обществе, которое выразилось, в частности, в постепенном отходе от практики ношения князьями двух имен — одного «русского», мирского, а другого «церковного», данного при крещении, — и в распространении обычая нарекать их лишь одним «церковным» именем³⁷³.

И.Н. Данилевский пришел к оригинальному выводу, что зашифрованное сообщение о невиновности Святополка в убийстве Бориса и Глеба оставлено нам самим летописцем³⁷⁴. Исходным текстом исследователь выбрал роспись сыновей Владимира под 980 г.: «Бе же Володимер побежен похотью женскою, и быша ему водимые: Рогнедь, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекине — Святополка; от чехине — Вышеслава; а от другое — Святослава и Мьстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба».

По мнению Данилевского, данная запись представляет собой своеобразный «ребус», ключ к которому следует искать в «Сказании о 12 драгоценных камнях на ризе первосвященника» — сочинении отца Церкви Епифания Кипрского (367—408), почти наверняка известном летописцу, как предполагал еще А.А. Шахматов, поскольку сокращенный древнерусский

Князья Борис и Глеб на конях. Икона XIV в.

перевод «Сказания» был включен в киевский Изборник 1073 г. Тракта́т Епифания развивает древнее учение о мистико-символической связи свойств драгоценных камней с характером и нравственным обликом человека, опираясь на одно место Библии, где говорится, что в наперсник (нагрудное украшение четырехугольной формы) первосвященника Аарона были вправлены 12 различных драгоценных камней — по числу сыновей Иакова, родоначальников колен Израилевых, чьи имена были вырезаны по одному на каждом камне (Исх., 28: 15—21). Епифаний взял на себя труд уточнить библейское предание. Исходя из личных качеств сыновей Иакова, он уподобил каждого из них определенному камню (рубину, топазу, изумруд и т. д.), согласно магическим свойствам последних. «Судя по всему, — считает Данилевский, — именно порядок перечисления камней и определил последовательность упоминания сыновей Владимира (в росписи его детей под 980 г. — С. Ц.). Каждый из них получил таким образом «невидимую вооруженным глазом» косвенную этическую характеристику, совпадавшую с характеристикой того или иного сына Иакова. Дочери же Владимира и Рогнеды потребовались для того, чтобы все Владимировичи заняли подобающее им место, а заодно и характеристику»³⁷⁵. В списке Епифания на седьмом месте стоит имя Дана (яхонт), на одиннадцатом — Иосифа (берилл), а в упомянутом летописном фрагменте под этими порядковыми номерами значатся Святополк и Борис соответственно. Напомню, что братья Иосифа вначале замыслили убить его, но, не посмев сделать это, продали Иосифа в рабство. Именно этот эпизод своей жизни вспоминает в «Сказании о 12 камнях» Дан, говоря (по древнерусскому переводу в Изборнике 1073 г.): «Аз, рече, бех имея сердце и утробу немилостиву на брата Иосифа, и бех стрегий его, аки рысь козлица. Но Бог отца моего избави его от руку моею, и не да ми сего зла сотворити...» Отмеченное порядковое соответствие имен в обоих перечнях (Дан — Святополк, Иосиф — Борис) и дало Данилевскому повод утверждать, что речь здесь «идет о не совершенном Даном-Святополком преступлении»³⁷⁶.

К сожалению, приходится возразить, что сенсации не произошло. Ученого подвела небрежность в анализе обоих источников, выразившаяся в отказе от их всестороннего изучения. При ближайшем рассмотрении в приведенных им доводах обнаруживаются большие натяжки и неоправданные допущения.

Во-первых, даже с формальной стороны летописная роспись детей Владимира под 980 г. с ее двумя дочерьми и десятью сыновьями (двое из которых носят одинаковые имена) вряд ли годится для сопоставления с перечнем 12 сыновей Иакова. Последний с гораздо большим основанием можно сблизить со списком 12 сыновей Владимира из статьи Повести временных лет под 988 г. (см. выше), на который библейская числовая символика безусловно оказала непосредственное влияние, но очередность перечисления Владимировичей там совершенно иная: Святополку отведено третье место, тогда как седьмое принадлежит Мстиславу, а одиннадцатое — Позвизду; никакой тайной переключки с именами сыновей Иакова из «Сказания о 12 камнях» в данном случае вообще не наблюдается.

Во-вторых, Бориса при всем желании невозможно приравнять к Иосифу по той простой причине, что Иосиф все-таки не был убит братьями.

В-третьих, согласно летописно-житийной традиции, Святополк убил не только Бориса, но еще и двоих других своих братьев, что уже совсем никак не согласуется с историей Иосифа и окончательно нарушает все постулируемые соответствия между списком под 980 г. и «Сказанием о 12 камнях», поскольку убиенные Глеб (двенадцатое место в летописном перечне) и Святослав (девятое место) не могут быть соотнесены с их порядковыми «двойниками» из текста Епифания — Вениамином и Гадом, которые сами едва не сделались братоубийцами.

В-четвертых, покаянные слова, подобные Дановым, произносит в «Сказании о 12 камнях» и другой сын Иакова — Симеон, «иже имеяше гнев и немилосердие на брата своего Иосифа: хотях бо, рече, прежде убити, но запя ми Господь и разреши ми мочь ручную [но остановил меня Господь]...». По логике Данилевского, эта «нравственная характеристика» должна была бы относиться к первому из двух Мстиславов

(сыну Владимира от Рогнеды), занимающему, как и Симеон, второе место в ряду своих братьев; однако его в покушении на убийство Бориса летопись не винит.

И в-пятых, покаянное признание Дана и Симеона, собственно, мог бы сделать каждый из оставшихся братьев Иосифа, но далеко не все братья и тем более сестры Бориса, Глеба и Святослава.

Таким образом, если в целом роспись сыновей Владимира под 980 г. и перечень сыновей Иакова в «Сказании о 12 камнях» не дают ни малейшего повода для их сопоставления на предмет взаимозависимости, то сходство отдельных деталей обоих источников следует признать случайностью.

В поисках прямых доказательств невинности Святополка некоторые ученые апеллировали к свидетельству «Пряди об Эймунде», главный герой которой, по всей видимости, был реальным историческим лицом. Сага рассказывает, что во время отсутствия Эймунда в Норвегии конунг Олав II Святой, приходившийся ему побратимом, захватил его родовые владения в Уппланде. Вернувшись на родину, Эймунд не стал затевать междоусобицу, а предложил своим людям отправиться за богатством и славой на Русь, «в Гардарики»: «Я слышал о смерти Вальдимара конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое его сыновей, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну — одному теперь досталось больше, чем другим. И зовется Бурицлав тот, который получил большую долю отцовского наследия, и он — старший среди них. Другого зовут Ярицлейв, а третьего Вартилав. Бурицлав держит Кэнугард, а это — лучшее княжество во всей Гардарикй. Ярицлейв держит Хольмгард, а третий — Палтескью и всю область, что сюда принадлежит. Теперь у них разлад из-за владений, и всех больше недоволен тот, чья доля по разделу больше и лучше: он видит урон своей власти в том, что его владения меньше отцовских, и считает, что он потому ниже своих предков. И пришло мне теперь на мысль, если вы согласны, отправиться туда и побывать у каждого из этих конунгов, а больше у тех, которые хотят держать свои владения и довольствоваться тем, чем наделил их отец».

Поступив на службу к Ярицлейву, Эймунд и его викинги дважды помогли ему отбить нападения Бурицлава, который действовал в союзе со «злыми народами» — бьярмами, турками и блокуманами. Когда же Бурицлав нарушил мир в третий раз, норвежцы, по своему почину и с молчаливого согласия Ярицлейва, устроили засаду и убили его. Отрубленную голову Бурицлава торжествующий Эймунд преподнес Ярицлейву как доказательство своего подвига. И тогда «весь народ в стране пошел под руку Ярицлейва конунга».

С тех пор как О.И. Сенковский в 1833 г. опубликовал русский перевод «Пряди об Эймунде», отечественные историки многократно использовали этот источник при освещении междоусобной брани Владимировичей. Сведения саги, естественно, старались как-то увязать с сообщением Повести временных лет. Не вызывало сомнений, что конунг Ярицлейв из Хольмгарда — это Ярослав, на момент смерти отца княживший в Новгороде. В Вартилаве, получившем во владение «Палтескью», видели известного по летописи полоцкого князя Брячислава Изяславича (ум. в 1044 г.), который, правда, был не сыном, а внуком Владимира (имя «Вартилава» образовано от «Вратислав» — западославянского аналога древнерусскому «Брячислав»)³⁷⁷. Считалось, что превращению Вартилава-Брячислава из племянника в брата Ярослава могла способствовать употребительная форма обращения русских князей друг к другу — «брат», или же здесь сказалось «влияние традиционной в фольклоре триады братьев»³⁷⁸. И наконец, третий наследник, Бурицлав, был отождествлен со Святополком, который в борьбе с Ярославом опирался на помощь своего тестя, польского князя Болеслава I Храброго, что, по мнению исследователей, и «послужило причиной замены его имени именем польского короля в форме, знакомой скандинавской литературе»³⁷⁹. При такой интерпретации имен сыновей «конунга Вальдимара» содержание «русского» фрагмента «Пряди об Эймунде» укладывалось в событийную канву Повести временных лет и других памятников без существенных противоречий.

Сложившийся историографический канон нарушил Н.Н. Ильин³⁸⁰. Соглашаясь с тем, что имя Бурицлав, скорее всего, явля-

ется собирательным, поглощающим «всех тогдашних врагов» Ярицлейва/Ярослава, историк, однако, настаивал, что историческим прообразом Бурицлава следует считать не Святополка, а Бориса. Гипотеза эта держится на двух основных аргументах: 1) созвучии имени Бурицлав с полной формой славянского имени Борис — Борислав и 2) утверждении, что описание в саге убийства Бурицлава викингами Эймунда «в ряде существенных подробностей совпадает с убийством Бориса, как о нем повествует «Сказание» (о Борисе и Глебе. — С. Ц.), а за ним и летопись»³⁸¹. Такое прочтение саги лишало Бориса ореола безвинного мученика и перелагало ответственность за его убийство со Святополка на Ярослава.

Выводы Ильина нашли приверженцев в научной среде³⁸². Впрочем, историко-филологическая критика достаточно быстро обнажила полную несостоятельность их базовой аргументации. Случайное фонетическое сходство имен не может служить поводом для отождествления «Бурицлава» с Борисом. В «Пряди об Эймунде» этот персонаж назван старшим братом Ярицлейва/Ярослава, и, кроме того, имя Бурицлав еще несколько раз встречается в сагах именно в качестве аналога славянскому Болеслав, причем во всех этих случаях речь несомненно идет о Болеславе I Храбром³⁸³. Это неоспоримо доказывает, что «Прядь об Эймунде» ведет рассказ о Святополке, «слившемся» со своим союзником, Болеславом I³⁸⁴.

Что касается литературных параллелей сценам убийства Бурицлава и предъявления его отрубленной головы Ярицлейву, то при более детальном исследовании их обнаружили не в Повести временных лет, а в древнескандинавской, западноевропейской, византийской и античной литературах³⁸⁵.

Есть у гипотезы Ильина и непреодолимые хронологические затруднения. Она предполагает, что Эймунд прибыл к Ярославу в 1015 или 1016 г., ибо только в этом случае три схватки Ярицлейва с Бурицлавом можно худо-бедно приурочить к основным вехам борьбы Ярослава со Святополком, которые отмечены в летописи: 1016 г. — битва при Любече, 1018 г. — захват поляками Киева, 1019 г. — поражение Святополка в битве на Альте и его смерть. Но, как справедливо указывает

А.В. Назаренко, подобная датировка приезда Эймунда на Русь «никак не вытекает из текста «Пряди», из которой видно только, что Эймунд покинул Норвегию после того, как Олав Святой там достаточно прочно укрепился, и после смерти на Руси Владимира Святославича. Тем самым речь может идти как о 1016 г., так и о более позднем времени (шаткие идентификации описаний «Пряди» с реальными событиями на Руси в 1016—1019 гг., которые сами нуждаются в доказательствах, не могут, разумеется, служить основанием для датировок). Более того, в «Пряди» определенно сказано, что Эймунд появился в Норвегии после победы короля Олава над пятью упплэндскими конунгами (это событие, согласно внутренней хронологии «Саги об Олаве Святом», произошло зимой 1017/18 г. — С. Ц.)... Эймунд прибыл в Норвегию «немного спустя», а значит, не ранее, чем в 1018 г., и только после совещания со своими сторонниками и сбора дружины, не желая встречи с королем Олавом, удалился на Русь», где он появился, вероятно, только в 1019 г.³⁸⁶ Но в 1018—1019 гг. Борис никак не мог выступать противником Ярослава в борьбе за власть, поскольку был уже давно мертв.

Пожалуй, самый сокрушительный довод против версии Ильина сформулировал В. Кожинов, заметивший, что она не столько обеляет Святополка, сколько вообще исключает его из числа действующих лиц княжеской междоусобицы 1015—1019 гг., «ведь если бы Ярослав в самом деле боролся за власть с Борисом, ему все равно пришлось бы затем, после убийства Бориса, воевать со вторым соперником — Святополком (и его тестем Болеславом)»³⁸⁷. Между тем в «Пряди» Ярицлейв, покончив с Бурицлавом, вступает в конфликт с Вартилавом-Брячиславом. Получается, что этот наидостовернейший, на взгляд Ильина и его последователей, источник ровным счетом ничего не знает о противоборстве Ярослава со Святополком в 1018—1019 гг., надежно засвидетельствованном древнерусскими и иностранными авторами, и даже не подозревает о существовании самого Святополка. Традиционный подход к истолкованию имени «Бурицлав» свободен от данного противоречия, и потому более предпочтителен. Однако и в этом

случае у историков нет причин украшать свои сочинения захватывающими эпизодами приключений Эймунда ввиду того, что «по своему содержанию «Прядь» является не исторической сагой, а чисто литературным произведением»³⁸⁸.

Заглянув в лабиринты и тупики, по которым десятилетиями блуждает научная мысль, обратимся наконец к единственному средневековому тексту, способному пролить свет на подлинную роль Святополка в событиях 1015 г. Это — уже знакомое нам сообщение Титмара Мерзебургского о раскрытии заговора Святополка против Владимира, в результате чего мятежный княжич, его жена и епископ Рейнберн очутились в темнице. «После этого, — продолжает Титмар, — названный король [Владимир] умер в преклонных летах, оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице; впоследствии, сам ускользнув, но оставив там [то есть на Руси] жену, он бежал к тестю [Болеславу I]». И далее немецкий хронист еще раз подтверждает, что после кончины Владимира «власть его делят между собой его сыновья», то есть братья сбежавшего Святополка.

Несмотря на то что эти строки, известные историкам с давних пор, принадлежат современнику описываемых событий, хорошо информированному о происходящем от очевидцев и участников похода Болеслава I на Киев в 1018 г., то есть удовлетворяют всем критериям достоверного источника, их ценность еще не осознана в полной мере. Зачастую даже находят возможным подкрепить ими летописный рассказ о княжении Святополка в Киеве в 1015—1016 гг. и его бегстве «в ляхи» после битвы при Любече³⁸⁹, исходя из убеждения, что слово «впоследствии», которым Титмар покрывает срок, истекший между смертью Владимира и бегством Святополка в Польшу, предполагает достаточно широкие временные рамки, чтобы втиснуть в них изложенные в летописи события. Между тем это не так, и внимательное прочтение сообщения Титмара со всей очевидностью обнаруживает его коренное расхождение с Повестью временных лет.

В самом деле, из слов немецкого хрониста следует, что Святополк не смог принять участия в первоначальном раз-

деле наследства Владимира, так как в момент смерти отца (15 июля 1015 г.) и еще некоторое время после того пребывал в заточении. Власть поделили между собой двое сыновей Владимира — Ярослав и еще кто-то, не названный по имени. Затем Святополку удалось «ускользнуть». Ясно, что действие, выраженное посредством этого глагола, может означать только его побег из тюрьмы, а не уход в изгнание в качестве свергнутого киевского князя, как утверждает летописная повесть о Борисе и Глебе. Отсюда заключаем, что Святополк, не дождавшись освобождения от своих братьев, сумел самостоятельно бежать из темницы, после чего немедленно устремился к польской границе. В последнем убеждает также то обстоятельство, что ему пришлось бросить на произвол судьбы свою жену, которая осталась томиться в заточении. Кроме того, говоря о возвращении Святополка в Киев летом 1018 г., Титмар замечает, что Болеславов зять «долго пребывал в изгнании». Согласимся, что эти слова плохо вяжутся с полуторагодовичным сроком эмиграции, в которую Святополка отправляет летопись после битвы при Любече в конце 1016 г., и под «долгим изгнанием» скорее уж может подразумеваться трехлетнее (считая с 1015 г.) отсутствие Святополка на Руси.

В этой связи полезно также вспомнить еще одно показание Титмара — о том, что летом 1018 г., находясь в Киеве, Болеслав «беззаконно» женился на дочери Владимира и сестре Ярослава Предславе, «которой он и раньше добивался», но безуспешно. Слово «раньше» в данном случае может охватывать промежуток времени между 1013 г., когда скончалась Эмнильда, третья супруга Болеслава³⁹⁰, и февралем 1018 г., когда Болеслав женился четвертым браком на Оде, дочери мейсенского маркграфа Эккехарда (почему немецкий историк и назвал брак Болеслава и Предславы «беззаконным»). Однако если бы Святополк действительно княжил в Киеве с лета 1015 по конец 1016 г., он конечно же постарался бы удовлетворить желание вдового польского князя (как-никак своего тестя и союзника) обзавестись супругой и незамедлительно отправил бы Предславу в Польшу.

Таким образом, Титмар выдает настоящую индульгенцию Святополку, удостоверяя, что в 1015 г. он ни одного дня не княжил в Киеве и, следовательно, был совершенно непричастен к убийству Бориса и Глеба.

Неизвестный наследник Владимира

Кто же в действительности пролил кровь первых русских святых? И что вообще творилось на Руси в ближайшие год-полтора, последовавшие после смерти Владимира? Выше мы убедились, что ни древнерусские, ни скандинавские памятники не в состоянии дать удовлетворительный ответ на эти вопросы. Увы, ничем не может помочь тут и Титмар: его рассказ о переходе власти на Руси в руки двух Владимировых сыновей и бегстве третьего в Польшу завершается напоминанием о грозном евангельском пророчестве: «Всякое царство, разделившееся в самом себе, опустеет» (Мф., 12: 35; Мк., 3: 24; Лк., 11: 17) и призывом ко «всему христианскому миру» молиться, «дабы отвратил Господь от той страны свой приговор»; вновь к русским делам хронист обращается лишь с 1017 г.

Значит ли это, что историки должны отказаться от попыток выяснить истину за недостатком исторических свидетельств? Думаю, что дело обстоит вовсе не так безнадежно. Нужно только отложить в сторону источники, несущие на себе печать литературного происхождения, и принять за отправную точку дальнейшего анализа немногие бесспорные факты. А таковые, по счастью, все же есть.

Вернемся к показанию Титмара об изначальном раскладе политических сил на Руси после Владимировой кончины 15 июля 1015 г. Бегство Святополка в Польшу не исключило его из числа претендентов на власть, но помешало ему принять участие в первичном разделе отцовского наследства. Русскую землю поделили между собой два его брата. Имя одного из них Титмар впоследствии называет. Это — Ярослав, который, по сведениям древнерусских памятников, в 1015 г. княжил в Новгороде. Поэтому владениями другого, безымянного брата, безусловно,

должна быть признана Киевская земля, так как государственное наследство Владимира состояло из двух крупнейших княжеств — киевского и новгородского. Показательно, что для характеристики взаимоотношений наследников Владимира Титмар воспользовался евангельской цитатой о неизбежной гибели разделившегося царства, из чего с несомненностью следует, что Ярослав отказался признать политическое главенство брата, как годом ранее — отца. Немедленный конфликт между ними в том же 1015 г., по-видимому, был отсрочен только благодаря неожиданному восстанию новгородцев, перебивших «варяжских» наемников Ярослава, как о том повествует летопись.

Займемся теперь личностью анонимного держателя киевского княжения. Поиски подходящей кандидатуры несколько осложняются тем, что на момент смерти у Владимира было гораздо больше сыновей, чем указано у Титмара: помимо Святополка и Ярослава, тогда были живы Борис, Глеб и Судислав (исключая из их числа Мстислава, который, скорее всего, был сыном Сфенга). Однако, согласно имеющимся данным, Глеб и Судислав никогда не сидели на киевском столе и, судя по всему, вообще не играли сколько-нибудь заметной политической роли в событиях 1015—1016 гг., почему, надо полагать, их существование и осталось для Титмара тайной³⁹¹. Так что соправителем Ярослава в 1015 г. не мог быть никто другой, кроме Бориса, чье имя в качестве законного наследника Владимира было объявлено киевлянам, вероятно, еще при жизни крестителя Руси. Несовершеннолетний Глеб, по всей видимости, находился в Киеве, при старшем брате.

Но киевское княжение Бориса продолжалось недолго. Титмар косвенным образом подтверждает известие древнерусских памятников о его смерти в 1015 г., поскольку в его хронике начиная с 1017 г. Ярослав уже именуется «королем Руси», а второй владелец Владимiroва наследства больше не упоминается. Захоронение Бориса и Глеба в Вышгороде свидетельствует в пользу того, что оба они погибли в Киеве или где-то поблизости, в пределах Киевской земли³⁹².

В первом приближении круг лиц, на которых может пасть подозрение в покушении на жизнь Бориса и Глеба, выглядит

довольно широким, ибо в смерти сыновей Владимира от византийской «царицы» были заинтересованы, собственно говоря, все остальные представители династии, искатели киевского стола. Но предъявить конкретное обвинение в устранении соперников логичнее всего тому из них, кто наследовал убитому Борису княжение в Киеве в 1015—1016 гг. Проблема, стало быть, заключается в том, чтобы определить, кому в это время принадлежала власть над Киевом.

Историческая наука вот уже больше ста лет располагает археологическими материалами, из которых явствует, что его крестильное имя было Петр — именно оно (в формах «Петрос» и «Петор») значится на 17 из 240 обнаруженных на сей день древнерусских монет первой трети XI в., отмеченных именами князей, обладателей киевского стола в данный период времени (на остальных монетах отчеканены имена Владимира, Святополка и Ярослава)³⁹³.

Не подлежит сомнению, что выпуск сребреников с именем Петр мог производиться лишь суверенным держателем киевского княжения, который один со времен Владимира обладал в Русской земле исключительным правом на денежную эмиссию³⁹⁴. Столь же очевидно, что временем их чеканки необходимо признать «темные» для нас 1015—1016 гг., так как остальные годы первой трети XI в. совершенно точно распределяются между княжениями в Киеве других государей, чьи имена хорошо известны, — Владимира, Святополка и Ярослава.

Вместе с тем существующие исторические свидетельства не позволяют идентифицировать личность этого Петра как одного из сыновей Владимира. Прежде всего это относится к Борису, церковное имя которого было Роман. В.Л. Янин своим научным авторитетом дал жизнь весьма неудачной гипотезе, усматривающей в загадочном антропониме «Петрос»/«Петор» крестильное имя Святополка³⁹⁵. Против этого имеется сразу несколько возражений. Первое состоит в том, что на Руси XI—XII вв. сферы использования князьями своих мирских и церковных имен были строго разграничены. Как показывают соответствующие наблюдения, в том числе и над древнерусским нумизматическим материалом, главным именем князей было их мирское, «княжое» имя,

употребляемое в повседневном обиходе и государственных документах, а данное им при крещении церковное употреблялось главным образом при упоминании их кончины и вообще в официальных актах, связанных с религиозной стороной жизни, — записях о рождении и крещении, завещаниях и т. д.³⁹⁶ Поэтому выпуск монет с церковным именем князя совершенно не вписывается в обычную государственную практику древнерусских властей. Тем более невозможно допустить, чтобы Святополк чеканил сребреники сразу под двумя своими именами — мирским и церковным отдельно (а не совмещая их на одной монете), что представляется абсурдом с любой точки зрения.

Возражение второе основывается на сравнительном анализе изображений личных княжеских знаков, нанесенных на монеты с именами Петроса/Петора и Святополка, — между ними имеется целый ряд отличий, практически исключающих их принадлежность одному и тому же владельцу³⁹⁷.

Третий аргумент — хронологический. Святополк, возведенный Болеславом на киевский престол в конце лета 1018 г. и свергнутый Ярославом уже в 1019 г., просто не имел времени для эмиссии трех типов монет (с именами Святополк, Петрос и Петор)³⁹⁸.

Еще меньше оснований прилагать имя Петрос к кому-либо из остальных членов княжеской семьи. Ярослав в крещении был наречен Георгием, Мстислав — Константином. Церковные имена Судислава и Владимирова внука Брячислава неизвестны, но ни один из них в первой трети XI в. не княжил в Киеве³⁹⁹.

Так, метод исключения выводит нас на фигуру последнего ближайшего родственника Владимира, который действительно мог, сидя в 1015—1016 гг. на киевском столе, чеканить монеты с именем Петрос. Необъяснимым образом историки никогда не принимали его в расчет, говоря о междоусобии Владимировичей, хотя краткое сообщение о нем в хронике византийского историка Скилицы (продублированное в компилятивном сочинении Кедрина) отмечает военно-политическую активность этого «брата Владимира» именно в 1016 г. Мы на этих страницах, наоборот, старались не упускать его из виду. Напомню, что речь идет

о Сфенге — третьем и, по-видимому, младшем брате Владимира. Согласно нашему предположению, при жизни старшего брата Сфенг княжил в Тмутороканской Руси, что хорошо согласуется с известием Скилицы—Кедрина и делает понятным молчание о нем древнерусских памятников.

Существуют две основательные причины считать Сфенга наследником Бориса на киевском столе, захватившим власть в Киеве летом—осенью 1015 г. и удерживавшим ее до конца 1016 г. Во-первых, он обладал неоспоримым правом на великое княжение, так как при замещении умершего главы рода дядя имел преимущество старшинства перед племянником. А во-вторых, — и это главное, — Скилица и Кедрин свидетельствуют, что в 1016 г. византийское правительство обратилось именно к нему за военной помощью против восставших крымских провинций. Данное обстоятельство имеет силу решающего аргумента, ибо из русско-византийских договоров Игоря и Святослава явствует, что охрана «страны Корсунской» от набегов черных булгар и иных неприятелей вменялась в обязанность великому князю русскому, то есть держателю киевского княжения, который таким образом получал статус официального союзника империи в Северном Причерноморье: «А о сих, иже то приходять Чернии Болгарове, и воюють во стране Корсунстей, и велим князю русскому да их не пускаеть пакостить стране той... Аще ли хотети начнеть наше царство [Византия] от вас вои на противящихся нам, да пишуць к великому князю вашему, и послеть к нам, елико хощеть: и оттоле увидят иныя страны, какую любовь имеют Греки с Русью» (договор Игоря); «Яко николи же помышлю на страну вашу и елико есть под властью гречьскою, ни на власть [волость] Корсунскую и елико есть городов их... Да аще ин кто помыслить на страну вашу, да и аз буду противен ему и борюся с ним» (договор Святослава).

Это значит, что в 1016 г. Византия отводила Сфенгу роль суверенного «архонта Росии» и законного правопреемника предыдущих великих русских князей — субъектов двухсторонних договоров между обеими странами. Тогда уже ничто не мешает заключить, что монеты «Петроса» принадлежат Сфенгу. То

обстоятельство, что он вступил на киевский стол под своим церковным именем, хотя и противоречит отмеченной выше древнерусской традиции использования князьями своего мирского имени в качестве официального, но может считаться вполне естественным для лица, прошедшего большую часть жизни в «русской» Таврике, где влияние византийского христианства на повседневный обиход «варваров» было несравненно сильнее. Например, известно, что тмутороканский князь Мстислав первым из русских князей нарек своего сына уже только одним христианским именем — Евстафий. На личной печати крымского противника Сфенга — «хазарского царя», а судя по фамилии, этнического болгарина (тюрка, может быть, из черных булгар) — тоже выбито одно его христианское имя: «Георгий Цуло»⁴⁰⁰.

Реконструкция событий 1015—1016 гг.

Остается связать воедино данные, полученные в ходе сделанного выше анализа, чтобы восстановить хотя бы в общих чертах политическую суть событий 1015—1016 гг.

Объявив Бориса своим наследником, в обход существовавшей традиции передачи власти в порядке родового старшинства, Владимир столкнулся с тайной и явной оппозицией своих старших сыновей. Против ослушников отцовской воли были приняты самые крутые меры: Святополк был брошен в темницу, а на подавление мятежа Ярослава, который своим отказом выплачивать урочную дань Киеву фактически провозгласил полную независимость новгородского княжения, Владимир готовился послать целое войско, может быть во главе с тем же Борисом. Внезапная болезнь, уложившая Владимира в постель, заставила его отложить поход, а смерть князя, случившаяся 15 июля 1015 г., окончательно избавила Ярослава от неминуемого возмездия.

В этой обстановке и произошел раздел «наследства» Владимира между двумя его сыновьями, о котором пишет Титмар. Борис сел на киевском столе, Ярослав остался княжить в Нов-

городе. Раздел этот не был следствием полюбавной сделки братьев, а лишь закреплял политическую ситуацию, сложившуюся в последний год жизни Владимира, когда Ярослав вывел Новгород из подчинения киевскому князю. Не получивший своей доли Святополк «ускользнул» из тюрьмы и бежал в Польшу. Как повели себя остальные Владимировичи, можно говорить только предположительно. Глеб, должно быть, подчинился своему старшему брату Борису. Судислав, по видимому, признал старшинство Ярослава и получил княжение в Пскове. Внук Владимира Брячислав Изяславич обособился в своем полоцком уделе. Для него путь к киевскому столу был закрыт навеки, потому что его родитель, князь Изяслав Владимирович, умер еще при жизни Владимира, так и не успев стать «отцом» (старшиною рода) для своих братьев. Дети таких преждевременно умерших князей причислялись к категории *изгоев* и считались по родовому счету пожизненными «внуками» (то есть собственно «юнуками», младшими), навсегда исключенными из старшинства. Они получали в наследственное владение *отчину* — достояние своего отца, теряя вместе с тем право продвигаться естественным путем к родовому старшинству и великому княжению⁴⁰¹.

Что до Мстислава, то источники вовсе не находят ему места в событиях 1015—1016 гг. Гипотеза о том, что его отцом был Сфенг, удовлетворительно объясняет это обстоятельство — черед Мстислава заявить о своих претензиях на киевский стол просто еще не настал.

Схватка Бориса с Ярославом за первенство, вероятно, стояла на повестке дня. Маховик войны был запущен еще в 1014 г. («хотящую Володимеру ити на Ярослава»), и летом 1015 г. оба противника, вероятно, располагали снаряженным и готовым к выступлению войском. Но обстановка менялась стремительно. Ярослав в одночасье потерял свою «варяжскую» дружину, перебитую восставшими новгородцами. Борис же, вместо похода на север, был вынужден обратиться лицом к югу, откуда возникла непредвиденная угроза. Против него поднялся родной дядя, тмутороканский князь Сфенг, который предъявил свои права на киевский стол.

Борис был повержен не позже осени 1015 г. (отсутствие древнерусских монет с его именем служит еще одним доказательством краткости его правления). Прояснить обстоятельства гибели Бориса и Глеба, по всей видимости, вряд ли когда-нибудь удастся. Они могли пасть в бою или стать жертвой подосланных убийц; а если довериться известию «Сказания о Борисе и Глебе», что при вскрытии гроба с мощами братьев на их телах не было обнаружено ран, то нельзя исключить версию отравления.

Во всяком случае, Борис и Глеб погибли совсем не потому, что не захотели поднять руки на брата старейшего, как утверждает летописно-житийная традиция. Подлинная причина их военно-политического поражения, приведшего к трагическому финалу, заключалась в том, что киевляне отказались поддержать младших сыновей Владимира, пускай и происходивших «от благого корени» византийских царей, в борьбе с их дядей, на стороне которого стоял вековечный обычай наследования. Тверская летопись сохранила свидетельство неприязненного отношения киевлян к сыновьям греческой «царицы»: когда в Киев прибыла ладья с телом Бориса, «киане же не прияша его, но отпнухуша прочь». Показателен и тот факт, что убиенные князья были похоронены не в киевской Десятинной церкви, рядом с их родителями, а в Вышгороде. По сообщению «Сказания о Борисе и Глебе», место их захоронения не пользовалось почитанием и было совершенно заброшено, так что уже какой-нибудь десяток лет спустя мало кто из киевлян и даже вышгородцев знал, чьи кости покоятся в ограде храма Святого Василия.

Сейчас уже невозможно установить, какая доля ответственности за пролитие крови Бориса и Глеба лежит лично на Сфенге. Несомненно, однако, что борьба за власть велась с крайним ожесточением и проигравшие имели серьезные основания опасаться за свою жизнь. Пример Святотолка, который предпочел искать спасение в эмиграции, не единственный. Скилица извещает, что вскоре после смерти Владимира Русскую землю спешно оставил еще один родственник Владимира. По его словам, некто Хрисохир,

«какой-то сородич умершего [Владимира], привлекая к себе 800 человек и посадив их на суда, пришел в Константинополь, как будто желая поступить на военную службу. Но когда император потребовал, чтобы он сложил оружие и только в таком виде явился на свидание, то он не захотел этого и ушел через Пропонтиду. Прибыв в Абидос и столкнувшись со стратигем [Пропонтиды], он легко его одолел и спустился к Лемносу. Здесь [он и его спутники] были обмануты притворными обещаниями, данными начальником флота Кивирреотом и Давидом из Охриды, стратигем Самоса, да Никифором Кавасилой, дукой Солунским, и все были перебиты».

Приведенное Скилицей греческое прозвище русского вождя (Хрисохир, то есть буквально «Щедрая рука») и неопределенность его родственных связей с Владимиром («какой-то сородич») затрудняют установление личности этого человека. Вряд ли это был кто-то из известных нам лиц. Вероятнее всего, Хрисохир состоял с Владимиром во второй или третьей степени родства, вследствие чего и не попал на страницы русских летописей. Тем не менее он был довольно влиятельной фигурой. Об этом свидетельствует численность его дружины — 800 человек. Это весьма значительное число для того времени. Летописец оставил известие, что в 1093 г. киевский князь Святополк Изяславич чувствовал себя непобедимым, имея в личной дружине 800 отроков. Решив выступить на половцев, он ободрял колеблющихся: «Имею отрок своих осьмсот, иже могут противу им стати». Возможно, Хрисохир был воеводой убитого Бориса, а может быть, под этим прозвищем в сообщении византийского хрониста мелькнул еще один, оставшийся неизвестным истории претендент на киевский стол.

Важно другое. Хрисохир ведет себя как готовый на все ловец удачи в чужих краях. Брезгуя императорской службой, он при каждом удобном случае пускается в откровенный разбой и совсем не заботится о том, что это закрывает ему обратный путь на родину через византийские владения. Создается впечатление, что этот «сородич» Владимира ощущал себя

отрезанным ломтем, изгоем, которому заказано возвращение домой. По-видимому, Хрисохир был одним из многих родственников покойного князя, близких и дальних, кто вдруг почувствовал себя на Руси очень неудобно.

После победы над Борисом у Сфенга оставалось достаточно времени, чтобы до прекращения навигационного сезона на Черном море поставить в известность византийское правительство о произошедшей в Киеве смене власти⁴⁰². Поэтому, когда в 1016 г. в Крыму возникли волнения, угрожавшие империи потерей Херсона, Василий II призвал Сфенга во исполнение русско-византийского договора о военном союзе оказать помощь имперским войскам, посланным на подавление мятежа.

Политическая суть крымских беспорядков 1016 г. до конца не ясна. Знаем только, что восстание возглавил некий Георгий Цуло. Византийские историки называют его «хазарским царем». Однако надпись на сохранившейся печати Цуло гласит, что он был «царским протоспафарием и стратигом Херсона». По всей видимости, в 1016 г. Херсон захлестнула очередная волна сепаратистских настроений, поддержанная (или, может быть, вызванная) городским стратигом. Учтя печальный опыт предыдущих восстаний, Георгий Цуло постарался заручиться поддержкой населения Восточного Крыма и приазовских земель, где проживали бывшие подданные Хазарии — караимы (христианизированные хазары), черные булгары и др. Похоже, что ему удалось привлечь их на свою сторону и даже провозгласить себя главой возрожденного каганата. Если дело обстояло именно так, то у Сфенга были свои причины вмешаться в происходящее. Как мы помним, со второй половины 80-х гг. X в. крымско-азовские хазары платили дань русскому князю, принявшему титул кагана. Таким образом, восстание Георгия Цуло поставило под угрозу не только византийское, но и русское влияние в Северном Причерноморье.

Политическая химера херсонского стратига просуществовала всего несколько месяцев. Летом или в начале осени 1016 г. с самопровозглашенным хазарским царьком было покончено.

По словам Скилицы—Кедрина, Василий II «послал в Хазарию флот под началом Монга, сына Андроника, который при помощи Сфенга, брата Владимира, того самого, супругой которого была сестра сего императора, покорил эту страну, пленив в первом сражении хазарского царя Георгия Цуло». Как явствует из этого сообщения, решающее сражение произошло где-то у побережья Восточного Крыма или Таманского полуострова (в «Хазарии»), то есть в непосредственной близости от русских владений в Тмуторокани, вероятно выполнявших роль операционной базы для действий союзного русско-византийского флота. Помощь Сфенга позволила Византии не только восстановить, но и расширить сферу своего влияния в Крыму, включив в состав Херсонской фемы Сугдею⁴⁰³.

Тем временем Ярослав, воспользовавшись отсутствием Сфенга, повел новгородское ополчение на Киев⁴⁰⁴. Не берусь сказать с уверенностью, можно ли считать летописный рассказ под 1016 г. о битве при Любече подлинным историческим свидетельством с той поправкой, что настоящим противником Ярослава тогда был не Святополк, а Сфенг⁴⁰⁵. В пользу такого развития событий как будто говорит беглое метеорологическое замечание летописца, что сражение происходило «в замороз», хорошо согласующееся с вероятным сроком возвращения Сфенга на Русь из крымского похода, — конец осени; достаточно правдоподобным выглядит и участие в битве печенегов, с которыми Сфенг на обратном пути из Крыма в Киев легко мог войти в сношения и привлечь на свою сторону. Но даже если летописная статья о Любечской битве и принадлежит всецело литературе, то все равно едва ли можно сомневаться в том, что Сфенг уступил киевский стол Ярославу после жестокого военного конфликта, в ходе которого он был либо убит, либо навсегда покинул Русь. Никаких известий о нем больше не имеется.

В конце 1016 или в начале 1017 г. Ярослав сел победителем на столе «отъне и дедни». С этого момента история междоусобицы сыновей Владимира получает наконец более или менее прочную документальную основу.

Глава 2

КНЯЗЬ БОЛЕСЛАВ И «СЕНЬОР» СВЯТОПОЛК

Ярослав в Киеве

Вступление Ярослава в Киев ознаменовалось большим пожаром, уничтожившим часть города и несколько храмов. «Ярослав ввоиде в Киев, и погореша церкви», — коротко замечает летопись под 1017 г. Ничто, однако, не указывает на то, что пожары в городе возникли вследствие военных действий или бесчинств новгородского войска. Титмар, который тоже знает о «сильном» киевском пожаре 1017 г., пишет, что киевский собор Святой Софии (возведенный еще Ольгой) сгорел тогда «по несчастному случаю»⁴⁰⁶. Причиной пожара была, вероятно, какая-нибудь злосчастная «свечка», от которой неоднократно горела дотла не только Москва, как утверждается в известной поговорке, но и подавляющее большинство древнерусских городов.

Ярослав не оставил киевлян в беде. По-видимому, из княжеской казны были отпущены значительные средства для восстановления Киева и его христианских святынь. От Титмара знаем, что собор Святой Софии к лету 1018 г. был уже заново отстроен⁴⁰⁷.

Ярослав старался, конечно, неспроста. Его положение в Киеве было довольно шатким, так как он пока еще не являлся старшим в княжеском роду. Правда, изгнав из Киева родного дядю, Ярослав доказал свое право на киевский стол, ибо битва, по понятиям века, считалась судом Божиим. Однако в Польше укрывался Ярославов брат, и, что хуже всего, это был старший брат. И хотя изгнание, почитавшееся небесной карой за грехи, временно лишило Святополка прав старшинства, оно отнюдь не исключило его бесповоротно из числа претендентов на киевский стол, ведь если «изгнанный князь силою оружия возвращал свое право, свою волость, то в этом видели возвращение к нему благосклонности Божией, прощение греха»⁴⁰⁸. А в 1017 г. Святополк как раз готовился вернуть себе Божие благоволение. Поэтому Ярославу было крайне важно заручиться поддержкой киевлян в преддверии неизбежного столкновения со старшим братом.

Позиция Польши и Германии

Положение Ярослава осложнялось тем, что ему фактически предстояло вести войну с Польшей, которая в первой четверти XI в. превратилась в одно из могущественнейших государств Восточной Европы. Своим возвышением Польша была обязана Болеславу I, положившему жизнь на то, чтобы усилить польскую державу за счет ослабления всех соседних стран. Болеслав вззошел на престол Пястов, изгнав четырех своих младших братьев из их уделов и ослепив двух других родственников. Объединив таким образом Польшу под своей властью, он с конца 90-х гг. X в. начал активно вмешиваться в дела соседей, всячески подогревая и раздувая их внутренние раздоры и смуты. Будучи искусственным политиком и человеком незаурядного ума («бяхе смыслен» — характеризует его политические способности наш летописец), Болеслав отлично понимал историческую задачу, стоявшую перед Польшей, — дать отпор немецкому натиску на славянский восток. Но вместо того, чтобы привлечь к себе окрестные славянские народы миролюбивой политикой, Болеслав предстал перед ними в образе завоевателя, едва ли не худшего, чем немцы. Он неоднократно тревожил поморских славян, разорял Чехию и Моравию, наводил на Русь печенегов, а в 1013 г. и сам опустошил русские земли. Так, при самом зарождении государственного бытия Польши обнаружилась коренная неспособность поляков возглавить дело славянского единения.

Начало русской междоусобицы пришлось на время очередного обострения отношений Болеслава с германским императором Генрихом II (1002—1024). Став по условиям Мерзебургского мира 1013 г. вассалом Генриха, Болеслав уклонился от участия в походе имперского войска на Рим (1014) и вступил в сношения с противниками императора в Чехии. Вследствие этого Генрих, вернувшись из Италии, летом 1015 г. объявил вероломному вассалу войну, которая помешала Болеславу оказать немедленную помощь Святополку. Германский фронт остался для польского князя главным и в 1016 г. Он деятельно укреплял западные рубежи Польши, не шел ни на

Польский король Болеслав I Храбрый.

Рис. из книги А. Гваньини «Описание Европейской Сарматии»

какие уступки и вел себя, по словам Титмара, чрезвычайно вызывающе.

До сих пор у Болеслава не было повода беспокоиться за свой восточный тыл, так как у наследников Владимира хватало других забот, нежели затевать заварушку на русско-польской границе. Но вокняжение в Киеве Ярослава заставило его задуматься над кардинальной перегруппировкой своих сил. Восстановление политической целостности Русской земли сулило Болеславу крупные неприятности, ибо Ярослав, как никто другой, был заинтересован в военно-политическом ослаблении Польши, которая одна только и могла доставить Святополку необходимые средства для борьбы за киевский стол.

В 1017 г. случилось худшее из того, чего мог опасаться польский князь. Генрих II и Ярослав, как и подобает естественным союзникам, протянули друг другу руки и заключили военный союз против Польши. Надо отдать должное Болеславу — в этой критической для него ситуации он не потерял присутствия духа и сумел расстроить замыслы своих врагов. Сначала он пустил в ход дипломатические увертки, мороча императору голову призрачной надеждой на мирное завершение конфликта и одно-

Символическое изображение коронации Генриха II

временно выпрашивая у киевского князя руки его сестры Предславы. Ярослав ответил твердым отказом, Генрих колебался, но так или иначе Болеслав добился своего: в стане его противников возникло некоторое замешательство.

В результате, когда летняя кампания все-таки началась, союзники не сумели согласовать совместные действия. Генрих выступил против Болеслава первым, потерпел неудачу и в октябре—ноябре, так и не дождавшись вестей от Ярослава, дал согласие на заключение перемирия с Польшей. Только затем, пишет Титмар, он узнал, «что король Руси, как и обещал ему через своего посла, напал на Болеслава, но, овладев [неким] городом, ничего более там не добился»⁴⁰⁹. Сверяя это известие с сообщением Новгородской I летописи о том, что в 1017 г. «Ярослав иде к Берестию», можно заключить, что Брест, вероятно, и был тем городом, взятием которого ограничились военные успехи Ярослава⁴¹⁰. Вместо того чтобы идти вперед на соединение с Генрихом, он должен был поспешить на выручку собственной столице, под стенами которой неожиданно вырос печенежский табор. Нападение печенегов на Киев в 1017 г.⁴¹¹, несомненно, было частью стратегического плана Болеслава по разъединению германо-русской коалиции. Киевляне продержались в осаде до подхода княжеского войска. С прибытием Ярослава было решено дать печенегам сражение. «Злая сеча» продолжалась весь день, «и едва к вечеру одоле Ярослав». Печенеги были разгромлены наголову, множество их потонуло в Сетомле (приток Почайны) во время бегства.

Неудача сломила Генриха. Император расторг союз с Ярославом. 30 января 1018 г. в Будишине (Баутцене) был подписан польско-немецкий мирный договор. Несмотря на одержанную победу, Болеслав не стал раздражать Генриха какими-то новыми требованиями, удовольствовавшись подтверждением своих ленных прав на Лужицкую и Мейсенскую марки, приобретенные им по Мерзебургскому договору 1013 г. Сверх того он почел за благо породниться с саксонской знатью и через несколько дней после заключения Будишинского мира, даже не дождавшись окончания Великого поста, женился (в четвертый раз) на дочери мейсенского маркграфа Эккехарда Оде,

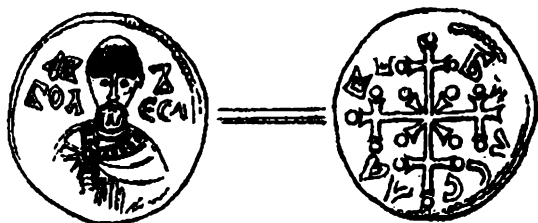

чем вызвал строгое нареkanie со стороны Титмара, нашедшего, что неуместная поспешность польского князя не позволяет осенить данный брак церковным благословением.

Вассальная клятва Святополка

Похоже, что на переговорах в Будишине не был обойден вниманием и русский вопрос. Болеслав, кажется, добился от Генриха прямой санкции на военные действия против Ярослава, тем самым превратив свой будущий поход на Киев в официальное предприятие Священной Римской империи. На это указывает как участие в русском походе 1018 г. крупного немецкого отряда, так и последующее сообщение Титмара, что, уже находясь в Киеве, Болеслав отправил посольство «к нашему императору, чтобы и далее заручиться его благосклонностью и поддержкой, уверяя, что все будет делать *согласно его желаниям*».

Святополк, со своей стороны, видимо, тоже предоставил залог верности императору. В чем это выразилось, можно догадаться по титулатуре Болеславова зятя в сочинении Титмара. Дело в том, что если Ярослава немецкий хронист последовательно именует *rex* — «король», то по отношению к Святополку он столь же неизменно пользуется термином довольно неопределенного содержания *senior*, то есть что-то вроде «господин». Что стоит за этим различием, поясняет А.В. Назаренко: «Применение к древнерусским князьям, причем необязательно только киевским, титула *rex* — обычная практика западноевропейских латинских источников... Учитывая, что и Титмар, и другие немецкие источники его времени регулярно титулуют польских, чешских, полабских князей *dux* (титлом принятым для немецких герцогов), некоторые историки усматривали в титуле *rex* признание могущества Руси. Такое мнение выглядит слишком прямолинейным. Несомненно, с титулом *rex* у Титмара ассоциируется некоторая сумма политической власти... Но не этот момент был определяющим. Помимо Владимира и Ярослава, титул *rex* в хронике применяется к английским королям, венгерскому

Монета Болеслава I

королю Иштвану (Стефану) I, скандинавским конунгам, причем не только известным королям объединенной Дании X — начала XI в. Харальду Синезубому и Свену Вилобородому, но и местным конунгам. Легко прийти к выводу, что *dux* (или, реже, *senior*) Титмар именует правителя, включенного в политико-юридическую систему Германской империи (полабские и чешские князья, равно как и польские — по крайней мере, применительно к части своей территории — с точки зрения немецкой стороны были вассалами Империи), тогда как *rex* — напротив, находившегося вне этой системы. Таким образом, различие проведено не по принципу политического могущества, а по принципу суверенитета»⁴¹². Если наблюдения известного медиевиста верны, то это значит, что Святополк, пускай и формально, согласился на то, чтобы получить княжение в Русской земле из рук императора в качестве лена, то есть на правах имперского вассала.

Неизвестно, что чувствовал Болеслав, демонстрируя вассальную покорность императору и нарушая в угоду сиюминутным целям церковные обычаи; но «сеньор» Святополк, должно быть, ликовал, ибо все это означало только одно: его польский тесть наконец-то выступает на Киев.

Поход поляков на Киев

Предстоящая схватка была нелегким испытанием для обеих враждующих сторон. Первую половину 1018 г. Ярослав и Болеслав провели в лихорадочных военно-дипломатических при-

готовлениях. Не рассчитывая больше на помощь германского императора, Ярослав заключил династический союз с датско-английским королем Кнудом I Могучим, который, по сообщению немецкого хрониста второй половины XI в. Адама Бременского, «отдал свою сестру Эстрид⁴¹³ замуж за сына короля Руси». Предположительно этим сыном Ярослава мог быть Илья, эпизодически упомянутый в Новгородской I летописи (по Комиссионному списку)⁴¹⁴. В 1018 г. Кнут, завоевавший за два года перед тем владения английского короля Этельреда II, наследовал своему умершему соправителю, старшему брату Харальду, и объединил под своей властью Англию и Данию. Мощный англо-датский флот был способен причинить немалый ущерб балтийскому побережью Польши. Но Болеслав опять не дал союзникам времени договориться о совместном выступлении.

Сам польский князь успел сколотить против Русской земли широкую военную коалицию. Его собственные силы составляли, по всей видимости, три-пять тысяч человек⁴¹⁵. К этому войску Болеслав смог присоединить, согласно данным Титмара, вспомогательный немецкий отряд из трех сотен воинов⁴¹⁶ и наемную конницу — 500 венгров и 1000 печенегов.

Военные действия открылись в середине лета 1018 г. По-видимому, Ярослав с прошлой осени стоял в Берестье, не распуская полков, потому что решающее сражение произошло 22 июля, прямо на русско-польской границе. Повесть временных лет и Титмар описывают его ход примерно одинаково. Летописец говорит, что противники «сташа оба пол» Западного Буга (у Титмара Болеслав и Ярослав «по взаимному соглашению» сходятся на берегах «некоей реки»). В ожидании битвы поляки и русские вступили в перебранку, которая неожиданно переросла в побоище, закончившееся печально для Ярослава. По древнерусским известиям, невольным виновником поражения явился Ярославов «воевода и кормилец» Будый, или Буды. Увидев на том берегу грузного Болеслава, с трудом державшегося в седле, он крикнул ему: «Да то ти прободем трескою [копьем] череву твою толстую». Уязвленный Болеслав обратился к своей дружине: «Аще вы сего укора не жаль, аз един погыну [погибну]». С этими словами он

Польские воины XI—XIII вв. на печатях польских королей и князей

пустил своего коня в воду, а за ним бросились в реку остальные поляки. Опешивший Ярослав не успел «исполчиться» и был побежден.

Похожую картину рисует и Титмар, с той разницей, что у него более изощренными ругателями выступают поляки, которые, «дразня близкого врага, вызвали [его] на столкновение, [завершившееся] нечаянным успехом, так что охранявшие реку [русские] были отброшены. Узнав об этом, Болеслав ободрился и, приказав бывшим с ним немедленный сбор, стремительно, хотя и не без труда, переправился через реку. Вражеское войско, выстроившись напротив, тщетно старалось защитить отечество, ибо, уступив в первой стычке, оно не оказало больше серьезного сопротивления. Тогда пало там бесчисленное множество бегущих, победителей же — немного».

В Повести временных лет последствия разгрома русского войска представлены даже еще более сокрушительными: Ярослав будто бы убежал в Новгород всего с четырьмя спутниками. Однако Титмар свидетельствует, что после сражения на Буге Ярослав с остатками войска отступил не на север, к Новгороду, а на восток — к Киеву, так как, по словам хрониста, Болеслав «преследовал разбитого врага», двигаясь по направлению к русской столице.

Немецкий рыцарь XI в.

Отступая, Ярослав мог убедиться, что вся Русская земля, от Волыни до Среднего Поднепровья, больше не признавала его своим князем. Божие благоволение теперь почивало на Святополке, перед которым русские грады радушно открывали свои

ворота. После битвы на Буге дальнейшее продвижение Болеслава к Киеву превратилось в триумфальное шествие. «Жители, — пишет Титмар, — повсюду встречали его с почестями и большими дарами».

В столь неблагоприятных для себя условиях Ярослав не решился отстаивать Киев и при приближении поляков бежал из города, бросив на попечение победителя всю свою женскую родню — «мачеху», девять сестер и даже жену. Но вскоре он «силой захватил какой-то город, принадлежавший тогда его брату, а жителей увел [в плен]»⁴¹⁷. Значит, несмотря на поражение, у него оставалось еще достаточно сил для нанесения чувствительных ударов по врагу.

Сторонники Ярослава в Киеве пытались организовать сопротивление, но безуспешно. «Хотя жители и защищали его [Киев], — повествует Титмар, — однако он быстро был сдан иноземному войску: оставленный своим обратившимся в бегство королем, он 14 августа принял Болеслава и своего долго отсутствовавшего господина (senior) Святополка, благорасположение к которому⁴¹⁸, а также страх перед нашими обратили [к покорности] весь тот край»⁴¹⁹.

В недавно восстановленном после пожара Софийском соборе польского князя и его зятя «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием встретил архиепископ этого города». Вероятно, это был корсунский епископ Анастас, настоятель кафедральной Десятинной церкви⁴²⁰. По сообщению Повести временных лет, он сделался ближайшим доверенным лицом Болеслава, который «вверился ему лестью». Титмар со своей стороны говорит, что именно «архиепископу Киева» Болеслав впоследствии поручил вести переговоры с Ярославом.

Болеслав I в Киеве

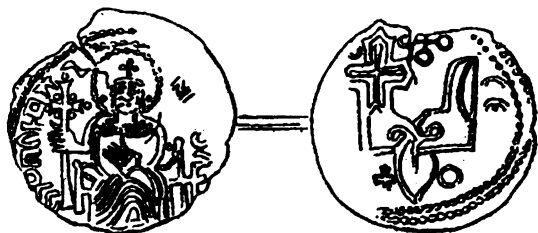
Невзирая на присутствие Святополка, Болеслав распоряжался в Киеве как у себя дома. Он наложил руку на «немыслимые сокровища» княжеской казны, «большую часть которых», по сведениям Титмара, «он раздал своим иноземным сторонникам,

а кое-что отправил на родину», и разослал посольства от своего имени к Ярославу и византийскому императору. Первого он просил вернуть его дочь (супругу Святополка, которая, как видно, находилась в заложницах у Ярослава), обещая взамен выдать Ярославову жену и прочих захваченных женщин из великокняжеского рода. Василию II польский князь сулил выгоды, «если тот будет [ему] верным другом; в противном же случае — так он заявил — он станет неколебимым и неодолимым врагом [греков]».

Какой исход имели эти предложения, доподлинно неизвестно. Ярослав, кажется, согласился на обмен. Ввиду того факта, что его первая супруга, еще относительно молодая женщина, была погребена в новгородском храме Святой Софии, можно предположить, что она была доставлена в Новгород, где и умерла в том же 1018 или в начале 1019 г., не выдержав тягот плена и дальней дороги — вещь довольно обыкновенная в то время.

Швыряя горстями своим наемникам золото из княжеских погребов и выставляя себя перед греками хозяином Русской земли, Болеслав со всем тем желал оставаться в глазах Святополка и киевлян верным другом и союзником. Для этого он вступил в еще более тесное свойство со своим зятем, женившись (в пятый раз) на одной из его сестер — Предславе. Пятая свадьба польского князя, да еще при его живой германской жене Оде, выглядела непристойным фарсом, почему поздние польско-русские летописцы и представили дело в таком свете, что Болеслав сделал Предславу своей наложницей. Например, Галл Аноним утверждает, что дочь Владимира соединилась с Болеславом «не законным браком, а только один раз как наложница, дабы тем самым была отомщена обида, [нанесенная] нашему народу». Но придавать особое значение этому свидетельству незачем, ибо в сочинении Галла Анонима Болеслав и начинает войну с Русью затем, чтобы отомстить за оскорбление, которое ему нанес Ярослав, отказавшись выдать за него замуж свою сестру. Таким образом, насилие польского князя над Предславой является «ударной» литературной концовкой этой истории. В ряде древнерусских летописных сводов XIV—XVI вв. приводится известие о том, что «Болеслав положи себе на ложи Передславу,

Монета князя Святополка

дщерь Володимерю, сестру Ярославлю», а уходя из Киева, «поволочи» ее с собою. Последнее обстоятельство, во всяком случае, удостоверяет, что Предслава не была жертвой минутной прихоти Болеслава, который, очевидно, имел на нее долгосрочные виды. Поэтому Титмар, по всей вероятности, не ошибся, назвав отношения Болеслава с дочерью Владимира браком, хотя и неканоническим: «на одной из них [имеются в виду девять сестер Ярослава], которой он и раньше добивался, незаконно, забыв о своей супруге [Оде], женился старый распутник Болеслав».

Разумеется, польский князь стал двоеженцем не для того только, чтобы сделать приятное Святополку. Русская земля, безусловно, занимала важное место в его замыслах. Но каковы были эти замыслы, мы вряд ли когда-нибудь узнаем, поскольку воплотить их в жизнь или хотя бы приступить к их осуществлению Болеславу не удалось. По-видимому, уже в следующем году, после гибели Святополка, он разорвал официальные отношения с Предславой. Может быть, тогда дочь Владимира и перешла на положение наложницы.

Тем временем Святополк, совершив церемонию вокняжения на «отнем и деднем» столе, принимал на княжем дворе «местных жителей, приходивших к нему с изъявлением покорности» (Титмар)⁴²¹. Убедившись в том, что власть Святополка упрочена, Болеслав отпустил наемные войска, а через некоторое время и сам тронулся в обратный путь⁴²².

Святополк рассчитался с тестем Червенскими городами, которые вновь отошли к Польше. Кроме того, поляки увели с собой многочисленный русский полон и громадный обоз, отя-

гощенный обильной добычей. Согласно Повести временных лет, Болеслав, уходя, «възма именье и бояры Ярославле и сестре его, и Настаса пристави Десятиннаго ко именью, бе бо ся ему вверил лостью. И людей множество веде с собою, и города червеньскыя зая собе, и приде в свою землю». Русских пленников поселили в Центральной Польше, в окрестностях Лодзи, где археологи обнаружили целый комплекс древнерусских захоронений, датируемых первой третью XI в.⁴²³ Спустя двадцать лет польский король Казимир I вернул Ярославу русский полон, захваченный Болеславом. До освобождения дожили 800 «людей» (мужчин), «кроме жен и детей», которых никто не считал.

Победа Ярослава

Заключительный этап борьбы Ярослава со Святополком известен только по летописи, которая, увы, возвращает нас в круг чисто литературных сюжетов борисоглебского цикла.

Под 1018 г. рассказывается, что после битвы на Буге Ярослав бежал в Новгород сам-пять, и «прибегшю Новугороду, и хотяше бежати за море». Но «посадник Константин, сын Добрыни, с новгородци» не позволили князю уйти. Они «расекоша лодья Ярославле, рекуще: «Можем ся еще битись по тебе с Болеславом и с Святополком». И начаша скот [деньги] брати от мужа по четыре куны, а от старосте по 10 гривен, а от бояр по осмидесят [восемнадцать] гривен; приведоша варягы и вдаша им скот».

От Титмара мы знаем, что летняя кампания 1018 г. завершилась совсем иначе. Ярослав сначала отвел свое разбитое войско к Киеву, а затем, оставив столицу, совершил набег на волость Святополка и разорил там какой-то город. Невозможно с полной уверенностью сказать, куда он увел дружину на зиму, но даже если Ярослав и появился в Новгороде на исходе осени 1018 г., то, конечно, без намерения бежать «за море», — ведь к этому времени непосредственная опасность для него миновала, так как Болеслав уже покинул пределы Русской земли. Поэтому очень

вероятно, что выразительная сцена «рассекания» новгородцами княжеской ладьи взята летописцем из фольклорного предания (или цикла преданий) о новгородском посаднике Константине Добрыниче, как можно догадываться, сыне Владимирова уя Добрыни, крестителя Новгорода⁴²⁴. Во всяком случае, совершенно очевидно, что это инородный по отношению к первоначальному тексту летописи фрагмент, поскольку появившиеся в нем под занавес «варяги», ради найма которых новгородцы основательно трянули мощной (кстати, в противоречии с высказанным ранее желанием самим «битись» за Ярослава), не принимают никакого участия в решающих событиях, описанных в статье под следующим, 1019 г., и вообще более не упоминаются. В историческом плане «новгородский эпизод» под 1018 г. способен поведать только о том, что в представлении русских людей XI—XII вв. Святополк был свергнут Ярославом благодаря новгородской помощи. Например, согласно Киевской летописи, Ярослав пополнил свое поредевшее войско новгородцами и словенами, под которыми, надо полагать, подразумевается земское ополчение Новгородской (Словенской) земли.

Статья под 1019 г. повествует не просто об очередном политическом перевороте — она живописует небесное возмездие, постигшее «окаянного» братоубийцу. После ухода Болеслава Ярослав ведет войско на Киев. Святополк бежит «в печенеги» и, подкрепленный степняками, возвращается «в силе тяжце». Ярослав, собрав в свою очередь «множество вои», выступает «противу ему на Лыто [река Альта, под Переяславлем]». Перед сражением он находит место, где был убит Борис, и обращается к Богу и святому брату с молитвой, прося о помощи «на противнаго сего убийцю гордаго». В пятницу, с восходом солнца, закипает небывалая по ярости сеча. Противники трижды сходятся в кровавой схватке, «и к вечеру одоле Ярослав, а Святополк побежа».

Сегодня мало кто из исследователей сомневается в том, что летописец, трудясь над этим описанием, пролил больше чернил, чем сражавшиеся — крови. Слишком многое указывает на сугубо литературную основу данной новеллы, завершающей тему праведного «отместия» Ярослава за смерть Бориса и

Глеба. Так, беспричинное бегство Святополка «в печенеги», а не «в ляхы», к Болеславу, который до сих пор один выступал в роли покровителя «окаянного» князя, вроде бы находит «историческое» объяснение в предыдущем рассказе об избиении ляхов по приказу Святополка. Однако сам этот рассказ, как нам известно, не подтверждается независимыми источниками и, по всей видимости, всего лишь копирует летописную статью под 1069 г. Таким образом, для бегства Святополка к степнякам нет никаких других оснований, кроме одного — вполне понятного писательского желания композиционно «закруглить» сюжет о братьях-мучениках, предоставив Ярославу благочестивую возможность окончательно расквитаться со Святополком на берегах реки Альты — легендарном месте убийства Бориса. Каждый писатель знает, что взаимообусловленность начала и конца произведения — признак хорошей литературы, и древнерусские книжники не были здесь исключением.

Насколько они были увлечены мистико-символической стороной дела, видно по тому, что победу над Святополком одерживает собственно не Ярослав, а Борис, внявший обращенной к нему молитве. Но это же обстоятельство позволяет безошибочно распознать в авторе статьи под 1019 г. сочинителя XII в., оставившего в тексте неизгладимые приметы своего времени. Показательна следующая литературная оплошность: Ярослав призывает на помощь Бориса в 1019 г., то есть в то время, когда, по свидетельству самих же памятников борисоглебского цикла, мощи убиенных братьев еще не были прославлены — ни в общерусском, ни даже в местном масштабе. Заметим мимоходом, что речь здесь не может идти о языческой традиции почитания предков. Хотя летопись и дает немало примеров того, что умершие отцы и деды, даже не причтенные к лику святых, становились небесными покровителями княжеского семейства⁴²⁵, но молитва к усопшему *младшему* брату о заступничестве немыслима в рамках родовых отношений. Значит, в данном случае мы имеем дело с невольным анахронизмом со стороны человека, для которого Борис и Глеб уже являлись об-

щепризнанными защитниками княжеского рода и Русской земли. Между тем на протяжении всего XI в. братья-мученики почитались только как целители. Один из древнейших церковных канонов прославляет «святую мученику Бориса и Глеба» следующим образом: «Воздаяние обрели от Бога — страсти и недуги от нас отгонять. Чюдесы ваши кыпить [исполнен] Вышеград пречьстьныи и яко реки исцеления от гроба истачаета, немощьныя исцеляета и печальныя утешаета». В летописи этот чудесный дар святых братьев проиллюстрирован исцелением князя Святослава Ярославича рукою святого Глеба (под 1072 г.). Первое же упоминание святых страстотерпцев в качестве покровителей русского воинства содержится в «Сказании о Борисе и Глебе» («Вы нам оружие, земля Русская забрала и утверждение и меча обоюду остра, има же дерзость поганьскую низлагаем»), которое приняло свой окончательный вид не ранее 1115—1117 гг.⁴²⁶

Дополнительное подтверждение того, что битва на Альте состоялась только в воображении книжников XII в., находим у преподобного Нестора, писавшего свое «Чтение о Борисе и Глебе» несколько раньше, в 80—90-х гг. XI в.: в его сочинении об этом сражении нет ни слова, а Святополк изгоняют жители «области», то есть сами киевляне.

Для полноты картины отметим еще более чем странную датировку битвы на Альте: «в пятницу 1019 года» («бе же пяток тогда»)⁴²⁷, и почти дословное использование «батальных» выражений, заимствованных из статьи под 1016 г. о сражении при Любече: «и поидоша [Ярослав] противу собе, и сступишася на месте. Бысть сеча зла... И одоле Ярослав. Святополк же бежа в ляхы» (битва при Любече); «И... поидоша противу собе... и сступишася обои, бысть сеча зла... и сступашися трижды... К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа» (битва на Альте). Большие сомнения вызывает трехкратное нападение печенегов на полки Ярослава, ибо военная тактика степных кочевников того времени была рассчитана на единственный, внезапный и сокрушительный, удар конными массами. Если противник выдерживал его, степняки обращались в бегство.

Конец Святополка

Перейдем к завершающему сюжету летописной статьи под 1019 г. — злополучному концу Святополка. Итак, «окаянный» князь бежал с поля битвы, «и нападе на него бес, и раслабеша кости его, и не можаше седети на кони, и ношахуть его в носилках». Дотащив таким способом своего господина до Берестя (Бреста), Святополковы отроки думали перевести дух, но князь и тут не дал им роздыха — ему все казалось, что по его следу идет погоня, которая вот-вот его настигнет. И хотя никто не гнался за ним, Святополк все равно «не можаша стерпети на едином месте, и пробеже Лядскую [Польскую] землю, гоним гневом Божиим, и пробеже в пустыню межи чяхы и ляхы, и ту испроверже живот свой зле; его же и по правде, яко неправедна, суду пришедшу, по отшествии сего света прияша муку оканьнаго [настал для неправедного суд Божий и принял по смерти муку окаянный]: показываше яве [въявь, наяву] посланная пагубная рана, в смерть немилостивно вогна, и по смерти вечно мучим есть и связан; есть же могила его в пустыни той и до сих дний, исходит же от неи смрад зол».

Было время, когда историки принимали этот текст за чистую монету и даже пускались на поиски таинственной «пустыни межи чяхы и ляхы», где упокоились кости Святополка. Но после исследований А.А. Шахматова⁴²⁸ и ряда других ученых стало ясно, что летописный рассказ о конце Святополка целиком соткан из явных и скрытых цитат, отсылавших древнерусского читателя к хорошо знакомым ему библейским образам⁴²⁹. Вот главные литературные источники летописца:

1. Древнерусский перевод византийской «Хроники Георгия Амартола», откуда почти дословно переписан отрывок о смерти царя Ирода Окаянного, который «за неколико дний тляем и червьми растачаем зле житье си разори... *житье си испроверже, егоже по правде яко неправеднаго, суду пришедшу по отшествии сего света прияша муки оканьнаго, показавше яве образ, абье прият сего от Бога послана рана пагубная в смерть немилостивно вогна*».

2. Ветхозаветная история нечестивого персидского царя Антиоха IV Епифана. Во 2-й книге Маккавейской рассказывается, что этот правитель похвалялся превратить Иерусалим в кладбище, «но всевидящий Господь, Бог Израилев, поразил его неисцельным и невидимым ударом», от которого *«схватила его нестерпимая болезнь живота и жестокие внутренние муки, и совершенно праведно, ибо он многими и необычайными муками терзал утробы других»*. Но Антиох не образумился и не оставил своего намерения. «Тогда случилось, что он упал с колесницы, которая неслась быстро, и тяжким падением повредил все члены тела... и несен был на носилках, показуя всем явную силу Божию, так что из тела нечестивца во множестве выползали черви, и еще у живого выпадали части тела от болезней и страданий; смрад же зловония от него невыносим был в целом войске... Так этот человекоубийца и богохульник, претерпев тяжкие страдания, какие причинял другим, кончил жизнь на чужой стороне в горах самую жалкою смертью» (2-я Макк., 9: 5—9, 28).

3. Фрагмент из библейской книги Левит, где Господь грозит отступникам разными карами и между прочим говорит: *«Оставшимся из вас пошлю в сердца робость в земле врагов их, и шум колеблющегося листа погонит их, и побегут, как от меча, и падут, когда никто их не преследует... И не будет у вас силы противостоять врагам вашим. И погибнете между народами, и пожрет вас земля врагов ваших»* (Левит, 26: 36—38).

4. Притчи Соломоновы: *«Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним... Человек, виновный в пролитии крови человеческой, будет бегать до могилы, чтобы кто не схватил его»* (Притч., 28: 1, 17).

5. Апокрифическая «Книга Еноха», переведенная на славянский язык в X—XI вв.: «Потом Господь сказал Рафаилу: «Свяжи Азазииэла⁴³⁰ и брось его во тьму и заключи в пустыню... и когда настанет день суда, прикажи ввергнуть его в огонь».

Таким образом, автор статьи под 1019 г., не располагая никакими историческими фактами относительно смерти Свя-

тополка, но нимало не сомневаясь в неизбежности Божьего суда, представил читателям «идеальную» картину воздаяния «окаянному» братоубийце. По И.Н. Данилевскому, он хотел сказать примерно следующее: «Нечестивый Святополк, повинный в пролитии крови человеческой, бежал от Ярослава, как злодей и богохульник Антиох из Персии. И не было ему спасения. И умер он неведь где⁴³¹, подобно Ироду Окаянному, приняв муки за свое неверие. И после смерти вечно мучим, связанный в пустыне»⁴³².

В средневековой Скандинавии о гибели Святополка («Бурицлава») рассказывали совершенно иначе. Согласно «Пряди об Эймунде», он пал от руки норвежского героя. Когда Бурицлав в третий раз двинулся «в Гардарики с огромною ратью и многими злыми народами», Эймунд вышел ему навстречу всего с двенадцатью самыми храбрыми своими товарищами. Переодевшись купцами, они разведали местность на пути движения вражеского войска и обнаружили красивую лесную поляну, на которой, как предугадал Эймунд, Бурицлав непременно остановится на отдых. На поляне рос ветвистый дуб. При помощи крепкой корабельной веревки викинги пригнули его верхушку к земле и закрепили в таком положении. Это было сделано затем, что как раз рядом с этим прекрасным деревом, по предположению Эймунда, Бурицлав должен был разбить свой шатер. Все так и случилось. Люди Бурицлава поставили под дубом «государственную палатку, а по сторонам, подле леса, расположилась вся рать». Ночью, когда вражеские ратники «напились и наелись, сколько им было угодно» и завалились спать, Эймунд разделил свою дружину на два отряда: шесть человек оставил в лесу сторожить лошадей, а с шестью другими прокрался в лагерь Бурицлава. У «государственной палатки» они накинули на ее верх веревку с петлей, другой конец которой прикрепили к верхушке согнутого дуба, и затем обрубив веревку, придерживавшую нагнутое дерево. Дуб распрямился «сильно и мгновенно», сорвав с земли палатку и потушив «мелькавшие внутри нее огни». Эймунд «быстрыми ударами» прикончил Бурицлава и «многих других», бывших в шатре. Потом, отрубив у мертвого «конунга»

голову, он беспрепятственно добрался до того места, где его ожидали оседланные кони, и усакал со своим трофеем в Киев.

Оправданное недоверие к летописному известию под 1019 г. побудило многих исследователей отдать предпочтение (с теми или иными оговорками) версии скандинавского источника. Но более внимательный анализ обнаружил, что литературная условность господствует в «Пряди» ничуть не меньше, чем в летописи. Убийство при помощи согнутых деревьев, переодевание героя с целью проникновения в стан врага, исключение из действия помощников главного противника и прочие ситуации, положения и перипетии, на которых держится сюжет саги, восходят к расхожим мотивам античной и средневековой (византийской, западноевропейской, скандинавской) литературы⁴³³. Особенно показательна та сцена «Пряди», в которой Эймунд показывает конунгу Ярицлейву отрубленную голову Бурицлава: «И идет Эймунд к Ярицлейву конунгу и рассказывает ему всю правду о гибели Бурицлава. «Теперь посмотрите на голову, господин, — узнаете ли ее?» Конунг краснеет, увидя голову. Эймунд сказал: «Это мы, норманны, сделали это смелое дело, господин...» Ярицлейв конунг отвечает: «Вы поспешно решили и сделали это дело, близкое нам». В этом эпизоде воспроизведена фразеология и топики «Саги о Харальде Суровом», где викинг Хакон убивает по поручению датского конунга Свена его бывшего воспитанника и любимца Асмунда, ставшего разбойником и грабителем. Явившись затем на пир к Свену, Хакон «подошел к столу, положил голову Асмунда перед конунгом и спросил, узнает ли он ее. Конунг не отвечал, но густо покраснел» и т. д.

После этих наблюдений уже невозможно усомниться в том, что «весь эпизод убийства Бурицлава состоит из цепочки традиционных мотивов, а его кульминация является переложением фрагмента более ранней и известной саги. В нем не просматривается никаких реалий, которые могли бы восходить к рассказам о действительных событиях». Отсюда представляется вероятным, что автор «Пряди», «не зная никаких обстоятельств смерти противника Ярослава... рассказал о ней единственно доступным ему образом — с помощью знакомых мотивов, ко-

которые позволяли ему и здесь возвеличить своего героя, убившего столь грозного противника...»⁴³⁴

Тот же путь избрал для себя древнерусский монах-летописец, изобразивший смерть Святополка при помощи близких ему литературных приемов и средств. При таком состоянии источников историческое исследование лишено всякой почвы, в связи с чем приходится ограничиться констатацией того факта, что после 1019 г. Святополк исчезает со страниц древнерусских и зарубежных памятников — для наших предков с именем Окаянного, а для современного историка — истинным «козлом отпущения», унесшим с собой в неизвестную могилу бремя чужих грехов.

Глава 3

УКРЕПЛЕНИЕ ВЛАСТИ ЯРОСЛАВА (1019—1021)

Брак Ярослава с Ингигерд

Падение Святополка не вызвало немедленного возобновления войны с Польшей. Болеслав, по-видимому, понимал, что еще одного победного марша до Киева не будет. Теперь ему нечего было надеяться на лояльность русского населения, ибо со смертью Святополка родовое старшинство среди Владимировичей перешло к Ярославу. Последний же не спешил извлекать меч из ножен, чтобы вернуть под свою руку Червенские города, потому что летом—осенью 1019 г. был занят важными переговорами со Швецией.

Речь шла о заключении еще одного династического союза. В роли жениха на этот раз выступал сам Ярослав, недавно овдовевший. Его новой избранницей стала Ингигерд, дочь шведского конунга Олава Эйрикссона (995 — ок. 1020) от его славянской супруги Астрид, происходившей из рода вендских (ободритских) князей⁴³⁵. Олав крестился вместе с семьей в 1008 г. и дал своим детям христианское образование и воспитание.

О женитьбе Ярослава на Ингигерд, которую древнерусские памятники знают под христианским именем Ирина, упоминают

многие скандинавские и немецкие источники, но фактическая сторона дела излагается ими весьма сжато. По всей видимости, устройство второго брака стоило Ярославу немалых дипломатических усилий. В 1014—1019 гг. Швеция, поддержанная Данией, вела войну с Норвегией за пограничные области Ямтланд и западный Гаутланд. Норвежский король Олав Харальдссон (1014—1028, ум. в 1030 г.) пытался расстроить враждебную коалицию, посватавшись к Ингигерд, и одно время казалось, что его предложение будет принято. Согласно скандинавским сагам, Ингигерд была равнодушна к норвежскому правителю. Например, в «Хеймскрингле» (сборнике саг «Круг земной», отредактированном в XIII в. Снорри Стурлусоном) сказано, что ей «нравилось слушать» рассказы послов Олава об их господине, и она очень боялась, что ее отец «не сдержит слова, которое дал конунгу Норвегии», ибо в душе «не желала себе лучшего мужа». Олав тоже предстает в сагах влюбленным в Ингигерд. Узнав от ее посланца, что Олав Эйрикссон собирается нарушить свое обещание, он «страшно гневается и не может найти себе покоя. Прошло несколько дней, прежде чем с ним можно было разговаривать».

Однако воспринимать всерьез эти сведения нельзя. «Тайная любовь» Ингигерд к Олаву являет все признаки позднего литературного мотива, испытавшего влияние, с одной стороны, средневекового куртуазного романа, а с другой — древнескандинавского эпоса с традиционным для него образом «героической женщины», всегда оказывающейся в центре сложной и зачастую трагической любовной истории; в данном случае воспоминание о неудавшемся сватовстве Олава «подсказало героя этой истории»⁴³⁶.

Самые ранние известия о русском браке Ингигерд свободны от романтических прикрас. Так, один из родоначальников скандинавской историографии монах Теодорик (вторая половина XII в.) говорит только, что Олав «сватался [к Ингигерд], но не смог взять в жены». Возможно, для того, чтобы заполучить Ингигерд, Ярослав прибег к посредничеству своего датского родственника и союзника — Кнута I Могучего. Приходясь Олаву Эйрикссону братом по матери, Кнут мог

весьма действенно повлиять на его решение отдать Ингигерд «конунгу Хольмгарда».

Как бы то ни было, сватовство Олава Харальдссона было отвергнуто, и осенью 1019 г.⁴³⁷ Ингигерд прибыла на Русь. По сведениям Снорри Стурлусона, Ярослав преподнес ей в качестве свадебного дара Ладогу («Альдейгьюборг») с прилегающими к городу землями («ярлством»); Ингигерд же посадила в Ладоге норвежского ярла Рагнвальда, своего друга и помощника, который чуть ли не основал там «викингскую» династию: «Княгиня Ингигерд дала ярлу Рагнвальду Альдейгьюборг и то ярлство, которое ему [городу] принадлежало. Рагнвальд был там долго ярлом и был известным человеком. Сыновьями Рагнвальда... были ярл Ульв и ярл Эйлив».

Хотя на сей день «факт передачи Ладоги знатному скандинаву в начале XI в. не прослеживается ни по каким другим источникам»⁴³⁸, историки в большинстве своем все-таки доверительно относятся к этому сообщению⁴³⁹, поскольку в летописи имеются примеры того, что русские княгини владели городами и селами (вернее, доходами от них), в том числе и в предшествовавшее время, как в случае с Ольгой, которой принадлежал Вышгород. Однако подобный ход мыслей выглядит уязвимым в методологическом отношении, так как доказательство от возможного тут подменяет критический анализ самого источника, в рамках которого укажем на три важных момента.

Во-первых, в своем рассказе о передаче Ингигерд Ладожской волости Снорри всего лишь развивает тему, намеченную вскользь в «Легендарной саге об Олаве Святом», где говорится, что Олав Эйрикссон отослал свою дочь конунгу Гардарики вместе «с большим богатством». Дело в том, что для обозначения свадебного дара Ярослава Снорри пользуется термином *tilgjof*, «известным по древнейшему норвежскому областному судебнику второй половины XII в. — «Законам Гулатинга», — нормы которого распространялись на юго-западную часть Норвегии. Условия, на которых невесте передавался *tilgjof*, были вполне традиционны: величина приданого, положенного шведской стороной за Ингигерд, должна была

равняться стоимости Ладоги с прилегающими к ней землями (если таковая могла быть определена) или, что вероятнее, стоимости доходов, получаемых с данной территории. Таким образом, «большое богатство», принесенное с собой на Русь принцессой Ингигерд, в рассказе Снорри подразумевается»⁴⁴⁰. Как видим, Снорри ведет речь совсем не о древнерусском *вене* — свадебном даре жениха, и даже не о собственно шведском обычае материального обеспечения невесты, ибо «в шведских областных судебных упоминаний о свадебном даре, аналогичном *tilgjof*, не встречается»⁴⁴¹. Переноса на Русь законодательные уложения своей родины, сложившиеся ко времени его работы над «Хеймскринглой», он заставляет Ярослава и Ингигерд действовать в духе местечкового норвежского права второй половины XII в.

Второе, что ставит под сомнение сообщение Снорри, — это его непосредственная связь с литературным мотивом «тайной любви» Ингигерд к Олаву Харальдссону. Между ней и отцом происходит решительное объяснение, во время которого Олав Эйрикссон объявляет ей свой приговор: «...как бы ты ни любила этого толстяка [Олава Харальдссона], тебе не бывать его женой, а ему твоим мужем. Я выдам тебя замуж за такого правителя, который достоин моей дружбы». Убедившись, что отец ни под каким видом не хочет отдавать ее замуж за норвежца, Ингигерд выдвигает условие, при котором она готова выйти за Ярослава. «Если я выйду замуж за конунга Ярицлейва, то хочу я, — говорит она, — в свадебный дар себе Альдейгьюборг и то ярство, которое к нему относится». И гардские [русские] послы согласились на это от имени своего конунга». Известие о переходе Ладоги в руки Ингигерд является, стало быть, не историческим фактом, а кульминационной частью «свадебного» сюжета, преследующего цель возвеличить свою героиню, причем, согласно законам жанра, требование Ингигерд (выступающей в роли «заветной» невесты) к послам Ярослава (неудобного ей жениха) следует истолковывать как трудноисполнимое или даже заведомо невозможное.

И в-третьих, последние исследования в области имущественно-правового положения женщины в средневековой Скандина-

вии обнаружили ее полную зависимость от мужчины — отца, опекуна, супруга и т. д. Реальную возможность управлять и распоряжаться имуществом законодательство предоставляло всего двум категориям женщин: незамужним совершеннолетним девушкам и вдовам — да и то лишь в тех исключительно редких случаях, когда в живых не оставалось никого из их родственников-мужчин. Первые достоверные сведения о владении знатными женщинами земельной собственностью появляются в скандинавских источниках только с конца XII в., кстати приблизительно в одно время с аналогичными известиями древнерусских памятников (пример Ольги совершенно уникален и не может идти в сравнение с положением Ингигерд, которая не была ни княжней вдовой, ни правительницей Руси). Опять мы видим, что Снорри модернизирует состояние шведского и русского обществ начала XI в. в соответствии с существовавшей в его время практикой имущественно-правовых отношений⁴⁴². Поэтому историки поступят разумно, если воздержатся впредь от необдуманных утверждений насчет скандинавского управления Ладогой во времена Ярослава.

Война с Полоцком

1020 г. молодожены провели в Киеве. В следующем году Ярослав должен был выступить против своего племянника, полоцкого князя Брячислава Изяславича, который внезапным броском «зая Новгород, и поим новгородце и именье их, поиде Полоцку опять».

Как можно понять, Брячислав добивался приращения своей отчины за счет пограничных волостей. Подоспевшее войско Ярослава отрезало полочанам пути отступления. В сражении на реке Судомири⁴⁴³ Брячислав был разбит и потерял весь полон и добычу. Но Ярослав все же почел за лучшее удовлетворить требования племянника, чтобы обезопасить новгородские земли от новых покушений с его стороны. Он отдал полоцкому князю города Усвят и Витебск и через послов просил о вечном мире: «буди же со мною заодин».

Результат переговоров летописец подытожил фразой: «И воеваша Брячислав с великим князем Ярославом вся дни живота своего», которую обыкновенно понимали в том смысле, что договор соблюдался не весьма строго. Однако следует учесть, что в последующих летописных статьях, охватывающих более чем двадцатилетний период времени, вплоть до смерти Брячислава в 1044 г., нет ни одного упоминания о каком-либо еще киево-полоцком конфликте. Это дает право на иное прочтение летописного сообщения: «И воеваша Брячислав с великим князем Ярославом...» На самом деле оно может означать, что Брячислав воевал не *против* Ярослава, а *совместно* с ним («за-один»), как союзник⁴⁴⁴.

Поход к Берестью

В 1022 г. Ярослав наконец решился помериться силами с Болеславом. «Приде Ярослав к Берестю», — сообщает под этим годом летопись. Действия русского войска на суше были поддержаны со стороны Балтийского моря датской флотилией. В «Англо-саксонской хронике» (XII в.) под 1022 г. помещено известие о походе короля Кнута I Могучего в «Витланд», то есть в поморские земли, расположенные к востоку от висленского устья⁴⁴⁵. Однако ни древнерусский, ни англосаксонский источник ничего не пишут об исходе этой войны. Видимо, успехи союзников были невелики.

К тому же русско-датский союз дал трещину. Заключенный в 1018 г. династический брак сына Ярослава с сестрой Кнута I был недолговечен. Уже в 1019 г. русский супруг Эстрид умер, и датская принцесса вернулась на родину. После смерти в начале 1020-х гг. шведского короля Олава Эйрикссона, Кнут поссорился с его наследником Энундом-Якобом. В этом конфликте Ярослав принял сторону Швеции. Охлаждение русско-датских отношений отражено и в материалах нумизматики, которые свидетельствуют, что приток на Русь монет Кнута I резко сокращается именно после 1023 г.⁴⁴⁶ Вследствие этих причин русско-датский союз распался.

Впрочем, Ярославу было уже не до скандинавских дел: в 1024 г. он опять был вынужден отстаивать свои права на великое княжение от посягательств нового искателя «золотого» киевского стола.

Глава 4 ЧЕРЕЗ ДВОЕВЛАСТИЕ — К ЕДИНОДЕРЖАВИЮ

Поход Мстислава на касогов

Повесть временных лет вводит Мстислава в число действующих лиц междоусобной распри Владимировичей лишь в 1023—1024 гг., в качестве тмутороканского князя, из чего позднейшие редакторы летописи заключили, что он был посажен в Тмуторокани еще при жизни Владимира, при разделе столов между его сыновьями (этот мнимый факт его биографии был внесен задним числом в статью под 988 г.). В действительности же Мстислав мог получить тмутороканское княжение не ранее конца 1016 — начала 1017 г., после того как прежний владетель «русской» Таврики Сфенг сошел с исторической сцены. При каких обстоятельствах Тмуторокань перешла под руку Мстислава, остается только догадываться. На предыдущих страницах я уже предъявил аргументы, которые склоняют меня к тому, чтобы признать в нем сына Сфенга. Добавлю еще, что только эта гипотеза способна хоть сколько-нибудь удовлетворительным образом объяснить феноменальное равнодушие Мстислава к киевскому столу в течение восьми лет, истекших после смерти Владимира.

Унаследовав от Сфенга тмутороканское княжение, Мстислав должен был, в преддверии похода на Киев, укрепить свои позиции в Северном Причерноморье. По-видимому, ему удалось сделать это благодаря блестящей победе над кавказскими горцами. Любопытно, что обе стороны — русская и горская — рассказывают об этом событии почти одними и теми же словами. Повесть временных лет под 1022 г. излагает дело так:

«В си же времена⁴⁴⁷ Мьстиславу сущю Тмutorокани, поиде на касогы. Слышав же се князь касожьский Редедя изиде противу тому, и ставшема обема полкома противу собе, и рече Редедя к Мьстиславу: «что ради губиве дружину межи собою? Но снидевеса сама бороть [поборемся сами]; да аще одолееши ты, то возьмеш именье мое, и жену мою, и дети мое, и землю мою; аще ли аз одолею, то возьму твое все». И рече Мьстислав: «тако буди». И рече Редедя ко Мьстиславу: «не оружием ся бьеве, но борьбою». И яста ся бороти крепко, и надолзе борющемася има [долго боролись], нача изнемагати Мьстислав: бе бо велик и силен Редедя; и рече Мьстислав: «о пречистая Богородице! помози ми; аще бо одолею сему, созижу церковь во имя твое». И се рек, и удари им о землю, и вынзе ножь, и зареза Редедю и шед в землю его, взя все именье его, и жену его и дети его⁴⁴⁸ и дань возложи на касогы. Пришед Тмutorоканю, залож и церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоять и до сего дне Тмutorокани».

Отчетливо различимый эпический лад летописного рассказа⁴⁴⁹ выдает в нем прозаическое переложение «песни» вешего Бояна, который, по свидетельству Слова о полку Игореве, «песнь пояше... храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред пълкы касожскими».

Согласно адыгейским преданиям, Редедя (Ридадя, Ридадэ) был не князем, а могучим богатырем, — среди адыгов никто не мог устоять против него. Современники прославили его в песне, которую певали еще и в середине XIX в. во время свадьбы, жатвы или сенокоса: «Ой, Ридадя, о Ридадя, махо ореда, о Ридадя махо!» (О, Редедя, Редедя, многосчастливый Редедя!)

Однажды адыгейский князь Идар, собрав множество воинов, пошел на Тамтаракай (Тмutorокань). Редедя принял участие в этом походе. Тамтаракайский князь⁴⁵⁰ вывел навстречу адыгам свое войско. Когда враги сблизились, Редедя вышел вперед и стал просить у тамтаракайского князя бойца, говоря: «Чтобы не терять с обеих сторон войска, не проливать напрасно крови и не разрывать дружбы, одолей меня и возьми все, что имею». Тамтаракайский князь согласился на условия ады-

гейского богатыря, но не стал искать в своем войске бойца, а сам вышел против Редеди. Противники сняли с себя оружие и положили на землю. Несколько часов подряд они боролись, не уступая друг другу. Наконец Редедя пал, и тамтаракайский князь поразил его ножом. Единоборство это прекратило войну. Адыги возвратились домой, больше сожалея о потере лучшего воина, чем о неудаче похода⁴⁵¹.

Смерть Редеди оплакивает также древняя адыгейская похоронная песня (сагиш). Правда, в ней Редедя оказывается побежден не силой, а коварством:

Большого князя урусов
Когда ты в панику бросил,
Он возжаждал к жизни
И хитрость придумал:
Сихаджас [нож] он вынул,
Под лопатку твою незаметно
Его воткнул и
Твою душу, о горе, он вынул⁴⁵².

Битва при Листвене

В 1023 или скорее в 1024 г. Мстислав двинулся добывать Киев⁴⁵³, укрепив свою дружину отрядами, набранными среди подвластных ему народов Северного Кавказа — хазар и касогов. Как повествует летопись, он беспрепятственно достиг стен города, но затем должен был отступить к Чернигову, поскольку киевляне «не прияша его», в очередной раз доказав свою приверженность традиционному обычаю замещения великокняжеского стола согласно родовому старшинству. Черниговцы («северяне»), напротив, поддержали Мстислава, предоставив в его распоряжение воинов городского «полка».

В это время Ярослав, по сведениям Повести временных лет, находился в Суздальской земле, где сильный неурожай вызвал голодные бунты среди местного славяно-финского населения. По-видимому, беспорядки быстро приобрели антихристианскую направленность, так как голодными толпами верховодили «волх-

Битва при Листвене. Миниатюра Радзивилловской летописи

вы», действовавшие «по дьяволу наущенью и бесованью». Восточнофинские поверья объясняли возникновение стихийных бедствий женским колдовством, поэтому с особым ожесточением мятежники «избиваху старую чадь бабы, яко си держат гобино и жито [прячут припасы и хлеб] и голод пушают». Эти «бабы» были смотрительницы (а также, возможно, и вдовы хозяйки) богатых дворов, в том числе княжеских и боярских⁴⁵⁴.

Энергичными мерами Ярослав восстановил спокойствие в крае. Бунтовщики были рассеяны, «волхвы» переловлены и частью казнены, частью «расточены», то есть сосланы под надзор княжеской администрации. Одновременно Ярослав снесся с волжскими булгарами, прося их продать голодающим хлебные излишки. Булгары открыли житницы, и «идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша».

Далее летопись, не считаясь с расстоянием и временем, возвращает Ярослава в Новгород, чтобы он мог послать за море «по варягы», с которыми он затем и выступает на Мстислава. Такой ход событий представляется маловероятным. Скорее всего, «варяжская» дружина сопровождала Ярослава в его походе в Суздальскую землю. Надо полагать, что, получив весть о по-

явлении Мстислава возле Киева, Ярослав сразу повел свое небольшое войско вниз по Днепру на соединение с киевлянами, но был перехвачен Мстиславом у Листвена, севернее Чернигова. Иначе невозможно понять, почему в решающем для него сражении великий князь русский Ярослав противопоставил врагу только кучку наемных «варягов».

Летописная новелла под 1024 г. о битве при Листвене, по всей видимости представляющая собой обработку еще одного поэтического произведения Бояна⁴⁵⁵, называет предводителем Ярославовых «варягов» некоего Якуна — красавчика, щеголявшего своим роскошным, вытканым золотом плащом («лудой»). Ученые норманнской школы предпочитают именовать его Хаконом⁴⁵⁶, видя в этом человеке скандинавского конунга, возглавившего дружину не то шведских, не то норвежских викингов. Однако еще один Якун, упоминаемый в летописи под 1160 г., — это киевский воевода, что свидетельствует о распространенности имени Якун в славянской среде.

Прояснить этническую природу «варягов», сражавшихся под началом Якуна у Листвена на стороне Ярослава, помогает древнерусский нумизматический материал, а именно «малые сребреники» Ярослава, отчеканенные, по-видимому, как раз для того, чтобы расплатиться с «варяжскими» наемниками⁴⁵⁷. Эти монеты интересны для нас по двум причинам. Во-первых, обращает на себя внимание география находок. Хотя сребреники Ярослава и рассеяны по всей Балтике, но основная их масса (около половины от общего числа) обнаружена на южнобалтийском побережье — в славянском Поморье, в том числе в землях вендов-ободритов⁴⁵⁸. А во-вторых, крайне любопытным выглядит изображение на лицевой стороне монет, совершенно необычное для древнерусской монетной чеканки конца X — первой трети XI в. На своих сребрениках, предназначенных для заморских «варягов», Ярослав распорядился «оживить» схематический родовый символ великих русских князей — так называемый «трезубец», или «знак Рюриковичей», — превратив его в падающего (со сложенными крыльями) сокола, который являлся священным символом ободритского племенного союза. Столь красноречивые материальные находки, разумеется, перевешивают малоубеди-

Битва при Листвене. Бегство войска князя Ярослава.
Миниатюра Радзивилловской летописи

тельные филологические догадки относительно «норманнства» Якуна/Хакона, позволяя сделать вывод, что подавляющее большинство «варягов» Ярослава было набрано среди поморских славян, и лишь немногие из них, возможно, были шведами из числа спутников Ингигерд.

Итак, благодаря умелым и быстрым действиям Мстислава, Ярослав должен был принять сражение в невыгодных для себя условиях, при явном превосходстве сил противника. Проиграв Мстиславу в стратегическом плане, он уступил ему и как тактик. Мстислав чрезвычайно эффективно реализовал свое численное преимущество. Он поставил «в чело противу варягом» черниговское ополчение, а свою дружину расположил поодаль, на флангах («по крилома»). Чтобы скрыть от Ярослава эту особенность своего боевого построения, Мстислав дождался наступления темноты и только тогда подал сигнал к началу сражения. Между тем над полем битвы разразилась гроза: «И бывши нощи, бысть тьма, молонья и гром, и дождь»⁴⁵⁹. В крошечной тьме, прорезаемой вспышками молний, «варяги» схватились с черниговцами и начали постепенно теснить их; в это время дружина Мстислава охватила Ярославову рать с флангов. «И бысть сеча силна, яко посветяше молонья, блещашеть-

ся оружие, и бе гроза велика и сеча силна и страшна». Теснимые со всех сторон, «варяги» в конце концов сломали строй и побежали. Для того чтобы вызвать у читателя впечатление полного разгрома «варягов», летописец (вернее, автор «Песни» о битве при Листвене) не приводит конкретные цифры потерь, а довольствуется одной художественной деталью: Якун, пишет он, потерял в суматохе отступления свой золототканый плащ («и Якун ту отбеже луды златое»). На рассвете Мстислав осмотрел поле битвы, заваленное телами черниговцев и «варягов», и произнес слова, которые Карамзин посчитал «недостойными доброго князя», но которые тем не менее отлично характеризуют «государственное» мышление дружинного вождя начала XI в.: «Кто сему не рад? Се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя цела».

Разбитый Ярослав укрылся в Новгороде, а Якун увел остатки «варяжской» дружины «за море».

Городецкий мир 1026 г.

После всего происшедшего можно было бы ожидать очередного летописного сообщения о вокняжении победителя в Киеве, «на столе отъни». Вместо этого мы читаем поразительные строки: «И посла Мстислав по Ярослава, глаголя: «Сяди в своемъ Кыеве: ты еси старейший брат, а мне буди си сторона».

Этим поступком Мстислав заслужил славу если не «доброго князя», то по крайней мере трезвого политика. Видя открытое нерасположение к себе со стороны «киян», он предпочел не превращать династический спор с Ярославом в войну на уничтожение, тем более что силы его противника отнюдь не были исчерпаны. Действительно, в 1026 г. Ярослав подошел к Киеву с сильным войском, состоявшим, вероятно, из новгородцев. Однако возобновления военных действий не последовало. Очевидно, сыграла свою роль всеобщая усталость от десятилетнего кровопролития.

Мир был заключен во время личной встречи Ярослава и Мстислава у Городца⁴⁶⁰. Стоявшие за спиной обоих князей дружины воочию удостоверяли, что здесь не победитель дик-

тует свои условия побежденному, а равный разговаривает с равным. Стороны договорились о полюбовном разделе Русской земли «по Днепр»: Ярослав принимал под свою руку правобережье с Киевом, Волынью и Новгородскую землю, Мстислав становился князем всего левого берега — Черниговской, Переяславской, Радимичской, Вятичской и предположительно Ростово-Суздальской земель⁴⁶¹.

Многолетний период вооруженной борьбы за наследство Владимира завершился. Русь наконец вздохнула спокойно: «И на-чае жити мирно и в братолюбстве, и уста усобица и мятеж, и бысть тишина велика в земли».

Соправление Ярослава и Мстислава (внешняя политика)

Городецкий договор и соглашение Ярослава с Брячиславом Полоцким стали знаменательными вехами в развитии древнерусской политической системы. Впервые члены великокняжеского рода уладили династические споры чисто политическими средствами, не полагаясь больше на неписаный закон старшинства и отказавшись от взаимоистребления в междоусобной драке. Раздел «отънего и деднего» достояния в установленных границах был признан приемлемой заменой единовластия и увековечен в двусторонних договорах (возможно, письменных), которые окончательно вытеснили родовой принцип послушания младшего старшему из государственной сферы в область нравственных предписаний. Не нужно забывать, что это был также первый опыт политического согласия правящей элиты, достигнутого с оглядкой на христианские государственно-правовые нормы. В частности, вместо языческой клятвы на оружии князя, несомненно, прибегли к крестоцелованию.

Во внешней политике оба участника Городецкого мира подчеркнуто демонстрировали, что их интересы направлены в противоположные стороны. Мстислав расширял свое влияние в Черноморско-Азовском регионе. В 1029 г. он ходил на ясов (вероятно, в низовья Дона) и «взял их»⁴⁶². Его тмутороканские

дружины с начала 1030-х гг. возобновили нападения на мусульманское Закавказье. В 1030 г. флотилия русов вошла в Каспийское море и взяла курс на владения ширваншаха Минучихра в Восточном Азербайджане. Ширваншах вознамерился воспрепятствовать высадке русов около Баку, но потерпел поражение. Вторая неудача постигла его, когда он пытался остановить продвижение русов вверх по Куре. Правитель города Гянджи Муса бен Фадл, наоборот, постарался заручиться русской поддержкой в борьбе со своим братом, который поднял против него восстание. За хорошую плату русы помогли Мусе справиться с мятежом. Затем, по сведениям средневековой «Истории Ширвана и Дербента», они ушли «в Рум [Византию], а оттуда вернулись в свою страну» (вероятно, имеется в виду остановка Мстислава в Крыму). Спустя два года русы вновь разграбили Ширван и захватили большой полон. Но на обратном пути воины дербентского эмира Мансура «предали их мечу, так что спаслись немногие». В 1033 г. в союзе с аланами русы атаковали город Карах (недалеко от Дербента). Однако и на этот раз «Господь даровал победу мусульманам, которые перебили множество аланов и русов... и навсегда были прекращены притязания неверных на эти исламские области»⁴⁶³.

Тем не менее русское влияние, в первую очередь этнокультурное, широкой волной разливалось по Великой степи и Северному Кавказу. Миссионерское воздействие на местное население древнерусской грамоты удостоверяет датируемая примерно 1041 г. надпись церковнославянскими буквами на адыгском языке, найденная археологами в Ставропольском крае (у села Преградное)⁴⁶⁴. В середине XI в. аль-Бекри утверждал даже, что «главнейшие из племен севера», печенеги и хазары, «говорят по-славянски, потому что смешались со славянами».

Для заселения пустовавших территорий лесостепи Мстислав привлекал в Черниговскую землю переселенцев из Северного Кавказа. Память о них сохранилась в названии Касожской волости (у города Рыльска), где, по всей видимости, осели горские дружинники Мстислава⁴⁶⁵.

Ярослав сосредоточил свое внимание на западных границах Руси. В 1025 г. в Польше умер Болеслав I, успевший незадолго

Императорская печать Конрада II

перед смертью возложить на себя королевскую корону. Его кончина ввергла страну в период смут и упадка. Сыновья Болеслава от разных жен, Мешко (Мечислав) II и Оттон⁴⁶⁶, по обычаю, тут же вцепились друг другу в глотки. Мешко вышел победителем в междоусобной войне и, «преследуя своего брата, изгнал его в Русь (Ruzzia)», как свидетельствует современник событий, германский историк Виппон. Повторилась схема русской междоусобицы 1015—1018 гг., только теперь Польша и Русь поменялись ролями. Ярослав приютил Оттона и обещал ему военную помощь, потребовав взамен возвращения русской части Болеславова наследства — Червенских городов. Однако свергнуть Мешко собственными силами у Ярослава не получилось. Поход русского войска в Галицию в 1030 г. закончился весьма скромным успехом — взятием города Бельза.

Ярославу пришлось искать союзников. Оказалось, что германский император Конрад II (1024—1039) был не прочь получить в лице польского князя послушного вассала. По сообщению Виппона, Оттон «стал искать милости императора Конрада, чтобы при его ходатайстве и помощи возвратиться в отечество. Император благосклонно принял эту просьбу и составил следующий план действий: сам он с войсками своими

нападет на Мизеко [Мешко II] с одной стороны, а с другой его брат — Оттон». Понятно, впрочем, что план военной кампании Конрад II согласовывал не с Оттоном, а с Ярославом⁴⁶⁷.

В 1031 г. польские границы затрещали, как орех под клещами. Повесть временных лет под этим годом сообщает о большом походе русского войска на ляхов. К киевской рати на этот раз присоединился Мстислав со своими черниговцами, вероятно откликнувшийся на приглашение Ярослава. Объединенное русское войско без труда овладело Червенскими городами, повоевало Польскую землю и вернулось домой с большой добычей. Захваченных польских пленников князь поделили между собою; доставшихся ему ляхов Ярослав расселил в пограничных со степью городищах на реке Рось.

Конрад II со своей стороны опустошил западные области Польши, вынудив Мешко бежать из страны под защиту чешского князя Олдржиха. На польский престол взошел Оттон, но вскоре он был убит своими же приближенными, недовольными его крутым правлением (1032). После смерти брата Мешко II принес вассальную присягу императору и получил возможность вернуться в Польшу. Однако он должен был поступиться всеми завоеваниями Болеслава, отдав немцам — Лужицкую марку, чехам — Моравию, а Русской земле — Червенские города.

Еще ранее, году в 1027-м⁴⁶⁸, Ярослав ходил на эстонскую чужд. Эсты платили дань Руси со времен Владимира, но, видимо, прекратили делать это в период междоусобной свары его наследников. Обратив племена эстов к покорности, Ярослав не довольствовался наложением на них дани, а велел возвести в центре захваченной территории, на месте древнего эстонского поселения⁴⁶⁹, город, названный в честь его святого покровителя Юрьевом⁴⁷⁰ (Юрий — древнерусская форма церковного имени Ярослава — Георгий).

В западной части Балтийского региона ширились и крепили торговые связи Руси со славянским берегом Варяжского моря. Новгородские и ладожские купцы были постоянными гостями в поморском Волине — торговой столице Северной Европы, о которой рассказывали всякие чудеса⁴⁷¹. Поморские славяне, в свою очередь, толпами устремлялись на Русь — одни ехали

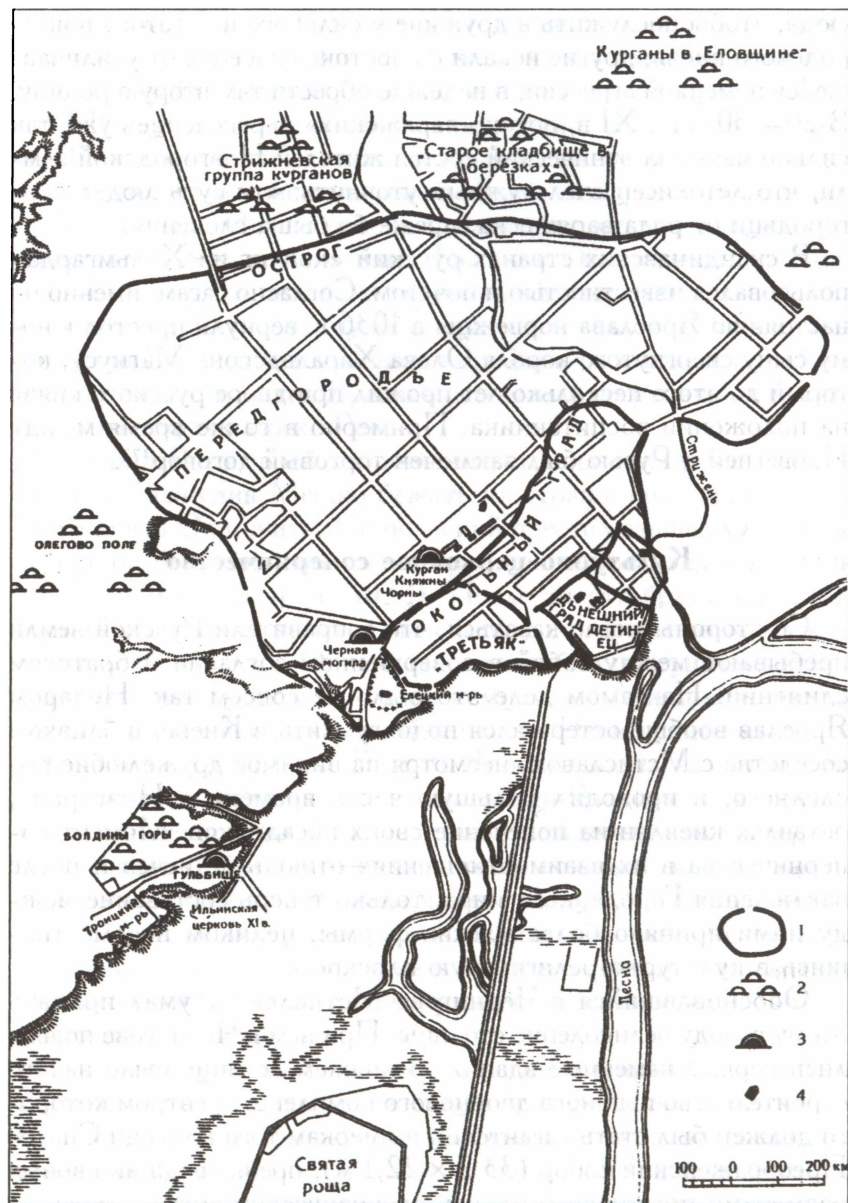
сюда, чтобы послужить в дружине у сильного и богатого новгородского князя, другие искали на востоке спасение от усиливавшейся немецкой агрессии, в надежде обрести там вторую родину. В 20—30-х гг. XI в. поток «варяжских» переселенцев уже так сильно изменил этнический состав жителей Новгородской земли, что летописец счел нужным уточнить: «ти суть людье новгородьци от рода варяжска, преже бо быша словени».

В скандинавских странах русский «конунг из Хольмгарда» пользовался известностью и почетом. Согласно сагам, именно по настоянию Ярослава норвежцы в 1036 г. вернули престол юному сыну свергнутого короля Олава Харальдссона Магнусу, который до этого несколько лет прожил при дворе русского князя на положении воспитанника. Примерно в то же время между Норвегией и Русью был заключен торговый договор⁴⁷².

Культурно-церковное соперничество

Со стороны могло казаться, что соправители Русской земли пребывают между собой в совершенном согласии и братском единении. На самом деле это было не совсем так. Недаром Ярослав вообще остерегался подолгу жить в Киеве, в близком соседстве с Мстиславом, несмотря на видимое дружелюбие последнего, и проводил большую часть времени в Новгороде, оставляя киевлян на попечение своих посадников. Момент соперничества в их взаимоотношениях отнюдь не исчез и после заключения Городецкого мира, только теперь состязание между ними приняло более мягкие формы, целиком переместившись в культурно-религиозную плоскость.

Обосновавшийся в Чернигове Мстислав задумал придать этому городу величие столицы. При нем в Чернигове появились первые каменные здания. В князем детинце было начато строительство пышного дворцового комплекса, центром которого должен был стать гигантский по меркам того времени Спасо-Преображенский собор (33,2 × 22,1 м), превзошедший своими размерами прежнюю гордость древнерусской архитектуры — Десятинную церковь в Киеве. Над сооружением черниговского

План древнего Чернигова

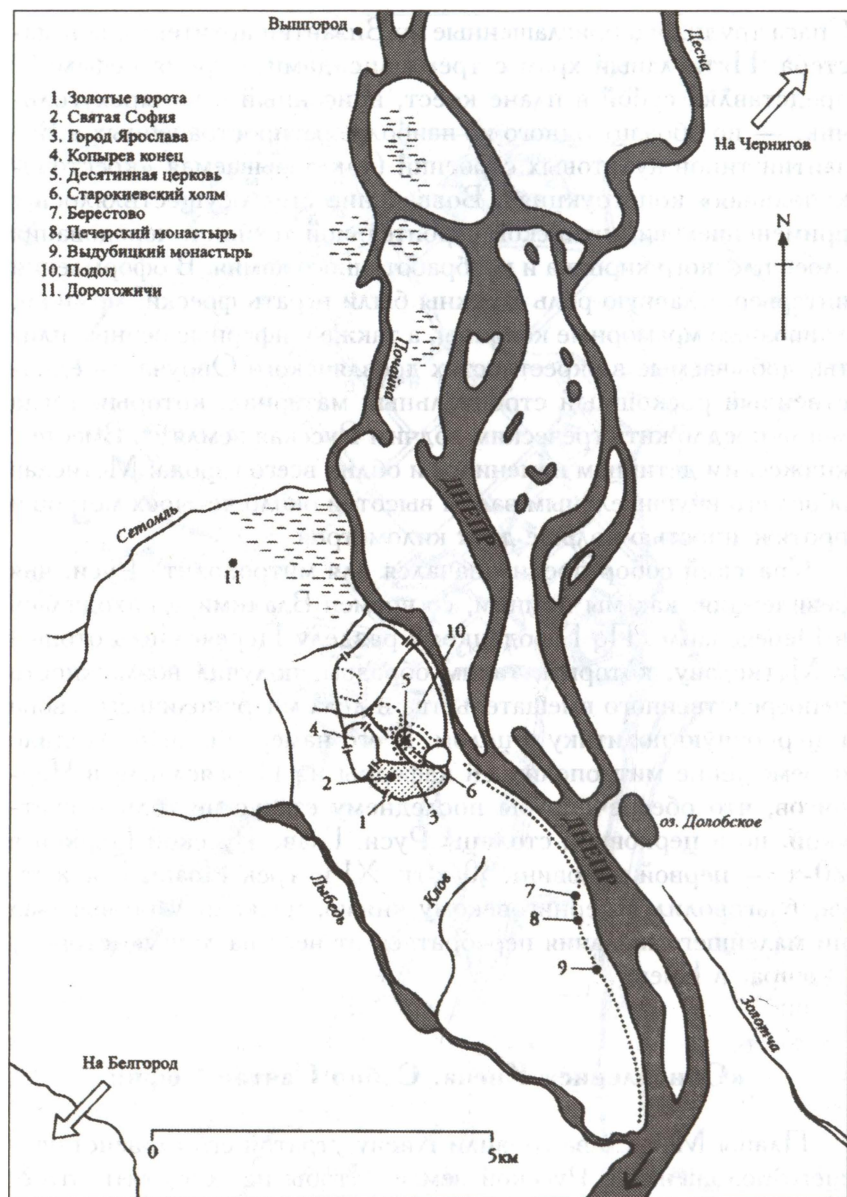

Спаса трудились приглашенные из Византии архитекторы и мастера. Пятиглавый храм с тремя апсидами и тремя нефами⁴⁷³ представлял собой в плане крест, вписанный в четырехугольник, — по образцу одного из наиболее распространенных в Византии типов культовых строений (так называемая «крестово-купольная» конструкция). Возведение стен осуществлялось с применением византийской строительной техники: чередования слоев плоского кирпича и необработанного камня. В оформлении интерьера главную роль должны были играть фрески, мозаики, привозные мраморные колонны, а также шиферные резные плиты, добываемые в окрестностях древлянского Овруча — единственный роскошный строительный материал, который тогда могла предложить греческим зодчим Русская земля⁴⁷⁴. Вместе с княжеским детинцем изменился и облик всего города: Мстислав обвел его внушительным валом высотой около четырех метров и протяженностью больше двух километров.

Спасский собор предназначался для митрополита Руси, чья резиденция, как мы помним, со времен Владимира находилась в Переяславле. По Городецкому разделу Переяславль отошел к Мстиславу, который, таким образом, получил возможность непосредственного вмешательства в дела митрополичьего двора и церковную политику в целом. В его намерения явно входило перемещение митрополичьей кафедры из Переяславля в Чернигов, что обеспечило бы последнему статус не только светской, но и церковной столицы Руси. Глава Русской Церкви в 20-х — первой половине 30-х гг. XI в. грек Иоанн I, кажется, благоволил к черниговскому князю, поскольку не выказал ни малейшего желания перебраться от него на другую сторону Днепра, в Киев.

«Обновление» Киева. Собор Святой Софии

Планы Мстислава грозили Киеву утратой его главенствующего положения в Русской земле. Чтобы не допустить этого, Ярослав должен был поставить великокняжеский стол на такую материальную и культурную основу, которая сделала бы

План древнего Киева

неоспоримым превосходство Киева над другими русскими городами и укрепила престиж великого князя.

В ответ на вызов, брошенный Мстиславом «матери городов русских», Ярослав развернул в Киеве крупномасштабное строительство. Его обширные начинания далеко превосходили строительную программу Мстислава в Чернигове. Ярослав произвел коренную перепланировку Киева. Укрепленная часть города была значительно расширена, в результате чего прежний городской центр — княжеский замок на Старокиевском холме — превратился всего лишь в северную цитадель новой крепости, занявшей около 70 гектаров земли. С востока, юга и запада ее обнимала трехкилометровая линия мощных земляных валов, достигавших у основания тридцатиметровой ширины и увенчанных деревянными палисадами, благодаря чему городская стража наблюдала за окрестностями с высоты 16 метров. По оценкам специалистов, выполнение подобного объема земляных работ потребовало бы от тысячи человек неустанного труда в течение четырех лет⁴⁷⁵. Три въезда в город — через Лядские, Золотые и Жидовские ворота — охраняли надвратные башни, по крайней мере одна из которых (над Золотыми воротами) была каменной. Хорошо укрепленный «город Ярослава»⁴⁷⁶ надежно прикрыл низменный район Подола от нападений со стороны степи.

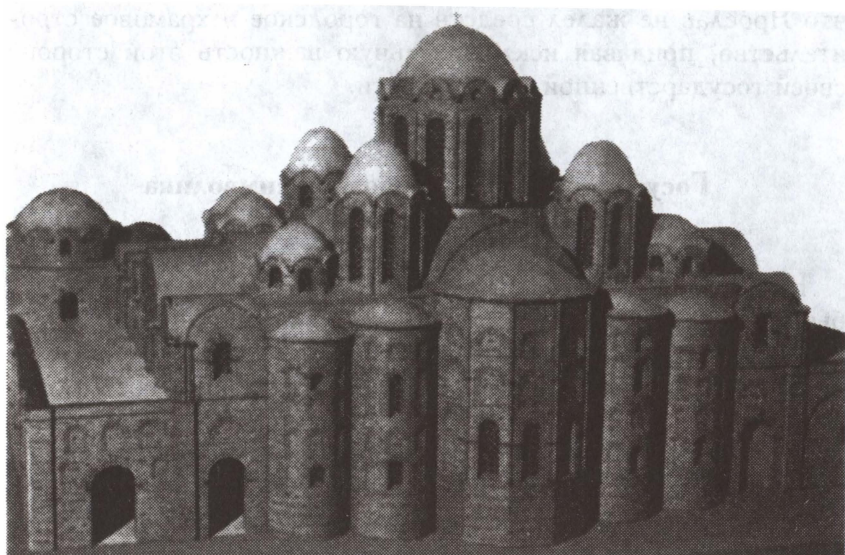
Градостроительная деятельность Ярослава была изумительна не только по своему размаху, ее отличала еще и идейная новизна. Если Мстислав в своем стремлении превзойти дворцовый комплекс Владимира состязался, в сущности, с прошлым, то Ярослав созидал будущее. Благодаря ему городской ландшафт Киева преобразился не просто за счет расширения площади застройки. Обновленному городу Ярослав дал новое сердце, как в топографическом, так и в духовном смысле⁴⁷⁷. Первым из русских князей он перенес центр церковного великолепия с княжеского двора в самую гущу городской общины. Каменный храм Святой Софии Премудрости Божией⁴⁷⁸ — эта новая христианская святыня, призванная затмить величие Спасского собора в Чернигове, — был заложен на месте одноименной деревянной церкви, прямо посередине «города Ярослава», на перекрестье улиц, идущих от трех городских ворот.

По замыслу Ярослава, Софийский собор должен был поражать воображение своими размерами и благолепием. Главное здание храма изначально представляло собой огромный куб (29,3 × 29,3 м в основании), центральный купол которого, вздымавшийся почти на тридцатиметровую высоту, был окружен двенадцатью верхами поменьше, собранными в четыре группы⁴⁷⁹. С трех сторон (кроме восточной, алтарной) к храмовому зданию примыкала двухэтажная галерея, увеличивавшая его общую длину до 41,7, а ширину до 56,4 метра. Лестницы в двух угловых башнях вели во внутреннюю галерею (хоры), тянувшуюся на уровне второго этажа по северной, западной и южной стенам. Количество колонн, поддерживавших «парусные» своды и арки, было значительно увеличено, вместо обычных трех апсид и трех нефов устроили пять.

Со временем внешние украшения и облицовка храма погибли, исчезли мраморные и алебастровые колонны переднего притвора, здание собора подверглось перестройкам, отчего сегодняшняя киевская София внешне мало чем напоминает свой древний первообраз. Но внутри помещения все еще можно видеть уцелевшие фрагменты фресковой живописи и мозаичных изображений. Среди последних особенно сильное впечатление оставляет огромный погрудный образ Христа Вседержителя, помещенный в куполе, внутри радужного круга, и не менее величественная фигура Богородицы «Нерушимая стена»⁴⁸⁰ в алтаре, под которой Христос причащает апостолов. Цветовая гамма софийских мозаик насчитывает 177 оттенков с преобладанием синих, зеленых и золотых тонов. Из фресок, покрывавших некогда остальное пространство храма, сохранились отдельные фигуры апостолов и святителей Церкви, 15 (из 40) погрудных изображений севастьянских мучеников в медальонах на подпружных арках, сцена Благовещения и ряд других многофигурных композиций на сюжеты Священной и церковной истории.

Совершенно иной характер имеет живопись, украшающая две лестницы, по которым Ярослав и Ингигерд поднимались на хоры. Здесь всецело господствует мирская стихия. Показаны излюбленные княжеские развлечения: охота на кабана, волка, медведя, дикую лошадь, выступление скоморохов, му-

Собор Святой Софии в Киеве. Первоначальный вид

зыкантиков, танцоров и акробатов; к этому добавлены сцены из придворного и городского быта Константинополя: василевс, сидящий на троне, выход императрицы в сопровождении свиты, ипподром с четырьмя закрытыми воротами, готовые к ристанию квадриги. Выбор данных сюжетов подсказан вкусовыми пристрастиями византийских императоров, любивших украшать свои дворцы сценами разных увеселений и военных подвигов.

Почти одновременно со Святой Софией, достроенной в 1037 г.⁴⁸¹, были закончены постройкой еще две каменные церкви, меньших размеров: Святого Георгия (в честь небесного патрона Ярослава) и надвратная Благовещенская (на Золотых воротах). Подсчитано, что возведение «города Ярослава» со всеми его укреплениями и храмами обошлось княжеской казне примерно в 50 тысяч гривен⁴⁸². Об экстраординарности этой суммы можно судить хотя бы по тому факту, что ежегодный «урок», выплачиваемый великому князю таким крупным городом, как Новгород, составлял 2 тысячи гривен. Очевидно,

что Ярослав не жалел средств на городское и храмовое строительство, придавая исключительную важность этой стороне своей государственной деятельности.

Государственно-религиозная символика градостроительства Ярослава

Но не одни колоссальные затраты и внешний блеск должны были обеспечить Киеву достойное место среди признанных мировых столиц. Идея его «столичности» была заключена в самой пространственной организации «города Ярослава», которая наглядно воплощала средневековые представления о странствующем Граде, или *translatio Hierosolimi* («перенос Иерусалима»), особенно популярные на православном Востоке. Считалось, что после того, как «ветхий» Иерусалим утратил свою провиденциальную роль в деле спасения человечества, сакральная столица мира переместилась (не в метафорическом, а в буквальном смысле) в Константинополь, ставший отныне земным олицетворением Града Божьего, Небесного Иерусалима.

Уже при Юстиниане I (527—565) городская структура Константинополя была приведена в соответствие с этой идеей⁴⁸³. В центре византийской столицы был сооружен грандиозный собор Святой Софии Премудрости Божией, превзошедший свой ветхозаветный прототип — Иерусалимский храм Господень, а городскую стену украсили парадные Золотые ворота, через которые, как ожидалось, в богоизбранный город войдет Христос, дабы завершить земную историю человечества, подобно тому, как некогда Царь мира въехал в Золотые ворота «ветхого» Иерусалима, чтобы указать людям путь спасения. Бесценная реликвия — частица Святого Креста, вправленная в статую Константина Великого, у подножия которой совершалось ежегодное празднование дня «обновления» Константинополя (11 мая)⁴⁸⁴, — придавала образной системе уподобления Царьграда столице «нового Израиля» неотразимую убедительность и завершенность.

«Варварские» народы, принявшие крещение от греков, получали идею *translatio Hierosolimi* в готовом виде, вместе с ви-

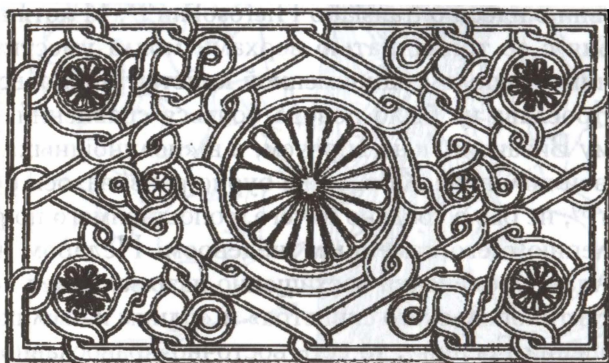

Интерьер Софийского собора в Киеве

зантийской культурой и письменностью. Русь не была тут исключением, о чем свидетельствуют самые ранние произведения древнерусской словесности, где Константинополь без обиняков именуется Новым Иерусалимом. Поэтому для исторического самосознания и политического мышления первых христианских правителей Русской земли в той или иной степени было характерно стремление к имитации «ромейской парадигмы»⁴⁸⁵, с той разницей, что за первообраз, подлежащий *translatio*, брался уже не «ветхий» Иерусалим, а Константинополь. Владимир, а еще раньше Ольга подчеркнуто наделяли Киев некоторыми символическими знаками «нового Царьграда». В «городе Ярославла» эта аналогия легла в основу его архитектурного плана.

Русский Царьград обзавелся собственными Золотыми воротами, храмом Святой Софии и, подобно Царьграду греческому, был вручен покровительству Богородицы («Предал народ твой и город святой всеславной Богородице, скорой на помощь христианам», — сказано о Ярославе в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона; о том же говорит Ипатьевская летопись: «Сии же премудрыи князь Ярослав того дея створи Благовещение на вратех [Золотых воротах], дасть всегда радость граду тому святым благовещением Господним и молитвою святыя Богородица»). Но меньше всего тут было простого внешне-го подражательства. Перенималась глубинная символика византийской столицы как духовного центра христианского мира. В архитектурных формах киевской Софии Ярослав вовсе и не думал ученически воспроизводить знаменитый византийский образец. Несмотря на то что вести строительство было поручено византийским зодчим, Софийский собор Киева отличала замечательная архитектурно-каноническая самобытность, истоки которой, по мнению искусствоведов, следует искать в изначальном замысле князя и русского духовенства — подлинных создателей храма⁴⁸⁶. То, чем была для них киевская София, проясняет греческая надпись из Псалтири, нанесенная при жизни Ярослава на алтарную арку храма: «Бог посреди нее, и она не поколеблется. Поможет ей Бог с раннего утра». По преданию, этот стих был начертан на кирпичях, из которых были возведены подпружные арки и купол Софии Константинопольской. Но в со-

Шиферные плиты из Софийского собора в Киеве

Софийский собор в Константинополе

чинениях отцов Церкви его толковали еще и как пророчество о Небесном Иерусалиме (в греческом языке слово *полис*, «город», женского рода, отсюда — «она»)⁴⁸⁷. И при взгляде на киевскую Софию с точки зрения этой духовной традиции в ее чертах явственно проступал идеальный образ нерушимого Храма Господня.

Подобные сопоставления в то время воспринимались буквально. Создавая каменный Киев, Ярослав в прямом смысле слова переносил «Град Божий» в Русскую землю, — в полном соответствии с идеей о *translatio Hierosolimi*⁴⁸⁸. И хотя вся киевская София с ее тринадцатью верхами могла уместиться под единственным куполом одноименной константинопольской святыни, у Ярослава не было повода бояться сравнений: в современной ему Византии, как, впрочем, и в «полуношных» странах, где в первой половине XI в. тоже бурно развивалось церковное зодчество⁴⁸⁹, не было создано ничего, сопоставимого по размерам и великолепию с его каменным шедевром. Недаром немецкий хронист Адам Бременский восхищенно называл Киев «соперником константинопольского скипетра» и «одним из великолепнейших украшений Греции», то есть восточно-православного мира.

Смерть Мстислава

Архитектурная мысль Средневековья всегда следовала политическим идеям своего времени⁴⁹⁰, и «сакрализация» Киева преследовала вполне определенную политическую цель: воспрепятствовать росту духовного значения Чернигова после предполагавшегося переноса туда митрополичьего двора. Неизвестно, во что бы вылилось соперничество киевского и черниговского князей, продлилось оно и дальше. Но щекотливая ситуация двоевластия разрешилась сама собой. В 1034 г., или, по другим известиям, в 1036 г., охотясь в черниговских лесах, Мстислав «разболелся и умре». Тело князя привезли в Чернигов и похоронили в недостроенном Спасском соборе, стены которого, по свидетельству летописи, были доведены к тому времени до такой высоты, что стоящий на лошади всадник мог дотянуться до их верха рукой («яко на кони стояще рукою досящи»)⁴⁹¹.

Благовещение. Фреска Софийского собора в Киеве. XI в.

В Повесть временных лет попало похвальное слово Мстиславу, воспевающее князя-богатыря, так много радевшего о своей дружине: «бе же Мьстислав дебел телом, чермен [красив] лицом, великы име очи, храбр на рати и милостив, и любяше дружину повелику, а имения не щадяще, ни питья, ни ядения не браняше». Предполагается, что этот отрывок мог быть заимствован из «тмутороканских хроник» или дружинных песен лицом, прямо или косвенно причастным к составлению летописи⁴⁹². Сами киевляне, не забывшие посягательств Мстислава на политическую и духовную гегемонию Киева, вспоминали о нем без восторга и даже с откровенной недоброжелательностью. Например, анонимный автор сказания о создании

Печерской церкви (в составе Киево-Печерского патерика) называет Мстислава не «милостивым», а *лютым*.

Мстислав не оставил наследника. Единственный сын его Евстафий умер годом раньше. Поэтому по смерти Мстислава «перей власть [волость] его всю Ярослав и бысть самовластец Русьстей земли⁴⁹³». Но новгородцы не желали оставаться без князя. Для того чтобы урегулировать отношения со своей вотчиной, Ярослав в 1036 г. совершил поездку в Новгород. На новгородский стол был посажен старший сын Ярослава и Ингигерд — шестнадцатилетний Владимир. Кроме того, «самовластец» поставил в новгородские епископы некоего Луку Жидяту. Судя по прозвищу, новый новгородский архиерей был слабого телосложения⁴⁹⁴ и вел воздержную жизнь.

Тогда же Ярослав «всадил в поруб» во Пскове последнего своего брата, Судислава; «оклеветан бе бо к нему», поясняет летописец. Впрочем, клевета сама по себе вряд ли могла служить причиной крайне жестокого наказания Судислава, которого «самовластец» продержал в тюрьме «до живота своего», то есть целых восемнадцать лет, до самой своей смерти в 1054 г. Княжить самовластно тогда означало: не делить власть с другими родственниками. Добившись заветной цели после изнурительной двадцатилетней борьбы за власть, Ярослав, вероятно, не устоял перед постыдным искушением и, не стеснясь вздорностью выдвинутых против Судислава обвинений, избавился от последнего возможного претендента на великое княжение.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ «САМОВЛАСТЕЦ» РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Глава 1

РОЖДЕНИЕ «РУССКОЙ ИДЕИ»

Переводческая деятельность при дворе Ярослава

Наметившаяся трещина на государственном фасаде Руси снова была благополучно замазана. После длительной эпохи смуты и династических передряг все ресурсы страны наконец оказались в руках единственного носителя верховной власти. Политический, военный и нравственный авторитет Ярослава к тому времени стоял чрезвычайно высоко. Вступившего в пору зрелости «самовластца» знали как опытного полководца и дипломата, и не менее того — как ревнителя христианского благочестия и страстного книгочея: «И бе Ярослав любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же [сверх обычного, особенно] черноризьце, и книгам прилежа, и почитая их часто в нощи и во дне» (Повесть временных лет, под 1037 г.).

Правда, в этом превосходном наборе личных и деловых качеств отсутствовала такая важная черта идеального образа средневекового государя, как телесное совершенство, но русские люди охотно закрывали глаза на небольшой физический недостаток своего князя: «Бяше же хромоног, но умом совершен и храбор на рати, и христиан любя, и чтяше сам книги» (Воскресенская летопись, под 1036 г.).

Современный историк вполне может присоединиться к этой оценке, добавив, что в лице Ярослава христианский мир, западный и восточный, обрел лучшего государя своего времени — образованного, целеустремленного, деятельного, открытого к восприятию новых идей и осознанно стремившегося к тому, чтобы его государственная деятельность опиралась на идейную основу.

Свинцовая печать князя Ярослава с его портретом (справа)
и изображением Георгия Победоносца (слева)

Интеллектуализм был, пожалуй, самой замечательной чертой двора Ярослава. В то время ни одна европейская столица, включая Константинополь, не жила такой напряженной умственной жизнью, как Киев второй половины 30-х — начала 50-х гг. XI в. Будучи человеком высокой культуры и широкого кругозора, Ярослав окружил себя людьми просвещенными. То были преимущественно лица духовного звания — священники и монахи, находившиеся при князе на положении «княжих попов». По сообщению Повести временных лет, Ярослав содержал их в своей любимой загородной резиденции на Берестове: «Боголюбивому князю Ярославу любящую Берестовое и церковь ту сущую святых Апостол, и попы многи набдящую [содержал]». В этих духовных наставниках и ученых собеседниках великого князя нетрудно узнать повзрослевших детей «нарочитой чади», некогда отданных по велению Владимира на «ученье книжное».

Особенным доверием Ярослава пользовался инок Иларион, «русин» по происхождению, в то время — пресвитер берестовской церкви Святых Апостолов, «муж благ, книжен и постник», по словам летописи. С его именем также связано зарождение Печерской обители, где он был первым насельником. Питая склонность к уединению, Иларион облюбывал на берегу Днепра, немного южнее Берестова, безлюдный холм, поросший густым лесом, «и ископа печерку малу, дву сажень, и приходя з Бересто-

Князь Ярослав и его сыновья. Фреска Софийского собора в Киеве (зарисовка 1651 г.)

вого отпеваше часы, и моляше Богу там втайне». Позже, когда Иларион возглавил Русскую Церковь, в его опустевшей «пещерке» поселился преподобный Антоний, вслед за которым на днепровскую «гору» пришла и первая братия Печерского монастыря, числом 12 человек.

Начитанный и образованный, княжий любимец и сам прекрасно владел пером. Вероятно, при его участии на Берестове составилась целый кружок переводчиков с греческого. За несколько лет была проделана огромная культурная работа: «И собора [Ярослав] писцы многы, и прекладаше от грек на словенское письмо, и списаша книги многы». У греков искали то, чего не находили у болгар и моравов, чьи литературные богатства, пускай уже и переложенные на «словенское письмо», почти исчерпывались книгами, связанными с богослужебным обиходом (Священное Писание, творения святых отцов для чтения в храмах и т. д.). Переводили «от грек» больше книги исторические, трактовавшие всемирную историю, под которой понималась преимущественно история еврейская и византийская, с позиций церковно-религиозного мировоззрения. Но корпели над древними пергаменами и свитками отнюдь не из-за отвлеченного интереса к прошлому. В исторических штудиях Ярославова двора рождался ответ на главный вопрос, поставленный перед образованным слоем древнерусского общества всем ходом исторического развития Русской земли, — о

сопряжении ее национальной истории с мировым историческим процессом⁴⁹⁵. Обращение в этой связи к историографическому наследию Византии было, конечно, не случайным, ибо стройная концепция всемирной истории (естественно, в христианском ее понимании) была тогда разработана только в рамках византийской историко-философской традиции.

В начале византийской историософии лежал акт божественного творения и драматическое происшествие, предопределившее дальнейшее течение событий, — грехопадение человека. С этого момента человеческая история становилась как бы двуплановой, или двустворчатой, разделяясь на Священную историю и историю мирскую. Каждая из них развивала свою главную тему. Священная история вершилась всецело по воле Бога и под знаком предвозвестия. Ветхий Завет возвещал Новый, перекликаясь с ним на различных смысловых уровнях по принципу аналогии, причем этот параллелизм был настолько всеобъемлющим, что для средневековых книжников воистину не существовало такого деяния ветхозаветных персонажей, которое бы не имело своего эха на евангельских страницах.

В разворачивании мирской истории допускалась некоторая толика человеческой свободы воли, хотя и тут в конце концов все совершалось по божественному предначертанию. Исторический путь человечества был озарен сумрачным светом грядущей катастрофы. Мир неудержимо стремился к своему концу. Рано или поздно светопредставление должно было остановить бег времени и завершить историю. А до тех пор, пока не исполнились сроки, светоч истинной веры был помещен в государственную ограду богохранимой империи ромеев. Краеугольным камнем византийской «имперской эсхатологии» было представление о переходе власти, светской и сакральной, — от народа к народу, от царства к царству. Основание для подобной интерпретации хода мирской истории находили в знаменитом пророчестве Даниила⁴⁹⁶. Передача светской власти (*translatio imperii*) происходила в процессе последовательной смены великих держав: Вавилонской, Мидийско-Персидской, Македонской, Римской. Теперь их историческим преемником выступало непобедимое христианское царство — Византия. Наследование сакральной власти шло по дру-

гой линии — от благочестивых царей израильских. Подобно им, византийские василевсы считались помазанниками Божиими, и в этом качестве они превосходили всех земных владык. В конце времен последний властелин православного царства должен был передать свою царственную власть непосредственно самому Христу, прервав течение земной истории.

Историософская доктрина греков ничего не говорила о причастности других народов к истории спасения: политическая пропаганда и страстное чувство национального превосходства почти заглушили в ней христианский универсализм. Но она содержала общие принципы христианской философии истории и готовые формулы для встраивания частной истории в глобальный исторический процесс. Вот этот методологический каркас и был бесценной находкой берестовских книжников. И потому их переводы сыграли поистине выдающуюся роль в истории древнерусской мысли. Это была настоящая школа самостоятельной умственной деятельности. Протоиерей Георгий Флоровский очень верно заметил, что «для перевода требуется большое творческое напряжение, великая изобретательность и находчивость, и не только на слова. Переводить, это значит бдительно и испытывать. Это совсем не только простое упражнение или формальная гимнастика мысли. Подлинный перевод всегда соозначает и становление самого переводчика, его вхождение в предмет... не только словесный процесс, но именно сложение мысли»⁴⁹⁷. Неудивительно, что именно отсюда, из Берестова, в первые же годы «самовластного» княжения Ярослава раздалось самородное русское слово, прервавшее затяжное «русское молчание». После почти двухвекового периода безгласия и немоты русский дух наконец выразил себя в словесном и мысленном творчестве.

«Слово о законе и благодати»

В конце 1037 или в начале 1038 г. Иларион преподнес князю свое сочинение «Слово о законе и благодати»⁴⁹⁸. Непосредственным поводом к его написанию послужило завершение строительства «города Ярослава». Киев праздновал свое «обновление» во

образе Божьего Града, и при дворе Ярослава это событие осмыслили самым ответственным образом, выработав оригинальное историософское воззрение на судьбы Русской земли.

«Слово о законе и благодати» насыщено библейским материалом и цитатами из Священного Писания. Но это совсем не богословский трактат. Илариона занимает прежде всего и по преимуществу философско-историческая проблематика, хотя и в религиозном ее преломлении. Есть ли в историческом развитии человечества какая-то закономерность? Является ли вселенская история по сути историей только одного, «избранного» народа, через который вершится Божий замысел о мире, или же благодать Господня изливается на разные народы и страны? Кто такие русские люди: свободные и полноправные творцы христианской истории или вся их историческая роль сводится лишь к тому, чтобы пассивно воспринимать миссионерскую проповедь со стороны более «старых» христианских народов? В каком отношении стоит христианское настоящее Русской земли к ее языческому прошлому? В самой постановке этих вопросов сказывается ум, воспитанный в кирилло-мефодиевской традиции. Но никогда раньше в славянской, а может быть, и во всей христианской письменности идея равенства народов не звучала с такой ясностью и такой силой.

О своем *credo* Иларион заявил в первых же строках «Слова»: «Благословен Господь Бог Израилев, Бог христианский, яко посети и сотвори избавление людем своим, яко не презре до конца твари своя идольским мраком одержиме быти и бесовским служением гибнути». Для того чтобы мысль Илариона раскрылась во всей своей полноте, необходимо иметь в виду ее первоисточник. Это — первая глава Евангелия от Луки, где между прочим говорится: «Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ свой, и сотворил избавление ему» (Лк., 1: 68). Интереснее всего тут именно несовпадения. Иларион кардинально переиначивает евангельский текст, тщательно устраняя всякий намек на узкоплеменные черты ветхозаветного божества⁴⁹⁹. «Бог Израилев» для него тождествен христианскому Богу, то есть новозаветной Троице и Ее богочеловеческой ипостаси — Иисусу Христу, который «приде» не к избранным, а

ко всем «живущим бо на земли человеком». Конечно, рассуждает дальше Иларион, Бог сперва указал путь закона одному «племени Авраамову», но затем «Сыном Своим вся языки [народы] спасе». Да и сам закон, собственно, был дан через иудеев всем людям для того, чтобы «человеческое естество» обывало «в единого Бога веровати, от многобожества идольскаго уклоняся», чтобы все человечество, «яко сосуд скверный», омытый чистой водою закона, могло воспринять «млеко благодати и крещения». Ибо «закон бо предтеча бе и слуга благодати и истине, истина же и благодать — слуги будущему веку, жизни нетленной... Прежде закон, потом благодать, прежде тень, потом истина»⁵⁰⁰.

Пришествие истины и благодати в мир, уверен Иларион, открыло новую эру в истории человечества. Закон, пишет он, отошел, как свет луны, померкший в лучах воссиявшего солнца. И кончилась ночная стужа от солнечной теплоты, согревшей землю. «И уже не теснится в законе человечество, но в благодати пространо [свободно] ходить»⁵⁰¹. Закон был несовершенен, в частности потому, что «оправдание иудейско скупое бе, зависти ради», не простиралось «в ины языки, но токмо в Иудее единой бе»; христианская же вера «благо и щедро простираяся на вся края земныя». Эту мысль о всемирно-исторической роли христианства Иларион подкрепляет множеством цитат из ветхозаветных книг и Евангелия, всячески подчеркивая, что победа христианства над иудейством, благодати над законом не простая историческая случайность, но закономерность, вложенная Промыслом в течение вселенской истории. Сам Господь через пророков и Сына Своего осудил слепоту и гордыню иудейского народа, который, не приняв Спасителя, лишил себя исторического будущего. Такова расплата за национально-религиозное обособление. А потому подобает «благодати и истине на новы люди всиати», ибо «не вливають бо, по словеси Господню, вина новаго — учения благодатна — в мехы ветхы, обветшавши в иудействе, аще ли просядутся меси и вино прольется... Но ново учение — новы мехы, новы языки».

Итак, по Илариону, историческое содержание эпохи благодати заключается в приобщении все новых и новых «языков» к

христианскому вероучению. Христова благодать наполняет всю землю, покрывая ее, «яко вода морская». Каждый народ призван стать в конце концов «народом Божиим»: «во всех языцех спасение Твое». Исключение составляют одни иудеи, в которых обладание законом — этой тенью благодати и истины в эпоху языческой «лести» — породило губительное чувство национальной исключительности и замкнутости. Притязание на превосходство отсекло их от истины и сделало даже хуже язычников, закона не знавших, но зато и более открытых для восприятия Христовой веры (предрасположенность языческих народов к грядущему обновлению во Христе для Илариона символизируют волхвы, принесшие дары младенцу Иисусу).

Таким образом, народы земли проходят в своем развитии через два состояния: «идольского мрака» и богопознания. Первое состояние — это рабство, блуждание во тьме, «непроявленность» исторического бытия, второе — свобода, полнота исторических сил, разумное и уверенное созидание будущего. Переход из одного состояния в другое знаменует вступление народа в пору исторической зрелости. С этого момента национальная история вливается в мировой исторический поток.

Распространение благодати, как оно рисуется в «Слове», — пространственно-временной процесс. Одни народы вовлекаются в него раньше, другие позже. Взор Илариона обращается к Русской земле, которая вслед за другими странами, в положенное ей время, познала истинного Бога: «Вера благодатная по всей земли простресея и до нашего языка рускаго доиде. И озеро закона иссохло, евангельский же источник наводнився и всю землю покрыл и до нас разлиася. Се бо уже и мы с всеми христиаными славим Святую Троицу...»

Величие и значимость происшедшей на Руси перемены Иларион дает почувствовать рядом сильных противопоставлений прошлого и настоящего: «Уже не идолослужители зовемся, но христиании... И уже не капище сотонино сограждаемъ, но Христовы церкви зиждемъ. Уже не закалаем бесом друг друга, но Христос за нас закалаемъ бываетъ и дробим в жертву Богу и Отцу. И уже не жертвенныя крове вкушающе погыбаем, но Христовы пречистыя крове вкушающе спасаемъся. Вся страны

благый Бог наш помилова и нас не презре: восхоте и спасе нас и в разум истинный приведе. В пустой и пересохшей земле нашей, иссушенной идольским зноом, внезапно потек источник евангельский, напаяя всю землю нашу... Бывше нам слепом и истинного света не видящемь, но в лести идольстии блудящемь, к сему же и глухом от спасенаго учения [к спасительному учению]. Помилова нас Бог и всиа и в нас свет разума, чтобы познати Его... Спотыкались мы на путях погибели, следуя за бесами, не ведали пути, ведущего в жизнь вечную. К сему же гугнахом [бормотали] языки нашими, моляше идолов, а не Бога своего и Творца. Посетило нас человеколюбие Божие, и уже не последуем бесом, но ясно славим Христа, Бога нашего... Прежде бывшем нам, яко зверем и скотом, не разумеющемь деснице и шюице [где право, где лево]; о земном пеклись, нимало не радея о небесном. Но посла Господь и к нам заповеди, ведущая в жизнь вечную... Итак, странни суще [чужими были], а людие Божии нарекохомся, и враги бывше сынове Его прозвахомся».

Знаменательно, однако, что в тоне Илариона преобладает восхищение дарами благодати. Заблуждения и ужасы эпохи «идолослужения» лишь оттеняют радость преображения. Так бабочка смотрит на покинутый ею кокон. Произошла метаморфоза — чудесная и вместе с тем неизбежная. Иларион снова подчеркивает, что принятие Русской землей христианства было предусмотрено в божественном плане мировой истории: «Сбылось у нас реченое [сказанное пророками] о языцех». Из этого следует, что и дохристианская история Руси имеет непреходящее значение. Языческое прошлое — это не то, что должно быть осуждено, отвергнуто и забыто, а то, что подлежит спасительному исцелению. Крещение не разрывает, а скрепляет связь времен. Освещая лучами благодати настоящее и будущее, оно бросает провиденциальный свет и на пройденный путь, который теперь получает свое историческое оправдание.

Нерасторжимое единство двух эпох русской истории — языческой и христианской — в «Слове» олицетворяет князь Владимир. Воздавая хвалу крестителю Русской земли, Иларион славит вместе с ним свою страну, сумевшую за недолгий исторический срок встать вровень с великими державами мира: «Хвалит же

похвальными гласы Римская страна Петра и Павла, ими же вероваша в Исуса Христа Сына Божия, Азия, и Эфес, и Патм — Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Вся страны, грады и людие чтут и славят коегождо [каждые] их учителя, иже научиша православней вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами великая и дивная сотворившаго нашего учителя и наставника, великаго кагана наша земля Володимера, внука старого Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в своя лета владычествующе, мужьством же и храборством прослуша [прослыли] в странах многих и победами и крепостию поминаются ныне и словуть. Не в хуе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в Русьской, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли».

Перо Илариона прочерчивает историю Руси одной сплошной линией, языческая старина лучшими своими сторонами крепко вырастает в приближающийся век благодати⁵⁰². Время Владимира — не перелом эпох, а их средостение. «Великий каган» представлен наследником своих предков-язычников, за которыми, оказывается, числятся не только мерзости идолослужения, но и немалые исторические заслуги. Не превозносясь, подобно иудеям, над остальными народами («четыре конца земли» не умалены перед Русской землей, наоборот, они достойные свидетели ее торжества), предшественники Владимира своими ратными трудами доставили славу отечеству, отстаивали честь родной земли. В могуществе Руси, в благородстве русского княжеского рода, в величии деяний предков Иларион видит как бы залог благодатного преобразования Русской земли в будущем, ее историческую способность стать «новыми мехами» для «нового вина».

Та же предуготованность к крещению — предуготованность именно в силу личной доблести и великих свершений — прослеживается в судьбе самого Владимира: «Сей славный от славных рожься, благороден от благородных, каган наш Влодимер. И возрос, и окреп с детскою младости... И единодержец быв земли своеи, покорив под ся округня страны, овы [одни] миром, а непокорливья мечем. И тако ему в дни свои живуцю и землю свою пасущу правдою, мужеством же и смыслом, [тогда] приде на него посещение Всевышнего — призре на него всемилостивое

око благого Бога, и всиа разум в сердци его, яко разумети суету идольской лести и възискати единого Бога, сотворившаго всю тварь видимую и невидимую».

Христианский выбор Владимира, в свою очередь, открыл Русской земле дорогу к новым историческим достижениям. Благоверный посев «не иссушен бысть зноем неверия, но дождем Божией помощи распложен бысть многоплодне». По тому, с какой нескрываемой гордостью Иларион говорит о своем времени, видно, что русские люди переживали тогда редкий и счастливый исторический момент, когда современность кажется венцом всего предыдущего развития. Наследство Владимира находится в надежных руках: «Добр же зело и верен послух сын твой Георгий, его же сотвори Господь наместника по тебе, твоему владычеству». Ярослав не просто преемник и хранитель благоверия («не рушаща твоих устав, но утверждающа»), он — исторический завершитель дела Владимира, «иже недоконьчаная законьча, аки Соломон [дела] Давидова».

Упоминанием библейских царей Иларион вводит в «Слово» центральную тему своего времени — тему Храма и Града, которая звучит апофеозом всего произведения. Обращаясь к Владимиру, Иларион славит его сына «иже Дом Божий великий святыи Его Премудрости [храм Святой Софии] созда, на святость и освящение граду твоему, юже со всякою красотою украси, златом и серебром, и каменiem драгим, и сосуды честными; яже церкви дивна и славна всем округним странам, яко же ине [другой такой] не обрящется во всем полунощи земнем [полунощном мире] от востока до запада. И славный град твой Киев величьем яко венцем обложил, предади люди твоя и град святей всеславнии, скорой на помощь христианом, святей Богородици. Ей же и церковь на великих [Золотых] вратех созда во имя перваго Господьскаго праздника — святаго Благовещения». Благодать Божия, убежден Иларион, распростерлась над русским Иерусалимом отныне и до скончания века, ибо то, что пророчествовал ангел Богородице: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!», будет и граду сему: «Радуйся, благоверный граде, Господь с тобою!»

Страницы «Слова», посвященные истории и современности русского христианства, мощно утверждают идею независимости Русской Церкви, ее право на самостоятельное бытие. Иларион умалчивает о каком бы то ни было миссионерском участии Византии в крещении Руси. Владимир только слышал «о благоверней земле Греческе, христолюбивой и крепкой верою», но обращение князя в христианство произошло по его собственному почину и по внушению свыше. О единстве восточно-христианского мира под властью Константинопольской патриархии Иларион словно бы и не знает; Русская Церковь предстает у него перед Богом без всяких посредников и совершенно не нуждается в них.

Иларион призывает умершего Владимира встать и посмотреть на процветание Русской земли и Русской Церкви: «Встани, о честная главо, от гроба твоего, встани, отряси сон, неси бо умерл, но спиши до общаго всем встания... Встани, виждь чадо свое Георгия, виждь утробу свою, виждь милаго своего, виждь, егоже Господь изведе от чресл твоих; виждь красящего стол земли твоей, и возрадуйся и возвеселися. К сему же виждь и благоверную сноху твою Ерину [Ирину-Ингигерд], виждь внуки твоя и правнуки, како жить, како хранимы суть Господемъ, како благоверие держать по преданию твоему, како в святыхъ церкви частять, како славять Христа, како поклоняются имени Его. Виждь же и град величеством сияющъ, виждь церкви цветуща, виждь християнство растуще, виждь град, иконами святых освящаем, блистающъся, и тимияном обухаем [фимиамом благоухающий], и хвалами и божественными песнями святыми оглашаем. И си вся видев, возрадуйся и возвеселися и похвали благаго Бога, всем сим строителя».

В заключение Иларион просит Владимира помолиться о земле Русской, о людях ее и особенно о сыне своем, «благовернем кагане нашем Георгии», дабы он без ущерба веру сохранил и «с богатством добрых дел без соблазна Богом данными ему люди управившу».

«Слово о законе и благодати», по собственному замечанию его автора, было адресовано не к «неведущим», но к «преизлиха насыщшемся сладости книжныя». Другими словами, Ила-

рион удовлетворял интеллектуальные запросы немногих лиц — даже не всего княжеского двора, а только самого Ярослава и состоявшего при нем избранного кружка образованных книжников. Тем не менее Иларионово «Слово» нельзя ограничить рамками «элитарной литературы», ни вообще «литературы». В известном смысле оно было явлением государственного порядка. Историческое воззрение Илариона по справедливости можно считать первой в истории отечественной мысли «русской идеей», содержащей в себе доктрину национальной независимости и исторического оптимизма⁵⁰³. Обращаясь к прошлому, «Слово» имело в виду живую современность, провозглашало неотъемлемое право Руси и Русской Церкви на самостоятельное историческое бытие. И в этом голос Илариона был настолько созвучен общей тональности Ярославова княжения, что сегодня «Слово» кажется чуть ли не программой деятельности «самовластца», который, продолжая дело своего великого отца, положил жизнь на укрепление государственного, церковного и духовного суверенитета Русской земли.

Глава 2

ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ

Военная помощь Польше

Новые церковно-политические идеи, выпестованные при дворе Ярослава, оказали огромное воздействие на отношения Русской земли с соседними государствами. Если говорить о связях с западными странами, то здесь в 30—40-х гг. XI в. обозначился важный перелом. Более или менее случайные политические контакты предшествовавшего времени уступили место осмысленной *европейской политике*, которая возвела Русь на положение великой европейской державы, закрепив за Ярославом роль равноправного партнера, желанного союзника, а в иных случаях и покровителя государей христианского Запада. Накануне церковного раскола христианского мира (1054) русский «самовластец» заставил Запад признать самую тесную причастность Рус-

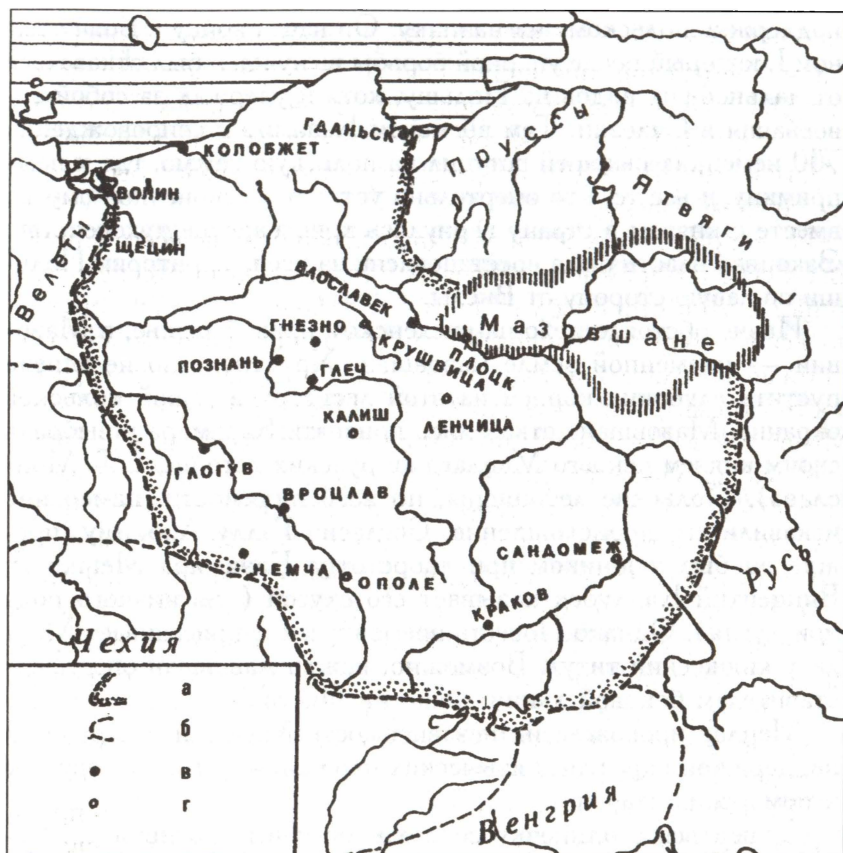

ской земли к историческим судьбам Европы. Характерно, что Адам Бременский, писавший свою хронику уже после разделения Церквей, все же поименовал Ярослава «святым королем» (*rex sanctus*). Слово «святой» здесь употреблено в значении «благочестивый»⁵⁰⁴. Древнерусский книжник сказал бы: «христолюбивый князь».

Из сопредельных Руси западных стран больше всего внимания к себе по-прежнему требовала Польша. Хотя русским границам с этой стороны уже ничто не угрожало, однако внутри польского общества набирали силу тенденции, которые в Киеве считали нежелательными и опасными. Польская государственность стремительно деградировала. После того как в 1034 г. Мешко II был насильственно умерщвлен, княжеская власть окончательно сделалась игрушкой в руках могущественных вельмож. Наследник престола Казимир был еще слишком юн, чтобы княжить самостоятельно, поэтому поначалу опеку над ним приняла его мать Рикса (или Рихеза), урожденная принцесса пфальцская, племянница германского императора Оттона III. Не имея никакой опоры при княжеском дворе, она окружила себя немцами, которые попытались править Польшей как завоеванной страной. Польские паны не потерпели подобного обращения. Рикса была изгнана, и опека над Казимиром перешла к представителям знатных польских родов.

Польша в первый раз испытала прелести шляхетского правления. Несколько лет страну раздирали междоусобные свары. Когда же паны согнали с престола и повзрослевшего Казимира из опасения, что он захочет отомстить за свою мать, Польша погрузилась в полный хаос. Паны растаскивали польские земли по кускам. Простой люд, доведенный до отчаяния бесчинствами шляхты, восстал и принялся избивать знать и грабить богатые поместья. Социальный протест сопровождался почти повсеместным возвращением поляков к язычеству, убийствами христианских священников, сожжением церквей и монастырей, разграблением церковного имущества.

Несчастьями Польши немедленно воспользовалась соседняя Чехия. В 1039 г. чешский князь Брячислав I вторгся в Польшу с сильным войском и, не встречая на своем пути никакого

Польша в начале XI в.:

a — приблизительная граница Польского государства; *b* — границы других государственных образований; *v* — польские города, известные по письменным источникам; *г* — польские города, существование которых в XI в. устанавливается данными археологии

сопротивления, овладел обширной Силезской землей. Польское государство находилось на краю гибели.

Казимиру не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к бывшим врагам Польши. Германский король Генрих III (1039—1056, император с 1046 г.), в чьи планы не входило чрезмерное усиление Чехии, согласился оказать военную

поддержку польскому изгнаннику. Он начал войну с Брячиславом I, который после упорной борьбы вынужден был отказаться от дальнейших видов на Польшу, хотя и удержал за собой завоевания в Силезии. Тем временем Казимир в сопровождении 500 немецких рыцарей вступил на польскую землю, где к нему примкнули все те, кто смертельно устал от бесконечной смуты; вместе с князем в страну вернулось христианское духовенство. Законная власть была восстановлена на всей территории Польши по левую сторону от Вислы.

Иначе обстояло дело на висленском правобережье, в Мазовии — племенной земле мазовшан. Христианство не успело пустить глубоких корней на этой лесистой и дикой польской окраине. Мазовшане отказались признать Казимира и выбрали своим князем некоего Мецлава (в русских летописях — Моислава). Польские летописцы, по всей видимости, намеренно исказили его происхождение. Согласно Галлу Анониму, прежде он был чашником при дворе отца Казимира Мешко II; Винцентий Кадлубек называет его слугой («из низкого рода прислуги»). Однако Повесть временных лет присваивает Мецлаву княжеский титул. Возможно, вождь мазовшан был представителем боковой линии династии Пястов.

Мецлав провозгласил независимость Мазовии и заручился поддержкой окрестных языческих народов — ятвягов, пруссов и поморских славян.

Сражаться в одиночку со столь могучим противником Казимиру было не по силам. Между тем надеяться на немецкую помощь больше не приходилось: воссоздание единой сильной Польши было не в интересах германской империи. Тогда Казимир попросил содействия в борьбе против Мецлава у русского князя, чьи владения граничили с Мазовией. Вероятно, у Казимира не было твердой уверенности, что его предложение будет принято. За последние полвека Польша показала себя злейшим врагом Русской земли. Польская рука наводила на Киев печенегов, опустошала сокровищницу русских князей, забирала русский полон, захватывала Червенские города. Казальсье бы, вместо помощи Русь должна была терзать ослабевшего врага, как это сделала Чехия, тоже немало потерпевшая

от ляхов. Однако Ярослав не стал поминать полякам прежних обид. На переговорах с Казимиром владыка русского Царьграда выступил поборником христианской веры и христианского добрососедства. Заключенный в 1038/1039 г. русско-польский союз был скреплен сразу двумя династическими браками: Казимир тогда же взял в жены Ярославову дочь Добронегу⁵⁰⁵, а свою сестру Гертруду чуть позже (около 1043 г.) выдал замуж за Изяслава, второго сына Ярослава от Ингигерд. В знак полного примирения с Русью польский князь отпустил на волю всех русских пленных, захваченных в Киеве его дедом, Болеславом I.

Но справиться с языческой коалицией оказалось непросто даже двум крупнейшим государствам Восточной Европы. Зимой 1038/39 г. Ярослав ходил на литовское племя ятвягов, «и не можаху их взяти», как сообщает Повесть временных лет. Повторный поход 1040 г., видимо, также не принес ощутимого успеха, поскольку летописец ограничился краткой заметкой: «Иде Ярослав на Литву». С той же подозрительной лаконичностью Повесть под 1041 г. говорит о походе против Мецлава: «Иде Ярослав на мазовшан в лодиях» (вероятно, русское войско приплыло в Мазовию по Западному Бугу).

Натолкнувшись на упорное сопротивление литовцев и мазовецкого князя, Ярослав сделал попытку усилить русско-польский союз, дополнив его аналогичным двухсторонним соглашением Руси с Германией. В средневековых немецких хрониках сохранились известия о двух посольствах Ярослава к Генриху III в начале 40-х гг. XI в. Впрочем, цели первого из них остаются неясны. Анонимный «Саксонский анналист» (середина XII в.) пишет только, что 30 ноября 1040 г., находясь в Тюрингии, «король... принял послов из Руси с дарами». Но в конце 1042 г. Ярослав уже прямо предложил германскому королю династический союз. По сообщению «Анналов» Ламперта Херсфельдского, в этом году Генрих III встречал Рождество в Госларе, одной из своих тюрингенских резиденций, и «там среди послов из многих стран были и послы Руси, отбывшие в печали, ибо получили ясный отказ по поводу дочери своего короля, которую надеялись сосватать за короля Генриха». Молодой германский король,

овдовевший в 1038 г. (его первая жена Кунегильда умерла от моровой язвы), действительно подыскивал себе невесту. Но его предпочтения были отданы французской принцессе. Тем не менее Генрих III постарался смягчить свой отказ, чтобы он не выглядел оскорбительным для русского князя. Как пишут «Алтайские анналы», «послы Руси... привезли большие дары, но в обратный путь двинулись с еще большими».

В 1043 г. Ярослав еще дважды «ходи в лодиях на мазовшане», на следующий год воевал с Литвой, и вновь безрезультатно.

Цепь военных и дипломатических неудач была разорвана только в 1047 г., когда «иде Ярослав на мазовшаны, и победи их, и князя их уби Моислава [Мецлава], и покори их Казимиру».

Этот поход стал последним военным предприятием Ярослава. Подчинив Мазовию Пястам, «самовластец» обеспечил прочный мир на западных рубежах Русской земли.

Династические браки с королевскими домами Европы

В 40-х гг. XI в. Ярослав заключил еще ряд брачных союзов с европейскими государями. Русские летописи обошли вниманием эти браки, так что все более или менее достоверные сведения о них приходится извлекать из западноевропейских источников.

Многие исландские саги повествуют о романтической истории сватовства норвежского витязя Харальда Хардрада (Сурового Правителя) к дочери Ярослава по имени Эллисив или Элисабет (Елизавета). Харальд был сводным (по матери) братом норвежского конунга Олава Харальдссона, погибшего в 1030 г. в битве при Стикластадире. На следующий год после смерти брата Харальд отправился «на восток в Гардарики к конунгу Ярицлейву». Здесь он «совершил много подвигов, и за это конунг его высоко ценил. У конунга Ярицлейва и княгини Ингигерд была дочь, которую звали Элисабет, норманны называют ее Эллисив. Харальд завел разговор с конунгом, не захочет ли тот отдать ему девушку в жены, говоря, что он известен родичами своими

Отъезд Анны Ярославны в Париж. Рис. А.Н. Гришенкова с рис. Клодта

и предками, а также отчасти и своим поведением». Ярослав ответил, что не может отдать свою дочь чужеземцу, у которого нет ни «государства для управления», ни достаточных средств для выкупа невесты. Впрочем, он оставил Харальду надежду, пообещав «сохранить ему почет до удобного времени».

После этого разговора Харальд уехал в Византию, где провел несколько лет на императорской службе. Сражаясь с сарацинами на Ближнем Востоке, в Сицилии и Африке, он «захватил огромные богатства, золото и всякого рода драгоценности, но все имущество, в каком он не нуждался, для того, чтобы содержать себя, он посылал с верными людьми на север в Хольмгард на хранение к Ярицлейву конунгу, и там скопились безмерные сокровища». Вернувшись на Русь, Харальд забрал принадлежавшее ему золото и, перезимовав при дворе Ярослава, отбыл на родину. Саги единогласно свидетельствуют, что в ту зиму «Ярицлейв отдал Харальду в жены свою дочь». Это подтверждает и Адам Бременский: «Харольд, вернувшись из Греции, взял в

жены дочь короля Руси Ярослава». По ряду косвенных признаков, свадебное торжество, скорее всего, состоялось зимой 1043/44 г.⁵⁰⁶

О дальнейшей судьбе Елизаветы известно только то, что она родила Харальду двух дочерей — Марию и Ингигерд. Последнее известие о ней относится к 1066 г. В то лето Харальд с дружиной отплыл в Англию, надеясь завладеть королевством своего заморского тезки — англосаксонского короля Харальда. Елизавета с детьми сопровождала мужа до Оркнейских островов. Высадившись на английском берегу, Харальд встретил врага у Стенфордбриджа. Во время сражения английская стрела впиалась ему в горло, и потерявшие предводителя норвежцы были наголову разбиты. «В тот же день и тот же час», говорят саги, на Оркнейских островах умерла дочь Харальда Мария. Елизавета и Ингигерд вернулись в Норвегию.

Историографическая традиция средневековой Венгрии («Венгерский хроникальный свод», XIV в.) говорит о женитьбе на русской княжне венгерского короля Эндре I (правил с 1046 по 1060 г.). Эндре и его братья — Бела и Левенте — были племянниками короля Иштвана I (997—1038), который незадолго до своей кончины изгнал их из страны. Бела удалился в Польшу, а Эндре и Левенте отправились пережить политическую непогоду в Русскую землю. В их отсутствие Венгрия пережила несколько гражданских войн. Наконец в 1046 г. венгерская знать пригласила Эндре и Левенте вернуться на родину и занять престол. По-видимому, тогда и был заключен брак Эндре с одной из дочерей Ярослава. Венгерские памятники не запомнили ее имени, но в хронике польского историка XV в. Яна Длугоша она названа Анастасией. После того как в 1060 г. Эндре I был свергнут с венгерского трона своим братом Белой I, Анастасия нашла убежище у германского императора Генриха IV (1056—1106). По преданию, последние годы жизни она провела в немецком монастыре Адмонт⁵⁰⁷ (в Штирии).

Во французских хрониках и других письменных памятниках XI—XII вв. нет недостатка в известиях о русском браке французского короля Генриха I Капетинга (1031—1060). Это воистину самая необычная страница в истории матримониальных

Печать Генриха I Капетинга

союзов как Франции, так и Руси. К поискам невесты на другом конце Европы Генриха I подвигла боязнь кровосмешения, так как Капетинги к тому времени успели породниться едва ли не со всеми правящими домами Западной Европы. Ему, конечно, была отлично знакома печальная история супружеств его отца Робера II (996—1031). Будучи еще наследником престола, Робер некоторое время ходил в претендентах на руку византийской принцессы Анны, сестры императора Василия II, причем его родитель Гуго Капет в адресованном василевсу послании вполне откровенно признавался в своих матримониальных затруднениях: «Мы не можем найти для его брака ровни из-за родства с соседними королями». Когда эти планы расстроились, молодому французскому принцу пришлось жениться на Сусанне Фландрской, которая была вдвое старше мужа. Но вскоре этот брак был расторгнут, и Робер взял в жены более подходящую ему по возрасту Берту Бургундскую. Счастье молодых, впрочем, было недолгим, поскольку оказалось, что Робер и Берта были троюродными братом и сестрой. Два папы — Григорий V (996—999) и Сильвестр II (999—1003) — один за другим осудили кровосмесительный брак, и в конце концов Роберу и Берте пришлось развестись.

Генрих I в полной мере учитывал супружеский опыт своего отца. Однако ему фатально не везло в семейных делах. В 1033 г.

он обручился с дочерью германского императора Конрада II, которая через год умерла. Его второй брак с брауншвейгской принцессой был более продолжительным, но и она скончалась в 1044 г., так и не произведя на свет наследника⁵⁰⁸. На этом западноевропейские дворы полностью истощили запас невест, удовлетворявших всем притязательным запросам Капетингов. Ответ на вопрос, почему Генрих I не обратился со свадебным предложением к государям Скандинавии, Польши или Венгрии, следует искать в упомянутом послании Гуго Капета: супруга французского короля должна была быть, помимо прочего, еще и «ровней» своему мужу; очевидно, сравнение с дочерью русского князя было не в пользу невест из этих стран. Между тем правитель могучей державы, «яже ведома и слышима есть всеми четырьмя концами земли», наследник славных предков, которые «мужеством и храброством прослуша в странах многих», набожный христианин, победитель язычников и хранитель мощей папы Климента как нельзя лучше подходил на роль тестя короля Франции.

Итак, предложение заключить династический союз исходило от французской стороны. В 1048 или 1049 г. в Киев прибыло большое посольство во главе с двумя епископами. Их выбор остановился на дочери Ярослава по имени Анна. Ярослав дал свое согласие на брак и отпустил послов назад во Францию вместе с дочерью и богатыми дарами. 3 декабря 1050 г. у Генриха и Анны уже родился сын Филипп, будущий король Франции, и с тех пор это греческое имя вошло во французский именослов. Другой их сын, граф Гуго I де Вермандуа (1057 — 18 октября 1102), умер от ран, полученных в Первом крестовом походе.

При жизни Генриха I Анна, как и подобало королеве, занималась преимущественно делами благочестия. Она основала под Парижем в местечке Санлис аббатство Святого Винсента, на портале которого и сегодня можно видеть ее барельефное изображение. Кроме того, известно, что она привезла с собой во Францию рукописное славянское Евангелие с великолепными миниатюрами и богато украшенное. Книга эта произвела настолько сильное впечатление на французский двор, что французские короли в течение нескольких столетий использовали ее при церемонии коронации. Папа Николай II (1058—1061) по-

Печать Филиппа I, сына Генриха I и Анны Ярославны

святил Анне особое послание, в котором воздал ей хвалу за благонравие и ревность к делам Церкви.

Но вскоре французы с прискорбием убедились, что святой отец, пожалуй, переборщил с похвалами. В 1060 г. Генрих I умер. Регентство над малолетним Филиппом перешло к фландрскому графу Бодуэну, женатому на сестре покойного короля. Анна тоже вошла в состав опекунского совета, ибо ее подпись, вместе с именем Филиппа, значится на многих королевских грамотах 60-х гг. XI в. Интересно, что однажды она расписалась кириллическими буквами: «Ана реина» (от лат. *regina* — «королева»). Однако, по всей видимости, она желала большей власти, и потому спустя всего год после смерти Генриха I вышла замуж вторично.

Ее новым избранником был сеньор Рауль де Крепи, граф Валуа, могущественный феодал, не боявшийся, по его словам, ни королевского гнева, ни проклятий Церкви; однажды он сжег Верден только за то, что тамошний епископ не доставил ему нескольких быков положенной дани. Но этот дикий вепрь был сражен очарованием образованной русской княжны. Для того чтобы жениться на Анне, он развелся со своей супругой (второй по счету), предъявив ей ложное обвинение в неверности. Партия графа Бодуэна всполошилась. Реймский архиепископ Жервэ сообщал папе Александру II (1061—1073): «В королевстве нашем — немалая смута: наша королева вышла замуж за графа

Памятник королеве Франции Анны Ярославны

Рауля, что чрезвычайно огорчает нашего короля и более чем стоило бы беспокоит его опекунов». Разведенную жену графа Рауля заставили пожаловаться в Рим на действия ее мужа. Папа объявил брак Рауля и Анны незаконным, но так как новоиспеченные супруги не прислушались к голосу римского понтифика, ему пришлось прибегнуть к последнему средству: решением святейшего престола Рауль был отлучен от Церкви. Не помогло и это; Анну и ее возлюбленного разлучила только смерть графа Рауля, случившаяся в 1074 г. Кажется, вслед за тем Анна была отстранена от управления королевством. Во всяком случае, после 1075 г. имя ее на документах королевской канцелярии более не встречается. «Хроника монастыря Флери» (начало XII в.) извещает, что, похоронив Рауля, Анна подарила аббатству в Сен-Дени, где был похоронен Генрих I, драгоценный яхонт и «вернулась на родину». Впрочем, согласно другому французскому преданию, она упокоилась в основанном ею монастыре Святого Винсента в Санлисе⁵⁰⁹.

Глава 3

ВОЙНА ДВУХ ЦАРЬГРАДОВ

Церковный разлад с Византией

В области русско-византийских отношений заявленный в «Слове о законе и благодати» церковно-политический курс привел к тому, что в конце 30-х гг. XI в. Русская земля и Византия вступили в многолетний период враждебного противостояния, кульминационным моментом которого стал последний в истории обеих стран поход Руси на Константинополь в 1043 г.

Византийский историк Михаил Пселл, близкий в те годы к императорскому двору, следующим образом отзывался о причинах острого политического кризиса в русско-византийских отношениях: «Это варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть к гегемонии ромеев; при каждом удобном случае изобретая то одно, то другое обвинение, они создавали предлог для войны с нами».

Ключевым словом в его сообщении является греческий термин *hegemonia*. Некоторые историки считали, что в данном контексте он означает просто «империя, держава». Однако этот вариант перевода слишком явно противоречит действительным фактам, которые говорят о том, что крещеная Русь никогда не покушалась на государственное бытие Византии или на ее территориальную целостность. Наоборот, со времен Владимира многотысячный русский корпус не раз помогал империи отстоять ее старые владения и заполучить новые. При Ярославе русы, верные своим союзническим обязательствам, продолжали пополнять ряды византийской армии. В 1030 г. они разделили с ромеями бедствия неудачного похода на Алеппо. Спустя шесть лет источники отмечают их в войске патрикия Никиты, осаждавшего крепость Пергри на византийско-армянской границе. В 1038—1042 гг. русские наемники приняли участие в сицилийской экспедиции стратига Георгия Маниака, закончившейся покорением почти всего острова.

Но, уважая государственный суверенитет Ромейской державы, Русь совсем иначе относилась к ромейской «гегемонии», то есть к официальной имперской доктрине, которая провозглашала византийского василевса верховным правителем над всеми народами, принявшими христианство из Византии, и которая находила свое продолжение в жесткой канонической практике Константинопольского патриархата, сковывавшей самостоятельную жизнь национальных Церквей. На церковно-политические притязания греков русские князья действительно отвечали «бешеной ненавистью» независимых государей, глубоко уязвленных навязанным им статусом «подданных» василевса. И если Владимир сумел оградить свое достоинство суверена женитьбой на багрянородной принцессе и царским титулом, то Ярослав был в этом смысле абсолютно не защищен, так как византийский титул кесаря не передавался по наследству.

Особую унижительность его отношениям с Византией придавало еще и то обстоятельство, что о своем политическом протекторате над Русской землей заявляли уже не лица царских кровей, а случайные выскочки. После смерти Василия II Болгаробойцы (1025) и его брата Константина VIII (1028) мужская

линия Македонской династии пресеклась. Наследницей престола осталась дочь Константина VIII Зоя — пятидесятилетняя сумасбродка, помешанная на ароматических благовониях, молодых мужчинах и ханжеском благочестии. Сначала она взяла себе в мужа красавца Романа Аргиропула, а когда в 1034 г. он был отравлен, посадила на трон василевсов своего нового мужа Михаила IV — невесту откуда взявшегося юношу, которого даже византийские хронисты окрестили «безвестным» («смирен человек родом», по дипломатичной характеристике Никоновской летописи). Естественно, что великому князю и кагану Русской земли, «яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли», претило ходить в холопах у подобных людей. Таким образом, слова Пселла, переведенные на язык исторической действительности, отлично выражают суть дела.

Начало открытому конфликту положил церковный раздор с греками.

В первые годы «самовластного» княжения Ярослава вопрос о взаимоотношениях киевского князя с митрополичьим двором продолжал оставаться неулаженным — сказывались последствия Городецкого раздела, которые не были еще полностью устранены. Было очевидно, что после того, как Киев выиграл у Чернигова религиозно-культурное состязание за право называться духовной столицей Руси, глава Русской Церкви не мог и дальше находиться в Переяславле. Божий Град на берегах Днепра настоятельно нуждался в первосвященнике как символе высшей духовной власти. Понимая это, Ярослав в 1037 г., по завершении строительства Софийского собора, «устави митрополю», то есть объявил о переносе митрополичьей кафедры из Переяславля в Киев. Неизвестно, предшествовала ли этому решению какая-то договоренность с митрополитом Иоанном I. Примерно в то же время смерть оборвала почти тридцатилетнее служение престарелого иерарха, и, возможно, Ярослав учредил Киевскую митрополию уже после его кончины.

Переезд митрополичьего двора в Киев отчасти вернул греческому духовенству возможность влиять на Русскую Церковь. Но греки желали большего. В Константинополе были недовольны теми тенденциями, которые возобладали в 30-х гг. XI в. при

дворе русского «архонта». Последовательное отстаивание самобытных основ русского христианства, апология Владимира — этого притеснителя греческой иерархии — как «апостола во князьях», равновеликого императору Константину, притязания Киева на роль нового Царьграда не оставляли сомнений в намерении новообращенных окончательно освободиться от «гегемонии» ромеев. Мириться с этим Византия не могла, и в Константинополе решили дать урок строптивой русской епархии.

В 1039 г. в Киев приехал новый, четвертый по счету, «митрополит Росии» Феопемт. Вскоре по его прибытии разразился громкий скандал. Едва осмотревшись на новом месте, митрополит первым делом отправился святить Десятинную церковь. В наших летописях это событие осталось в виде краткой хроникальной заметки: «Священа бысть церкы святая Богородица, юже созда Володимер, отец Ярославъ, митрополитом Феопомтом». Необычность поступка церковного владыки заключалась в том, что Десятинная церковь уже была освящена четыре десятилетия назад. Речь, стало быть, шла о повторном освящении, причину которого летописцы не называют. Однако установить ее все-таки можно.

Согласно правилам Церкви, обряд вторичного освящения храма совершается по двум чинам — малому и великому. Малое освящение назначается в случае проведения в церкви ремонтных работ, не затрагивающих алтаря (например, поновление верха), касания мирянами святого престола или если храм был осквернен татьбой, нечистотами, убийством, кровопролитием, внезапной смертью, рождением, излиянием семени и т. д. Чин малого освящения состоит из кропления храма святой водой и чтения молитв «на обновление» или «на отвержение» храма. Представляется маловероятным, чтобы митрополит участвовал (а летописи отметили его участие) в малом освящении, совершить которое вполне мог и настоятель Десятинной церкви, не дожидаясь приезда митрополита. Скорее всего, вторичное освящение Десятинной церкви происходило по чину великого освящения, в точности повторяющему обряд освящения при открытии храма. В этом случае священнодействие касалось устройства важнейшей части храма — престола, и совершать его приличествовало архиерею,

поскольку оно включало миропомазание святого престола и церковных стен. Основанием к повторному освящению по великому чину служили следующие обстоятельства: разрушение храма, сопровождавшееся повреждением алтаря; устройство еще одного престола; языческое кощунство в стенах храма; еретическое богослужение. Какое же из них подвигло митрополита Феопемта на освящение Десятинной церкви?

Летопись не дает оснований полагать, что в 1039 г. Десятинная церковь находилась в аварийном состоянии. О таких случаях обыкновенно сообщалось, как, например, под 1105 г.: «ува-
лился верх святого Андрея» (церковь Святого Андрея в киевском Янчином монастыре) или под 1124 г.: «Земля потрясется мало и падеся церкви великия святого Михаила у Переяслави» и т. д. Нет сведений и о сооружении новых престолов. Известно только, что в 30-х гг. XI в. к зданию Десятинной церкви были пристроены галереи и ряд других помещений. Но эти строительные работы не затрагивали алтарной апсиды и не вызывали необходимости освящать храм заново⁵¹⁰. Возможность каких-либо языческих выходов по отношению к Десятинной церкви полностью исключена, хотя бы ввиду того, что храм располагался на территории княжеского двора, а не в городе; за их отсутствие ручается между прочим «Слово о законе и благодати» с его восторженным описанием «церкви цветуща» и благочестия киевлян.

Итак, три из четырех оснований для повторного великого освящения отпадают. Остается признать, что в глазах Феопемта Десятинная церковь была осквернена богослужениями, совершаемыми в ней независимым от греков духовенством — «корсунскими попами» и их русскими преемниками, которые рассматривались византийским священством как схизматики. Справедливость этого вывода подтверждает аналогичный поступок другого митрополита-грека Ефрема, который полтора десятка лет спустя заново освятит киевский Софийский собор по той единственной причине, что в нем служил русин Иларион, избранный в русские митрополиты без согласования с Константинопольской патриархией.

В Киеве действия Феопемта сочли за враждебный выпад, каковыми они по сути и являлись. Русские люди были глубоко

оскорблены. Со времен Владимира Десятинная церковь была для них символом крещения Русской земли, красотой и гордостью русского христианства. «Святая церковь святой Богородицы Марии, яже создана на правоверней основе», — сказано о ней в «Слове о законе и благодати». И вот теперь заезжий грек святит ее заново, как вместилище еретических непотребств! Подобное отношение к русской святыне не сошло Феопемту с рук. По всей видимости, Ярослав, которого Иларион недаром же назвал истинным наследником Владимира, удалил греческого иерарха из Киева — не знаем точно куда, но похоже, что опальный митрополит должен был вернуться в Константинополь. Впрочем, он не был официально сведен с кафедры и продолжал формально возглавлять Русскую Церковь вплоть до своей смерти во второй половине 40-х гг. XI в. Все это время Феопемт не переставал ковать козни против русского духовенства и Церкви. Характеризуя церковные отношения Руси с греками в 40-х гг. XI в., Никоновская летопись сетует, что Русская Церковь тогда много страдала от «вражды и лукавства».

Военные приготовления

Вслед за тем дело дошло до военных приготовлений. По словам Пселла, русы «нарубили где-то в глубине своей страны лес, вытесали челны, маленькие и покрупнее, и постепенно, проделав все в тайне, собрали большой флот⁵¹¹ и готовы были двинуться на Михаила». Вполне вероятно, что военным сборам предшествовали переговоры (предположительно, в 1041 г.), которые закончились неудачно для русской стороны. Мы не знаем точно, какие требования предъявил Ярослав Михаилу IV. Ясно только, что речь шла о той или иной форме политической и церковной эмансипации Руси от Византии. Пселл не случайно пишет в этой связи о «мятеже», или «восстании» русов.

К началу лета 1042 г. оснащенная всем необходимым русская флотилия была готова отплыть из Киева. Но Ярослав внезапно отложил поход. На его решение повлияло известие об очередной смене власти в Константинополе. В конце 1041 г. Михаил IV

тяжело заболел и 10 декабря умер, приняв перед смертью постриг. Трон перешел к его племяннику Михаилу V по прозвищу Калафат (Конопатчик), которого императрица Зоя вопреки своим правилам не сделала своим супругом, а усыновила. Однако царствование его продолжалось всего пять месяцев. Он попытался отделаться от Зои, но в результате сам был свергнут и ослеплен (апрель 1042 г.). Развратная старуха немедленно обвенчалась с одним из своих бывших любовников — богатым и знатным сенатором Константином Мономахом. По описанию Пселла, в те годы он был мужчиной «несравненного вида», чье лицо «цвело красотой». Как и Зоя, Константин был уже дважды женат. Византийская церковь крайне неодобрительно относилась даже ко второму, не то что третьему браку, но патриарх Алексей Студит, что называется, умыл руки. Отказавшись венчать «молодых» лично, он, однако же, не препятствовал совершению церковного таинства и по окончании его благословил царскую чету.

Как пишет Пселл, русы «не могли ни в чем упрекнуть нового царя»⁵¹², и Ярослав возобновил переговоры в надежде, что Константин IX окажется сговорчивее своего предшественника. Летом 1042 г. в византийскую столицу прибыло княжеское посольство. Но Мономах совсем не думал о государственных делах. По словам Пселла, «этот самодержец не постиг природы царства, ни того, что оно род полезного служения подданным и нуждается в душе, постоянно бдящей о благом правлении, но счел свою власть отдыхом от трудов, исполнением желаемого, ослаблением напряжения, будто он приплыл в гавань, чтобы уже не браться больше за рулевое весло, но наслаждаться благами покоя; он передал другим попечение о казне, право суда и заботы о войске, лишь малую толику дел взял на себя, а своим законным жребием счел жизнь, полную удовольствий и радостей». Вследствие этого русским послам пришлось иметь дело с окружением императрицы Зои и высшей церковной иерархией, то есть с теми же людьми, которые провалили прошлогодние переговоры.

Вдобавок ко всему с послами Ярослава случился неприятный инцидент. Обстановка в Константинополе была накалена

ожиданием близкой войны. Городское простонародье не скрывало своей враждебности по отношению к северным «варварам», и в один из дней эти настроения вылились в массовую потасовку с русскими купцами, торговавшими на константинопольском рынке. К несчастью, во время драки был убит какой-то «знатный рус»⁵¹³, вероятно из числа послов Ярослава. Случись подобное происшествие раньше, оно было бы так или иначе улажено в рамках действующего русско-византийского договора⁵¹⁴. Но в условиях, когда обе стороны не желали идти ни на какие уступки друг другу, об этом не было и речи. Переговоры были прерваны, и русское посольство, раздраженное оказанным ему приемом, покинуло столицу Византии.

На этом возможности дипломатии были исчерпаны. Теперь решать тяжбу предстояло мечу.

Силы сторон

Военные действия в 1042 г. так и не начались, поскольку к тому времени, когда русское посольство вернулось в Киев, навигационный сезон на Черном море уже подходил к концу. Греки получили передышку, которая была им крайне необходима. Империю вновь раздирала гражданская война. Командующий сицилийским экспедиционным корпусом Георгий Маниак отказался повиноваться Константину Мономаху и поднял мятеж. Переправив свое войско в Болгарию, где к нему присоединилось множество недовольных, он двинулся прямо на Константинополь. Решающая битва повстанцев с правительственной армией произошла в двух переходах от Солуни, ранней весной 1043 г. Императорское войско с трудом одержало победу. Георгий Маниак, храбро сражавшийся в первых рядах, получил смертельную рану и умер на поле боя. Его отрубленную голову доставили в столицу и выставили на всеобщее обозрение в цирке.

Для того чтобы подготовить Константинополь к отражению нападения русского флота, у Мономаха оставалось совсем немного времени. Положение осложнялось тем, что охранявшая

столицу эскадра сильно пострадала от пожара, случившегося в бухте Золотой Рог 6 апреля 1040 г.: большая часть военных кораблей тогда сгорела дотла. Константин распорядился стянуть к Босфору суда, разбросанные по прибрежным водам, и военно-морские силы провинций. Это сразу увеличило численность столичного флота до нескольких десятков кораблей. Известно, что только один стратиг прибрежной провинции Кивирреотов, расположенной в юго-западной части Малой Азии, привел в Константинополь эскадру из 11 огненосных триер. Часть флота была выдвинута вперед для охраны дальних подступов к проливам.

В самой византийской столице были приняты строгие меры безопасности. Все русские наемники были высланы из города и распределены мелкими отрядами по отдаленным областям. «Скифы, находившиеся в столице, — пишет Скилица, — были рассеяны в провинциях. Это было сделано для того, чтобы уничтожить возможность какого-нибудь движения или покушения изнутри».

Кое-где на местах правительственную инициативу подхватили и развили по-своему. Например, на Афоне подверглись разгрому каменные постройки в бухте и лодки, принадлежавшие обители русских монахов (монастырь Древодеда, или так называемая Русика). Соседям русских иноков со страху почудилось, что они собираются оказать помощь своим соотечественникам, если те прорвутся в Эгейское море.

В отличие от греков у Ярослава все было готово к войне еще с прошлого года. Численность русской армии и флота поддается определению лишь приблизительно. Летопись сообщает о «вои многы». Михаил Пселл пишет, что к Константинополю подошло «неисчислимое, если можно так выразиться, количество русских кораблей». По непомерно преувеличенным данным Скилицы, русское войско насчитывало до 100 000 воинов. Более или менее приемлемые цифры называет византийский историк XI в. Михаил Атталиат: 20 000 воинов на 400 судах. Его сведения можно подкорректировать следующим образом. В предыдущих морских набегах русов на Константинополь участвовало обыкновенно около 250 ладей. Допустим, что Ярослав сумел довести их чис-

Новгородский князь Владимир Ярославич

ло до 300—350. Но величина и, следовательно, вместительность этих судов была неодинакова: Пселл, как мы помним, пишет, что русы «вытесали челны, маленькие и покрупнее». Большая славянская ладья вмещала в себя 40 человек, малые лодки — от 10 до 20 воинов. Если предположить, что большие ладьи составляли около половины от общего числа русских судов, то можно говорить не более чем о 10 000 ратников, принявших участие в походе 1043 г. Но и это была грозная по тем временам сила.

В составе русской рати источники выделяют княжескую дружину под началом воеводы Ивана Творимирича, киевский «полк» во главе с тысяцким Вышатой и большой отряд наемников, набранных в славянском Поморье¹⁵. Верховное командование над русским войском Ярослав вручил своему старшему сыну Влади-

миру, вызванному для этого из Новгорода. К тому времени Владимир достиг двадцати трех лет и, по определению Скилицы, был человеком горячего нрава⁵¹⁶. За ним уже числились военные победы. В 1042 г. он ходил из Новгорода на емь, финское племя, обитавшее в районе озера Пяйянне, «и победы их, и плени множество», как сообщает Повесть временных лет.

Разгром под стенами Царьграда

В первых числах июня 1043 г. русская флотилия распустила паруса и недели три спустя достигла дунайских гирл — традиционного места отдыха русских купцов на пути в Константинополь. Здесь произошла некоторая заминка, причину которой поздние летописи, излагающие поход 1043 г. с большими подробностями, нежели Повесть временных лет, объясняют так: «И поиде Володимер на Царьград в лодиях, и прошед пороги, и приидоша к Дунаю. Рекоша русь Володимеру: «станем зде на поле»; а варяги ркоша: «поидем на лодиях под град». И послуша Володимер варяг, и от Дуная поиде Володимер в лодиях ко Царюграду».

Этот эпизод, с одной стороны, отражает исторический опыт походов Игоря и Святослава на греков, с другой — имеет явный литературный оттенок, поскольку заранее возлагает на варягов ответственность за поражение русского войска под стенами Царьграда. Не исключено, что на самом деле движение русского войска задержали не столько стратегические споры «варягов» и руси, сколько послы Константина IX, о прибытии которых в русский стан сообщает Скилица, не называя, правда, места, где состоялись переговоры. Василевс выражал готовность предоставить некую компенсацию за обиду, нанесенную русским в прошлом году, но и только. Разумеется, это предложение не могло устроить Владимира, и он, по словам Скилицы, дал «надменный» ответ. Вполне возможно, что Константин просто тянул время, необходимое для завершения оборонительных мероприятий в столице.

На Дунае русы понесли первые потери. Стратиг фемы Паристрион («поистрийских», то есть подунайских провинций)

Катакалон Кекавмен, собрав находившихся у него в распоряжении солдат, напал на русский отряд, рыскавший по местным деревням в поисках провианта, и, обратив русов в бегство, вынудил их вернуться на свои ладьи.

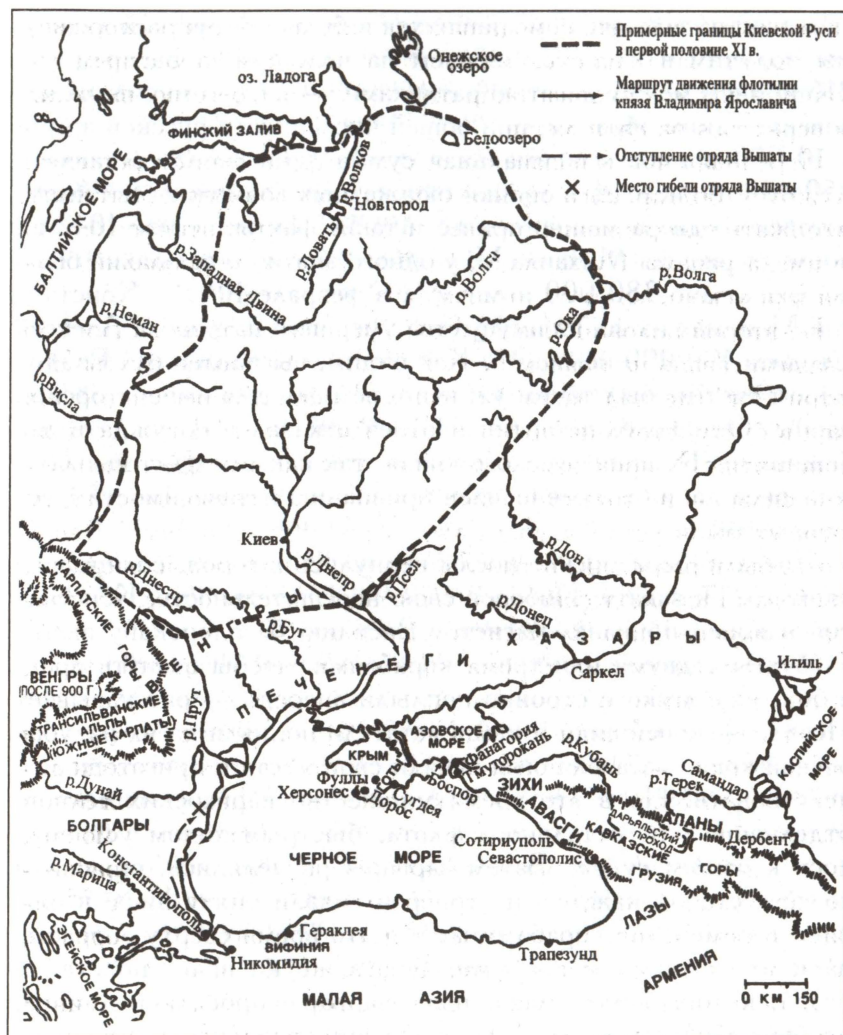
Передовая часть византийского флота, несшая сторожевую службу у болгарского побережья, в свою очередь, пыталась задержать продвижение русских ладей к Константинополю, но не имела успеха. Русы, как сообщает Пселл, «прорвались силой или ускользнули от отражавших их... судов».

Во второй половине июля русская флотилия вошла в Босфор и заняла гавань на правом берегу пролива, напротив бухты Золотой Рог, где под защитой тяжелых цепей, перегородивших вход в бухту, стоял на приколе ромейский флот. В тот же день Константин IX приказал приготовить к битве все наличные морские силы — не только боевые триеры, но и грузовые суда, на которых были установлены сифоны с «жидким огнем». Вдоль берега были разосланы отряды конницы. Ближе к ночи василевс, по словам Пселла, торжественно возвестил русам о том, что завтра он намерен дать им морское сражение⁵¹⁷.

С первыми лучами солнца, прорезавшими утренний туман, жители византийской столицы увидели сотни русских ладей, построенных в одну линию от берега до берега. «И не было среди нас человека, — говорит Пселл, — смотревшего на происходящее без сильнейшего душевного беспокойства. Сам я, стоя около самодержца (он сидел на холме, покато спускавшемся к морю), издали наблюдал за событиями». По-видимому, это устрашающее зрелище произвело впечатление и на Константина IX. Приказав своему флоту построиться в боевой порядок, он, однако, медлил с отдачей сигнала о начале сражения.

В бездействии тянулись томительные часы. Давно минул полдень, а цепь русских ладей все так же покачивалась на волнах пролива, дожидаясь, когда ромейские корабли выйдут из бухты. Ближе к вечеру Константин предпринял еще одну попытку склонить русов на мировую. По сведениям византийских историков, Владимир затребовал с императора денежную дань, величину которой Пселл определяет в 1000 статиров (византийских номисм⁵¹⁸) на судно, а Скилица — в три литры золо-

ПОСЛЕДНИЙ «САМОВЛАСТЕЦ» РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Поход 1043 г. на Константинополь

та (216 номисм) на отряд. Поскольку в последнем случае, как надо полагать, речь идет о низовой военной единице русского войска — «десятке», то данные Пселла и Скилицы, в сущности, почти равнозначны. Десять тысяч номисм на 40 человек

(количество воинов, помещавшихся в большой русской ладье), мы получим в итоге 25 номисм на человека, а распределяя 216 номисм между десятью ратниками — 21,6 номисмы на человека. Таким образом, при общей численности русской армии в 10 000 воинов максимальная сумма дани могла составлять 250 000 номисм. Для оценки бюджетных возможностей императорского двора можно привести такие факты: весной 1042 г., после свержения Михаила V, у одного знатного вельможи было конфисковано 380 000 номисм, а в феврале 1043 г. Константин Мономах изъял из имущества умершего патриарха Алексея Студита 180 000 номисм⁵¹⁹. Как видим, выставленный Владимиром счет не был таким уж неподъемным для императорской казны. Однако Константин наотрез отказался обсуждать денежные требования русского князя, так как сам факт выплаты империей дани был равносителен признанию независимости Русской земли.

Когда императорские послы вернулись в город, солнце уже клонилось к закату. Поборов свою нерешительность, Константин наконец приказал магистру Василию Феодорокану выйти из бухты с двумя или тремя кораблями, чтобы втянуть врага в бой. «Те легко и стройно поплыли вперед, — рассказывает Пселл, — копейщики и камнеметатели подняли на их палубах боевой крик, метатели огня заняли свои места и приготовились действовать. Но в это время множество варварских челнов, отделившись от остального флота, быстрым ходом устремились к нашим судам. Затем варвары разделились, окружили со всех сторон каждую из триер и начали снизу пиками дырывать ромейские корабли; наши в это время сверху забрасывали их камнями и копьями. Когда же во врага полетел и огонь, который жег глаза, одни варвары бросились в море, чтобы плыть к своим, другие совсем отчаялись и не могли придумать, как спастись».

По сообщению Скилицы, Василий Феодорокан сжег семь русских ладей, три потопил вместе с людьми, а одну захватил, спрыгнув в нее с оружием в руках и вступив в бой с находившимися там русами, из которого одни были им убиты, прочие же бросились в воду.

Видя успешные действия магистра, Константин подал сигнал о наступлении всему ромейскому флоту. Огненосные триеры, в окружении кораблей поменьше, вырвались из бухты Золотой Рог и устремились на русов. Последних, очевидно, обескуражила неожиданно большая численность ромейской эскадры. Пселл вспоминает, что «когда триеры пересекли море и оказались у самых челнов, варварский строй рассыпался, цепь разорвалась, некоторые корабли дерзнули остаться на месте, но большая часть их обратилась в бегство».

В сгущавшихся сумерках основная масса русских ладей вышла из Босфорского пролива в Черное море, вероятно надеясь укрыться от преследования на прибрежном мелководье. На беду как раз в это время поднялся сильный восточный ветер⁵²⁰, который, по словам Пселла, «взбормоздил волнами море и погнал водяные валы на варваров. Одни корабли вздыбившиеся волны накрыли сразу, другие же долго еще волокли по морю и потом бросили на скалы и на крутой берег; за некоторыми из них пустились в погоню наши триеры, одни челны они пустили под воду вместе с командой, а другие воины с триер продырявили и полузатопленными доставили к ближайшему берегу».

Русские летописи повествуют о том, что ветер «разбил» и «княж корабль», но подоспевший на выручку воевода Иван Творимирич спас Владимира, взяв его в свою ладью. Остальные ратники должны были спасаться кто как мог. Многие из тех, кто добрался до берега, погибли под копытами подоспевшей ромейской конницы. «И устроили тогда варварам истинное кровопускание, — заключает свой рассказ Пселл, — казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море».

Впрочем, истинные размеры постигшего русов бедствия стали ясны только утром, когда буря утихла. Несколько тысяч русских воинов, растерявших оружие и доспехи, скопилось на берегу, но помочь им было нечем, так как все уцелевшие ладьи были переполнены. Решено было возвращаться на родину врозь — морем и по суше. Тысяцкий Вышата добровольно вызвался сойти на берег и возглавить отряд обреченных. Ле-

топись сохранила героические слова доблестного воина: «Аще жив буду, то с ними, аще погину, то с дружиною».

Судьба этой части русского войска была ужасна. Вышата сумел довести своих людей до устья реки Варны (в Болгарии), но здесь на измученных и полубезоружных русов напал стратиг Паристриона Катакалон Кекавмен. Большинство русских воинов сложили голову в кровопролитной резне, а взятые в плен 800 человек, среди которых находился Вышата, были отправлены в Константинополь, где их подвергли казни, предусмотренной для государственных мятежников: некоторым выкололи глаза, другим отрубили правую руку. Окровавленные конечности были развешены на константинопольских стенах.

Отступление остатков русской флотилии имело более благоприятный исход. Владимир даже смог восстановить честь русского оружия. Вослед ему Константин IX направил 24 триеры под командой наварха⁵²¹ Константина Каваллурия. Скилица рассказывает, что ромеям удалось настигнуть вражеский флот, стоявший на якоре в некоем заливе. Константин Каваллурий смело, или скорее безрассудно, ввел свою эскадру в залив, думая, что он имеет дело со всем русским флотом. Но оказалось, что русы устроили ему ловушку. В заливе стояла только часть их флота; другая же, находившаяся неподалеку в засаде, дождалась, когда ромеи войдут в залив, и внезапно появилась у них за спиной. При виде русских ладей, грозивших запереть устье залива, почти половина ромейской эскадры обратилась в бегство. Константин Каваллурий принял бой всего с одиннадцатью, или, по данным летописи, с четырнадцатью кораблями, чьи экипажи не поддались панике. В ходе ожесточенного сражения русы захватили триеру наварха, вместе с тремя другими, перебив всех, кто там находился. Остальные ромейские корабли, ища спасения, выбросились на прибрежные мели и скалы. Кое-кто из их экипажа спасся, прочие погибли или были захвачены в плен.

Однако эта победа уже не могла изменить печального для русов итога войны. Подлинный реванш пришлось брать не на полях сражений.

Глава 4

«ЗЕМНОЕ» И «НЕБЕСНОЕ»

Между войной и миром (1043—1046)

Поражение русского войска было большим потрясением для княжеского двора. В глазах людей того времени внезапно поднявшаяся буря не могла быть случайным явлением. Распространился слух, будто грекам помогло вмешательство свыше. Летописец позже запишет, что, когда русские приплыли к Царьграду, греки «изыдоша на море, и начаша погружати в море пелены Христовы с мощми святых, и Божиим гневом возмутися море». Под влиянием подобных настроений уничтожение русской флотилии было воспринято в Киеве как наказание Божие.

Иларион откликнулся на события 1043 г. «Молитвой к Богу от всея земли нашея». В распространенных редакциях его сочинений «Молитва» следует сразу за «Словом о законе и благодати». Но какая разница между этими произведениями! Жизнеутверждающий тон «Слова» сменяется в «Молитве» покаянным настроением. Больше нет речи об исторических успехах Русской земли, о торжестве христианской веры и благодатном покрове, распростершемся над Божьим Градом. Вместо этого Иларион взывает к Творцу с одной-единственной просьбой: не погубить «малое стадо», тяжко согрешившее перед Ним: «Аще и добрых дел не имеем, но многыя ради милости Твоя спаси нас, мы бо люди твои и овцы паствы Твоей... Не остави нас аще и еще блудим, не отверзи нас аще и еще согрешаем перед Тобой... Не помяни многих грех наших, прими нас обращающа к Тобѣ, сотри список грехов наших, укроти гнев... Ты бо еси Господь владыка и творец и в Тобѣ есть власть или жити нам, или умерети».

Русские люди провинились перед Богом тем, что не соблюли Господни заповеди, «к земному приклонихомся» и «поработихомся грехови». «Нет среди нас ни единого, — сетует Иларион, — кто о небесном тщащася и подвизающа, но все о земном, все о печалех житейских, ибо оскудела преподобными земля!» Однако он не допускает и мысли, что это Бог отвернулся от русских людей: «Не Ты оставляешь и отвергаешь нас, но мы не

Софийский собор в Новгороде

взыскуем о Тебе...» Иларион просит Бога проявить терпение и не сделать Русской земле то, что Он сделал Иерусалиму: «Терпел нас и еще долго терпи, остави гневный Твой пламень... Сам направь нас на истину Твою... И пока стоит мир, не наводи на нас напасти искушения, не предай нас в руки чуждых, да не прозовешься Град Твой градом плененным и стадо Твое пришельцами в земле не своей. Да не рекут страны: где есть Бог их?»

Явленная под стенами Царьграда неблагоприятность Бога к русскому воинству была слишком тревожным знамением, чтобы отнестись к ней как к преходящей военной неудаче. Илариона, как, видимо, и многих других при дворе Ярослава, преследовали опасения, что сокрушительное поражение русского оружия может серьезно пошатнуть позиции христианства в Русской земле. И берестовский пресвитер молит небесного владыку: «Не попускай на нас скорби и глада и напрасных смертей, огня, пото-

пленя, да не отпадут от веры нетвердые верою. Мало показни, а много помилуй, мало язви, а милостивно исцели, в мале опечаль, а вскоре увесели, яко не терпить наше естество долго носити гнева Твоего, яко стебель огня. Но укротися, умиласердися... продолжи милость Твою на людех Твоих, ратныя прогони, мир утверди, страны укроти... сущая в рабстве, в полоне, в заточении, в оковах, в плавании, в темницах, в алкоте и жажде, и наготе, — вся утеши, вся обрадуй, радость творя им и телесную, и душевную». Последние строки — это, конечно, о Вышате и его товарищах, томившихся в византийском плену.

Ярослав прислушался к голосу своего духовного наставника. Заботы о «земном» были оставлены ради «небесного», то есть укрепления христианских основ русской жизни. Не случайно последнее десятилетие жизни Ярослава (1044—1054) в Повести временных лет так бедно на политические события — их собственно и нет вовсе, за исключением похода 1047 г. в Мазовию, но борьба против язычников, разумеется, не рассматривалась как предосудительное попечение о «земном».

У нас нет возможности осветить во всех подробностях религиозно-церковную деятельность Ярослава в 40-х гг. XI в. От мероприятий в этой области летопись сохранила только известие о построении храма Святой Софии в Новгороде и заметку под 1044 г. о перезахоронении останков Ярославовых дядей, жертв междоусобной брани Святославичей: «Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я в церкви святыя Богородица [Десятинной]».

Последнее сообщение, в частности, свидетельствует, что Ярослав стремился повысить свой личный престиж христианского государя за счет приращения «святости» великокняжеского рода. Отныне он мог числить среди своих предков не только равноапостольных отца и бабу, но еще и двух дядей-христиан. Вместе с тем описанный летописцем обряд интересен в том отношении, что позволяет говорить о сознательном отступлении русского Царьграда от православно-византийской догматики. Обряд крещения мертвых, известный у ранних христиан гностического толка, был неоднократно осужден отцами Церкви II—IV вв. и подвергся официальному церковному запрещению на местном

Карфагенском соборе 397 г. Не знать об этом в Киеве не могли, так как указанное правило Карфагенского собора входило в состав Номоканона XIV титулов, переведенного на славянский язык не позднее конца IX в. И тем не менее на Руси крещение покойников, как видно по летописной записи, выглядело вполне благочестивым делом не только для современников Ярослава, но даже и для составителя летописного свода конца XI — начала XII в.⁵²²

Перенесение и крещение княжеских мощей носило, конечно, характер торжественного действия и, безусловно, было совершено в присутствии иерархов Русской Церкви. Однако трудно допустить, что в их числе был митрополит Феопемт или какой-нибудь другой греческий архиерей. Представитель византийской ортодоксии, находясь он в Киеве, должен был бы воспротивиться проведению данной церемонии. Это соображение заставляет считать, что акт 1044 г. имел место в условиях продолжающегося конфликта с Константинопольской патриархией и во время отсутствия в Киеве митрополита-грека. Несмотря на военное поражение, Ярослав упорствовал в своем противостоянии Константинополю, перенеся тяжесть борьбы в область церковных отношений, где попечение княжеского двора о «небесном» вскоре обрело вполне ясную цель: добиться канонической независимости Русской Церкви от византийской иерархии.

Мирный договор с Византией был заключен только в 1046 г., из чего видно, что Ярослав пытался выговорить для себя какие-то особые условия. Но греки не шли ни на какие уступки. Все, на что согласился Константин IX, — это отпустить на родину искалеченных русских пленных. Напряжение в русско-византийских отношениях не исчезло. Никоновская летопись подытоживает рассказ о событиях 1040-х гг. сообщением, что «Ярославу... с греки брани и нестроения быша».

Избрание митрополита Илариона

Ненависть русов к ромейской «гегемонии» еще раз прорвалась наружу в 1051 г. Незадолго до этого умер формальный глава Русской Церкви митрополит Феопемт. И вот, не дожидаясь

Облачение православного митрополита X—XI вв.

ясь присылки в Киев ставленника Константинопольской патриархии, Ярослав созвал поместный собор русских епископов, на котором, по указанию «самовластца», митрополитом Руси был избран Иларион. Существует собственноручная его запись, сделанная на одной из принадлежащих ему рукописей: «Аз, милостию человеколюбиваго Бога, мних [монах] и прозвутер [пре-свитер] Иларион, изволением Его от благочестивых епископ (по)священ бых и настован в велицем и богохранимем граде Кыеве, яко быти ми в нем митрополиту, пастуху же и учителю. Быша же си в лето 6559 [1051] владычествующу [в княжение] благоверному кагану Ярославу, сыну Владимиру. Аминь».

В Повести временных лет этому событию посвящена одна сухая строка: «Постави Ярослав Лариона митрополитом русина в святей Софьи, собрав епископы». За напускным бес-

страстием летописец скрыл взрывоопасную суть данного церковного акта. Между тем это был полный разрыв Русской Церкви с византийским церковным канонам. Во-первых, избрание митрополита собором русских епископов посягало на важнейшее право константинопольского патриарха в отношении подчиненных ему митрополий — право поставлять туда архиереев⁵²³. Но на Руси эту патриаршую прерогативу считали безусловной, каковой она и была в действительности. В первые века существования христианства местные общины пользовались в данном вопросе большой свободой, а епископская власть на местах не нуждалась в посторонней санкции. Каноническое оправдание церковному акту 1051 г. приводит Никоновская летопись, которая ссылается на евангельское «правило святых апостол 1-е: два или три епископы да поставляют единого епископа, и по сему священному правилу и уставу божественных апостол сошедшеся рустии епископы поставиша Илариона, русина, митрополита Киеву и всей Русской земле...» Однако из греческих номоканонов X—XI вв. это апостольское правило было вычеркнуто, и русские епископы могли прочитать его только в каком-нибудь списке древнеболгарской Кормчей книги (так называемой Синтагме)⁵²⁴, где оно сохранялось (и применялось на практике) благодаря тому, что Болгария во второй половине IX в. завоевала для себя церковную автокефалию.

Во-вторых, митрополитом Русской Церкви был выбран простой священник, а не епископ, как то предписывалось греческим церковным уставом. Подобная практика тоже была характерна для ранних христиан. Но в середине XI в. ее придерживались только в Ирландской церкви, которая в свое время оказала большое воздействие на русское христианство. Отсюда вероятно, что «русская митрополия утверждалась на основе порядков независимых от Византии христианских общин (Русской земли. — С. Ц.), находящихся к тому же под контролем княжеской власти»⁵²⁵.

Третье «преступление» Русской Церкви, по понятиям греков, состояло в том, что на митрополичью кафедру был возведен местный иерей, «русин», а не уроженец Византии. Это

был уже имперско-расистский предрассудок в чистом виде, не имевший отношения к церковным правилам. Но греки упрямо держались за него как за устав святых отцов. Доводы в пользу поставления в русские митрополиты исключительно духовных лиц из Византии читаем у византийского канониста XIV в. Никифора Грегори. Свое мнение он высказал по аналогичному поводу, когда в 1353 г. в Константинополе обсуждался вопрос о поставлении в московские митрополиты первого кандидата из русских, владимирского епископа Алексия, будущего святителя. Протестуя против этого назначения, как дела неслыханного, Грегора пишет, что изначально власть над Русской Церковью принял греческий архиерей, которому узаконено было подчиняться «Константинопольскому трону и получать от него права на духовную власть». А потому и преемники его с тех пор выбирались «из здесь [то есть в Византии] родившихся и вместе воспитавшихся, и попеременно, один за другим, принимающих предстояние по смерти предшественника, дабы связь между этими двумя народами [русскими и греками] сильнее и сильнее укреплялась и навсегда сохраняла бы единоклубие веры в его полной сущности»⁵²⁶. Но если в 1353 г. среди греческих иерархов нашлись колеблющиеся, благодаря которым претензии Москвы в конце концов были удовлетворены, то во времена Ярослава Константинопольская патриархия была настроена категорически против русского движения. Иларион и сам отметил, что обряд посвящения и интронизации был совершен над ним русскими епископами, без какого-либо участия константинопольских церковных властей.

Из сказанного видно, что, попирая нормы обычного церковного права Византии, русские «еретики» апеллировали к опыту ранних христианских общин, автокефальной Болгарской церкви и собственной церковной традиции. Этот канонический поворот достаточно четко обозначил направление, в котором собирались двигаться Ярослав и новый русский митрополит, в чьих творениях нельзя обнаружить даже малейшего намека на связь Русской Церкви с Константинопольской патриархией: курс был взят на полную церковную автономию.

Церковный устав Ярослава

Это и подтвердил церковный устав Ярослава, изданный в соавторстве с митрополитом Иларионом между 1051 и 1053 гг.⁵²⁷ Его вступительная статья открывается словами: «Се яз князь великий Ярослав, сын Володимерь, по данию отца своего съгдал есмь с митрополитом с Ларионом, сложил есмь греческий номоканун...» Я.Н. Шапов убедительно продемонстрировал, что заключительную формулу этой фразы следует читать как «отверг греческий номоканон»⁵²⁸. Содержание устава Ярослава вполне оправдывает вывод исследователя. Этот церковный судебник определял границы юрисдикции Церкви в древнерусском обществе, исходя из строгого различия понятий *преступления* и *греха*. К ведению церковных властей были отнесены грехи всех христиан и противозаконные деяния *церковных людей*, выделенных в особую сословную категорию еще церковным уставом Владимира. Дела исключительно «греховные», то есть нравственные нарушения мирянами божественного закона — волхование, браки в близких степенях родства, вкушение недозволенной пищи и т. п., — разбирались епископским судом по церковным законам, без участия княжеского судьи. Дела «греховно-преступные», с элементами физического и материального вреда для другого человека или нарушения общественного порядка (умычка девиц, оскорбление женской чести словом или делом, прелюбодеяние и т. п.), подлежали суду совместному, княжеско-епископскому. Князь судил и карал провинившегося вирой (денежным штрафом), делясь пенями с митрополитом. Наконец, дела «духовные», то есть преступления, совершенные лицами церковного ведомства, поступали на суд епископа. Правда, князь оставлял за собой право вмешаться в судебное разбирательство, если церковные люди были повинны в «татьбе с поличным» и «душегублении». В этом случае вира делилась «наполю» (пополам) между митрополитом и князем⁵²⁹.

Будучи, несомненно, христианскими и церковными по существу, нормы устава Ярослава тем не менее находятся в кричащем противоречии с положениями греческого церковного права: «Это, во-первых, отнесение в уставе исключительно к церковной юрис-

дикции поступков, которые по византийским нормам ей не принадлежали, а были подведомственны светской власти, хотя церковь налагала за них, в свою очередь, как за грехи, епитимью. Таковы поступки, которым посвящены основные статьи устава: похищения, изнасилования, разводы, рождение ребенка незамужней, прелюбодеяние, брак в близких степенях родства, двоеженство, скотоложество, оскорбление словом и действием, кражи. Это различие усиливалось тем, что церковь по уставу Ярослава должна была рассматривать дела, которые неизвестны ни церковной, ни светской юрисдикции в Византии, например ответственность родителей за невыдачу замуж дочери, за превышение власти при насильственной женитьбе детей, убийство во время свадебных игр и прочее. Во-вторых, формы наказания... виры и продажи в денежном выражении в пользу митрополита, кроме возмещения потерпевшему. Византийская церковь не присуждала гражданских наказаний, и церковное наказание не сопровождалось гражданскими последствиями. Канонические правила предусматривали только церковно-дисциплинарные средства воздействия: увещания, епитимью, отлучение от Церкви. В-третьих, судебный иммунитет духовенства, монашества и лиц, зависимых от Церкви, относительно светской власти, в частности князя, провозглашенный в уставе»⁵³⁰.

Совершенно очевидно, что, составляя свой устав, Ярослав сверялся не столько с греческой Кормчей, сколько с церковным законодательством своего отца, над гробом которого Иларион заверял усопшего, что сын его и наследник, «благочестивый каган наш Георгий», «не рушаща твоих устав, но утверждающа».

Правда Ярослава

Тот же юридический подход характерен и для Правды Ярослава, составленной, по-видимому, одновременно с церковным уставом и в дополнение к нему. Правда — это свод постановлений об уголовных преступлениях и гражданских правонарушениях, подведомственных одному только княжескому суду. На примере законодательной реформы князя Владимира мы виде-

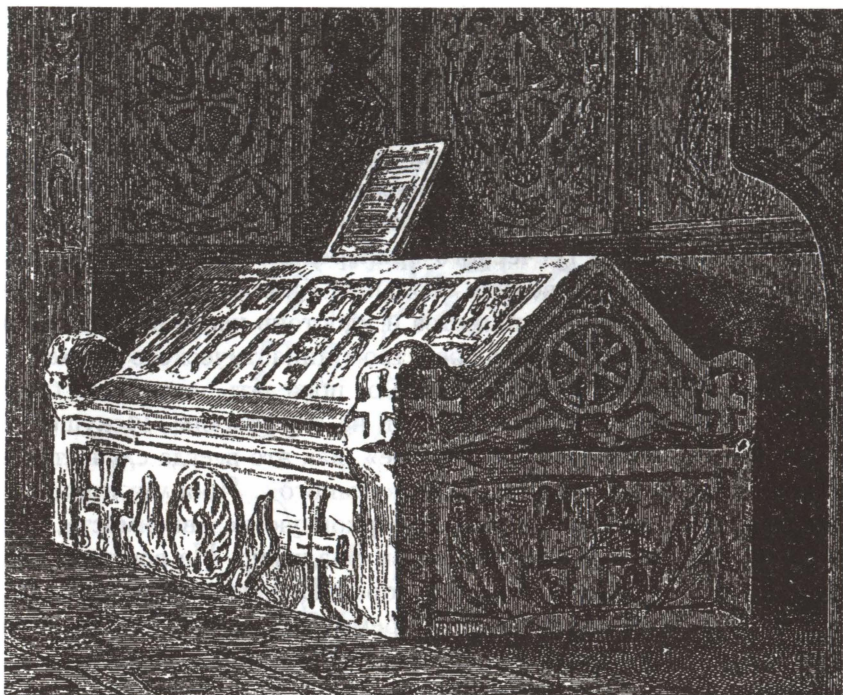

ли, что переход от язычества к христианству породил необходимость как-то согласовать древнерусский правовой обычай (закон русский) с христианскими нормами общежития. Правда Ярослава явилась законодательным ответом княжеской власти на это требование. Ярослав несомненно использовал тематику византийских памятников уголовного и гражданского права, в частности XVII титул Эклоги⁵³¹, но ничего не заимствовал дословно. По тонкому замечанию В.О. Ключевского, византийские законодательные своды лишь «указывали ему случаи, требовавшие определений, ставили законодательные вопросы, ответов на которые он искал в туземном праве»⁵³². В результате получился оригинальный правовой документ, совершенно отличный по духу и букве от византийского права. Как далеко пошел Ярослав по этому пути, показывает первая же статья его Правды, узаконившая древний родовой обычай — кровную месть.

Восстановление церковно-политического единства с Византией

Доведи Ярослав свои церковные начинания до логического конца, история Русской Церкви да и русского государства была бы совсем другой. Но последний шаг «самовластец» так и не сделал. Церковная автономия Русской митрополии провозглашена не была. Мы очень мало знаем о причинах, которые заставили Ярослава отказаться от задуманного. Однако источники позволяют высказать некоторые соображения по этому поводу.

Реальная угроза русской автокефалии, по-видимому, побудила Византию пойти на попятную и удовлетворить если не все, то большую часть требований Ярослава в отношении государственного суверенитета Русской земли. Внезапные перемены в политике были вполне в духе последних лет правления Константина Мономаха. «Переменчивый душой, — пишет о нем Михаил Пселл, — порой сам на себя не похожий, Константин хотел прославить свое царствование... Вместе с тем, отправляя посольства к другим властителям, он, вместо того

Гробница князя Ярослава в Софийском соборе в Киеве. С рис. И. Панова

чтобы разговаривать с ними как господин, искал их дружбы и слал им чересчур смиренные письма».

Среди обстоятельств, настраивавших Константина к смирению перед русским «архонтом», не последнюю роль должны были играть опустошительные печенежские набеги на империю, достигшие особенной силы в 1048—1052 гг., когда многочисленная орда хана Тираха, перейдя Дунай, водворилась на Балканском полуострове, откуда совершала набеги под стены самого Константинополя. В этих условиях василевс не мог допустить ухода Руси из-под византийского влияния, главным проводником которого в Киеве выступали греческие митрополиты. Русь была самой влиятельной силой в Северном Причерноморье, и в интересах империи было направить эту силу в тыл печенегам. С другой стороны, на примирении с русским

князем, пускай и за счет уступок политического свойства, вероятно, настаивал патриарх Михаил Керуларий, который безусловно не мог оставаться безучастным зрителем отпадения Русской митрополии.

Так или иначе, Ярославу был предложен компромисс, имевший целью отвлечь его от опасных новшеств в церковной сфере. Греки требовали сместить митрополита Илариона и назначить на его место греческого архиерея. В обмен на это они соглашались удовлетворить гордыню «самовластца», даровав ему знаки царского достоинства и удостоив чести породниться с императорским домом посредством династического брака.

Ничего другого Ярослав и не мог пожелать, даже если бы в 1043 г. военное счастье оказалось на его стороне. Искушение было слишком велико, и «небесное», как это всегда случается в политике, было оставлено ради «земного». Ярослав принес в жертву государственной выгоде церковную независимость, как некогда поступил и отец его, князь Владимир. На восстановление церковных связей княжеского двора с Византией уже в 1052 г. указывает сообщение Повести временных лет: «Того же лета [1052]... в Киев пришли три певцы [церковных певчих] из грек с роды своими».

Приблизительно тогда же митрополит Иларион был смещен с кафедры. Вместо него в русские митрополиты был поставлен грек Ефрем, носитель придворного титула *протосинкелла* (кандидата в патриархи). Он прибыл в Киев не позднее 4 ноября 1055 г., так как в Мстиславовом евангелии под этой датой помещена запись: «Священие Святой Софии, иже есть в Киеве. Священа Ефремом митрополитом».

Дух русского христианства изгонялся из соборной Русской Церкви, словно нечистая сила. В том же 1055 г. церковному преследованию подвергся новгородский епископ Лука Жидята по навету своего холопа Дудыки. И хотя по закону русскому и Русской Правде показания холопа не имели значения свидетельства («холопу на правду не вылазити»), митрополит Ефрем дал ход делу. Лука был вызван в Киев на церковный суд, «и осуди митрополит Ефрем, и пребысть там три лета» (сообщение Новгородской летописи). По всей вероятности, таким

недостойным способом Ефрем избавился от одного из ревностных сторонников избрания Илариона.

403

Киево-Печерского летописного свода 1073 г.⁵³⁴ Одна из слабых сторон этой остроумной гипотезы, как справедливо указывал А.В. Карташев, состоит «в умалении литературного сияния» Илариона, «которое не укрылось бы и под схиною»⁵³⁵. В рассказах Киево-Печерского патерика о монастырской братии последних десятилетий XI в. упоминается вскользь некий «черноризец Ларион», проводивший время в своей келье за написанием книг. Уединенный писательский труд — подходящее занятие для человека, чьим именем открывается история русской литературы. Да и монастырская келья — весьма вероятное место пребывания для опального митрополита. Но никаких других подтверждений того, что книги «черноризца Лариона» были написаны тем же пером, которому принадлежит и «Слово о законе и благодати», у нас нет.

Удалив Илариона и восстановив каноническую связь Русской Церкви с Константинопольским патриархатом, Ярослав выполнил свою часть договоренности с василевсом. Константин IX тоже сдержал слово. Его дочь (скорее всего, от второго брака⁵³⁶) была обвенчана с младшим сыном Ярослава Всеволодом. Как сообщает Повесть временных лет, в 1053 г. «у Всеволода родися сын, и нарече имя ему Володимер, от царицы грекини». Этому ребенку, известному последующим поколениям под именем Владимира Мономаха, было уготовано большое будущее.

Ярослав получил от Константина высокий титул кесаря и умер в зените славы, в ночь с субботы на воскресенье первой («Федоровской») недели Великого поста, 20 февраля 1054 г. Какой-то киевский грамотей в этот день нацарапал на внутренней стене Святой Софии памятную надпись: «В (лето) 6562 месяца февраля 20-го успение цесаря нашего в воскресенье в неделю мученика Феодора».

По символическому совпадению в том же 1054 г. произошел раскол между Западной и Восточной Церквями. Но Русская земля сделала свой окончательный цивилизационный выбор немного раньше, когда вместе со своим цесарем осталась в лоне византийского православия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ До 973 г. Чехия входила в состав Регенсбургской архиепископии.

² Этот документ дошел до нас в списках конца XI в. Грамота 1086 г. пражского епископа Яромира-Гехбарда гласит, что Пражская епископия «имеет на востоке следующие границы: Буг и Стырь, а также город Краков и область под названием Ваг [Западная Словакия] со всеми территориями, относящимися к поименованному городу Кракову». Прежде многие историки относились к этому сообщению скептически, усматривая в нем откровенное измышление или в лучшем случае недоразумение. Однако «в настоящее время справедливо преобладает точка зрения, что Гехбард использовал актовые материалы X в. — вероятнее всего, как он и утверждает, учредительную грамоту Пражской (видимо, и Моравской) епископии, т. е. указанные границы соответствуют церковно-политической реальности ок. 973 г.» (*Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М., 2001. С. 395*).

³ См.: *Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 271.*

⁴ Факт отпадения радимичей и хорватов от Киева после гибели Святослава устанавливается по дальнейшим летописным сообщениям, согласно которым Владимиру в 80—90-х гг. X в. пришлось заново приводить эти племена к покорности.

⁵ Термин А.Е. Преснякова, понимавшего под княжим правом «совокупность обычно-правовых норм, возникавших... в сфере деятельности княжеских сил, независимой от общего уклада народной жизни» (*Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетия. СПб., 1909. С. VI*).

⁶ В том случае, если у отца не было братьев, которые имели преимущество в деле наследования княжения перед своими племянниками. Далее мы увидим, что были и другие основания к замещению княжеских столов. Но они возникали по мере разветвления великокняжеского рода и усложнения социально-политической жизни Древней Руси. В исторической действительности второй половины X в. им еще не было места.

⁷ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. С. 154.

⁸ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. В 3 т. СПб., 1890—1903. Т. II. С. 121—122.

⁹ См.: Фроянов И.Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 532.

¹⁰ См.: Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 384; Мавродин В.В. Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. № 11. С. 178.

¹¹ См.: Татищев В.Н. Собр. соч. В 8 т.: История Российская. М.; Л., 1962—1964 (репринт: М., 1994—1995). Т. I. С. 111.

¹² Либо отводят им непомерно долгие сроки жизни. Так, поздний Пискаревский летописец под 6488/980 г. замечает: «Бысть княжения Ярополча 50 лет...», то есть относит его рождение к первой четверти X в. О Владимире Переяславско-Суздальская летопись (XIII в.) говорит, что он прожил 73 года. Отсчитывая их от года его смерти (1015), получаем 942 г., под которым в Повести временных лет значится рождение его отца. Эти записи, по-видимому, принадлежат к той летописной традиции, которая стремилась устранить очевидную нелепость хронологических сообщений Повести временных лет, касающихся жизни князя Игоря, путем более ранней датировки рождения его первенца — Святослава и соответственно Игоревых внуков. Например, В.Н. Татищев опирался на какой-то утраченный ныне источник, где рождение Святослава было отмечено 920 г. вместо 942 г. О.М. Рапов посчитал возможным принять татищевскую дату, а вместе с ней и сведения Переяславско-Суздальской летописи о 73 годах жизни Владимира на том основании, что эти биографические данные якобы согласуются с известием германского хрониста начала XI в. Титмара Мерзебургского, по которому Владимир умер «отягченный годами» (Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 157—158), или, в другом переводе, «глубоким стариком». Однако это всего лишь фигуральное выражение. В другом месте своей «Хроники» Титмар говорит иначе: «умер в преклонных летах» (Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 319). Очевидно, что преклонные годы и глубокая старость — не одно и то же.

¹³ Рождение в середине — второй половине 950-х гг. между прочим позволяет Владимиру умереть в 1015 г. в «преклонных летах», как и свидетельствует Титмар, то есть около шестидесяти лет — возраст по тем временам весьма почтенном. Немецкий проповедник Бруно Кверфуртский, видевший Владимира за семь лет до его смерти (в 1008 г.), мимоходом отметил, что князь легко «спрыгивал с коня на землю». Подобное проворство вполне вероятно для человека пятидесяти с небольшим лет, но вряд ли оно могло отличать «отягченного годами» старика.

¹⁴ См.: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. С. 30.

¹⁵ Например, по А.А. Шахматову, у Ярополка был только один воевода — Блуд, но в процессе переработки текстов статей 6483/975 и 6485/

977 гг. позднейшими редакторами Повести временных лет его имя было заменено именем Свенгельда (см.: *Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах.* СПб., 1908. С. 234, 242, 354—357, 364). Многие исследователи до сих пор сочувственно высказываются об этой гипотезе, считая ее «текстологически достаточно убедительной» (*Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях.* М., 2000. С. 364). Однако не стоит забывать, что *Шахматов* вымарывал имя Свенгельда из статей под 975 и 977 гг., будучи увлечен своей концепцией причастности этого воеводы к убийству Игоря, от которой, под воздействием аргументированной критики, впоследствии отказался.

Дальше всех по пути отрицания известий летописи пошел А.Л. Никитин, который усомнился в реальности обоих сподвижников Ярополка. Историческая «избыточность» фигуры Свенгельда для хода событий 970-х гг. проявляется, по мнению исследователя, прежде всего в том, что летописная «история Свенельда оказывается слишком растянутой во времени. Даже если предположить, что в 920—925 гг., когда с наибольшей вероятностью родился Игорь, Свенельду было уже 30 лет, к моменту поражения Святослава у Доростола ему оказывается не менее 75 лет, тогда как к моменту убийства Олега «древлянского» ему идет уже девятый десяток — вещь совершенно невероятная для активно действующего воеводы X в.» (*Никитин А.Л. Основания русской истории.* М., 2001. С. 229).

Этот «возрастной» аргумент исследователя откровенно слаб, поскольку основан на произвольном предположении, что Свенгельду должно было исполниться тридцать лет именно к моменту рождения Игоря, хотя ничто не препятствует думать, что воевода разменял свой четвертый десяток, например, к тому времени, когда Игорь достиг совершеннолетия, то есть в конце 930-х гг. А может быть, ему тогда было лет двадцать пять... Словом, мы не знаем точно, в каком именно возрасте Свенгельд участвовал в обороне Доростола и сколько лет ему могло быть в 975 г., когда, согласно Повести временных лет, он натравливал Ярополка на Олега, а потому вывод о его старческой немощи в 70-х гг. X в. повисает в воздухе. В летописи имеется неоспоримый пример государственного и ратного долголетия: сообщение под 1106 г. о смерти маститого старца, воеводы Яна, прожившего добрых девяносто лет.

Другой довод Никитина о непричастности Свенгельда к событиям 975—977 гг. состоит в том, что к этому времени его уже просто не было в живых. Опорой исследователю служит известие Льва Диакона о знатном русе Сфенкеле/Сфангеле, который, наряду с князем Святославом и неким Икмором, был одним из предводителей русского войска, осажденного ромеями в Доростоле (аналогичное сообщение есть и у Скилицы). Считая Сфенкела и Свенгельда одним и тем же лицом, Никитин полагает, что жизнь Свенгельда/Сфенкела оборвалась в 971 г., за два дня до заключения мира с греками, как о том пишет Лев Диакон. Дальнейшее его участие в борьбе Ярополка с

Олегом уже «принадлежит литературе, а не истории» (Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 226, 229—230).

Очевидно, что, отождествляя Свенгельда с погибшим в бою Сфенкелом, Никитин в корне подрывает свой собственный тезис о «старческой» недееспособности Свенгельда в 970-х гг. Но это так, к слову... На наш взгляд, идентичность Сфенкела из «Истории» Льва Диакона и летописного Свенгельда не только возможна, но даже весьма вероятна. Однако из этого следует только то, что сообщение Льва Диакона о смерти Сфенкела нужно признать ошибочным, поскольку Свенгельд упоминается в договоре Святослава с греками, а официальный документ по части достоверности все же имеет преимущество перед хроникой, составленной частным лицом, которое к тому же не было непосредственным очевидцем событий.

Никитин, естественно, ставит под сомнение достоверность упоминания Свенгельда в договоре 971 г., подозревая в этом месте летописи редакторскую правку более позднего времени, которая «скорее всего может быть объяснена заменой стоявших здесь в подлиннике имен Сфенкела и Икмора...» (Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 230). Здесь исследователь уже совершенно перестает следить за логикой своих рассуждений: полностью доверяя известию Льва Диакона о гибели Сфенкела до подписания договора, он тем не менее допускает присутствие его имени в «подлинном» тексте этого документа. Кстати, Икмор тоже погиб до заключения мира. Вообще мысль о намеренной фальсификации летописцами официального дипломатического документа нельзя назвать удачной.

Устранение из летописного текста другого воеводы, Блуда, Никитин производит на том основании, что далее в летописи под 1018 г. упоминается княжий воевода Буды, участник сражения князя Ярослава с поляками на Буге. «Имя воеводы Ярослава — Буды/Будый, — пишет Никитин, — которое, как и производные от него, широко представлены в «Славянском именослове» М. Морошкина, позволяет предполагать, что мы имеем дело с реальной исторической фигурой. Это, в свою очередь, заставляет усомниться в реальности «воеводы Блуда» ст. 6488/980 г., созданного по образцу «Будыя» и действующего в соответствии со своим именем», ибо, развивая в другом месте свою мысль исследователь, «трудно предположить реальность человека по имени «Блуд», единственной функцией которого является передача Киева и Ярополка в руки Владимира...» (Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 258, 259).

Смешение в статьях под 980 и 1018 гг. имен «Буды/Будый» и «Блуд» действительно наблюдается в ряде летописных списков Повести временных лет. Вероятно, это произошло вследствие того, что некоторые редакторы и переписчики Повести посчитали обоих воевод одним и тем же лицом (и, кстати сказать, временной разрыв в 38 лет между упоминанием одного и другого не препятствует такому отождествлению). Однако поставить знак равенства между Будыем и Блудом едва ли возможно. Имена эти имеют

различную семантику, что исключает предположение Никитина о «создании» летописцем мифического воеводы Блуда по образцу «реального» Буды.

Наличие в древнерусском именослове имени Блуд, не являющегося аналогом «Будю», засвидетельствовано, помимо летописной статьи 980 г., былинной о Хотене Блудовиче и названием Блудовой улицы в Новгороде. Судя по тому, что мать «Хотинушки Блудовича» носит в былинах прозвище «вдовы честно-Блудовой жены», имя Блуд не имело скабрезного, отрицательного смыслового оттенка («развратный человек»), а состояло в связи с корнем «блуд» в значении «блуждать, странствовать». Таким образом, отпадает и подозрение Никитина о том, что воевода Блуд, предатель Ярополка, — это всего лишь литературный герой с нарицательным именем, вроде столь любимых русской литературой XVIII — начала XIX в. Правдиных, Стародумов, Скотининых, Скалозубов и тому подобных персонажей.

¹⁶ В летописной статье под 980 г. «варяги» сопутствуют Владимиру в его походе на Полоцк и Киев. Здесь видна рука позднейшего редактора, и это служит еще одним аргументом в пользу того, что в древнейшем летописном тексте «полоцкое сказание» предшествовало рассказу о захвате Владимиром Киева.

¹⁷ Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. М., 2003 (репринт: СПб., 1914). С. 201.

¹⁸ Седов В.В. Восточные славяне в древности. С. 243.

¹⁹ См.: Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI—X вв. н. э. М., 1990. С. 123.

²⁰ См.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 219.

²¹ Татищев В.Н. Собр. соч. Т. I. С. 111.

²² Вероятно, уменьшительное от Лютобор — имени, известного у чешских хорватов (ср. также со славянским племенным этнонимом «лютичи»). Норманистам чудится в Люте искаженное скандинавское имя Ljot, Loti (см., напр.: Поппэ А. Князь Владимир как христианин // Русская литература. СПб., 1995. № 1. С. 71).

²³ В более ранней статье под 6453/945 г. о мести Ольги имеется выражение «Свенельд, тоже отец мстишин», из чего обыкновенно делался вывод, что у Свенгельда был еще один сын — Мстиша/Мстислав. Однако А.Л. Никитин, вслед за А. Поппэ, предлагает считать это место испорченным текстом: «Вероятнее всего, в указанной фразе следует читать первоначальное или «тоже отец мсти сына», или же «тоже отец мести», последствия чего мы и обнаруживаем в сюжетах о борьбе Олега и Ярополка» (Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 42, 229; Поппэ А. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. Сборник статей. М., 1974. С. 84).

²⁴ См.: Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 31—32.

²⁵ Исторические обстоятельства, обусловившие возникновение конфликта трех Святославичей, приоткрылись сравнительно недавно благодаря ис-

следованиям А.В. Назаренко. Для лучшего освещения этой темы, представленной в русских летописях лишь отрывочными данными полулегендарного происхождения, ученый привлек дополнительные источники, которые и помогли «обнаружить стержень, логическую ось событий, развернувшихся на Руси после гибели Святослава Игоревича» (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 361—373).

²⁶ В отечественной историографии распространена ошибочная гипотеза видного генеалога «Рюриковичей» Н.А. Баумгартена, который отождествил «короля Руси» с князем Владимиром (его статьи на эту тему были опубликованы в 1927—1930 гг. в римском журнале *Orientalia Cristiana* на французском языке). В подкрепление своего мнения Баумгартен сослался на известие Титмара Мерзебургского о том, что в 1018 г. в руки польского князя Болеслава I Храброго, захватившего Киев, попала мачеха князя Ярослава Владимировича. Поскольку византийская супруга Владимира, царица Анна, умерла, согласно летописи, в 1011 г., ученый посчитал, что под «мачехой» Ярослава скрывается дочь графа Куно, ставшая женой «короля Руси» Владимира между 1012 и 1015 гг. На капитальные недостатки этой теории указал А.В. Назаренко (см.: *Древняя Русь* в свете зарубежных источников. С. 310—311; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 362). По внутренней хронологии «Генеалогии Вельфов» русский брак дочери Куно должен был прийти на вторую половину 970-х гг. Ведь Куно именуется там графом, а не герцогом (последний титул был ему пожалован только в 983 г.). Следовательно, составитель «Генеалогии Вельфов» в этой части своего труда воспользовался каким-то документом, написанным до 983 г. Нельзя не учитывать и того, что в 1012 г. этой дочери Куно должно было исполниться не меньше 35—40 лет — возраст, совсем не подходящий для династического брака, тем более с Владимиром — государем, известным в качестве большого знатока женских прелестей.

²⁷ См.: *Древняя Русь* в свете зарубежных источников. С. 310; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 362.

²⁸ В «Вайнгартенской истории Вельфов» (60-е гг. XI в.) дочь императора, вышедшая замуж за Куно, носит имя Рихлинт. Однако женское потомство Оттона I хорошо известно, и дочери с таким именем среди него нет. Тем не менее Куно/Конрад фон Энинген, по-видимому, в самом деле состоял в довольно близком родстве с императорской семьей, так как его сын, швабский герцог Херманн II, серьезно претендовал на королевский трон Саксонии, опустевший в 1002 г. после смерти бездетного Оттона III, внука Оттона I и последнего представителя Саксонской династии (см.: *Древняя Русь* в свете зарубежных источников. С. 309; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 371—372).

²⁹ См.: Флоровский А.В. Русское летописание и Я.А. Коменский // Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. М., 1974. С. 313—314.

³⁰ Жеротины, напротив, желали происходить от знаменитых государей. Известно их притязание на родство даже с византийскими императорами, хотя и все равно через русское посредство — по Изяславу, князю полоцкому, ошибочно считавшемуся в то время сыном князя Владимира от византийской царевны Анны (см.: *Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 369; Флоровский А.В. Русское летописание. С. 315*).

³¹ А.В. Назаренко обращает внимание на дальнейшую судьбу Святослава, отраженную в «Сказании и страсти и похвале святому мученику Бориса и Глеба»: «Его бегство в 1015 г. от Святополка почему-то именно к «горе Угорьстеи», т. е. к Карпатам, как будто косвенно подтверждает летописную версию» его происхождения (*Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 366*). Но, согласно известию «Повести об убиении святых новоявленных мучеников Бориса и Глеба», повторенному Ипатьевской летописью, Святослав Владимирович пытался укрыться совсем не в Чехии: «бежашу ему в угры», то есть к венграм.

³² См.: *Татищев В.Н. Собр. соч. Т. I. С. 113, 119*.

³³ Цит. по: *История Средних веков / Сост. М.М. Стасюлевич. СПб., 1999. С. 688*.

³⁴ См.: *Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 370*.

³⁵ *Мильков В.В., Милькова С.В. Апокрифическое выражение мифологических воззрений. М., 1997. С. 205*.

³⁶ *Татищев В.Н. Собр. соч. Т. I. С. 111*.

³⁷ *Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Изд. 2-е. Т. I. М., 1901 (репринт: М., 1997). С. 92—93*.

³⁸ *Карташев А.В. История Русской Церкви. Т. 1. М., 2000. С. 129*.

³⁹ Курьезным выглядит мнение А.В. Карташева, что «красивая гречанка-христианка» была приведена Ярополку в качестве «достойной невесты» (*Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 129*). Поиск супруги среди монашек — весьма одиозный поступок для человека, который «слагался в князя-христианина» и «любяше христианы».

⁴⁰ См.: *Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 378*. Светские события начинают отмечаться в летописи полными датами лишь с 1061 г.: «В лето 6569. Приидоша половци первое на Русскую землю воевати, Всеволод же изыде противу им, месяца февраля в 2 день...»

⁴¹ Там же.

⁴² В средневековой западноевропейской агиографии есть произведение, иногда используемое для решения вопроса о крещении Ярополка и которое, однако, я не нахожу возможным привлечь в качестве источника в рамках данной темы. Тем не менее обойти его молчанием нельзя. Речь идет о Житии блаженного Ромуальда, написанном около 1030 г. итальянским кардиналом Петром Дамиани, епископом Остии (умер в 1072 г.). Рассказывая об учениках святого мужа, автор входит во многие подробности жизни одного из них, наиболее любимого Ромуальдом, — святого Бруно (в монашестве Бо-

нифация) Кверфуртского — и, в частности, приводит довольно пространный эпизод его миссионерской проповеди на Руси.

Побывав в стране какого-то языческого народа (по известиям других писателей, это была Венгрия), Бруно отправился оттуда на Русь, где «принялся настойчиво и неотступно проповедовать». Но «король Руси» (rex Rusorum) оставался глух к его словам и потребовал от пришельца чуда, которое, разумеется, тотчас и было ему предъявлено — на глазах у всего народа Бруно, в роскошном епископском облачении, со святой водой и возженной кадиланицей в руках, шагнул в разложенный для него огромный костер «и вышел совершенно невредимым, так что не видно было даже ни единого обгоревшего волоса». После этого все присутствующие немедленно крестились, а король даже выразил желание «оставить королевство сыну, дабы не разлучаться с Бонифацием до конца своих дней».

Однако дальнейшим успехам Бруно в деле просвещения жителей Руси помешали неожиданно возникшие затруднения. У «короля Руси» было два брата. И вот, «брат короля, живший совместно с ним, не захотел уверовать и потому в отсутствие Бонифация был убит королем. Другой же брат, который жил уже отдельно от короля, как только к нему прибыл блаженный муж, не пожелал слушать его слов, но, пылая на него гневом за обращение брата, немедленно схватил его. Затем из опасения, как бы король не вырвал Бонифация из его рук, если он оставит его в живых, он приказал обезглавить [святого] на своих глазах и в присутствии немалой толпы». Но тут всех свидетелей казни хватил столбняк, а брат короля к тому же и ослеп. И только приняв крещение по совету «короля Руси», прибывшего отомстить за Бруно, участники расправы над святым мучеником получили прощение свыше, а вместе с ним и исцеление.

Нетрудно заметить, что политическая обстановка в Русской земле, которую застает Бруно, сродни действительному положению дел в 70-х гг. XI в.: имеется «король Руси» (Ярополк, сидящий на великокняжеском столе в Киеве) и два его брата — один, живущий «совместно с ним» (Олег, в Древлянской земле), другой — «отдельно от короля» (Владимир, в Новгороде). Дальнейшие события, за исключением финала, также развиваются по летописной канве: «король Руси» убивает «ближнего» брата, а затем вступает в борьбу с «дальним». Вместе с тем участие Бруно в обращении трех Святославичей в 70-х гг. X в. является обескураживающим анахронизмом, ибо этот достаточно хорошо известный и весьма деятельный миссионер родился около 976 г., а на Руси побывал только в 1008 г., при князе Владимире, — факт, засвидетельствованный в личном письме Бруно к императору Генриху II. Удовлетворительно объяснить причины, по которым Петр Дамиани усвоил ему роль крестителя Ярополка, никак не удавалось.

Тем не менее с тех пор, как Житие святого Ромуальда вошло в научный обиход, время от времени предпринимались попытки приписать принятие

Ярополком христианства католическому влиянию. Так, В.А. Пархоменко полагал, что Ярополк примерно за год до смерти крестился по обряду Римской церкви. Спасти же историческую достоверность известия Петра Дамиани о крещении «короля Руси» Бруно-Бонифацием исследователь пытался при помощи предположения, что в данном случае мы имеем дело с искаженным воспоминанием о деятельности на Руси в 70-х гг. X в. неизвестных католических миссионеров (см.: *Пархоменко В.А. Начало христианства на Руси: Очерки из истории Руси IX—X вв.* Полтава, 1913. С. 162—164). Этот довод почти слово в слово был повторен А.В. Назаренко, который, однако, постарался конкретизировать личности этих безымянных немецких монахов: «Думаем, что эти миссионеры входили в посольство Оттона II к Ярополку, которое вело переговоры о военном союзе и возможном браке юного киевского князя с дочерью графа Куно «из Энингена», родственницей императора. Ярополк согласился и на союз, и на брак, приняв как следствие крещение от миссионеров, сопровождавших посольство» (*Древняя Русь в свете зарубежных источников.* С. 379).

На это можно возразить, что ни о каких попытках обращения русских князей в христианство западными миссионерами после миссии Адальберта к княгине Ольге в 961—962 гг. источники не знают (правда, Никоновская летопись под 979/980 г. сообщает: «Того же лета приидоша послы к Ярополку из Рима от папы», однако цели папского посольства остаются неясны). И затем, гипотеза, будто в образе Бруно-Бонифация как бы персонифицировались личности неких оставшихся неизвестными предшественников, противоречит выводам историко-филологической критики, которая утверждает совершенно обратное, а именно, что для Петра Дамиани и других современных ему агиографов характерна тенденция смешивать Бруно-Бонифация Кверфуртского с известными церковными деятелями того времени — Адальбертом-Войтехом Пражским, Бруно Аутсбургским, Бруно Ферденским. Этой путанице в немалой степени способствовало то обстоятельство, что в средневековой литературе Бруно Кверфуртский фигурировал под двумя именами: в немецкой традиции — под именем Бруно, в итальянской — под именем Бонифаций, которое он принял уже в Италии при пострижении в римском монастыре Святых Бонифация и Алексия. «Тожественность обоих святых была установлена только наукой нового времени» (*Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях.* С. 347—350).

Вот здесь-то, как мне кажется, и нужно искать ключ к разгадке анахронизмов «русского фрагмента» в Житии блаженного Ромуальда.

Прежде всего заметим, что сообщение Петра Дамиани о крещении Руси Бруно-Бонифацием вряд ли является преднамеренным вымыслом. Скорее речь может идти о неверном перетолковании какого-то реального факта, успевшего в течение первой трети XI в. закрепиться в житийной традиции, связанной с личностью Бруно Кверфуртского. Выявить источник ошибки

помогает Хроника ангулемского монаха Адемара Шабаннского (ум. до 1034 г.), который тоже касается миссионерской деятельности Бруно и между прочим пишет следующее: «Святой же Бруно обратил к вере область Венгрию [и] другую, которая зовется Русью. Он крестил короля Венгрии по имени Геза, которого в крещении, переименовав имя, назвал Стефаном... Упомянутый король велел святому Бруно окрестить также и своего сына [Вайка], дав ему имя, подобно своему — Стефан».

Здесь пребывание Бруно на Руси совершенно сознательно отнесено к времени до официального крещения Руси князем Владимиром, так как дальше у Адемара сказано: «Спустя некоторое время на Русь прибыл один греческий епископ и обратил ту половину страны, которая еще оставалась предана идолам, и заставил их принять греческий обычай рашения бороды и прочее». Кроме того, Адемар делает Бруно современником аугсбургского епископа Ульриха, умершего в 973 г., и приписывает ему обращение венгерского короля Гезы и его сына Вайка (будущего Иштвана/Стефана I), тогда как в действительности Бруно Кверфуртский виделся только с последним, во время посещения Венгрии в 1007 г., то есть спустя много лет после крещения Гезы и Вайка, состоявшегося где-то во второй половине 970-х гг.

Анахронизмы Адемара, как видим, вполне аналогичны хронологической неувязке у Петра Дамиани, который также перенес миссионерскую деятельность Бруно Кверфуртского в 70-х гг. X в. Но текст ангулемского хрониста позволяет вместе с тем обнаружить корень недоразумения. Совершенно очевидно, что Адемар просто перепутал Бруно Кверфуртского с другим Бруно, возглавлявшим в 962—976 гг. Ферденскую кафедру. Между 973 и 976 гг. Бруно Ферденский вместе с Пильгримом, епископом Пассауским, посетили Венгрию в составе имперского посольства, которое, по всей видимости, и имело своим следствием обращение Гезы и его сына, поскольку святой Стефан, чьим именем были наречены венгерские государи, был патрональным святым Пассауской кафедры (по другому преданию, Геза решил креститься, поддавшись уговорам своей жены Адельгейды, сестры польского великого князя). Таким образом, подвиги Бруно Кверфуртского во славу Божию на земле Венгрии оказываются взятыми из биографии его ферденского тезки.

Но как быть с «Русью»? Ведь и Адемар не отказывает Бруно в чести быть «русским апостолом». Так можно ли утверждать, что и в этом случае сквозь послужной список Бруно Кверфуртского просвечивают реальные факты жизни Бруно Ферденского? Однако последний никогда не бывал в Киевской Руси.

Чтобы все встало на свои места, мы должны прежде уточнить: собственно, о какой Руси идет речь у Адемара? Вопрос законен не только с исторической стороны (средневековая Европа знала множество «Русий»), но также и со стороны текстологической. Вернемся к показанию Адемара: «Святой же Бруно обратил к вере область Венгрию [и] другую, которая зовется Ру-

сью». Переводчики этого текста традиционно отделяют Венгрию от Руси разделительным союзом «и», которого нет в оригинальном тексте. Делается это на том основании, что сохранение буквального смысла слов оригинала («*Sanctus autem Brunus convertit ad fidem Ungriam provinciam aliam, que vocatur Russia*») «заставило бы предполагать, что в представлении Адемара Русь составляла одну из «областей» Венгрии» (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 343). Между тем буквальное прочтение как раз и является правильным. Венгрия действительно имела в своем составе «Русскую область» — земли карпатских русин (которые и сегодня присутствуют в виде компактной этнической группы среди венгерского населения). В XI—XII вв. эту «Русь» передавали во владение (на правах феодального лена) наследникам венгерского престола, благодаря чему последние носили официальный титул «герцог русов». Ее-то и мог посетить Бруно Ферденский во время своей поездки по Венгрии.

Теперь мы можем, наконец, подвести итоги. Занимаясь составлением жизнеописания Бруно Кверфуртского, Адемар и Петр Дамиани опирались на уже существовавшую традицию (если только Адемар не был ее зачинателем), которая по неведению отождествляла Бруно-Бонифация с Бруно Ферденским, чему, в частности, способствовали схожие факты их биографий: оба они в свое время посетили Венгрию и Русь (каждый — свою). По законам житийного жанра, требовавшим от агиографа всемерного прославления деяний святого, при наложении друг на друга венгеро-«русских» походов обоих Бруно за основу была взята миссионерская деятельность Бруно Ферденского, ибо Бруно Кверфуртский подвизался в Венгрии и Киеве без особого блеска. Таким образом Бруно-Бонифаций сделался участником событий 70-х гг. X в., как того требовали хронологические рамки епископского служения Бруно Ферденского. В дальнейшем, когда «русская» линия миссионерского служения Бруно Кверфуртского получила более подробное сюжетное развитие, она была вплетена в реальную историческую ситуацию на Руси после гибели Святослава — результат этого литературного творчества мы видим у Петра Дамиани. Однако и здесь, как кажется, не обошлось без обращения к «первоисточнику» — жизни Бруно Ферденского. Мы помним, что у Дамиани «король Руси» имеет наследника. Между тем у Ярополка не было детей. Зато адемаровский Бруно (то есть исторический Бруно Ферденский) обращает в христианство Гезу и его сына Вайка. Так напоследок выясняется, что и крещенный Бруно «король Руси» имеет к историческому Ярополку весьма отдаленное отношение.

По этим причинам я не думаю, чтобы сочинение Петра Дамиани годилось для каких бы то ни было реконструкций истории христианства на Руси в 70-х гг. X в. А без этого источника гипотеза Пархоменко—Назаренко теерет под собой всякую почву. Имея такую бабку, как княгиня Ольга, Ярополк совершенно не нуждался в духовном посредничестве «безвестных немецких миссионеров».

⁴³ Василий II и Константин VIII считались василевсами со дня смерти отца. На тот момент им было 5 и 3 года соответственно. Поэтому фактическая власть долгое время принадлежала их соправителям: сначала Никифору Фоке (963—969), а затем Иоанну Цимисхию (969—976).

⁴⁴ *Паракимомен* — высшая придворная должность, доступная евнухам. В обязанности паракимомена входило заботиться ночью о безопасности императора, для чего ему отводилось специальное место в царских покоях.

⁴⁵ *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. II. С. 54.

⁴⁶ См.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 370, 371, 381; *Он же.* Русь и Германия в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991 г. М., 1994. С. 115—118.

⁴⁷ *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 112.

⁴⁸ Археологическим подтверждением данного летописного сообщения В.Л. Янин считает находки из новгородского Троицкого раскопа — два деревянных замка-«цилиндра» для мехов со «знаками Рюриковичей», лежавшие в слоях 973—1051 гг. (ярусы 22—25). Один из этих княжеских знаков («трезубец») ученый усвоил Владимиру, другой Ярополку (см.: *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138—155). Однако их принадлежность к 25-му ярусу (973—991) базируется на безусловном доверии к летописному тексту, и, таким образом, система доказательств Янина сводится к тому, что одно неизвестное поверяется другим. Между тем оба предмета с равным успехом можно датировать временем Ярослава. Историческая наука пока что не может сказать, был ли у каждого русского князя свой личный родовой знак, как не установлено и то, с какими целями «знаки Рюриковичей» наносили на предметы обихода. «...Полезно помнить, — отмечает А.Л. Никитин, — что в указанное время (т. е. в X—XI вв.) лично-родовой знак чаще всего являлся «знаком присутствия» владельца, оказываемого им доверия, согласия, подтверждения, т. е. не мог распространяться на продукты ремесленного производства, на оружие дружины и пр., на чем настаивают археологи» (*Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 303).

⁴⁹ См., напр.: *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. Тверь; Москва, 2001. С. 66; *Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 32.

⁵⁰ О скандинавах при дворе князя Владимира рассказывают две саги — «Сага об Олаве Трюггвасоне» и «Сага о Бьёрне, герое из Хитдаля». Для нашей темы они совершенно бесполезны, поскольку в обоих случаях речь идет о путешествиях на Русь отдельных лиц и вне всякой связи с походом Владимира на Киев. Малолетний Олав был привезен на Русь в конце 970-х гг. его матерью Астрид, которая бежала от дворцового переворота у себя на родине. Хотя сага и сообщает о наличии у Олава «большой дружины», но повзрослевший герой, в свою бытность на Руси, не совершает никаких дру-

гих подвигов, кроме грабежа народов Восточной Прибалтики. Что касается «конунга Вальдемара», то он все это время преспокойно княжит в «Хольмгарде» (Новгороде), не имея соперника и не нуждаясь в помощи дружинников Олава. «Сага о Бьёрне» приурочивает пребывание своего героя «в Гардах» (на Руси) к 1008—1010 гг. (см.: Рыздзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнерусской летописи // Древняя Русь и Скандинавия. IX—XIV вв. Материалы и исследования. М., 1978. С. 224), однако исторические реалии «русского эпизода» в этом произведении соответствуют политической ситуации еще более позднего времени — борьбе Ярослава с Мстиславом в 20—30-х гг. XI в. (см.: Толочко А.П. Черниговская «Песнь о Мстиславе» в составе исландской саги // Чернигов и его округа: Сб. научных трудов. Киев, 1988).

⁵¹ В своих комментариях к этому отрывку из Титмара А.В. Назаренко пытается сохранить его мнимый «скандинавский колорит», уверяя, что «данами» в хронике Титмара, как и во многих других западноевропейских источниках, именуются скандинавы вообще, а не только собственно датчане» (*Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 330). Уточним сразу, что датчане никогда не были скандинавами — ни «вообще», ни «в частности», поэтому ни у Титмара, ни «во многих других западноевропейских источниках» подобного значения этнонима «даны» встретить нельзя. Видимо, имеется в виду причисление «данов» к «норманнам», но это совсем другое дело (термин «норманны» — «северные люди» — не является этническим или, вернее, не имеет определенного этнического содержания). Тогда вопрос заключается в том, *всегда ли* Титмар, употребляя этноним «даны», разумел «норманны», и *всегда ли* эти «даны-норманны» означают у него не собственно датчан, а жителей Скандинавии, шведов и норвежцев? Не думаю, чтобы дело обстояло именно так (хотя специального исследования на эту тему никто не проводил). Крупнейшие немецкие хронисты XI—XII вв. — Видукинд, Адам Бременский и Гельмольд — уверенно выделяли датчан в особую этническую группу.

⁵² Одного этого сообщения достаточно, чтобы опровергнуть домыслы об этническом тождестве «варягов» Владимира со скандинавами (см.: Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Ч. I. СПб., 1876. С. 45). Однако в своем нежелании видеть очевидное иные ученые-норманисты доходят до абсолютного научного нигилизма, утверждая, будто Перун — это не кто иной, как ославяненный Один или Тор, хотя хорошо известно, что культ Перуна, распространенный не только среди славянских племен, но также у балтов и албанцев, уходит корнями в эпоху индоевропейской общности. Подобные приемы свидетельствуют об исчерпанности собственно научных аргументов и конечном крахе норманнской теории.

⁵³ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 505—506.

⁵⁴ В Повести временных лет он упоминается уже в 1015 г. под названием «поромонов двор»: «И воставше новгородци, и избиша варягы на

дворе поромони». Летописец использовал здесь «кальку греческого прилагательного «верные» («поромоны». — С. Ц.), которое было синонимом «варангов» в византийской исторической литературе...» (Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 255). Выражение *Βαραύροι καὶ παραϋνοί* (варанги или верные) было самым обычным в Византии, и, например, переписчик византийского историка XII в. Никиты Хониата использовал его 9 раз (см.: *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды. Т. I. СПб., 1908, с. 331).

⁵⁵ *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 111—112.

⁵⁶ Может быть, речь идет о языческом святилище — «капище»? Ближайшие к Дорогожичам капища можно предполагать на Хоревеце или на Щековице, где в XII в. были построены христианские храмы. Летопись особо указывает, что святые златоверхие церкви теперь высятся там, где некогда стояли языческие кумиры.

⁵⁷ А.П. Новосельцев отмечает, что на Руси X—XI вв. противоборствующие князья захватывали власть, а не город, вследствие чего столица не подвергалась разграблению. Победивший претендент вступал в Киев как законный правитель и вел себя соответствующим образом (см.: *Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 15—16).

⁵⁸ См.: *Барац Г.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. Киев, 1908. С. 11—12.

⁵⁹ Летописную Родню наиболее часто отождествляют с городищем Княжая гора, которое, однако, находится не в устье Роси, а несколькими километрами выше по течению (см.: *Мезенцева Г.Г.* Древньюруське місто Родень (Княжа гора). Київ, 1968; *Древнерусские княжества X—XIII вв.* С. 44). В X в. здешнее укрепление, служившее временным убежищем для жителей соседнего открытого поселения, выглядело весьма скромно и мало подходило для длительного «сидения» в осаде. В городской детинеце оно превратилось только в XII—XIII вв.

⁶⁰ Разброс мнений приблизительно таков: 1) это было «торжеством языческой стороны над христианскою» (*Соловьев С.М.* Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1—2. М., 1993. С. 167); или 2) «попыткой модернизации самой языческой религии, точнее, пестрых языческих верований, которым Владимир пытался придать стройность и ввести их в рамки, соответствующие укреплению и развитию классового общества...» (*Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 309); 3) князь «хотел собрать всех богов, которым поклонялись различные племена, и составить из них в Киеве пантеон, обязательный для всего государства. Владимир желал создать такую религию, которая могла бы крепче объединить все его государство» (*Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 476); 4) Владимир стремился «поднять древние народные верования до уровня государственной религии» (*Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княже-

ства XII—XIII вв. М., 1982. С. 395); 5) он «сделал попытку приспособить язычество к своей объединительной политике» (*Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 344—345); 6) «Поставление кумиров» — идеологическая акция, с помощью которой киевский князь надеялся удержать власть над покоренными племенами, остановить начавшийся распад грандиозного союза племен во главе с Киевом» (*Фроянов И.Я.* Начала русской истории. С. 783); 7) речь идет «о простом и прозаическом деле — строительстве языческого капища на новом месте» (*Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. С. 210).

⁶¹ См.: *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. С. 313—315.

⁶² *Корш Ф.* Владимировы боги: Исторический очерк. Харьков, 1908. С. 2.

⁶³ Нахождение святилища рядом с княжеским замком — характерная черта топографии славянских городищ. По Титмару, в замке князя редарей стояло капище бога Радегаста; в Щетине княжий двор располагался на холме бога Триглава.

⁶⁴ *Ключевский В.О.* Сочинения в 9-ти т. М., 1989. Т. I. С. 160.

⁶⁵ См.: *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. С. 316.

⁶⁶ Полное заглавие: «О законе, Моисеом [Моисею] данном, и о благодати и истине [которые] Иисусом Христом бывшии; и како закон отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вера во вся языки простреся и до нашего языка русьскаго [достигла]; и похвала кагану нашему Владимиру, от негоже крещени быхом; и молитва к Богу от вся земли наша».

⁶⁷ Ср., напр., с более поздним летописным рассказом об «испытании вер» (под 986 г.), где богословские аргументы «варяга» вложены в уста пришедших к Владимиру папских послов: «вера бо наша яко свет есть, кланяемся Богу, иже сотвори небо и землю, звезды и месяц, и всяко дыхание, а бози ваши древо суть».

⁶⁸ Как это и произошло впоследствии. Домонгольскому летописанию и внелетописным памятникам этого времени имена варягов-мучеников были неизвестны. Анонимное Слово на святую Четыредесятницу (вторая половина XI в.) называет их просто «мучениками Христовыми». Владимирский епископ Симон (1214—1226) в одном из своих посланий пишет о святом Леонтии Ростовском, крестителе Ростовской земли, убитом местными язычниками: «...се трети гражданин бысть Рускаго мира, с онема варягома венчася во Христе». А.В. Назаренко замечает по этому поводу: «Нигде выше у Симона речь о варягах-мучениках не шла, поэтому многозначительное «онема» приходится понимать как указание на тех всем известных варягов, которых в то же время невозможно назвать по именам, ибо они неизвестны» (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 384). В этой связи весьма показательно, что на Руси не было храмов, поименованных в честь варягов-мучеников. Свои имена — Феодор (или Туры) и Иоанн, под которыми они поминаются ныне, — первые

русские мученики получили уже в позднейшей церковной традиции, опиравшейся, по мнению И.И. Малышевского, на предания Киево-Печерской лавры (см.: *Малышевский И.И.* Варяги в начальной истории христианства в Киеве // Труды Киевской духовной академии. 1887. № 12. С. 23, 34).

⁶⁹ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Т. I. С. 109.

⁷⁰ См.: *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. С. 160, 178.

⁷¹ А.В. Флоровский считает упоминание Перемышля поздней вставкой, вместо Перемиля у Червена (см.: *Флоровский А.В.* Чешско-русские торговые отношения X—XIII вв. // Международные связи России до XVII в. Сборник статей. М., 1961. С. 67. Примеч. 4).

⁷² Историографию см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 393—404.

⁷³ Раскопки во Владимире-Волынском показали, что город действительно возник в конце X в. (см.: *Кучинко М.М.* Древний город Владимир на Волыни // Древнерусский город. Материалы всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. Киев, 1984. С. 68).

⁷⁴ В этих местах обнаружено погребение воина, вооружение которого состояло из панциря, ножа и боевого топора. По мнению Б.А. Рыбакова, это мог быть погибший в сражении с русами радимич (см.: *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. С. 301).

⁷⁵ *Костомаров Н.И.* Монографии и исследования. Т. 13. СПб., 1881. С. 134.

⁷⁶ Кажется, никто из историков не обратил внимания на абсолютную невозможность наименования радимичей «пищаницами» — по имени незначительной речушки. Скорее можно было бы ожидать «сожане».

⁷⁷ Характерное высказывание, доказывающее, что целью походов Владимира было не «расширение торговых связей с Востоком», как пишется в большинстве исторических трудов, а поиск новых данников. Поток восточного серебра, с середины VIII в. поступавший в Европу через Хазарию и Волжскую Булгарию, к тому времени почти полностью иссяк, «один из последних серебряных дирхемов, о котором известно, что он был выпущен самими болгарами, датируется 986/987 г.» (*Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750—1200. СПб., 2000. С. 232).

⁷⁸ *Соловьев С.М.* Сочинения. Т. I. С. 309. Примеч. 264.

⁷⁹ Там же. С. 180.

⁸⁰ См.: *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. С. 303.

⁸¹ *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 15.

⁸² См.: *Костомаров Н.И.* Монографии и исследования. С. 135.

⁸³ Археологический перечень видов оружия, найденного на территории Волжской Булгарии, выглядит внушительно: мечи, сабли, однолезвийные палаши, ножи, кинжалы, топоры, кистени, булавы, наконечники копий и

стрел, рогульки (шары с шипами, которые бросали под ноги вражеской кавалерии).

⁸⁴ Коновалова И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 125.

⁸⁵ См., напр: Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. С. 105, 122—123; Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира: Сб. статей, посвященных акад. и заслуженному проф. В.И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его научной деятельности. СПб., 1908 (отд. оттиск имеет выходные данные: СПб., 1906). С. 75—103; Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 25—26.

⁸⁶ Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 132.

⁸⁷ Название введено в научный обиход А.А. Шахматовым (см.: Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 44). В оригинале рукопись озаглавлена: «Оuspение равноапостолом великого князя Владимира — самодержца Русския земли, нареченного во святом крещении Василием».

⁸⁸ См.: Барац Г. Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. С. 39—48.

⁸⁹ См.: Львов А.С. Исследования Речи философа // Памятники древнерусской письменности. М., 1968. С. 333—396; Шахматов А.А. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира // Сборник статей по славяноведению, посвященных проф. Марину Степановичу Дринову (Сборник Историко-филологического общества, состоящего при Императорском Харьковском университете. Т. XV). Харьков, 1908. С. 74; Он же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 52.

⁹⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 108.

⁹¹ Ломоносов М.В. Сочинения. М.; Л., 1952. Т. VI. С. 264—265.

⁹² Так, внезапный недуг заставляет обратиться к Богу «русского князя» Бравлина, напавшего в конце VIII в. на Сурож, как о том повествует Житие святого Стефана Сурожского. В одной из редакций Владимирова жития говорится, что тело Владимира покрылось струпьями, которые после крещения спали с князя в купели, как рыба чешуя. Этот эпизод является буквальным заимствованием из исторической хроники византийского писателя IX в. Георгия Амартола, где он приурочен к крещению императора Константина Великого. Однажды, когда Константин разболелся проказою, во сне ему явились апостолы Петр и Павел. Они приказали позвать во дворец святого мужа, епископа Сильвестра, который один мог указать болящему путь к спасению. По совету Сильвестра Константин окунулся в купель — «и тотчас вышел царь из купели весь здрав, оставив струпы тела своего в воде, как рыба чешую» (Барац Г. Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. С. 69—70).

⁹³ *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 132—133.

⁹⁴ См.: *Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 49, 244; *Соловьев С.М.* Сочинения. С. 306. Примеч. 241.

⁹⁵ *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986—989 гг.) // Как была крещена Русь. 2-е изд. М., 1990. С. 210—211.

⁹⁶ Развивая тему женского влияния, Е.Е. Голубинский и А.В. Карташев предполагали, что Владимира могли склонить к крещению его жены-христианки — «грекиня» и две «чехини» (см.: *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 137). Но Повесть временных лет придерживается на этот счет другого мнения, полагая, что жены Владимира, наоборот, способствовали его удалению от Бога. Как известно, многоженец Владимир уподоблен в летописи многоженцу Соломону, о котором Библия сообщает следующее: «И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин... из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: «не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам»; к ним прилепился Соломон любовью... и развратили жены его сердце его. Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам... И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской» (3 Цар., 11: 1—5). Этот библейский контекст сохранен и в отношении Владимира: в статье под 980 г. сообщение о поставлении кумиров «на холму вне двора теремного» соседствует с известием о многоженстве Владимира, который «прелюбодейнич убо бе» и «бе побежен похотию женскою». Только с появлением «корсунской легенды» в житие Владимира вводится образ царевны Анны — «жены доброй», которая обратила его на путь истины.

⁹⁷ Обращение Евстафия Плакиды, добродетельного язычника, произошло во время охоты, когда Спаситель явился ему в виде оленя.

⁹⁸ Для полного соответствия с обращением Павла в житийную традицию о Владимире был введен мотив слепоты. Как Павел слепнет и прозревает через три дня, после возложения на него рук апостолом Ананией, который затем ведет его к купели, так и Владимир «болеет очами» во время осады Корсуни и исцеляется, последовав совету «доброй жены» (Анны) принять крещение. В «корсунской легенде» эта параллель несколько затемнена, но Густынская летопись прямо добавляет: «...и егда возложи на него руце епископ, абие прозре, якоже некогда Павел апостол». В тропаре святому Владимиру также поется: «И обрете безценный бисер Христа, избравшего тя, яко втораго Павла, отрясшаго слепоту во святей купели, душевную вкупе и телесную» (подробнее см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 441—446).

⁹⁹ *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 133.

¹⁰⁰ При ликвидации в 971 г. Иоанном Цимисхием Первого Болгарского царства западные области Болгарии сохранили независимость от Визан-

тии. Во главе их находился комитопул (губернатор) Македонской фемы Николай Шишман, которому наследовали его сыновья (Комитопулы) — Давид, Моисей, Аарон и Самуил. Первые трое братьев вскоре погибли, и в 976 г. борьбу болгар против Византии возглавил Самуил.

¹⁰¹ В 991 г. Роман умер, и царем Болгарии стал Самуил.

¹⁰² А.В. Назаренко высказал предположение, что в 982/983 г. Владимир также заключил союз с Оттоном II, направленный против Византии. После захвата в Италии города Таренто, принадлежавшего Византии (март 982 г.), германский император, по сообщению Санкт-Галленских анналов, намеревался овладеть всеми подвластными грекам итальянскими землями — «Кампанией, Луканией, Калабрией, Апулией и... даже до Средиземного моря», для чего сколачивал антивизантийскую коалицию. Но участие в ней Владимира пока что остается не более чем догадкой. Свою гипотезу о русско-немецких дипломатических контактах в начале 80-х гг. X в. Назаренко выстроил вокруг двух вещевых памятников того времени — медальонов с изображением Оттона II и его жены, гречанки Феофано, которые будто бы были подарены Владимиру немецкими послами. Последнее утверждается единственно на том основании, что происхождение обоих медальонов из русских частных собраний первой трети XX в. «позволяет думать, что обнаружены они были на территории России», хотя на самом деле «обстоятельства и точные места находок как того, так и другого экземпляров неизвестны» (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 411—413, 420—421).

¹⁰³ М.В. Левченко полагал, что известие Яхьи следует понимать в смысле «простой натянутости отношений». А.В. Назаренко справедливо отводит это мнение: «Такое понимание возможно, но не обязательно... Подобная щепетильность представляется несколько преувеличенной: в X в. не выступали с нотами протеста и не отзывали постоянных представителей — в какой еще форме могла проявиться враждебность, кроме непосредственных военных действий?» (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 433).

¹⁰⁴ Цит. по: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 425.

¹⁰⁵ Есть и другие толкования данного текста, обусловленные неоднозначностью его этнической номенклатуры. В частности, высказывалось мнение, что Иоанн Геометр иронизирует здесь над русско-византийским союзом против болгар (если «фракийцы» — это греки). Но в этом случае приходится допускать большие натяжки, вплоть до неоправданных конъектур текста и устранения заголовка эпиграммы (см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 424—431).

¹⁰⁶ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. С. 309. Примеч. 264.

¹⁰⁷ «...иде Владимир на болгары и, победа их, мир учини и прият крещение сам и сыновья его, и всю землю Русскую крести. Царь же болгарский

Симеон присла иерей учены и книги довольны» (*Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 112).

¹⁰⁸ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. С. 309. Примеч. 264.

¹⁰⁹ См.: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 333.

¹¹⁰ В дополнение к приведенным известиям нередко пишут о том, что русское войско в 986 г. помогло Самуилу разбить византийцев у Траяновых Ворот. Основанием тому служат слова участника сражения Льва Диакона, который говорит о себе, что жизнь его подверглась тогда серьезной опасности и он едва не стал добычей «скифского меча». Но точно ли прилагательное «скифский» означает в данном случае «русский», а не «болгарский»? Текстологические наблюдения не подтверждают это мнение. В тех главах своей «Истории», где повествуется о вторжении в Болгарию Святослава, византийский хронист действительно неизменно называет болгар «мисянами», а русов — «тавроскифами» и «скифами». Однако затем Лев Диакон, похоже, отступил от этого правила, поскольку «именно в рассказе о битве у Сердики этноним «скифы» упоминается еще раз и почти наверняка в качестве обозначения болгар: «Сердика, которую скифы обычно именуют Тралицей»; это обстоятельство «сводит доказательную силу известия Льва Диакона практически к нулю» (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 431—432). Повидимому, Владимир, не в пример отцу, все-таки поостерегся идти в глубь Болгарии и удовлетворился захватом «русского» участка Нижнего Дуная.

¹¹¹ Многочисленное армянское население проживало на территории нескольких византийских провинций, образованных в 536 г. на месте бывших земель Великой Армении: Армения I со столицей в Визане-Леонтополе, Армения II со столицей в Севастии, Армения III со столицей в Мелитене, Армения IV со столицей в Мартирополе. К югу от Синопа существовала еще фема (административно-территориальная единица) Армениак.

¹¹² Иверами византийцы называли главным образом грузин, но также и некоторые другие народы Кавказа, в частности армян-халкидонитов, придерживавшихся догмата о двух природах (духовной и телесной) Иисуса Христа, принятого Халкидонским вселенским собором (в отличие от основной массы армян, которые были монофизитами, отрицавшими телесную природу Бога Сына).

¹¹³ В интерпретации А. Поппэ (см.: *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси. С. 206—208).

¹¹⁴ Перевод на другую кафедру не мог быть осуществлен без санкции патриарха. Между тем из сообщений Яхьи известно, что с 16 декабря 991 г. и по 12 апреля 996 г. патриарший престол пустовал, как, вероятно, и Севастийская кафедра, получившая нового митрополита Феодора только в 997 г., то есть вскоре после поставления патриарха (см.: *Левченко М.В.*

Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 377; Поппэ А. Политический фон крещения Руси. С. 207).

¹¹⁵ Поппэ А. Политический фон крещения Руси. С. 207.

¹¹⁶ См.: Там же. С. 209.

¹¹⁷ Кесарь — высший светский титул после императорского, жаловался чаще всего ближайшим родственникам императора.

¹¹⁸ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. СПб., 2004. С. 93.

¹¹⁹ См.: Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 367—368.

¹²⁰ См.: Алексеев Г.П. Историческо-нумизматическое исследование о Херсонской монете святого Равноапостольного великого князя Владимира и его супруги, царевны Анны, и о бронзовом медальоне древняго Херсонеса-Таврического, а также описание семнадцати Херсонесских монет. СПб., 1886. С. 8.

¹²¹ См.: Толстой И.И. Древнейшие русские монеты. СПб., 1893. С. 14—17, 21—22.

¹²² Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983. С. 5—6.

¹²³ Германский король сватал одну из дочерей покойного Романа II, которые все доводились Никифору Фоке падчерицами.

¹²⁴ Русы («народ рос») отождествлялись в Византии с библейским народом Рош, с которым связывалось исполнение пророчеств о падении Константинополя. В конце X — начале XI в. антирусские настроения в византийском обществе были достаточно сильны, о чем свидетельствует, например, одно византийское сочинение, где Владимир назван «змеем», похитившим несчастную Анну.

¹²⁵ См.: Поппэ А. Политический фон крещения Руси. С. 221.

¹²⁶ Три дочери брата Василия II, Константина VIII, не подходят под эту формулировку Герберта: старшая Евдокия к 987 г. постриглась в монахини; две другие — Зоя и Феодора, появившиеся на свет в 978—979 гг., — были еще детьми. Насчет Анны существует точное известие Скилицы, что она родилась 13 марта 963 г. (см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 110).

¹²⁷ См.: Поппэ А. Политический фон крещения Руси. С. 230.

¹²⁸ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 321—322; Поппэ А. Князь Владимир как христианин // Русская литература. 1995. № 1. С. 37.

¹²⁹ Цит. по: Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 136.

¹³⁰ Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. С. XXVI.

¹³¹ «Сага об Олаве Трюггвасоне» рассказывает о своем герое, что, будучи еще язычником, он купил на вес золота щит с изображением креста. Сам предмет и цена, за него уплаченная, лучше всяких слов говорят о том, какого рода ценность представляла для Олава главная христианская эмблема.

¹³² Следует иметь в виду особенность древнерусского счета. Высчитывая дни или годы, прошедшие *после* отмеченного события, древнерусские люди начинали счет с того года (дня), в котором произошло это событие, а не со следующего за ним. Например, «третьего дня» означало не «через два дня на третий», а «позавчера»; «в третье лето» — «через год» (см. у того же Иакова Мниха: «на другое лето по крещении к порогом ходи, на третье Корсунь город взя») и т. д. «Десятое лето», отсчитываемое от 978 г., дает таким образом 987 г.

После того как в 1888 г. А.И. Соболевский обратил внимание на эту особенность древнерусской метрологии (см.: Соболевский А.И. В каком году крестился св. Владимир? // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 6. С. 399), в ученой среде разгорелся жаркий спор, так как в «Памяти и похвале Владимиру» есть и другое хронологическое указание: «По святем же крещении поживе блаженный князь Володимир 28 лет». С учетом указанного арифметического метода оно выводит на 988 г. (1015—27 = 988). Но это значило бы, что Иаков, противореча сам себе, смыкается в данном случае с известием Повести временных лет, которая приурочивает крещение Владимира к взятию Корсуни, датируя оба события 988 г. Между тем Иаков пишет, что корсунский поход состоялся «на третье лето» после крещения князя, и, следовательно, придерживается в этом вопросе собственной, а не летописной хронологии. То, что дата крещения Владимира у Иакова не может совпадать с летописной, явствует также из того, что смерть Ярополка, от которой отсчитывается «десятое лето», датирована у него 978 г., тогда как Повесть отмечает ее под 980 г. Противоречие двух систем высчитывания времени крещения Владимира — от года смерти Ярополка и от года кончины самого Владимира, — по всей видимости, объясняется тем, что фраза «По святем же крещении поживе блаженный князь Володимир 28 лет» принадлежит не Иакову Мниху, а позднейшему редактору его «Похвалы», который ориентировался на летописную хронологию. Преподобный Нестор в своем «Чтении о Борисе и Глебе», говоря о крещении Владимира, называет, как и Иаков Мних, 987 г. Надо полагать, что в XI в. эта дата была общепринята.

¹³³ См.: Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 1029—1153; Он же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 133—161.

¹³⁴ Историографический обзор см.: Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862—1462). Изд. 2-е, испр. Т. 1. СПб., 1999. С. 398—404; Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. С. 221—226.

¹³⁵ Критику исторических сведений саги об Олаве см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. Сер.: Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы. М., 1993. С. 206—208.

¹³⁶ Ср. с сообщением Иоакимовской летописи: «...иде Владимир на булгары и, победа их, мир учини и приат крещение сам и сынове его...» (*Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 112). Ничего не зная о переговорах Владимира с Василием II, летописец тем не менее сохраняет ту же последовательность: заключение мирного договора — крещение.

¹³⁷ За «цареградское крещение» Владимира высказывался А.Л. Никитин, поделившийся двумя своими наблюдениями над летописным текстом (см.: *Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 48—49, 248). Во-первых, по чтению Ипатьевского списка Повести временных лет, крещение Владимира состоялось в Корсуни, «в церкви святое Софьи», что, по мнению исследователя, может быть отголоском воспоминаний о крещении князя в константинопольской Святой Софии. Затем ученый предложил по-новому взглянуть на летописный «Василев», в котором, согласно «несведущим», произошло обращение Владимира. Древнерусский Василев на Стугне был заложен уже после княжеского крещения, о чем свидетельствует его название, образованное от крестильного имени Владимира (Василий). Но, возможно, его упоминание в летописи в связи с крещением Владимира — не простой анахронизм. Этот топоним мог появиться в Повести временных лет вследствие искажения греческого слова «Василеополис», то есть «город василевсов», как нередко назывался Константинополь в самой Византии и за границами империи (так, «Царьград» является древнерусской калькой с «Василеополиса»).

¹³⁸ Уверенность в том, что дружинники последуют за князем в вопросах веры, выражена в летописи словами Ольги, которая увещевала Святослава: «Если ты крестишься, то и все то же сотворят».

¹³⁹ Вопрос о личном участии Владимира в походе против Варды Фоки, время от времени поднимаемый в литературе, следует решить отрицательно ввиду ненадежности источников, которые сообщают об этом. К таковым относятся прежде всего известия двух арабских писателей XIII в. — аль-Макина («и отправился царь русов со всеми войсками своими к услугам царя Василия и соединился с ним. И они оба сговорились пойти навстречу Варде Фоке и отправились на него сушею и морем и обратили его в бегство...») и аль-Асира («и женился он [царь русов] на ней [сестре Василия], и пошел навстречу Вардису [Фоке], и они сражались и воевали»). Оба автора являются всего лишь более или менее добросовестными компиляторами своих предшественников (в частности, Яхьи Антиохийского), у которых, однако, подобных сведений нет. Одно время также считалось, что можно положиться на показание Скилицы, так как в латинском переводе его исторической хроники Василий II вручает Владимиру начальство над императорским флотом, пока не выяснилось, что в греческом оригинале его сочинения данное сообщение отсутствовало.

¹⁴⁰ Из летописной статьи под 1093 г. явствует, что даже столетие спустя совокупная численность городских ополчений Киева, Чернигова и Переяс-

лавля (то есть собственно «Русской земли», в узком значении термина) не превышала 8000 человек.

¹⁴¹ Татищев В.Н. Собр. соч. Т. II. С. 63.

¹⁴² В Повести временных лет сказано: «...повеле кумиры испроврещи, овы осечи [вар.: изсещи], а другие огневи предати». Различные способы «казни» кумиров вызвали реплику С.М. Соловьева: «Осечи относится, думам, к каменным кумирам, огневи предати — к деревянным» (Соловьев С.М. Сочинения. Т. I. С. 307. Примеч. 248). Но на самом деле летописец не имел никакого понятия о материалах, из которых были сделаны истуканы в Киеве, поскольку в данном случае больше сверялся с Библией, чем с историческими источниками. В Четвертой книге Царств можно прочесть о том, как царь Иосия разрушил жертвенники Ваала и изломал статуи языческих богов (4 Цар., 23: 4, 14); царь Аса изрубил истукан Астарты и сжег его у потока Кедрон (3 Цар., 15: 12) и т. д. Сообщение Иакова Мниха в этом смысле более реалистично.

¹⁴³ Татищев В.Н. Собр. соч. Т. II. С. 63.

¹⁴⁴ См.: Там же. Т. I. С. 112.

¹⁴⁵ Там же. Т. II. С. 63.

¹⁴⁶ Фроянов И.Я. Начала русской истории. С. 786. Ср. с характерным поучением позднего летописца: «Всяка душа властелем повинуется, власти бо от Бога учинены суть; естеством подобен есть всякому человеку царь, властью же сана, яко Бог. Веща бо великий Златоустець, тем же [кто] противятся волости [власти], — противятся закону Божью. Князь бо не туне меч носит, Божий бе слуга есть».

¹⁴⁷ Житие Оттона Бамбергского сообщает о крещении поморских славян: «В таком огромном городе, как Шетин, не нашлось ни единого человека, который бы, после общего согласия народа на принятие крещения, думал укрыться от Евангельской истины, кроме одного жреца... Но к нему однажды приступили все и стали его премного упрашивать».

¹⁴⁸ Титмар Мерзебургский сообщает о лютичах, что, «единодушным советом обсуживая все необходимое по своему усмотрению, они соглашались все в решении дел. Если же кто из находящихся в одной с ними провинции не согласен с общим собранием в решении дела, то его бьют палками; а если он противоречит публично, то или все свое имущество теряет от пожара и грабительства, или в присутствии всех, смотря по значению своему, платит известное количество денег».

¹⁴⁹ В этом смысле, пожалуй, можно согласиться с утверждением П.Я. Чаадаева, что Русь обязана своим крещением народной воле.

¹⁵⁰ Относительно дня крещения киевлян существует остроумная гипотеза Рыбакова—Рапова. Изучение архитектурного устройства древнерусских храмов навело Б.А. Рыбакова на мысль, что «в древности ориентировка церковей производилась на реальный восход солнца в день празднования того святого, которому посвящен храм» (цит. по: Рапов О.М. Русская церковь

в IX — первой трети XII в. С. 244). Применяв азимутальный метод к киевской церкви Святой Богородицы (Десятинной), возведенной Владимиром в память крещения Киева, ученый установил, что храмовый праздник этого собора должен был приходиться либо на 1 августа, либо на 2 марта. Последняя дата в церковном календаре с Богородицей никак не связана. Зато 1 августа (по старому стилю) православная Церковь празднует Происхождение изнесения честных дерев животворящего креста Господня и начало Успенского поста (в честь Успения Богородицы). В Византии в этот день совершалось освящение воды в реках, озерах и других источниках. Примечательно также, что в одной рукописи XVI в. из Московской синодальной библиотеки сказано: «крестися князь великий Володимер Киевский и вся Русь августа 1». Год крещения, правда, перепутан, но древнерусские церковные месяцесловы вообще не отличались особой точностью в отношении «лет» (ошибались даже в годах проведения Вселенских соборов). В безупречном погодовом исчислении не было надобности, так как для праздничного поминовения имели значение дни, а не годы знаменательных церковных событий.

¹⁵¹ См.: *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. II. С. 63.

¹⁵² Эта краткая запись не называет причины путешествия, но сама ее лаконичность, по мнению А. Поппэ, «свидетельствует в пользу древности заметки, когда повод похода князя к порогам был очевиден» (*Поппэ А.* Политический фон крещения Руси. С. 236). Единственный пример хождения киевского князя к порогам — и именно ради встречи и препровождения в Киев княжей невесты — сохранился в Лаврентьевской летописи. В 1154 г. великий князь Изяслав Давыдович, недавно овдовевший, ожидал приезда в Киев грузинской княжны, которая должна была стать его новой супругой. Сын его Мстислав, посланный навстречу мачехе, «срете ю [встретил ее] в порозех и приведе ю к Киеву...».

¹⁵³ Считается, что данные «корсунской легенды» подкрепляет одно сообщение Титмара Мерзебургского: «Он [Владимир] взял жену из Греции... По ее настоянию он принял святую христианскую веру, которую добрыми делами не украсил, ибо был великим и жестоким распутником и учинил большое насилие над изнеженными данайцами [греками]». В последних словах видят указание на корсунский поход (см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* С. 318). Но при этом упускается из виду, что «большое насилие» над греками произошло, согласно Титмару, после женитьбы Владимира на Анне, тогда как корсунский поход предшествовал этому событию. Кроме того, из контекста Титмарова показания явствует, что греки пострадали не в военном, а в религиозном отношении, вследствие нарушения Владимиром каких-то христианских норм. Наконец, обратим внимание на то, что возможен иной перевод этого места: «...и чинил великие насилия...» (*Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 440), при котором несовершенная форма глагола «чинить», указывающая на продолжи-

тельное действие («чинил»), и множественное число «насилий» совершенно лишают данный фрагмент всякой связи с походом на Корсунь. Так что, скорее всего, немецкий хронист намекает здесь на противостояние Владимира с византийской церковной иерархией, о чем речь впереди.

¹⁵⁴ См.: Поппэ А. Политический фон крещения Руси.

¹⁵⁵ Там же. С. 222.

¹⁵⁶ Некоторые ученые даже находят возможным говорить о «независимости» Херсона в качестве города-государства, который лишь поддерживал дружественные отношения с Византией (см., напр.: Соколова И.В. Администрация Херсона в IX—XI вв. по данным сфрагистики // Античная древность и Средние века. Свердловск, 1973. Т. 10. С. 207—209).

¹⁵⁷ Все три фемы находились на северном (черноморском) побережье Малоазийского полуострова.

¹⁵⁸ Поппэ А. Политический фон крещения Руси. С. 222.

¹⁵⁹ Здесь я отступаю от версии Поппэ, будто Владимир осадил Херсон по просьбе Василия II, который рассчитывал таким способом вернуть империи мятежный город. Это невероятно хотя бы потому, что херсониты, без сомнения, пресекли всякую возможность посольских сношений вассалов с Киевом по Черному морю и Днепру. Приписывание византийскому императору инициативы корсунского похода — безусловно, самое слабое место концепции Поппэ, почему в свое время ей и не было уделено должного внимания со стороны историков.

¹⁶⁰ Свидетельство римского историка и военного теоретика Флавия Вегетия (IV—V вв.).

¹⁶¹ Поскольку летопись не приводит названия «лимения», на берегу которого находился лагерь Владимира, некоторые ученые думали, что пристанищем ему мог служить один из двух заливов, лежавших к западу от Херсона, — Круглый или Херсонесский. Но русский археолог А.Л. Бертье-Делагард, тщательно обследовавший местность вокруг Херсона, опроверг это мнение. По его наблюдениям, Круглый залив отстоит слишком далеко от города, чтобы оттуда можно было вести осаду, а Херсонесский хотя и прилегает к городу, но «совершенно негоден для стоянки судов по своей полной открытости, ничтожной величине и мелководью; заливом это место величает лишь щепетильность современных карт, в действительности же это ничтожная выщербина берега. Вся эта бухточка находится под выстрелами и на виду с городских стен; даже очень малому флоту тут совсем не поместиться». Между тем стоянка в Карантинной бухте была «безусловно тишайшая, при каких бы то ни было погодях; мало того, с точки зрения чисто осадной, она и весь стан вокруг были за горой, вне какого-либо наблюдения из города, а стоило пройти двести-триста шагов, как с командующих высот... открывался весь город, даже его внутренность, как на ладони. Тут же, к этой же бухте прилегла и наиболее уязвимая часть укреплений Корсуни. Наконец, то же верховье бухты обладало редким в местном смысле, неоценимым, важнейшим

условием жизни — изобилием пресной воды в нескольких колодцах, на самом берегу бухты» (*Бертье-Делагард А.Л.* Как Владимир осаждал Корсунь. СПб., 1909. С. 9—10).

К «следам войны», якобы полыхавшей в западной части Херсона, относят также несколько расположенных здесь могил с 50—70 захоронениями в каждой (см.: *Беляев С.А.* Поход князя Владимира на Корсунь (его последствия для Херсонеса) // *Византийский временник*. Т. 51. М., 1990. С. 163). Но если эти погребения действительно сделаны во время осады 989 г., то свидетельствуют они как раз об обратном, то есть что активные военные действия происходили в противоположных (южной и восточной) частях города, так как хоронить своих павших воинов херсониты, безусловно, должны были не под носом у противника, а в той стороне города, где сохранялось относительное спокойствие.

¹⁶² Обращенная к корсунянам угроза Владимира, которую приводит летопись: «если не сдадитесь, то буду стоять три года», без сомнения, является всего лишь фольклорной метафорой. Зимовать под городом, в открытом поле значило погубить войско — достаточно вспомнить, что именно тяжкими бедствиями зимовки предание объясняет поражение дружины Святослава в столкновении с печенегами у порогов.

¹⁶³ Авторитет Н.М. Карамзина узаконил ошибочное мнение, что *приспа* — это «вал, насыпаемый перед стенами, чтобы окружить оныя, по древнему обыкновению военного искусства» (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Изд. 5-е. Т. I. СПб., 1842. С. 130. Примеч. 450). Но вал есть *насыпь*, а не *присыпь*, его именно *насыпают*, а не *присыпают*. К тому же вал — сооружение сугубо оборонительное и возводить его в конце осады — занятие довольно-таки бестолковое. Обнести Корсунь валом было невозможно еще и по той причине, что «вся почва вокруг Корсуни есть сплошная почти скала, едва прикрытая тощим слоем земли» (*Бертье-Делагард А.Л.* Как Владимир осаждал Корсунь. С. 23).

¹⁶⁴ В 250 г. готы, осадившие Филиппополь, делали *присыпь* к его стенам, и горожане пытались противодействовать им точно таким же способом, как херсониты (см.: *Бертье-Делагард А.Л.* Как Владимир осаждал Корсунь. С. 25).

¹⁶⁵ См.: *Бертье-Делагард А.Л.* Как Владимир осаждал Корсунь. С. 29—31.

¹⁶⁶ В одном солунском предании то же самое рассказывается о предателе-монахе, пустившем стрелу с надписью об отводе воды в расположение войска турецкого султана (см.: *Гудзий Н.К.* История древней русской литературы. Изд. 3-е. М., 1945. С. 134).

¹⁶⁷ Кажется, последний раз в русской военной истории стрела была использована в почтовых целях при осаде Азова в 1697 г., когда по приказу Петра I лучник забросил в город царское послание с предложением капитуляции.

¹⁶⁸ В Житии Владимира особого состава наблюдается крупное расхождение с данными Обычного жития и Повести временных лет: жителем Корсуни, выпустившим предательскую стрелу, здесь выступает варяг Ждьберн (варианты: Жедберн, Жиберн, Ижберн), присоветовавший Владимиру перекопать *земляной путь*, по которому в город поступает *питие* и *корм*. Считать сведения этих источников дополняющими друг друга, очевидно, нельзя. Ждьберн является лицом легендарным хотя бы по одному своему «варяжеству» (корпус «варангов», сформированный в византийской армии, получил свое название не ранее первой трети XI в.), а мысль о том, что ежедневную потребность многотысячного населения Херсона в еде и, главное, в воде можно было удовлетворить посредством снабжения осажденного города посуху, доставляя припасы по какой-то тайной тропинке (или подземному ходу), изобличает полное отсутствие у автора Жития особого состава реального представления о ходе осады и топографических условиях местности. Вследствие этого в данном источнике позволительно видеть сугубо литературное произведение, возникшее не раньше конца XI — начала XII в.

¹⁶⁹ См.: *Бертье-Делагард А.А.* Как Владимир осаждал Корсунь. С. 34. Примеч. 1.

¹⁷⁰ *Васильевский В.Г.* Труды. СПб., 1909. Т. II. Ч. I. С. 100—101.

¹⁷¹ *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. С. 214.

¹⁷² Согласно Льву Диакону, «захвату тавроскифами Херсона» предшествовало появление в северной части неба «огненных столпов», которые предвозвестили это событие. Образ «огненных столпов», несомненно, возник у Льва Диакона под впечатлением одного из апокалипсических видений Иоанна Богослова: «И видел я другого Ангела сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головою его была радуга, и лице его как солнце, и ноги его как *столпы огненные...*» (Откр., 10: 1). По всей вероятности, посредством евангельской метафоры византийский историк описал полярное сияние — зрелище крайне редкое в этих широтах, но тем не менее известное здесь с глубокой древности. Из слов Льва Диакона можно заключить, что его взорам предстала та разновидность полярных сияний, которая «имеет вид неподвижных дуг (причем одновременно могут быть видимы несколько таких дуг, расположенных параллельно). Цвет этих сияний чаще всего бледно-зеленый и очень редко красный или лиловый, но как раз на юге Европы он именно красных тонов» (*Богданова Н.М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // *Византийский временник*. Т. 47. М., 1986. С. 43—44). Современным ученым, конечно, трудно смириться с тем, что Лев Диакон по какой-то странной забывчивости ни словом не обмолвился о времени, когда наблюдалось это небесное явление. После В.Р. Розена (см.: *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. С. 28—29) сделалось общепринятым отождествлять «огненные столпы» Льва Диакона с явлением «огненного столба» в Каире 7 апреля 989 г., о котором сообщает Яхья: «И случилось

в Каире в ночь на субботу 27-го Зу-л-Хиджры 378 г. [7 апреля 989 г.] гром и молния и буря сильная, и не переставали они до полуночи. Потом покрылся мраком от них город, и была тьма, подобия которой не видавали, до утра. И вышло с неба подобие огненного столба и покраснели от него небо и земля весьма сильно. И сыпалось из воздуха премного пыли, похожей на уголь, которая захватывала дыхание, и продолжалось это до четвертого часа дня. И взошло солнце с измененным цветом и продолжало всходить с измененным цветом до вторника второго Мухаррема 379 г. [12 апреля 989 г.]. Однако О.М. Рапов обратил внимание, что с естественнонаучной точки зрения природа «столпов» Льва Диакона и Яхьи явно не одинакова, так как полярные сияния вызываются магнитной бурей и бывают видны только в ясные ночи. Природное же явление в Каире 7—12 апреля 989 г. больше похоже на мощное извержение вулкана (столб огня, вспышки пламени в небе, угольная пыль и пепел, застилающие свет, и т. д.). В небольшом отдалении от Каира как раз находится Сирийско-Аравийская группа вулканов (см.: Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. С. 227—228). Эти соображения, — на мой взгляд, совершенно справедливые, — не позволяют приурочить явление «огненных столпов» Льва Диакона к безупречно датированному сообщению Яхьи.

Но далее, сразу же после сообщения об «огненных столпах», Лев Диакон упомянул о другом небесном знамении — необычной «звезде, появлявшейся с закатом солнца на западе, которая, совершая свой восход по вечерам, не сохраняла, однако, прочного положения в одном центре, но, испуская светлые и блестящие лучи, делала частые перемещения, будучи видима то севернее, то южнее, а иногда даже при одном и том же восхождении изменяя свое местоположение в эфирном пространстве...». Тревожные предчувствия, вызванные ее появлением, говорит Лев Диакон, подтвердились в самом скором времени, когда накануне Дня святого Димитрия (празднуется 26 октября) сильные подземные толчки обрушили часть свода константинопольского храма Святой Софии. Византийский хронист и здесь обошелся без точной датировки появления кометы, но в этом случае его упущение поправимо, поскольку из сообщений Яхьи и Степаноса Таронского известно, что восхождение на небе «копьевидной звезды», которую армянский историк, подобно Льву Диакону, прямо связал с землетрясением в Константинополе, началось 27 июля и продолжалось через определенные промежутки времени по крайней мере до 15 августа. Это была комета Галлея, прошедшая в 989 г. очень близко от Земли (см.: Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. С. 230—231).

Таким образом, выходит, что взятие русами Херсона, по Льву Диакону, произошло до 27 июля, то есть до появления кометы Галлея, предвестницы нового бедствия — землетрясения в византийской столице. Правда, это может быть верно с той оговоркой, что «Лев при связывании этих знамений с указанными событиями не увлекся, так сказать, симметрич-

ностью, приурочивая к каждому знаменю особое событие» (*Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. С. 217). Если же это не так, и Льву Диякону была важна не временная очередность знамений (когда первое знамение должно исполниться непременно до того, как случилось второе), а только их жесткая привязанность к конкретным событиям («огненных столпов» — к взятию Херсона, «звезды» — к разрушению Святой Софии), вне зависимости от хронологической последовательности, то нам придется отказаться от точных датировок и отнести падение Херсона к промежутку между концом июля и последними числами октября 989 г. (временем окончания черноморской навигации), так как, не взяв город до этого срока, Владимир должен был бы снять осаду и вернуться в Киев. Но и тогда осада Корсуни укладывается в существенно меньшее время, по сравнению с минимальным сроком древнерусских житий — шесть месяцев.

¹⁷³ См.: *Беляев С.А.* Поход князя Владимира на Корсунь. С. 156—163; *Романчук А.И.* «Слои разрушения X в.» в Херсонесе (К вопросу о последствиях корсунского похода Владимира) // *Византийский временник*. Т. 50. М., 1989. С. 182—188.

¹⁷⁴ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. Изд. 2-е. М., 1986. Т. III. С. 152.

¹⁷⁵ Первым об этом заявил в 1950 г. А.Л. Якобсон: «Что Херсон действительно пострадал и очень сильно, показывает археологический материал, именно слой пожарища, датировемый монетами со второй половины IX в. по конец X в. и хронологически показательным материалом... Теперь уже невозможно установить, каким путем возник этот всеобщий пожар в Херсонесе... Остается факт: пожар уничтожил значительную часть города. Вся западная половина его опустела и превратилась в пригород — место свалки городского мусора». Между тем Якобсон самостоятельно Херсон не исследовал и только сослался на отчет К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в городе в 1901 г. Однако Косцюшко ничего не говорит о пожарах и разрушениях, связанных с осадой Херсона Владимиром. Пресловутое же «запустение» западной части города, то есть отсутствие в ее культурном слое керамики и монет, исчерпывающе объясняется тем, что средневековые слои земли отсюда были взяты на сооружение оборонительного вала во время Крымской войны 1853—1856 гг. Тем не менее слово было сказано, и последующие исследователи средневековой истории Херсона вступили в многолетнюю переключку с тезисом Якобсона: «...результаты многолетних археологических раскопок в Херсонесе показывают, что в конце X века город подвергся пожару и сильнейшим разрушениям» (*Д.Л. Талис*); «...после разгрома, который потерпел город в 989 г., он почти столетие лежал в развалинах» (*И.В. Соколова*) и т. д. (все цитаты даны по: *Беляев С.А.* Поход князя Владимира на Корсунь).

¹⁷⁶ *Беляев С.А.* Поход князя Владимира на Корсунь. С. 159, 160—161, 163.

¹⁷⁷ Летопись добавляет еще, что Владимир «взя» в Корсуни «медяне две капищи (в Никоновской летописи читаем вариант: «два болвана медяны», а в летописце Переяславско-Суздальском пояснено: «яко жены образом медяны суще») и четыре кони медяны, иже и ныне стоят за святою Богородицею, якоже неведуще мнятъ я мрамаряны суща». Однако, несмотря на топографическую подробность, есть все основания подозревать чисто литературное происхождение этого фрагмента, определенно чужеродного первоначальному тексту летописи, так как два «капища» и медные «болваны», похожие на «жен», имеют довольно точное соответствие в двух столбах из полированной меди и в двух херувимах, которые украшали вход в иерусалимский Храм Господень (3 Цар., 6: 23—27; 7: 15, 21); на страницах Библии встречаем и «коней, которых ставили цари Иудейские солнцу пред входом в дом Господень» (4 Цар., 23: 11). О том, что летописцы при описании корсунской «добычи» Владимира заглядывали в Библию, со всей очевидностью свидетельствует Никоновская летопись, где к уже перечисленным предметам прибавлены «три лвы медяны» — и, несомненно, только потому, что на ступенях трона царя Соломона также стояли медные львы (3 Цар., 10: 19—20).

¹⁷⁸ См.: *Кулаковский Ю.А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. ст., коммент., карта С.М. Перевалова. СПб., 2000. С. 174.

¹⁷⁹ *Алексеев Г.П.* Историческо-нумизматическое исследование о Херсонской монете. С. 11.

¹⁸⁰ См.: *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. С. 75.

¹⁸¹ Посольство топарха в Киев имело место летом—осенью 991 г., судя по некоторым датирующим деталям в его «Записке». Так, на обратном пути, находясь в низовьях Днепра, топарх и его спутники наблюдали Сатурн в «началах Водолея». В конце X в. подобная астрономическая комбинация в этой части Северного Причерноморья могла быть видима в период с 15 декабря 991 г. по 15 января 992 г. (см.: *Литаврин Г.Г.* Записка греческого топарха (документ о русско-византийских отношениях в конце X в.) // Из истории средневековой Европы (X—XVII вв.). М., 1957. С. 117). Уточняющей подробностью к этому известию служит замечание топарха о начавшемся ледоставе на Днепре, который в нижнем своем течении замерзает обычно в конце декабря.

¹⁸² В литературе можно встретить и другие мнения о месте действия военного конфликта, описанного в «Записке греческого топарха». Разночтение возникло по причине фрагментарности этого источника и туманного стиля его автора, который постоянно оставляет читателя в недоумении среди расплывчатых этнических формулировок и географических ориентиров. Больше всего споров вызвало указание топарха на то, что, совершив на обратном

пути из Киева переправу через Днепр в низовьях реки, он двинулся по направлению к селению Маврокастрон («Черный город»). Но куда — на запад или на восток? В.Г. Васильевский полагал, что его путь лежал к устью Днестра, где итальянские карты XIV в. фиксируют город Маврокастр (см.: *Васильевский В.Г. Труды. Т. I. Ч. II. С. 193*). Однако более ранних упоминаний об этом населенном пункте нет; в то же время на побережье Черного моря встречается еще немало географических названий, образованных от греческого слова «маврон» (см.: *Литаврин Г.Г. Записка греческого топарха. С. 119*), а термин «Климаты» Константин Багрянородный прочно увязывает с Херсоном и Крымом. Кроме того, если бы топарх взял курс от низовьев Днепра к Днестру, то ему незачем было бы переправляться через Днепр, ведь Киев лежит на правом берегу этой реки. Другое возражение против крымской локализации владений топарха заключается в том, что именование Владимира «царствующим к северу от Дуная» плохо вяжется с местонахождением владений топарха в Крыму. Но именно Дунай, а не Крым считался официальной северной границей Византии, и, например, Константин Багрянородный постоянно пользуется этим ориентиром, говоря о «варварских» народах Северного Причерноморья, в том числе о печенегах и хазарах, хотя для определения их местоположения, как и в случае с Русью, гораздо точнее было бы назвать другие реки — Днестр, Днепр, Дон и т. д. («Об управлении империей», гл. 25, 40, 42).

¹⁸³ См.: *Татищев В.Н. Собр. соч. Т. II. С. 64*.

¹⁸⁴ Там же. Т. I. С. 111.

¹⁸⁵ Тот же дисциплинарно-иерархический принцип засвидетельствован современным Повести временных лет немецким источником (Житие Оттона Бамбергского). Жители одного поморского городка сказали Оттону Бамбергскому в ответ на предложение креститься: «Поди ты в наш старший город; если там тебя послушают, то и мы послушаем».

¹⁸⁶ В летописи этот термин появляется с середины XII в. Однако его употребление в церковном уставе Владимира, вообще сильно испорченном позднейшими правками, нельзя отнести к анахронизмам, поскольку др.-рус. слово «слобода» принадлежит к праславянскому слою лексики (см.: *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. С. 672*). Впрочем, его значение для конца X в. неизвестно. В XII—XV вв. слободами называли поселения, жителям которых власти предоставляли временные или бессрочные свободы («слободы») — экономические льготы, привилегии и т. д. Слободы возникали в пустынных или малообжитых местах, но всегда поблизости от городов или непосредственно примыкая к последним. Крупные слободы и сами были чем-то вроде городов. Про два таких поселения летопись говорит (под 1283 г.): «и быша тамо торги, и мастера всякие; и быша те две великия слободы якоже грады великие» (*Ключевский В.О. Сочинения. Т. VI. С. 199—201*).

¹⁸⁷ См.: *Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 97, 110*.

¹⁸⁸ См.: *Моця А.П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX—XIII вв. Киев, 1990. С. 97, 99—101.

¹⁸⁹ См.: *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. С. 255—288.

¹⁹⁰ Эта дата, приводимая Никоновской летописью, отличается исключительной точностью. Далее, под тем же годом, летописец замечает: «Того же лета умножение всяческих плодов бысть...» Действительно, как показывают дендрохронологические исследования Б.А. Колчина и Н.Б. Черных, для конца X в. пик роста годовичных колец деревьев на территории Новгородской земли приходится на 990 г., что свидетельствует о чрезвычайно благоприятных климатических условиях, сложившихся в этом году (см.: *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. С. 262, 287).

¹⁹¹ См.: *Янин В.Л.* День десятого века // Знание — сила. 1983. №3. С. 17.

¹⁹² См.: *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 112—113.

¹⁹³ См.: *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV—XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 11. С. 183, 185.

¹⁹⁴ Воины Путятя у Татищева названы «ростовцами». Вероятно, в изложении истории крещения Новгорода Иоакимовская летопись придерживалась того же порядка событий, что и Никоновская летопись, согласно которой Добрыня в 991 г. (в промежутке между «малым» крещением Новгорода в 990 г. и «низвержением Перуна» епископом Иоакимом в 992 г.) ходил с епископами «по Русской земле и до Ростова». Отсюда как будто следует, что Путятя был ростовским тысяцким, пришедшим на помощь Добрыне. Однако это плохо вяжется с тем фактом, что Путятя и его «ростовцы» проявили превосходное знание топографии Новгорода и его окрестностей, позволившее им безошибочно ориентироваться в ночной темноте.

¹⁹⁵ Когда раскопки на новгородском левобережье вскрыли следы огромного пожара, охватившего в 989 г. территорию Неревского и Людиного концов, В.Л. Янин заявил, что обнаружена археологическая иллюстрация к событиям, описанным в Иоакимовской летописи (см.: *Янин В.Л.* День десятого века. С. 17—18). По-моему, на это есть что возразить. Во-первых, 989 г. — год похода на Корсунь — в качестве даты крещения Новгорода выглядит проблематично: распылать силы было не в интересах Владимира. Во-вторых, показание Иоакимовской летописи «повеле у бrega некие домы зажесчи» не соответствует масштабам пожара 989 г. В-третьих, высадка войска Добрыни произошла в одном месте (скорее всего, в Людином конце, южнее кремля), следовательно, поджечь другой конец города он не мог (парирова этот довод, Янин предположил, что Неревский конец подожгли сами новгородцы, но это противоречит тексту Иоакимовской летописи и здравому смыслу).

¹⁹⁶ В городе обнаружены остатки культовой языческой постройки, намеренно уничтоженной в последней четверти X в. (см.: *Дубов И.В.* Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С. 55). Это значит, что

ладожане последовали примеру Новгорода, сокрушившего своих языческих кумиров.

¹⁹⁷ См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 172.

¹⁹⁸ См.: *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. С. 340.

¹⁹⁹ См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 104—106, 139, 154—155, 159—162.

²⁰⁰ См.: *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. С. 375—376.

²⁰¹ См.: *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля (Очерки истории северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М., 1966. С. 227.

²⁰² *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т. II. С. 424.

²⁰³ 168 лет — по Воскресенской и Тверской летописи, 165 — по Ма-зуринскому летописцу и Степенной книге, 162 года — по Владимирскому летописцу.

²⁰⁴ См.: *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. С. 307—308.

²⁰⁵ См.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 55; *Тихомиров И.А.* О некоторых ярославских гербах // Труды III областного археологического съезда во Владимире. Владимир, 1909. С. 35—40.

²⁰⁶ См.: *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978. С. 124.

²⁰⁷ Церковный чин рукоположения в епископы предусматривает сослужение двух или трех архиереев, поэтому в поставлении главы Печенежской епископии должны были принять участие, помимо Бруно, еще два русских епископа.

²⁰⁸ Известие той же летописи под 990 г. об отправлении в Волжскую Булгарию миссии «философа» Марка Македонянина является поздним апокрифом, развивающим сюжет об «испытании вер». Но теперь уже Владимир пытается обратить болгар на путь истины, напутствуя своего посла следующим образом: «яко приходиша [болгары] ко мне прежде, егда еще не просвещен бех верою православною, хвалящее свою веру скверную, и мене ю нудящее приати; аз же уведех истинно о ней, яко гнусна есть, и не приях ю; ты же иди к ним, и проповежь им слово Божие, яко да веруют в господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и да крестятся божественным его крещением» и т. д. Марку не удалось убедить болгар переменить веру, но после его возвращения в Киев «придоша из Болгар к Володимеру... четыре князи, и просветишася божественным крещением; Володимер же чествова их и много удовольствова». Появление этого сюжета следует датировать периодом борьбы Москвы с Казанским ханством, то есть не ранее XV — первой половины XVI в.

²⁰⁹ В конце XIX в. в Ватиканской библиотеке была найдена греческая рукопись XIV в. (так называемый Ватиканский кодекс или Ватиканская хроника), где среди различных более или менее лаконичных заметок находится следующая: «В году 6496 [988] был крещен Владимир, который крестил Россию». Но ее изучение показало, что данное известие не является оригинальным, поскольку Ватиканская хроника представляет собой сокращенный греческий перевод Повести временных лет (см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 108—109).

²¹⁰ См.: Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. С. 229 и след.

²¹¹ Автокефальность Болгарской церкви утвердили поместные соборы в Константинополе 870 и 879—880 гг. Константинопольский патриарх сохранил за собой право поставления болгарского архиепископа, но избрание последнего сделалось прерогативой поместного собора епископов Болгарии. С усилением Болгарской державы при Симеоне (888—927) болгарский архиепископ был возвышен в сан патриарха. Патриаршая кафедра находилась в городе Охриде. После завоевания Болгарии Византией в 1014—1019 гг. охридский патриарх снова стал называться архиепископом, но его кафедра сохранила автокефальный статус.

²¹² См.: Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. С. 23—55.

²¹³ См., напр.: Вернадский Г.В. Киевская Русь. С. 76—78; Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 195.

²¹⁴ Голубинский указывал на двойственную титулатуру наших первоиерархов (митрополит и архиепископ) в древнерусских памятниках XI—XII вв., объясняя это тем, что титул первого главы Русской Церкви — автокефального архиепископа — древние писатели перенесли по старой памяти на последующих русских митрополитов. Гипотеза Приселкова основана на совпадении имен охридских и киевских архиепископов первой трети XI в.

²¹⁵ Г.В. Вернадский, защитник тматороканской теории Голубинского, утверждал: «Киевская епархия никогда не упоминается в источниках той поры» (Вернадский Г.В. Киевская Русь. С. 77). Столь же голословен Карташев А.В, когда, повторяя М.Д. Приселкова, пишет о том, что Владимир «не ввел вновь созданную им Русскую Церковь в юрисдикцию Константинопольского патриархата» (Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 148).

²¹⁶ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 150; Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. С. 176.

²¹⁷ См.: Литаврин Г.Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.) // Как была крещена Русь. 2-е изд. М., 1990. С. 262—263.

²¹⁸ Например, болгары добились автокефального статуса для своей Церкви после многолетней борьбы, в ходе которой болгарский князь Борис I прибегнул к таким радикальным средствам давления на Константинопольскую

патриархию, как высылка из страны греческого духовенства и обращение к покровительству римского папы.

²¹⁹ См.: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 375—376.

²²⁰ Там же. С. 377.

²²¹ См.: *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси. С. 207.

²²² К числу деяний Феофилакта в сане русского митрополита, по-видимому, следует отнести еще и введение им почитания Севастийских мучеников (память отмечается 9 марта). Уже при росписи собора Святой Софии в Киеве их изображения заняли значительную площадь в центральной части храма (до наших дней сохранилась групповая композиция в ледяном озере и 15 из 40 медальонов с поясными изображениями святых). Феофилакту, как бывшему митрополиту Севастии, в своем новом служении на далекой окраине Понта естественно было возлагать особые надежды на помощь Севастийских мучеников. Примечательно также, что 8 марта, за день до празднования памяти Севастийских мучеников, Православная Церковь отмечает память исповедника епископа Феофилакта Никомидийского (ум. около 845 г.). «Подобные совпадения, — пишет о. Александр Салтыков, — в церковной среде всегда воспринимались как духовные символы» (*Салтыков Александр* (протоиерей). Историческое значение изображений Севастийских мучеников в Софии Киевской // *Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. 5. М., 2001. С. 15—25*).

²²³ Перечень митрополитов в Новгородской I летописи и церковный устав Владимира (в древнейшей редакции конца XIII в.) отдают первенство Леону, на самом деле второму по счету русскому митрополиту. В некоторых более поздних редакциях устава Владимира, а также в летописях XVI в. и Степенной книге место Леона заступает митрополит Михаил, но это имя, взятое из византийских известий о крещении русов при императоре Василии I (867—886), было приурочено к Владимировой эпохе лишь по ошибке (см.: *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 169—170).

²²⁴ Если придерживаться датировки Иакова Мниха, которая во всех других случаях, поддающихся проверке, оказывается вернее летописной хронологии. Собственно говоря, реальной альтернативой показанию Иакова может считаться только известие Ипатьевского списка Повести временных лет, где строительство церкви Святой Богородицы приурочено к 991—996 гг., ибо семилетний срок Лаврентьевского списка (989—996) имеет целью еще теснее сблизить строительство Десятинной церкви с созданием иерусалимского Храма Господня, на возведение которого тоже ушло семь лет (3 Цар., 6: 37—38). Библиейские аллюзии в соответствующих статьях Повести временных лет очевидны. Подобно тому как царь Соломон, возлюбив Бога и ходя по уставу Давида, отца своего, положил построить в Иерусалиме дом имени Господню, для чего взял из Тира искусного художника Хирам-Авия (3 Цар., 3: 3, 5: 5, 7: 13; 2 Пар., 2: 1—13, 3: 1), так и «Володимер, живяше в за-

коне христиансте, помысли создати церковь Пресвятыя Богородица, и по-слав приведе мастера от грек». Никоновская летопись (под 998 г.) заставляет Владимира еще и закатить всенародный недельный пир в честь освящения Десятинной церкви, поскольку и Соломон, освятив храм, устроил народу семидневный праздник (см.: *Барац Г.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. С. 72—73).

²²⁵ По преданию, их было 25, но современные исследователи считают это преувеличением.

²²⁶ См.: *Асеев Ю.С.* Архитектура древнего Киева. Киев, 1982. С. 34—35; *Пуцко В.Г.* Византия и становление искусства Киевской Руси // Южная Русь и Византия: Сб. научных трудов (к XVIII Конгрессу византинистов) / Под ред. П.П. Толочко. Киев, 1991. С. 81; *Сычев Н.П.* Древнейший фрагмент русско-византийской живописи // *Seminarium Kondakovianum*. 1928. Т. 2. С. 93—94.

²²⁷ *Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 4-е изд., доп. СПб., 2000. С. 163—164.

²²⁸ По мнению искусствоведов, Анна приняла самое деятельное участие в создании Успенского собора в Киеве (см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 110).

²²⁹ См.: *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X—XIII вв. Л., 1982. С. 7—8.

²³⁰ См.: *Свердлов М.Б.* Владимир Святославич Святой — князь и человек // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 80.

²³¹ *Савельев Ю.Р.* Храмовладельцы. Князья — строители храмов средневековой Руси // Церковное искусство и археология. Вып. 1. М., 2001. С. 77—78.

²³² По известию церковного историка Евсевия (первая половина IV в.), Климент умер естественной смертью, но очень рано, возможно, уже в том же IV в., появилось и сказание о его мученической кончине (см.: *Полный православный богословский энциклопедический словарь*. Т. I—II. СПб., 6. г. (репринт: М., 1992). Т. II. С. 1357). В.В. Мильков ошибается, утверждая, что память Климента праздновалась на Руси не 25 ноября, как в Константинопольской и Римской церквях, а 30 января (см.: *Мильков В.В.* Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 351). По-видимому, исследователь перепутал Климента Римского с апостолом Климентом, чья память действительно отмечается 30 января.

²³³ Это известие «корсунской легенды» находится в противоречии с данными Жития Кирилла, согласно которым славянский первоучитель в 867 г. увез мощи Климента в Рим. Однако, как явствует из «Реймской глоссы» Одаларика (пробста церкви Святой Марии в Реймсе, сер. XI в.), в Риме находилась только «часть» Климентовых мощей (см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 354). Там же сказано, что в Киеве хранится глава Климента, подтверждение чему встречаем в летописной статье под

1147 г. По всей видимости, можно принять допущение Е.Е. Голубинского, что и Кирилл, и Владимир взяли в Херсоне по частице мощей или же что мощи были присланы Владимиру из Рима (см.: *Голубинский Е.Е. История Русской Церкви*. С. 223). Впрочем, по мнению Кузьмина, вероятнее другой вариант: «...мощи могли быть «поддельными», каковыми они чаще всего и являлись» (*Кузьмин А.Г. «Крещение Руси»: концепции и проблемы // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков*. М., 1988. С. 51). Как бы то ни было, подлинность Климентовых мощей в Десятинной церкви не подвергалась сомнению в христианском мире. В 1049 г. их с подобающим благоговением осматривал шалонский епископ Роже — член французского посольства, прибывшего в Киев за Анной Ярославной, невестой короля Генриха I.

²³⁴ См.: *Кузьмин А.Г. «Крещение Руси»: концепции и проблемы*. С. 50—51; *Никольский Н.К.* К вопросу о русских письменах, упоминаемых в Житии Константина Философа // *Известия по русскому языку и словесности АН СССР*. Т. I. Кн. 1. Л., 1928. С. 29.

²³⁵ См.: *Кузьмин А.Г. «Крещение Руси»: концепции и проблемы*. С. 50.

²³⁶ Легенда приписывала создание глаголицы святому Иерониму (IV — начало V в.), автору классического перевода Ветхого Завета на латинский язык (так называемая «Вульгата»).

²³⁷ *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 112.

²³⁸ Это летописное сообщение часто истолковывается в том смысле, что при Владимире в Киеве была учреждена первая русская школа. Однако о школе в собственном смысле, то есть учебном заведении, здесь речи нет.

²³⁹ *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 213. Впрочем, отменные литературные достоинства творений русских писателей первой половины XI в. наводят исследователей на мысль о достаточно длительной предшествующей традиции древнерусской письменности. «Необъяснимо и непонятно, — пишет, например, В.И. Ламанский, — как из пяти-семилетних ребят, крещенных со своими отцами и матерями, по приказу княжескому, в 990-х годах, мог через 30—40 лет явиться на Руси целый ряд известных и неизвестных деятелей христианской культуры, письменности и литературы... Верное понимание медленного роста и развития человеческой культуры заставляет на основании дошедших до нас памятников русской христианской культуры XI в. предполагать целый с лишком век предыдущего развития. Так, в одно или два поколения писцов и книжников не могли сложиться такой русско-славянский или славяно-русский язык, стиль, правописание, какие мы видим... у первых наших писателей» (*Ламанский В.И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915. С. 166).

²⁴⁰ Херсонский клир Десятинной церкви, несомненно, совершал службу по-славянски; никаких свидетельств обратного нет. Строительство храма

продолжалось пять-шесть лет, следовательно, у херсонских священников было достаточно времени, чтобы выучиться церковнославянскому языку.

²⁴¹ В отличие от Римско-католической церкви в православной литургии для совершения таинства евхаристии используется не пресный, а квасной хлеб. В ранней христианской Церкви употребление опресноков было признано ересью. Однако в VII в. этот обычай проник в Испанскую церковь, а затем, между 860 и 1048 гг., распространился по всему Западу (см.: *Макарий* (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга вторая. М., 1995. С. 28; *Полный православный богословский энциклопедический словарь*. Т. II. С. 1702). Поэтому аргументация А. Поппэ в пользу более поздней датировки послания Льва на том основании, что полемическое сочинение подобного рода могло появиться только после разделения Церквей в 1054 г. (см.: *Поппэ А.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // *Византийский временник*. 1968. Т. 28. С. 101), не имеет доказательной силы.

²⁴² С легкой руки А. Поппэ эти летописные известия интерпретируются как доказательство существования на Руси во второй половине XI в. титулярной Переяславской митрополии (наряду с Киевской) (см.: *Поппэ А.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии. С. 95 и след.; см. также: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 143—144; *Шапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 59 и след.). Это, конечно, недоразумение. В процитированном добавлении Никоновской летописи ясно указано, что Переяславль считался митрополией лишь по тому факту, что в нем издавна находилась резиденция киевских митрополитов.

²⁴³ Имеется в виду преемник Льва и третий по счету русский митрополит Иоанн I. В древнерусских памятниках XI—XII вв. и в Никоновской летописи он упоминается уже под 1008 г. Известна также принадлежавшая ему свинцовая печать с греческой надписью «Иоанн митрополит России», датированная рубежом X—XI вв.

²⁴⁴ В летописных записях XII—XIII вв. *сним, снем* — это совещание при князе (или с участием нескольких князей).

²⁴⁵ Ср. с тем, что сын Владимира Ярослав свой церковный устав «сгадал с митрополитом Ларионом».

²⁴⁶ Грабеж языческих храмов был обычным явлением в эпоху христианизации Европы. Гельмольд, например, пишет, что при завоевании датскими войсками в 1168 г. острова Рюген разграблению подверглось святилище Святовита в Арконе: «И разрушил [датский] король святилище его со всеми предмитами почитания и разграбил его богатую казну».

²⁴⁷ А.В. Карташев считает, что «осмыслить эти цифры можно только многочисленностью церквей домовых, входивших в состав любой купеческой и барской постройки» (*Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 257). Однако во всей средневековой литературе, изобилующей «храмо-

вой статистикой», не найдется ни одного случая, когда бы домовые церкви включались в общее число храмов, украшавших какой-либо город. Археологически показание Титмара также не подтверждается.

²⁴⁸ В постановлениях Саксонского капитулярия Карла Великого между прочим говорится: «Решено всеми, чтобы церкви Христовы, которые строятся теперь в Саксонии во имя истинного Бога, пользовались большим, отнюдь не меньшим почетом, чем каким пользовались прежде идольские капища». По Кишпоркскому (Христбургскому) договору, заключенному в 1249 г. между Тевтонским орденом и побежденными вождями прусских племен, последние обязались построить 22 христианских храма, под условием, «что указанные церкви они выстроят настолько внушающими почетом и красивыми, что покажется более привлекательным совершение служб и жертв в церквях, чем в лесах».

²⁴⁹ См.: *Аверинцев С.С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // *Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси.* М., 1972. С. 42—49.

²⁵⁰ См.: *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 235; *Неволин К.А.* Полное собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1859. С. 402, 403.

²⁵¹ См.: *Щапов Я.Н.* Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси // *Византийский временник.* М., 1971. С. 77.

²⁵² См.: *Карташев А.В.* История Русской Церкви. С. 237.

²⁵³ См.: *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. I. С. 256.

²⁵⁴ См.: *Щапов Я.Н.* Устав князя Ярослава. С. 75.

²⁵⁵ См.: *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. С. 405.

²⁵⁶ Цит. по: *Щапов Я.Н.* Устав князя Ярослава. С. 75.

²⁵⁷ Правовым источником русской десятины Павлов считал юридические постановления о десятине, существовавшие в Византии, Болгарии и Сербии (см.: *Павлов А.С.* «Книги законныя», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные // *Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.* Т. 38. № 3. СПб., 1885.). Возражения Суворова состояли в том, что десятину на Руси «нужно понимать не как учреждение, заимствованное из византийской системы права, и не как учреждение национально-русское или общеславянское, а как институт церковный, создавшийся на почве ветхозаветного закона у европейских варваров, принявших христианство» (*Суворов Н.С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888. С. 192—194). Он считал возможным говорить о римско-католическом влиянии, оказанном на русское церковное право через франко-немецкое посредничество или через Скандинавию, настаивая, впрочем, твердо только на одном: «откуда бы мы ни производили русскую десятину, результат будет один и тот же: десятина эта есть западно-католическая церковная десятина» (*Суворов Н.С.* К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль, 1892. С. 351—354).

²⁵⁸ «И всякая десятина на земле из семян земли и из плодов дерева принадлежит Господу... И всякую десятину из крупного и мелкого скота... должно посвящать Господу» (Левит, 27: 30,32).

²⁵⁹ См.: *Шапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. С. 297—325.

²⁶⁰ Летописный вариант, в котором вместо «града» фигурируют «грады», явным образом вторичен по отношению к житийному сообщению. Это видно из того, что после слов «вдасть все им, еже бе взял в Корсуни...» текст «десятинной статьи» в Повести временных лет разорван большой вставкой об основании Белгорода и Переяслава, после чего повествование неуклюже возвращается к теме построения Богородичной церкви и учреждения десятины, причем о последнем повествуется уже в форме прямой речи: «Володимер видев церковь [святой Богородицы] совершену, и вшед в ню, помолися Богу... И помолившуся ему, рек сице: «даю церкви сей от имения моего и от град моих десятую часть». Ошибочность летописной замены «града» на «грады» подтверждается также отсутствием исторических свидетельств того, что Киев и другие русские города когда-либо уделяли Церкви и тем более одному только храму Святой Богородицы десятую часть своих доходов.

²⁶¹ В древнерусском языке «имение» помимо прочего означало и «военная добыча» (*Барац Г.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. С. 80). Упоминаний о десятине от княжеского имения (в смысле личного имущества, собственности князя) в памятниках домонгольской поры не встречается.

²⁶² Ко времени составления Жития блаженного Владимира языческий подтекст княжеского дара христианскому храму уже не прочитывался, и на первый план выступала библейская аллюзия. Для древнерусских книжников Владимир здесь уподоблялся патриарху Аврааму, который, победив эламского царя Кедорлаомера, пожертвовал Мелхиседеку, священнику Бога Всевышнего, десятую часть взятой добычи (Быт., 14: 17—20).

²⁶³ То же читаем в грамоте 1137 г. новгородского князя Святослава Ольговича, который специально оговорил, что именно такова была десятина, назначенная епископам его дедами и прадедами. Устав Владимира впоследствии неоднократно перерабатывался (древнейший его список конца XIII в. в составе новгородской Кормчей уже покрыт густым слоем редакторских правок), и в ст. 3 состав десятины значительно расширен за счет поступлений от «торга», «жита» и «скота». Но здесь отчетливо видна позднейшая попытка духовенства привести русскую церковную десятину в соответствие с доходными статьями византийской государственной десятины XI—XIII вв. (торговые пошлины, сборы с урожая, от приплода скота и т. д.).

²⁶⁴ В Декрете Грациана (*Verba Gratiani*) от имени католического духовенства говорится: «Десятинны учреждены были Богом чрез Моисея таким образом, что народ должен был вносить оные левитам [иудейским священникам] за службу, которую они посвящали Ему в Святая Святых. Левиты

же брали десятину лишь от тех, за которых они молились и совершали жертвоприношения. А так как и мы служим Господу в Святая Святых и молимся и жертвуем за других, то они и должны точно так же приносить нам десятины и первенцы».

²⁶⁵ *Барац Г.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святom. С. 84.

²⁶⁶ См.: *Поппэ А.* Князь Владимир как христианин // Русская литература. СПб., 1995. № 1. С. 39. Эйнгард (Einhard), или Эгингард (Eginhard) (ок. 770—840), приближенный Карла Великого и выдающийся деятель так называемого «Каролингского возрождения», написавший подробную «Жизнь Карла Великого императора», — классический образец биографического жанра Средневековья.

²⁶⁷ Огромный гарем Соломона, по Библии, тоже был многонационален: в число 700 жен и 300 наложниц израильского царя, кроме дочери фараона, моавитянок, аммонитянок, идумеянок, сидонянок, хеттеянок, входили женщины из многих других племен Передней Азии (3 Цар., 11: 1, 3).

²⁶⁸ См., напр.: *Барац Г.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святom. С. 31—32.

²⁶⁹ Об источниках русских фрагментов хроники Титмара см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 439—440, 460—462.

²⁷⁰ См.: *Кулаковский Ю.А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. С. 170—171.

²⁷¹ *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 113.

²⁷² См., в частности, письмо болгарского князя Бориса I к римскому папе Николаю I (конец IX в.), в котором он спрашивает римского первосвященника, как наилучшим образом следовать христианскому учению во внешней политике, внутреннем управлении, судопроизводстве и т. д. Как видно из этого послания, Борис был чрезвычайно озабочен проблемой примирения практических требований христианства с традициями милитаризованного болгарского общества. Он допытывается у папы, что надлежит делать, если весть о вражеском нападении пришла во время молитвы; следует ли государю прощать убийц, воров и прелюбодеев; как надлежит обращаться с ратниками, бежавшими с поля битвы, послушавшимися приказа, или с теми, у кого во время смотра конь и оружие оказались не в должном порядке; как, в конце концов, карать, не применяя смертной казни (папа здесь ограничился советом смягчать правосудие милосердием). Другие вопросы касаются традиционных воинских обрядов болгар: использования лошадиного хвоста в качестве знамени, веры в предзнаменования, исполнения перед сражением ритуальных песен и танцев, ношения амулетов и оберегов, принесения клятвы на мече и т. д.

²⁷³ Чешских князей, современников Владимира, с таким именем нет. Андрихом летописец, по всей видимости, называет князя Олдриха/Олдрижа (1012—1034).

²⁷⁴ В христианской Западной Европе сутки делились на часы неодинаковой протяженности: утренняя (около полуночи), хвалины (3 часа пополуночи), час первый (6 часов утра), час третий (9 часов), час шестой (полдень), час девятый (15 часов), вечерня (18 часов), навечерие (21 час) (см.: *Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада*. М., 1992. С. 167).

²⁷⁵ Впрочем, просуществовала она, кажется, недолго. Аль-Бекри пишет, что около 1010 г. в плен к печенегам попал мусульманин, «ученый богослов, который объяснил некоторым из них ислам, вследствие чего те приняли его. И намерения их были искренни, и стало распространяться между ними учение ислама. Остальные же, не принявшие ислама, порицали их за это, и дело кончилось войной. Бог же дал победу мусульманам, хотя их было только 12 тысяч, а неверных вдвое больше. И они [мусульмане] убивали их, и оставшиеся в живых приняли ислам. И все они теперь мусульмане, и есть у них ученые, и законоведы, и чтецы Корана». Переход печенегов в ислам подтверждает арабский писатель XII в. Абу Хамид аль-Гарнати.

²⁷⁶ Ср. с известиями Никоновской летописи о частом обмене посольствами с Римом: «придоша к Володимеру послы из Рима от папы, с любовью и с честью» (991 г.); «послы Володимировы приидоша в Киев, иже ходиша в Рим к папе» (994 г.); «приидоша послы от папы римского» (1000 г.); «посла Володимер гостей своих, аки в послех, в Рим» (1001 г.). Представляется справедливым мнение А.В. Назаренко, что эти заметки «были частью древнейшего летописания, но позднее оказались исключены антилатински настроенными печерскими летописцами» (*Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях*. С. 357—358).

²⁷⁷ См. также у А. Поппэ: «В ответ на расхожие, но весьма далекие от историзма споры о том, как и каким прилагательным следует обозначить христианство Владимира, стоит подчеркнуть, что он был попросту христианином, принадлежавшим вселенской и православной Церкви» (*Поппэ А. Князь Владимир как христианин*. С. 44).

²⁷⁸ См.: *Толстой И.И. Древнейшие русские монеты*. С. 21—22.

²⁷⁹ *Оболенский Д. Византийское Содружество Наций*. С. 543.

²⁸⁰ У Скилицы недатированное сообщение о смерти Анны помещено среди событий 1022—1025 гг.: «умерла на Руси сестра императора, а еще раньше ее муж Владимир». Но византийский историк, безусловно, ошибается. На самом деле супруги скончались в обратной очередности, о чем, помимо Повести временных лет, сообщает и Титмар. По словам последнего, Владимир был похоронен в Десятинной церкви «рядом с упомянутой своей супругой», из чего следует, что Анна была погребена там прежде своего мужа.

²⁸¹ См., напр.: *Никитин А.Л. Основания русской истории*. С. 309; *Свердлов М.Б. Владимир Святославич Святой — князь и человек*. С. 86.

²⁸² См.: *Литаврин Г.Г. Война Руси против Византии в 1043 г. // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха Средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи*. М., 1972. С. 218—219.

²⁸³ Прозвище Булгароктонос (Болгаробойца) закрепилось за Василием II в ходе многолетней войны (1001—1018) с Болгарской державой царя Самуила, которая велась с крайней жестокостью. Так, однажды император приказал ослепить разом 14 000 пленных болгар.

²⁸⁴ См.: Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 382.

²⁸⁵ Откуда они, по-видимому, принесли на родину культ святого Николая.

²⁸⁶ Украинское предание связывает происхождение этих валов с деяниями легендарного коваля-змееборца. Одолев страшного змея, герой впряг его в плуг и обвел свою страну огромными бороздами.

²⁸⁷ См.: Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987.

²⁸⁸ Современники относили стремительность нападения печенегов к числу их неоспоримых военных преимуществ. Болгарский архиепископ Феофилакт уподоблял их набег удару молнии.

²⁸⁹ Сула, Трубеж, Стугна и многие другие притоки Днепра, ныне обмелевшие, в X в. были полноводными реками, пригодными для судоходства; в них найдены остатки больших судов (см.: Соловьев С.М. Сочинения. С. 267. Примеч. 17).

²⁹⁰ Например, в основание городских валов и стен Белгорода, Василева и Переяславля уложены необожженные кирпичи, аналогичные тем, которые были найдены около фундамента Десятинной церкви. Техника кирпичного дела, несомненно, привезена на Русь греками.

²⁹¹ Некоторые из них копируют названия византийских городов: Корсунь (византийский Херсон) на реке Рось, Треполь (Триполь) при впадении Стугны в Днепр, Халеп (Алеппо) под Переяславлем; названия других образованы от греческого корня: Аксютинцы, Артополот (на Суле) (см.: Завитневич В.Э. Владимир Святой // Владимирский сборник в память девяти столетия крещения России. Киев, 1888. С. 34—35).

²⁹² Для филологов (в отличие от многих историков) это уже давно не секрет. Своеобразие «эпического времени» древнерусских былин характеризуется ими следующим образом: «Подобно тому как существует обратная перспектива в древнерусской живописи, являющаяся не формальным приемом, а самой главной отличительной чертой мировосприятия и мировоззрения человека Древней Руси, в народном эпосе существует обратная историческая перспектива, «перевернутость» всех событий XIII—XVI веков на X век, на «эпическое время» князя Владимира» (Былины / Сост., вступ. ст., вводные тексты В.И. Калугина. М., 1991. С. 34—35). Да русскому витязю X в. и несподручно было выезжать в чисто поле на добром коне, чтобы сразиться с удалым поединщиком, — просто потому, что это был пеший воин, привыкший к передвижению в ладе. Само слово «богатырь» (от тюркского «багатур» — храбрый, доблестный) проникло в русский язык в татаро-монгольский период. А слово «застава» в значении «отряд, оставлен-

ный для охраны каких-либо путей» («пограничная застава» и т. п.) вообще появляется только в источниках XVII в. (см.: *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 1999. С. 280).

²⁹³ Переяславль-Русский упомянут уже в русско-византийском договоре 944 г. Данные археологии также говорят о том, что город существовал и до Владимира в виде родового поселения (в его культурном слое найдены отложения середины X в.). Под «заложением города» Владимиром, очевидно, следует понимать строительство новых укреплений на месте прежнего городища и расширение площади застройки.

²⁹⁴ *Гудзий Н.К.* История древней русской литературы. С. 135.

²⁹⁵ Ранее, в своем пересказе «переяславского» предания Повести временных лет, Никоновская летопись сохраняет анонимность русского героя. Имя Ян Усмошвец могло быть взято позднее из аналогичной западнославянской легенды.

²⁹⁶ Этот анахронизм указывает на то, что образ Александра (Алеши) Поповича сложился не в «печенежскую», а в «половецкую» эпоху. Далее, в статье под 1223 г., рассказывающей о битве союзного русско-половецкого войска с монголами на реке Калке, читаем о гибели Александра Поповича «со инеми 70-ю храбрых».

²⁹⁷ «Иконописный подлинник» — руководство для иконописцев, содержащее в себе технические, богословские и исторические сведения, необходимые для написания икон. Русские «Иконописные подлинники» сохранились в списках XVII—XVIII вв.

²⁹⁸ См.: *Барац Г.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. С. 109—110.

²⁹⁹ Как, например, небольшая крепость на мысу в Заречье, разгромленная на рубеже X—XI вв. Около ее воротной башни найдены две серебряные монеты Владимира, вероятно, оброненные во время грабежа кем-то из нападавших (см.: *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. С. 254—255).

³⁰⁰ Печенежский этнос состоял из 40 родов, объединенных в 8 колен. На правом и левом берегах Днепра кочевало по 4 печенежских колена.

³⁰¹ См.: *Князький И.О.* Русь и степь. М., 1996. С. 35.

³⁰² *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 112.

³⁰³ Говоря о возвращении в 1227 г. галицко-волинских князей Даниила и Василька Романовичей, вмешавшихся в польскую междоусобицу, из-под стен Калиша, летописец замечает, что «иний бо князь не входил бе в землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера Великаго, иже бе землю крестил».

³⁰⁴ Это положение русско-булгарского договора находит подтверждение в материалах археологии. Булгарские находки X—XI вв. в подавляющем большинстве сосредоточены в окрестностях Муром, Старой Рязани, Пронска, Переяславля-Рязанского и в Ярославском Поволжье (см.: *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 41).

- ³⁰⁵ *Древнерусские города в древнескандинавской письменности*. М., 1997.
- С. 54. Примеч. 6, 7.
- ³⁰⁶ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 421.
- ³⁰⁷ Там же. С. 420.
- ³⁰⁸ Должно быть, они становились *отроками* в княжей дружине.
- ³⁰⁹ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 229.
- ³¹⁰ См.: *Милов Л.В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // *Древнее право. Ivs antiquum*. Т. 1. М., 1996. С. 203—209.
- ³¹¹ В древнерусском переводе Эклоги, который мог быть осуществлен уже при Владимире, в конце X — начале XI в., глава «О разбойниках» значится как «глава 27» (в греческом оригинале — это глава 50, определяющая наказания «разбойникам и устраивающим засады»).
- ³¹² Финансовые трудности усугублялись тем, что судебная реформа совпала по времени с резким сокращением денежной эмиссии на Востоке, вследствие чего к 1015 г. поступление на Русь арабских дирхемов полностью прекратилось, вызвав острую нехватку серебра (см.: *Орешников А.В.* Денежные знаки домонгольской Руси. Труды Государственного исторического музея. Вып. 6. М., 1936. С. 31; *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского Средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 184—185). Больше половины «сребреников» Владимира (II—IV типов) — это собственно медные монеты (см.: *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России. С. 5).
- ³¹³ Полное название по наиболее древнему списку в Успенском сборнике XII—XIII вв.: «Сказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба».
- ³¹⁴ См.: *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. С. 113.
- ³¹⁵ См.: *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. С. 305; *Пархоменко В.А.* У истоков русской государственности. Л., 1924. С. 106.
- ³¹⁶ См.: *Ногмов Ш.-Б.* История адыгейского народа. Тифлис, 1861. С. 78—79.
- ³¹⁷ Краковский епископ Станислав возглавил заговор польской знати, недовольной князем (с 1076 г. королем) Болеславом II Смелым (1058—1079), и был казнен через четвертование. Католическая церковь причислила его к лику святых.
- ³¹⁸ См.: *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. II. С. 70.
- ³¹⁹ *Соловьев С.М.* Сочинения. С. 194, 310. Примеч. 286.
- ³²⁰ См. *Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 251.
- ³²¹ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 477.
- ³²² См.: *Зотов Р.В.* О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 32.
- ³²³ См.: *Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. С. 108.

³²⁴ См., напр.: Янин В.А. Актовые печати Древней Руси. Т. I. М., 1970. С. 38—40.

³²⁵ См.: Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 24; Он же. Сочинения. С. 337.

³²⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 331.

³²⁷ Никитин А.А. Основания русской истории. С. 268—269.

³²⁸ Люди Древней Руси, «высчитывая годы от события до события... обыкновенно включали в их число оба года, в которые совершались эти события» (Соболевский А.И. В каком году крестился св. Владимир? С. 399).

³²⁹ См.: Рохлин Д.Г. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1940. Вып. VII. С. 46—57; Гинзбург В.В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1940. Вып. VII. С. 57—66; Поповский А. Поправки к летописи // Наука и жизнь. 1964. № 1. С. 71—73.

³³⁰ Тверская летопись утверждает, что Ярослав до десяти лет не мог ходить самостоятельно и неотлучно находился при матери, Рогнеде: «Сын же ее Ярослав сидяще у нее, бо естеством таков от рождения». Исцеление наступило якобы после эмоционального потрясения, испытанного Ярославом при известии о намерении матери уйти в монастырь — «и от сего словесы Ярослав вста на ногу своею, и хождаше, а прежде бо бе не ходил». Медицина, однако, не согласна с легендой: «Врожденный вывих (или подвывих) бедра не ведет к тому, что ребенок в течение нескольких лет не ходит. В соответствующих случаях ребенок начинает ходить или своевременно, или с некоторым опозданием...» (Рохлин Д.Г. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого. С. 56).

³³¹ См.: Никитин А.А. Основания русской истории. С. 253.

³³² Счет родства по материнской линии был одним из самых живучих пережитков матриархальных представлений в Древней Руси. Только по летописи известны три знатных человека, носившие женские отчества: 1) Василько Маринич — сын княгини Марии Владимировны, внук Владимира Мономаха; 2) Олег Настасьич — сын князя Ярослава Галицкого и его любовницы Анастасии; 3) смоленский боярин Василий Настасьич (упом. под 1169 г.).

³³³ См.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 490—491; Писаренко Ю.Г. Неизвестная страница жизни Ярослава Мудрого // Ярославская старина. Вып. 4. 1997. С. 18.

³³⁴ См.: Гинзбург В.В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд. С. 64—66.

³³⁵ Мать святых братьев еще раз эпизодически возникает в Повести временных лет в предсмертной молитве Глеба (которая есть и в «Сказании»),

но без упоминания ее имени и национальности: «...любимый отец мой и господин Василий, и мать, госпожа моя, и ты, брат Борис...»

³³⁶ См.: Соловьев С.М. Сочинения. С. 195.

³³⁷ Серегина Н. Вспомнить о Святополке // Мера. 1995. № 3. С. 52.

³³⁸ Впрочем, «Повесть о латынех», датируемая приблизительно XII—XIV вв., в своем рассказе о крещении Владимира по-прежнему обходится без Анны: «По смерти Михаила царя [Михаила III, 842—867]... по летех мнозих прием царство Костянтин и Василие, и в днех царства ею и абие сниде Владимир князь Роуский с всею силою своею великою дажде и до самого Царяграда с враждою идьи на царство греческое. Мановением Божиим и благодатию Святааго Духа внезапно преложиши от звериного нрава на смирение божественное и бысть агня Христова вместо волка. И тако сии прием святое крещение и Евангелие Христово».

³³⁹ См.: Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938. С. 98 и след.

³⁴⁰ Татищев В.Н. Собр. соч. Т. I. С. 112.

³⁴¹ В древнерусских памятниках Владимир часто предстает в окружении исторических фигур второй половины IX в. Например, в церковный устав Владимира, по-видимому, уже в XI в. от лица князя была внесена запись: «восприял есмь святое крещение от грецькаго царя и от Фотия патриарха Царьградскаго». Наших древних писателей сбила с толку византийская историография, которая фактически обошла молчанием крещение Руси при Владимире, но зато сохранила многочисленные известия о крещениях «росов» во время правления императора Василия I Македонянина (867—886) и патриаршества Фотия (858—867 и 877—886) (см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 102—107). Знакомясь с этими сообщениями, древнерусские книжники сочли «царя Василия», основателя Македонской династии, за Василия II, современника Владимира, и сблизили обе эпохи (см.: Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 169—170).

³⁴² См.: Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 210, 398.

³⁴³ Примечательно, что у арабского писателя конца XI — начала XII в. аль-Марвази крещение князя русов Булдира (искаж. Владимир) помечено 300 г. хиджры (912/913 г. европейского летоисчисления), то есть временем правления Симеона.

³⁴⁴ Новгородский архиепископ Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович) отметил среди царьградских святынь, осмотренных им в 1200 г., «церковь святыих мученик Бориса и Глеба» в Галате (построена ок. 1117 г.) и «икону велику святыих Бориса и Глеба», стоявшую в алтаре Святой Софии, «на правой стране» и служившую образцом для иконописцев.

³⁴⁵ См.: Свердлов М.Б. Владимир Святославич Святой — князь и человек. С. 80.

³⁴⁶ «И посади Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершю же старейшему Вышеславу

Новгороде, посадиша [Владимир] Ярослава Новгороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани» (Повесть временных лет, под 988 г.; «Сказание о Борисе и Глебе» сажает Святополка в Пинске, «Чтение о Борисе и Глебе» преподобного Нестора отправляет Бориса во Владимир-Волынский, а Глеба оставляет «при отце», в Киеве.). Достоверность летописного сообщения крайне низка, как потому, что в нем фигурируют полулегендарные сыновья Владимира (Вышеслав, Святослав, Всеволод), так и ввиду несомненной его принадлежности к слою редакторских вставок XII в. в древнейший свод Повести временных лет. «Насколько изложенное в тексте (летописи. — С. Ц.) распределение «столов» соответствует представлениям первой четверти XII в., — пишет по этому поводу А.Л. Никитин, — показывает тот факт, что Святополку Владимировичу достался г. Туров, где в конце XI в. находился другой Святополк, сын Изяслава Ярославича. Естественно, что исследователь не имеет права использовать эти перечни имен и распределение княжений в качестве исторического источника, не доказав предварительно их достоверность или хотя бы возможность данных княжений и не ссылаясь на «припоминания» поздних списков Повести временных лет, как то делается до сих пор весьма часто» (Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 245). В силу такого положения вещей мы, не подвергая сомнению сам факт распределения «столов» между сыновьями Владимира, по существу можем говорить с уверенностью только о том, что Ярославу достался Новгород, а Изяславу — Полоцк.

³⁴⁷ Соловьев С.М. Сочинения. С. 195.

³⁴⁸ Указание на второй христианский брак Владимира большинство историков видят в сообщении Титмара о «мачехе» (*poverga*) Ярослава, которая в 1018 г. была захвачена в Киеве Болеславом I. Мнение А. Поппэ о том, что латинское *poverga* может означать «теща», А.В. Назаренко считает маловероятным и отдает предпочтение традиционному чтению, «ввиду наличия у Владимира дочери, родившейся в 1015 г. или чуть ранее — примерной сверстницы польского короля Казимира I», женившегося на ней около 1038 г., в возрасте 22 лет (см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 490; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 330). Впрочем, нельзя совершенно исключить того, что «мачехой» Ярослава Титмар мог назвать кого-то из бывших «языческих» жен Владимира.

³⁴⁹ Летопись отмечает, что после смерти Владимира «дружина отня» предложила Борису занять киевский стол: «Понди, сяди Киеве на столе отни». По всей видимости, дружинники Владимира действовали в соответствии с волей покойного князя.

³⁵⁰ См.: Соловьев С.М. Сочинения. С. 187.

³⁵¹ Колобжег (Кольберг) — город в польском Поморье, на участке балтийского побережья между устьями Одера и Вислы.

³⁵² Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 323.

³⁵³ О.М. Рапов высказал интересную догадку, что «такого известного борца с язычеством, каким был Рейнберн, могли и специально пригласить на епископскую должность в Дреговичскую землю. Руси нужны были смелые и опытные проповедники христианства, обладавшие знанием славянских языков, а Рейнберн, проповедовавший христианство у поморских славян, должен был обладать такими знаниями. И великий русский князь, и киевский митрополит были заинтересованы в скорейшем насаждении христианства во всех принадлежащих Руси областях. В этих условиях кандидатура Рейнберна на должность епископа вряд ли могла вызвать серьезные возражения в Киеве, тем более что с женитьбой Святополка на польской княжне, казалось бы, наступил конец русско-польским разногласиям и обе державы вступали в период устойчивого мирного сосуществования» (Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. С. 368—369).

³⁵⁴ По условиям Мерзебургского мирного договора Болеслав получил от германского императора в ленное владение земли лужичан и мильтчан (Лужицкую и Мейсенскую марки) и сделался таким образом его формальным вассалом.

³⁵⁵ См.: Федотов Г.П. Канонизация Святого Владимира // Святой Креститель. Зарубежная Россия и Св. Владимир. М., 2000. С. 265.

³⁵⁶ Самое раннее упоминание о местном церковном почитании Владимира содержит редакция «Студийского устава» из собрания Курского краеведческого музея (конец XII — начало XIII в.), где после службы Борису и Глебу под 24 июля есть запись: «Чтется житие князя Владимира». Это дает основание думать, что первоначально, до официального прославления, память Владимира отмечалась не в «в день преставления его» 15 июля, а 24 июля, в день памяти его сыновей-страстотерпцев, которые удостоились канонизации раньше своего отца. Возможно, здесь берет начало древняя и устойчивая иконографическая традиция изображения святого Владимира вместе со святыми Борисом и Глебом (см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 435). Включение же имени Владимира в святцы под 15 июля, что можно приравнять к официальной канонизации, состоялось, вероятнее всего, ближе к середине XIII в. (см.: Малышевский И.И. Когда и где впервые установлено празднование памяти Св. Владимира 15 июля? Киев, 1882. С. 49—55; Федотов Г.П. Канонизация Святого Владимира. С. 257—259). В Новгородской I летописи под 1240 г. упоминается церковь во имя Владимира. Ипатьевская летопись называет Владимира святым под 1254 г., Софийский временник — под 1263 г. В 1639 г. при расчистке развалин Десятинной церкви были найдены мужские останки, объявленные киевским митрополитом Петром Могиллой мощами святого Владимира. Впоследствии отдельные их части сделались достоянием Киево-Печерской лавры (череп), киевского собора Святой Софии (ручная кость) и московского Успенского собора (челюсть).

³⁵⁷ Возможно, имеется в виду район Углича, носившего в древности название «Угличе поле». В «Сказании о Борисе и Глебе» это «поле» находится в устье реки Тьмы (возле Твери).

³⁵⁸ В Новгородской I летописи: «вои славны тысящу». По В.В. Мавродину, «это совсем не тысяча славных воинов, а «нарочитые мужи», входившие в состав особой новгородской военной организации — «тысячи», причем так как древнейшим поселением Новгорода был Славенский холм, Славна, своим названием подчеркивающий этнический и социальный состав своего населения, отличного от Чудина конца, Пруссов, Нередины, Людина, то и название военной организации новгородской знати, «нарочитых мужей», новгородской «тысячи» было связано со Славною. Новгородская «тысяча» была Славянской «тысячей» и в «воях славны тысящу» следует усматривать воинов Славенской «тысящи» (*Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. С. 347*).

³⁵⁹ 40 000 воинов — эпико-символическое число, часто встречающееся в древнерусском фольклоре. В былине о Сухмане «татарская сила» насчитывает «сорок тысячей татаровой поганых». В другой былине идущий на Киев царь Кудреван ведет с собой зятя Артака и сына Коньшика:

А у Коньшика силушки было сорок тысячей,

А у Артака силы-то было сорок тысячей и т. д.

³⁶⁰ См.: *Соловьев С.М. Сочинения. С. 311. Примеч. 294.*

³⁶¹ Из произведений житийного жанра ближе всего к летописной повести о смерти Бориса и Глеба по своему содержанию и стилю стоит «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба». Вопрос об их взаимозависимости до сих пор остается открытым. Одни исследователи полагают, что летописная повесть о Борисе и Глебе предшествовала «Сказанию» и повлияла на него, другие придерживаются обратного мнения. По А.А. Шахматову, теснейшая текстуальная близость этих памятников объясняется тем, что оба они восходят к некоему не дошедшему до нас протографу (см.: *Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 92—94*). А.Л. Никитин считает взаимосвязь текстов Повести временных лет и «Сказания» более сложной: испытав на себе влияние летописи, «Сказание» затем, в свою очередь, повлияло на Повесть временных лет в процессе переработки ряда ее статей (см.: *Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 273—281*).

³⁶² *Федотов Г.П. Святые Древней Руси. СПб., 2004. С. 25—26; см. также: Алешковский М.Х. Повесть временных лет. М., 1971. С. 83—92, 129—131; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986. С. 13—36.*

³⁶³ Этот маршрут сам по себе исторически достоверен, вопреки сомнениям многих историков. Распространенное в литературе мнение, что Глебу удобнее было сразу взять на юг в направлении Чернигова (см., напр.: *Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и по-*

томков. С. 340; Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 284), не принимает в расчет историко-географических реалий XI в. Ведь этот путь лежал через Вятичскую землю, пересечь которую считалось небезопасным делом даже во времена Владимира Мономаха. Обращаясь в своем Поучении к воспоминаниям «о труде своем, как трудился пути дея», князь первым делом с гордостью сообщает о том, как он в молодости с дружиною «к Ростову [из Чернигова] идох, сквозе вятиче». Не забудем и то, что Илью Муромца, который объявил на князем пиру о своем приезде из Муром в Киев через Чернигов «дорожкой прямоезжею», то есть в аккурат по рекомендации современных исследователей, Красное Солнышко посчитал бахвалом, наглым брехуном:

— Ай же мужичицо-деревенщина,
Во глазах мужик да подлыгаешься,
Во глазах мужик да насмехаешься!

³⁶⁴ Исследование М.Х. Алешковским древнерусских энколпионов с изображениями святых братьев показало, что соответствие между двумя парами их имен, мирской (Борис и Глеб) и церковной (Роман и Давид), было установлено далеко не сразу, причем затруднения возникали именно в связи с мирскими именами святых — их чеканили на уже готовых отливках, нередко переменяя надписи над правой и левой фигурами (см.: Алешковский М.Х. Русские глебоборисовские энколпионы 1072—1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 105—106).

³⁶⁵ См.: Ранчин А.М. Княжеские жития в чешской и русской литературе древнейшего периода. М., 1994; Он же. Князь — страстотерпец — святой: Семантический архетип литературных памятников о князьях Вячеславе и Борисе и Глебе // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. I. М., 1994; Ревелли Дж. Старославянские легенды святого Вячеслава Чешского и древнерусские книжные жития // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998. С. 79—93; Якобсон Р.О. Русские отголоски древнечешских памятников о Людмиле // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976.

³⁶⁶ См.: Федотов Г.П. Святые Древней Руси. С. 29—30.

³⁶⁷ По смерти Ярослава в 1054 г. старший сын его Всеволод «спрятал тело отца своего, възложив на сани и повезоша Киеву». Когда в 1125 г. умер Владимир Мономах, слуги и ближние князя «спрятавшие тело его у святей Софье» и т. д.

³⁶⁸ Заметим попутно, что остается непроясненным, кто и зачем искал тело Борисова отрока. Дело, кажется, объясняется тем, что здесь молчаливо подразумевается другое церковное предание. Оно гласит, что в услужении у Бориса находились также два брата Георгия Угрина, один из которых, по имени Ефрем, жил в Ростове. Извещенный об убийстве Бориса и Георгия, он отправился на берег реки Альты, где совершилось преступление, и стал искать тело брата, но нашел только отрубленную голову его. Взяв ее, Ефрем

удалился далеко на север, принял иночество и поселился на реке Тверце, около селения Новый торг (будущий Торжок). Со временем, когда были открыты мощи святых князей Бориса и Глеба, он создал во имя их церковь и при ней монастырь, в котором подвизался до глубокой старости. Голову горячо любимого брата Ефрем хранил у себя и, умирая, завещал положить ее в свою могилу. Это предание возникло не раньше первой половины XII в. (Новый торг впервые упоминается в летописи под 1139 г.), что может служить косвенным указанием на время редакторской правки Повести временных лет в духе «борисоглебской» житийной традиции. Судьбу второго брата Георгия прослеживает легендарное Житие Моисея Угрина, известное по записям Киево-Печерского патерика, относящимся к началу XIII в. Здесь уже утверждается, что убийцы Бориса перебили всех его отроков, за исключением Моисея, который, чудом избежав гибели, нашел убежище в Киеве у Предславы. Далее читаем переделку библейской истории Иосифа Прекрасного. В 1018 г. Моисей был уведен в плен поляками и попал в дом к красивой и знатной женщине. Удивительная красота пленника возбудила ее любовь, но тот решительно отверг и ласки, и угрозы, так как дал обет посвятить свою жизнь Богу. Тогда взбешенная полка велела оскотить упрямого раба. В 1030 г. победоносный поход Ярослава в Польшу принес изувеченному пленнику освобождение. Вернувшись на Русь, Моисей постригся в Киево-Печерский монастырь и прославился святой жизнью.

³⁶⁹ См.: *Никитин А.А.* Основания русской истории. С. 285—287.

³⁷⁰ Изяслав Ярославич был женат первым и единственным браком на Гертруде, сестре польского короля Казимира I. Плодом этого союза был сын по имени Ярополк (в крещении Петр). Сохранился личный молитвенник Гертруды, в котором она постоянно поминает Ярополка-Петра, называя его «единственным своим сыном». Отсюда следует, что Святополк был рожден Изяславом в нецерковном браке от какой-то наложницы (см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 366; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 566—567).

³⁷¹ Особенно хорошо это видно на примере «торчинов», орудующих ножами над Глебом и Васильком. Торки на службе у русских князей стали появляться лишь в конце XI в. Поэтому, если для Святополка Изяславича нет ничего необычного в том, чтобы иметь «овчюха» из торков, то Глебов «торчин» — явный анахронизм, объясняемый искусственным переносом этнических реалий последних десятилетий XI в. в начало этого столетия.

³⁷² *Никитин А.А.* Основания русской истории. С. 287—288.

³⁷³ См.: *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен // Записки Отдела русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. VI. СПб., 1903. С. 62—63.

³⁷⁴ См.: *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков. С. 352—354.

³⁷⁵ Там же. С. 352.

³⁷⁶ Там же. С. 353.

³⁷⁷ Не исключено также, что фигура Вартилава совмещает в себе образы двух русских князей — Брячислава и Мстислава (см.: *Древнерусские города в древнескандинавской письменности*. С. 113. Примеч. 7).

³⁷⁸ *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 516; см. также: *Древнерусские города в древнескандинавской письменности*. С. 113. Примеч. 5.

³⁷⁹ *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 515; см. также: *Древнерусские города в древнескандинавской письменности*. С. 112. Примеч. 5.

³⁸⁰ См.: *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. Опыт анализа. М., 1957.

³⁸¹ Там же. С. 160—161.

³⁸² См., напр.: *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации. С. 29 и др.; *Алешковский М.Х.* Русские глебоборисовские энколпионы. С. 110 и др.; *Головкин А.Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. Киев, 1988. С. 20—34; *Рыбаков Б.А.* Мир истории. М., 1984. С. 157—158; *Филист Г.М.* История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990.

³⁸³ См.: *Лященко А.И.* Eumundar Saga и русские летописи // Известия Академии наук СССР: VI сер. Т. 20. 1926. № 12. С. 1072.

³⁸⁴ А.И. Лященко в связи с этим подчеркивал, что «русская летопись при описании этих столкновений (Ярослава со Святополком и Болеславом в 1018 г. — С. Ц.) имя Болеслава ставит первым», а «в лагере Ярослава говорится прежде всего о борьбе с Болеславом» (*Лященко А.И.* Eumundar Saga и русские летописи. С. 1072).

³⁸⁵ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 518, 520—522. Были попытки доказать правдивость эпизода «Пряди» с отрубленной головой Бурицлава при помощи иллюстративного материала древнерусских памятников. На одной миниатюре в так называемой Радзивилловской летописи убийцы Бориса передают Святополку меч убитого князя и какой-то круглый предмет, — как предположил М.Х. Алешковский, голову мученика. Однако объяснять летописный рисунок через содержание скандинавского источника, о котором древнерусский художник не имел ни малейшего понятия, недопустимо хотя бы по методологическим соображениям.

³⁸⁶ См.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 454, 493—494.

³⁸⁷ *Кожин В.* Клевета // Родина. 1994. № 5.

³⁸⁸ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 454.

³⁸⁹ Правдоподобность которого, кстати, вызывает сомнения хотя бы потому, что летописец заставляет Святополка, стоявшего с войском на

восточном берегу Днепра, удирать на запад, то есть в сторону победившего врага.

³⁹⁰ См.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 458—459.

³⁹¹ Ср. с тем, что, по известию «Сказания о Борисе и Глебе», Ярослав оставил наследниками своей власти не всех пятерых своих сыновей, а только троих старших. «Это — известная норма родовых отношений, ставшая потом одной из основ местничества, — пишет в этой связи В.О. Ключевский. — По этой норме в сложной семье, состоящей из братьев с их семействами, властное поколение состоит только из трех старших братьев, а остальные, младшие братья отодвигаются во второе, подвластное поколение, приравниваются к племянникам...» (*Ключевский В.О.* Сочинения. Т. I. С. 182).

³⁹² Сообщение «Сказания о Борисе и Глебе» и летописной повести о братьях-мучениках о том, что тело Глеба спустя много лет было найдено на Смядыне благодаря чудесному свечению над местом, где лежал святой, можно не принимать во внимание, так как данный эпизод заимствован из Жития святого первомученика Стефана: «Ночью над мощами святого являлся свет, и сильное благоухание исходило от ковчега (раки с мощами. — С. Ц.) и в воздухе слышалось ангельское пение» (Четьи-Минеи под 2 августа) (*Жития святых*, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Книга первая. Сентябрь. Изд. 2-е. М., 1903. С. 125. Примеч. 1).

³⁹³ А.Л. Никитин с сожалением констатирует, что «этот корпус древнерусских монет, находившийся в центре внимания главным образом нумизматов, практически не привлекался в качестве исторического источника для уточнения тех или других событий русской истории» (*Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 299). А между тем археологические свидетельства подобного рода представляют собой «документы более авторитетные, чем исторические повествования», в силу чего именно эти находки в конце концов «оказываются наиболее точными и нелицеприятными корректорами выводов исследователей, причем с ними они обязаны считаться больше, чем с мнениями своих предшественников» (Там же. С. 297).

³⁹⁴ На киевское происхождение этих монет косвенно указывает и география их находок — все они входили в состав кладов и погребений, сосредоточенных на левобережье Днепра, в районе между Нежином и Переяславом (см.: *Равдина Т.В.* Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988. С. 85).

³⁹⁵ См.: *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского Средневековья. С. 166.

³⁹⁶ См.: *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. С. 62—63.

³⁹⁷ «С именем «Святополк» известна 51 монета, отчеканенная 28 парами штемпелей, причем из 35 пробированных монет только 4 экземпляра могут считаться серебряными, 7 — биллоновыми, а 24 — медными. Изображения обеих сторон повторяют принцип их размещения на «сребрениках» Владимира II—IV типов, только вместо «трезубца» на реверсе изображен «двузубец», правый «зуб» которого завершается крестом, а над самим «двузубцем» помещен еще один равноконечный крестик, состоящий из четырех соединенных кружков. Последняя деталь имеет весьма существенное значение, поскольку 5 монет с именем «Петрос», не являющиеся серебряными и, будучи отчеканены 5 парами штемпелей, при значительной схожести княжеского знака имеют над ним вместо указанного крестика перевернутую литеру «р». Наконец, 12 монет с именем «Петор» из меди и низкосортного биллонового сплава при том же княжеском знаке, но с измененным крестом на его правом «зубце», изготовленные с помощью 8 пар штемпелей, несут в центральном поле изображение полумесяца, лежащего рогами вверх» (Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 298).

³⁹⁸ См.: Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 304.

³⁹⁹ Современная наука отвергает сообщение «Пряди об Эймунде» о заключенном после смерти Бурицлава договоре между Ярицлейвом и Вартилавом/Брячиславом, по которому последний получил во владение Киев («Кэнугард») (см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 517—518). Скорее всего, этот эпизод саги воспроизводит в искаженном виде события 1026 г., когда Ярослав и Мстислав договорились между собой о разделе Русской земли (см.: Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 113. Примеч. 7).

⁴⁰⁰ См.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 436—437.

⁴⁰¹ См.: Соловьев С.М. Сочинения. С. 337—338.

⁴⁰² Обязательность этого дипломатического шага для каждого нового правителя Восточной Европы между прочим подтверждает пример Болеслава I, который, овладев в 1018 г. Киевом, сразу же снесся через послов с Василием II.

⁴⁰³ См.: Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 384.

⁴⁰⁴ Участие в этом походе тысячи (по другим известиям, шести тысяч) «варягов», нанятых взамен перебитых «на дворе поромони», — чистый миф. Далее летописец рассказывает, что, одержав победу при Любече, Ярослав щедро наградил своих воинов: старостам и горожанам дал по 10 гривен, смердам — по гривне. «Варягов» в этом списке победителей нет.

⁴⁰⁵ Близкого взгляда придерживался В.Д. Королюк, по мнению которого битвы у Любеча либо не было совсем, либо в ней столкнулись не Ярослав и Святополк, а Ярослав и один из других наследников Владимира (см.: Королюк В.Д. Западные славяне и Киевская Русь. С. 236—239).

⁴⁰⁶ В связи с этим сообщением Титмара обсуждалась возможность иного прочтения летописного известия о пожаре 1017 г. В ряде летописных списков (Лаврентьевском, Троицком и др.) оно читается как «...и погоре церкви», то есть глагол «погореть» стоит не во множественном числе — «погореша», а в единственном. Высказывалось мнение, что в общем протографе этой группы летописей могло сообщаться о пожаре только одного киевского храма: «и погоре церкви [церковь]». А поскольку эти слова «без дополнительного указания, какая именно церковь сгорела, не имеют смысла, потому что в Киеве того времени была конечно же не одна церковь», то «речь, надо думать, идет о пожаре какого-то большого храма» — собора Святой Софии, как сказано у Титмара (*Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 471—472*). Однако здесь не учитывается другое место из хроники Титмара, где говорится, что огонь охватил тогда значительную часть города: «на город Киев, чрезвычайно укрепленный, по наущению Болеславу часто нападали враждебные печенеги, пострадал он и от сильного пожара». Попутно замечу, что разделительный союз «и» не позволяет связать пожар 1017 г. с нападением печенегов, на чем нередко настаивают исследователи (см.: Там же. С. 472—475). Из конструкции фразы ясно, что Титмар отличает разрушения, причиненные Киеву набегами печенегов, от разрушений, вызванных пожаром 1017 г.

⁴⁰⁷ Быстрота, с которой была восстановлена киевская София, говорит за то, что это была деревянная постройка.

⁴⁰⁸ *Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 35.

⁴⁰⁹ В исторической литературе довольно прочно закрепился неверный перевод этой фразы Титмара, «которая почему-то понимается так, будто Ярослав осаждал какой-то город, но не сумел овладеть им» (*Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 469—470*).

⁴¹⁰ Обыкновенно историки идут еще дальше, полагая, что Берестье было «западным форпостом» Турово-Пинского княжества, вследствие чего «бежавшему в Польшу после поражения у Любеча Святополку естественно было укрыться именно в Берестье» (*Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 470; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 326*). Непонятно, каким образом могло сложиться это, почти повсеместное, убеждение в принадлежности Берестья к турово-пинским землям, если все летописные известия об этом городе начиная с 1099 г. свидетельствуют, что он находился во владении владимирово-волинских князей.

⁴¹¹ По датировке Софийской I и Новгородской IV летописей. Хронология Повести временных лет, где этот эпизод перемещен в статью под 1036/37 г., вызывает у исследователей справедливую критику (см.: *Алешковский М.Х.* Первая редакция «Повести временных лет» // *Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 29—30; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 473—474*).

⁴¹² Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 333—334.

⁴¹³ В других средневековых источниках ее также называют Маргарета. По-видимому, она носила двойное имя: Эстрид-Маргарета (см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 476).

⁴¹⁴ См.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 476—499.

⁴¹⁵ Об отце Болеслава, Мешко I, известно, что он мог выставить в поле три тысячи «панцирных воинов».

⁴¹⁶ Титмар не уточняет, была ли это военная помощь германского императора или Болеславу оказал поддержку его новый родственник — мейсенский маркграф.

⁴¹⁷ Вероятно, Титмар имеет в виду один из городов, входивших в состав волости, полученной Святополком от Владимира, но какой именно, сказать невозможно. Неприемлемо предположение А.В. Назаренко, что Титмар допустил здесь анахронизм, продублировав по ошибке свое собственное сообщение о захвате Ярославом некоего города во время осенней кампании 1017 г. (см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 462—469). Спору нет, что Титмар неоднократно прерывал работу над своей хроникой, дожидаясь, пока «летучая молва не доставит чего-либо нового для моего пера», и часто возвращался к уже описанным событиям, порой пересказывая их в другом ключе. Но в данном случае совершенно ясно, что он ведет речь о двух различных операциях Ярослава, поскольку, согласно его же собственному указанию, первый захваченный Ярославом город находился во владениях Болеслава, тогда как второй принадлежал Святополку.

⁴¹⁸ Возможен вариант: «милосердие которого» (Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 328).

⁴¹⁹ Польские летописцы XII—XIII вв. разукрасили вступление Болеслава в Киев фантастическими подробностями. В «Хронике Анонима Галла» Болеслав в знак победы ударяет «обнаженным мечом в Золотые ворота» (которые в 1018 г. еще не были построены). У Винцентия Кадлубека («Польская хроника») пленного Ярослава «вместе с первейшими из знати, словно свору собак, на веревке» подводят к Болеславу и т. д.

⁴²⁰ А.В. Назаренко держится другого мнения: «Имени митрополита, встречавшего победителей, въезжавших в город по древнерусскому обычаю в праздничный день (в данном случае — в канун праздника Успения Божией Матери 15 августа), Титмар не называет, но им был, должно быть, Иоанн I, упоминаемый на киевской кафедре в первые годы правления Ярослава древнерусскими памятниками Борисо-Глебского цикла» (Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 330). Но Иоанн I, как явствует из надписи на его личной печати, носил титул не «архиепископа Киева», а «митрополита России». К тому же в конце X — первой половине XI в. резиденция русских митрополитов находилась в Переяславле.

⁴²¹ Нелишне отметить, что данное сообщение Титмара полностью совпадает с картиной вокняжения Святополка в 1015 г., рисуемой летописной повестью о Борисе и Глебе («Святополк же седе Кыеве по отци своем, и созва кыяны, и нача даяти им имень»), которая, таким образом, может считаться достоверной только в том случае, если датировать ее августом 1018 г., а не второй половиной июля 1015 г.

⁴²² В летописи уход поляков представлен чуть ли не бегством. Болеслав будто бы развел поляков на постой по русским городам, где они были перебиты по приказу Святополка: «И рече Болеслав: «Разведете дружину мою по городом на покорм», и бысть тако... Болеслав же бе Кыеве седа, оканьный же Святополк рече: «Елико же [сколько ни есть] ляхов по городом, избивайте их». И избиша ляхы. Болеслав же побеже ис Кыева...» (под 1018 г.). По А.А. Шахматову, эти строки являются литературной вставкой, сделанной «лицом, пережившим события 1069 г.» (*Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 440—441*), когда великий князь Изяслав Ярославич вернул себе киевский стол при помощи польского короля Болеслава II: «поиде [Изяслав] с Болеславом, мало ляхов поим... И седе Изяслав на stole своем... И распуша ляхы на покорм, и избиваху [русские] ляхы отай [тайно]; и возвратися в Ляхы Болеслав, в землю свою». В самом деле, достоверность летописной статьи под 1018 г. сомнительна не только с точки зрения военно-политической целесообразности подобного поведения Святополка (пока был жив Ярослав, Святополк не мог позволить себе ссориться с тестем), но также ввиду показания Титмара о том, что Болеслав, возведя на престол «своего зятя, долго пребывавшего в изгнании, радостный вернулся на родину». Будучи непримиримым врагом польского князя, Титмар, конечно, не преминул бы отметить его унижение. Кстати, сделанная рукой немецкого хрониста запись о «радостном возвращении» Болеслава из Киева позволяет уверенно датировать уход поляков сентябрем — октябрем 1018 г., поскольку в начале декабря этого года Титмар скончался. Текстологические соображения А.В. Назаренко в пользу того, что это известие Титмара может относиться к некоему неизвестному нам походу Болеслава на Русь в 1017 г. (см.: *Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 466—469; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 270—274*), несостоятельны, так как слишком явно противоречат фактам: русско-польско-немецкие источники едины в том, что восшествие Святополка на киевский стол при помощи поляков имело место только однажды — летом 1018 г.

⁴²³ См.: *Флоровский А.В. Чешско-русские торговые отношения X—XIII вв. С. 80*.

⁴²⁴ См.: *Никитин А.Л. Основания русской истории. С. 259—260*.

⁴²⁵ Вскоре после смерти Владимира Мономаха в 1125 г. его сын Ярополк вступил в сражение с превосходящими силами половцев — «и поможе ему Бог и отца его молитвы». Внук Мономаха, Андрей Боголюб-

ский, также побеждал врагов «пособием Божиим и силою хрестною» вкупе с «молитвою деда своего» и т. д.

⁴²⁶ См.: *Ужанков А.Н.* К вопросу о времени написания «Сказания» и «Чтения» о Борисе и Глебе // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 5. М., 1992. С. 406.

⁴²⁷ Вероятно, это связано с тем, что пятница по церковному календарю, как седмичный (недельный) день, посвящена Кресту — символу победы. В пятничном кондаке (песнопении) говорится: «возвесели нас силою Твоею, победы дая нам на супостаты, пособие имущим Твое оружие мира [то есть Крест], непобедимую победу».

⁴²⁸ См.: *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР*. М.; Л., 1940. С. 57—58.

⁴²⁹ См.: *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков. С. 349—351.

⁴³⁰ *Азасиэль (Азazel)* — так древние евреи именовали «козла отпущения», которого в так называемый «день очищения» изгоняли в пустыню, «чтобы он понес на себе их беззакония в землю непроходимую» (Лев., 16: 6—10). В некоторых древнехристианских сектах этим именем назывался сатана.

⁴³¹ Ряд исследователей, в том числе и И.Н. Данилевский, считают выражение «межи чяхы и ляхы» фразеологизмом, означающим «бог весть где». Однако А.Л. Никитин указывает на возможность того, что летописец использовал здесь «сюжет, связанный с еще одним Святополком, на этот раз — Святополком моравским, к слову сказать, хорошо известным русским книжникам, поскольку он несколько раз упомянут Повестью временных лет в новелле о славянской грамоте... Этот князь, неожиданно для своих сподвижников, бежал с поля битвы и скрылся «межи чяхы и ляхы» в обители пустынников-еремитов, о чем сообщал своим читателям в своей хронике Козьма Пражский» (*Никитин А.Л.* Основания русской истории. С. 283).

⁴³² *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков. С. 350.

⁴³³ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 520—521.

⁴³⁴ Там же. С. 522.

⁴³⁵ Об этом пишет Адам Бременский, почерпнувший свои сведения о скандинавских делах от датского короля Свена Эстридсена (1047—1075/1076), который, по словам хрониста, «держал в памяти всю историю варваров, будто записанную».

⁴³⁶ *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 511—513.

⁴³⁷ Эта дата приведена в «Исландских королевских анналах», данные которых покоятся на относительной хронологии «Саги об Олаве Святом» («Хеймскрингла»). По Е.А. Рыдзевской, последний источник позволяет

говорить также о 1020 г. (см.: *Рыдзевская Е.А.* Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 7. М., 1940. С. 67). Впрочем, и тогда в расчет могут приниматься только два первых зимних месяца этого года, поскольку в Повести временных лет под 1020 г. отмечено рождение Владимира Ярославича — первого ребенка Ярослава и Ингигерд.

⁴³⁸ *Древнерусские города* в древнескандинавской письменности. С. 76. Примеч. 20.

⁴³⁹ С.М. Соловьев не исключал того, что скандинавское известие перекликается с туманным сообщением летописи под 1032 г. о некоем Улебе, который водил рать «из Новагорода» на чужь. По мнению историка, им мог быть Ульв, сын Рагнвальда (см.: *Соловьев С.М.* Сочинения. С. 206). Но отождествлению этих двух лиц мешают по крайней мере два обстоятельства: 1) Улеб отправляется в поход не из Ладоги, а из Новгорода и 2) сага «Красивая кожа» утверждает, что Рагнвальду наследовал не Ульв, а Эйлив: «И когда умер ярл Рагнвальд... то ярлство [Ладожскую волость] взял Эйлив». Саги вообще охотно сажают своих соотечественников ярлами и конунгами в русских городах. Так, «Прядь об Эймунде» без тени смущения повествует о «конунгстве» Эймунда в Полоцке (где до 1044 г. благополучно княжил Брячислав Изяславич), а «когда Эймунд конунг заболел, он отдал свое княжество Рагнару, побратиму своему, потому что ему больше всего хотелось, чтобы он им пользовался». Принимать пустую похвалу и откровенное баснословие за исторические сведения, конечно, недопустимо.

⁴⁴⁰ *Древняя Русь* в свете зарубежных источников. С. 509.

⁴⁴¹ *Глазырина Г.В.* Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга/Старой Ладоги скандинавам) // *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования*. 1991. М., 1994. С. 241.

⁴⁴² Там же. С. 243—244.

⁴⁴³ Историческим картам этот гидроним неизвестен. В Никоновской летописи вместо Судомири значится река Судома, протекающая в Псковской области (см.: *Соловьев С.М.* Сочинения. С. 312. Примеч. 311).

⁴⁴⁴ В этой связи представляет интерес интерпретация С.В. Белецким княжеского знака на штукатурке киевского собора Святой Софии (граффито № 75 по корпусу С.А. Высоцкого) как знака Брячислава Изяславича (см.: *Белецкий С.В.* К вопросу о времени строительства Софийского собора в Киеве // *Церковная археология*. Вып. 2. СПб., 1995. С. 92—94; Он же. Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X—XI вв.) // У источника: Сб. статей в честь чл.-корр. РАН С.М. Каштанова. М., 1997. С. 120).

⁴⁴⁵ См.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 497—498.

⁴⁴⁶ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 338; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 499.

⁴⁴⁷ Но не «в то же лето» — ясное свидетельство, что вся дальнейшая повесть о поединке Мстислава с Редедей, не имевшая собственной хронологии, произвольно присоединена к датированной статье под 1022 г., которая в первоначальном виде исчерпывалась краткой заметкой о походе Ярослава «к Берестию».

⁴⁴⁸ В XVI—XVII вв. отдельные боярские фамилии ссылались на эти сведения летописи в своих родословных. По преданию, два сына Редеди, уведенные в Тмуторокань, были крещены Мстиславом под именами Юрия и Романа, причем последний будто бы женился на дочери Мстислава. К ним возводили себя боярские роды Белеутовых, Сорокоумовых, Глебовых, Симских, Добрыньских и др. (см.: *Дзамихов К.Ф.* Адыги и Россия. М., 2000. С. 43).

⁴⁴⁹ В частности, драматическая разговорная форма связывает его, по наблюдениям Ф.И. Буслаева, с былинными сказаниями о единоборстве Ильи Муромца с Жидовином-Нахвальщиком, Дюка Степановича с Ширком-Великаном и т. д. Русские богатыри, изнемогая в борьбе или опасаясь вражьей силы, просят о заступничестве Богоматерь и побеждают (см.: *Буслаев Ф.И.* Русская хрестоматия для средне-учебных заведений. М., 1878. С. 43).

⁴⁵⁰ Некоторые варианты предания сохранили его имя — Мстислау (см.: *Дзамихов К.Ф.* Ранние летописные сюжеты о касогах и фольклор // *Культура и быт адыгов (этнографические исследования)*. Вып. VIII. Майкоп, 1991. С. 307).

⁴⁵¹ См.: *Ногмов Ш.-Б.* История адыгейского народа. С. 78—79.

⁴⁵² *Хачемизова Б.П.* Черкесы и Тмутараканское княжество // *Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения* (по мат. междунар. науч. конференции 14—19 октября 1991 г., Черкесск). Черкесск, 1993. С. 351.

⁴⁵³ Повесть временных лет датирует выступление Мстислава 1023 г., а рассказ об основных событиях переносит на 1024 г. Но военная история того времени не знает походов, которые продолжались бы два года подряд. Поэтому вероятнее, что поход Мстислава на Киев имел место в 1024 г.

⁴⁵⁴ В более позднее время их называли «большухи гобиньных [богатых] домов» (*Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. С. 362).

⁴⁵⁵ См.: *Шляков Н.В.* Боян // *Известия по русскому языку и словесности*. Т. I. Кн. 2. Л., 1929. С. 484—486.

⁴⁵⁶ От сканд. *hakun*, *hakun*, *Naagen* — «одноглазый», доказательством чему будто бы служит замечание Повести временных лет: «и бе Якун слеп». Но одноглазого человека по-русски называют не слепым, а *кривым*. К тому же, как показал еще Н.П. Ламбин, слепота Якуна — не более чем филологическое недоразумение, и данную летописную фразу безусловно следует читать: «и бе Якун съ леп», то есть «и был Якун сей хорош собой» (физическая красота Якуна далее еще больше оттенена сообщением о его велико-

лепном златотканом плаще: «и луда бе у него золотом истъкана»). Впрочем, «лепший» в иных случаях означало также «знатный», вследствие чего поздние летописные списки превращают Якуна в «варяжского князя» (*Ламбин Н.П.* О слепоте Якуна и его златотканой луде // Журнал Министерства народного просвещения. 1858. № 5. С. 33—76).

⁴⁵⁷ Специалисты датируют их выпуск 20-ми гг. XI в. Кроме того, все «малые сребреники» Ярослава найдены за пределами Русской земли, в Балтийском регионе.

⁴⁵⁸ См.: *Никитин А.А.* Основания русской истории. С. 168, 308.

⁴⁵⁹ Это сочетание темноты и дождя вызвало у Никоновского летописца (москвича XVI в.) воспоминание об осенней поре в средней полосе России, в результате чего он приписал: «и бяше осень». Однако в Черниговской области ночные грозы наиболее часты в июне и июле (см.: *Шляков Н.В.* Боян. С. 486).

⁴⁶⁰ В Русской земле было два Городца — один подле Киева, другой в 26 верстах от Чернигова. По мнению С.М. Соловьева, «вернее, что мир был заключен в Киевском» (*Соловьев С.М.* Сочинения. С. 312. Примеч. 310).

⁴⁶¹ Условия Городецкого мира, распололившего Русь на две территориально примерно равные части, дают повод вернуться к вопросу о происхождении Мстислава. Очень похоже, что раздел был осуществлен не между старшим и младшим братьями, а между двумя представителями соперничавших линий великокняжеского рода — сыновьями великих князей Владимира и Сфенга.

⁴⁶² В Никоновской летописи этот поход ошибочно приписан Ярославу.

⁴⁶³ См.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., 1963. С. 53—54, 70—71.

⁴⁶⁴ См.: *Дзамихов К.Ф.* Адыги и Русь. С. 45.

⁴⁶⁵ См.: *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. С. 365.

⁴⁶⁶ В источниках мелькает еще третий сын Болеслава — Бесприм, но в историографии традиционно считается, что это второе имя Оттона (возражения А.В. Назаренко см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* С. 343).

⁴⁶⁷ В немецких источниках есть туманные сведения, что русско-германский союз был скреплен женитьбой саксонского маркграфа Бернхарда-младшего на какой-то русской княжне (см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* С. 344—345).

⁴⁶⁸ По Воскресенской летописи. В древнейших списках Повести временных лет стоит 1030 г., но это явная ошибка, так как в этом году Ярослав воевал с Польшей.

⁴⁶⁹ См.: *Трумал В.К.* Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г. // Советская археология. 1971. № 2. С. 265—268.

⁴⁷⁰ После завоевания Прибалтики крестоносцами в XIII в. Юрьев был переименован в Дорпат/Дерпт; теперь это — эстонский Тарту.

⁴⁷¹ Так, по словам Адама Бременского, Волин — это «самый большой из всех городов Европы... В этом городе, полном товарами всех народов, ничто не представляется роскошным или редким. Там имеются и вулкано-вы сосуды, которые местные жители называют «греческим огнем».

⁴⁷² См.: Мельникова Е.А. «Торговый мир» Руси и Норвегии 1024—1028 гг. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. IX чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 16—18 апреля 1997 г. Материалы к конференции. М., 1997. С. 35—40.

⁴⁷³ Неф — часть внутреннего пространства храма, ограниченная с одной или двух сторон рядом колонн или столбов.

⁴⁷⁴ См.: Коменч А.И. Древнерусское зодчество конца X — начала XI в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987. С. 134—168.

⁴⁷⁵ См.: Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. С. 303.

⁴⁷⁶ Принятый археологический термин, обозначающий городскую площадь Киева, присоединенную Ярославом к «городу Владимира».

⁴⁷⁷ См.: Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. С. 303.

⁴⁷⁸ Идея Святой Софии Премудрости Божией была воспринята христианами из Ветхого Завета («Премудрость созда себе дом и утверди столпов седьм», Притчи Соломоновы, IX, 1) и в древности понималась двояко. По самому распространенному толкованию, Премудрость Божия есть Христос, утвердивший свою Церковь («дом») на семи таинствах и семи вселенских соборах. В одной из церковных молитв на праздник Святой Софии говорится: «Непостижимая и Вспетая Премудрость Божия, София Преименитая, девственных душа, сиречь Единородный Сын Слово Божие». Но некоторые богословы разумели под Софией — Богородицу, соделавшуюся «домом» для воплотившегося в ней Христа. Церковная служба на праздник Святой Софии дает основание к такому пониманию, когда провозглашает: «Велия и Неизреченная Премудрости Божией Сила, София Преименитая, Пречестный Храм, Огнезrachный Престол Христа Бога нашего, в тя бо вселися неизреченно Слово Божие и плоть бысть». Именно этого толкования идеи Святой Софии Премудрости Божией придерживались в Древней Руси. Храмовый праздник киевского собора Святой Софии отмечался в день Рождества Богородицы (8 сентября). В киевской редакции иконографии Святой Софии видим изображение Богородицы под седмистолпной сенью, стоящей на амвоне с семью ступеньками (см.: Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 2000. С. 361—362).

⁴⁷⁹ Конструктивное назначение малых глав состояло в том, чтобы способствовать лучшему освещению интерьера. Но многоглавие церкви входило также в число основных эстетических критериев образного строя древнерусского зодчества. Главы украшали храм наряду с прочим художественным убранством, и, например, Житие Бориса и Глеба, повествуя о построении

Вышгородской церкви во имя святых мучеников, так и говорит: «Христоробивый же князь украсил церковь 5 верхами и всякими красотами, иконами и иными письмены» (Савельев Ю.Р. Храмовоздатели. Князья — строители храмов средневековой Руси // Светильник. Церковное искусство и археология. Вып. 1. М., 2001. С. 83).

⁴⁸⁰ Этот иконописный образ являет Богоматерь, стоящую во весь рост на золотом камне как на незабываемом основании («нерушимой стене»), с молитвенно поднятыми руками и без младенца Иисуса. По-видимому, господствующее положение Богородицы в алтаре Святой Софии отсылало к словам из Притчей Соломоновых: «Премудрость созда себе дом», то есть, в данном случае, храм.

⁴⁸¹ О времени строительства Софийского собора см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 475.

⁴⁸² См.: Савельев Ю.Р. Храмовоздатели. С. 82.

⁴⁸³ См.: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков. С. 355, 357.

⁴⁸⁴ В этот день в 330 г. император Константин Великий посвятил свою новую столицу Богоматери.

⁴⁸⁵ См.: Акентьев К.К. Мозаики Киевской Св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Литургия, архитектура и искусство византийского мира: Труды XVIII Международного конгресса византинистов (Москва, 8—15 августа 1991) и другие материалы, посвященные памяти о. Иоанна Мейендорфа / Под ред. К.К. Акентьева. СПб., 1995. (Византинороссика. Т. 1). С. 76.

⁴⁸⁶ Средневековый архитектор не был автором проекта, а лишь исполнял замысел заказчика: «Заказчику важнее было внутреннее устройство храма, зодчему же была более близка архитектурная форма... Заказчик мыслил более общими категориями, среди которых первое место принадлежало требованиям церковного канона. Далее следовали требования к размерам, внешнему облику храма, венчанию и т. д. Ясное представление о каноническом расположении частей в храме облегчало зодчему работу над сооружением конструкций». Его задачи «заключались в том, чтобы, соблюдая требования канона, придавать вполне конкретным пожеланиям заказчика архитектурное воплощение. Это было обширное поле деятельности, требовавшее сугубо профессиональных знаний, навыков и мастерства. Реализация замысла оставляла архитектору достаточно большую свободу действий, позволявшую ему использовать в процессе работы весь свой опыт, талант и изобретательность» (Савельев Ю.Р. Храмовоздатели. С. 61, 64).

⁴⁸⁷ См.: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков. С. 356.

⁴⁸⁸ В этом отношении характерно, что у неизвестного автора «Казанской истории» (60-е гг. XVI в.) Москва названа не только третьим Римом, но и вторым Киевом: «И возсия ныне стольный и преславный град Москва, яко второй Киев... и третий новый великий Рим...»

⁴⁸⁹ Чудесное преобразование европейских городов, произошедшее на глазах одного-двух поколений, описано в знаменитом отрывке из хроники бургундского монаха Рауля Глабера: «С наступлением третьего года, последовавшего за тысячным, почти все земли, но особенно Италия и Галлия, оказались свидетелями перестройки церковных зданий; хотя большая часть из них была хорошей постройкой и в этом не нуждалась, настоящее соперничество толкало всякую христианскую общину к тому, чтобы обзавестись церковью более роскошной, чем у соседей. Мир как будто стряхивал с себя ветошь и повсюду облачался в новое белое платье церквей».

⁴⁹⁰ См.: Лихачев Д.С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. Л., 1946.

⁴⁹¹ Год окончания строительства храма в летописи не указан.

⁴⁹² Обычно на эту роль прочат киево-печерского игумена Никона Велюкого (ум. в 1088 г.), который долгое время жил в Тмуторокани (см.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 420—460).

⁴⁹³ Надо иметь в виду, что летописец употребляет здесь термин «Русская земля» в узком географическом значении, так как Полоцкая земля, где княжил Брячислав Изяславич, не подчинялась Ярославу.

⁴⁹⁴ Прозвище Жидята произведено от *жидити* «делать жидким, разжижать», *жидкий* «водянистый, негустой» и означает тщедушного, щуплого, хилого, чахлого человека (в противоположность Жиряте). Расхожее мнение, будто прозвище Луки указывает на его еврейское происхождение, не имеет под собой прочной лингвистической опоры. Для древнерусской ономастики совершенно не характерны «этнические» производные (в единственном числе) с окончанием на *-ята* (ср.: Жидовин, Козарин, Чудин, Торчин, Русин, Ляшко, Ятвяг, Свень и т. д.).

⁴⁹⁵ Потребность соотношения частного со всеобщим была органично присуща христианскому религиозному сознанию, которое «было сориентировано на комплексное освоение действительности... Средневековый мыслитель частную конкретику переводил в глобальный масштаб обобщающих мировоззренческих характеристик. Так события современности осмысливались в контексте мировой истории, а оценки поступкам (в категориях абсолютного добра или зла) давались в соотношении с вечностью» (Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 6).

⁴⁹⁶ В Книге пророка Даниила рассказывается, что Навуходоносор, царь вавилонский, увидел однажды странный сон, который смутил его дух. Ему приснился огромный и страшный истукан, голова которого «была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные». Вдруг с вершины горы «без содействия рук» оторвался камень и раздробил истукана в прах, а сам «сделался великою горою и наполнил всю землю». Тайный смысл этого видения Бог открыл Даниилу, который явился к недоумевавше-

му царю и объяснил, что его царство — «это золотая голова. После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. А четвертое царство будет крепко, как железо... А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из глины горшечной, а частью из железа, то будет царство разделенное... частью крепкое, частью хрупкое... И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно, так как ты видел, что камень отторгнут был от горы не руками и раздробил железо, медь, глину, серебро и золото» (Дан., 2: 1, 27—45).

⁴⁹⁷ Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 6.

⁴⁹⁸ По вопросу о времени создания «Слова» единого мнения нет. Предельные хронологические рамки заданы тем, что Иларион упоминает церковь Благовещения на Золотых воротах, построенную в 1037 г., и говорит, как о живой, о жене Ярослава, княгине Ирине (Ингигерд), умершей в 1050 г. Поэтому датировки, как правило, довольно неопределенны: 1037—1050 (см.: Горский А.В. Памятники духовной литературы времен князя Ярослава I // Прибавление к творениям отцов в русском переводе. Ч. 2. М., 1844. С. 206—207; Молдаван А.М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984. С. 5; Гудзий Н.К. История древней русской литературы. С. 88), или 1037—1043 гг. (Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси). Иногда дату конкретизируют, исходя из неверного жанрового определения «Слова» как риторической проповеди: некоторые места в «Слове» будто бы свидетельствуют, что Иларион произнес его на кириопасху (совпадение Пасхи с днем Благовещения, 25 марта), которая в XI в. пришлась на 1049 г. (Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч. 1. М., 1986. С. 4); по И.Н. Данилевскому, на 1038 г. (Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков. С. 358). Мнение о том, что «Слово» было сказано, вообще преобладает в научной литературе: «безупречная академическая речь» (Е.Е. Голубинский), «превосходный образец ораторского искусства» (прот. Г. Флоровский), «знаменитое публичное слово Илариона» (А.В. Карташев) и т. д. Между тем произведение Илариона несомненно относится к жанру посланий, а не устной проповеди (см.: Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. С. 249. Примеч. 17). Сам же Иларион рассыпал в тексте немало вполне ясных указаний на то, что его «Слово» предназначалось для читателя, а не слушателя: «Еже поминати в писании семь пророчьская проповедания о Христе... то излиха есть [излишне]... Еже бо в инех книгах писано, и вами ведомо... Ни к неведящим бо пишемь... Но о законе Моисеем даннем, и о благодати и истине Христом бывшии повесть сия есть... Да разумеетъ иже чтеть [читающий]...» По одной этой причине предположение о календарной приуроченности «Слова» к кириопасхе (в качестве пасхальной проповеди) представ-

ляется ошибочным. Предложенная мной датировка принимает во внимание два момента: 1) из всех громких деяний Ярослава, имевших место между 1037 и 1050 гг., Иларион отмечает только его градостроительство и храмоздательство в Киеве (как и Воскресенская летопись под 1037 г.: «Съверышен бысть град Киев, и церковь святая София совершена; а у града суть врата Златыя. Того же лета великий князь Ярослав... две церкви постави: на Златых вратех Благовещение и святого Георгия»); 2) в «Слове» обойдена молчанием личность митрополита Феопемта, появление которого в Киеве Повесть временных лет относит к 1039 г.

⁴⁹⁹ Аналогичные редакторские правки библейских фрагментов встречаются в «Слове» и дальше. Например, обращение Господа к евреям из Книги пророка Исайи: «Послушайте Меня, народ мой, племя мое» (Ис., 51: 4) — Иларион переделывает на: «Послушайте Мене, людие мои, глаголетъ Господь» и т. д. Это свидетельствует о последовательной позиции автора «Слова».

⁵⁰⁰ Намеченное отношение благодати к закону Иларион подробно иллюстрирует параллелями из ветхозаветной истории. Образ закона и благодати — рабыня Агарь и свободная Сарра. Авраам с юности своей имел жену Сару, свободную, а не рабу. Но она не рожала ему детей, впрочем, не потому, что была неплодна, а по причине того, что обречена была Божиим провидением родить в старости. И вошел тогда Авраам к рабыне своей Агари, и родила она ему первенца — раба, сына рабыни, которого назвали Измаилом. Точно так же Бог изначально замыслил Сына своего послать в мир и тем явить благодать, но прежде дал Моисею закон на горе Синайской. Когда же Авраам и Сарра состарились, Бог разомкнул утробу Саррину, и родила она Исаака — свободного от свободной. И когда век этот стал подходить к концу, Бог посетил человеческое естество, и явилось ранее неизвестное и сокрытое — родилась благодать и истина, которые были Иисусом Христом. Увидела однажды Сарра, что Измаил, играя с Исааком, обидел его, и сказала Аврааму: «Прогони рабу с сыном ее, ибо не будет сын рабыни наследовать сыну свободной!» И благодать, видя, что детей ее, христиан, притесняют иудеи, сыновья закона, возопила к Богу: «Прогони иудеев с законом и рассей их по странам!» И изгнана была Агарь с сыном своим Измаилом, а Бог рассеял иудеев по странам и т. д.

⁵⁰¹ Попутно заметим, что пресловутый прыжок человечества «из царства необходимости в царство свободы», который основатели марксизма чаяли от коммунистического будущего, был для Илариона свершившимся фактом.

⁵⁰² Здесь Иларион словно предвосхищает исторический метод С.М. Соловьева: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следовать преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии...» (Соловьев С.М. Сочинения. С. 51).

⁵⁰³ См.: Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. С. 194.

⁵⁰⁴ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 336.

⁵⁰⁵ Повесть временных лет датирует женитьбу Казимира и Добронеги 1043 г. Но здесь в летописную хронологию вкралась несомненная ошибка (в 1039 г. у Казимира и Добронеги уже родился первенец — будущий польский король Болеслав II). Причина ее, как установлено, кроется в том, что все известия о русско-польских отношениях в первой половине XI в. заимствованы летописцем из Жития преподобного Антония Печерского, чья относительная хронология опережает реальную на пять лет (см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 347). Имя русской жены Казимира известно только по польским анналам («Рочник Краковского капитула»), которые приурочивают ее смерть к 1087 г.

⁵⁰⁶ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 523—524.

⁵⁰⁷ Составитель одной из поздних венгерских хроник Антонио Бонфини (XV в.) принял название монастыря Адмонт (Agmund) за имя вдовы Эндре I. Из его сочинения ошибка перекочевала в историографию XIX—XX вв., где эта Ярославна получила двойное имя: Анастасия-Агмунда (см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 352).

⁵⁰⁸ См.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 559—560.

⁵⁰⁹ См.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 357—358.

⁵¹⁰ См.: *Мурьянов М.Ф.* О летописных статьях 1039 и 1131 гг. // *Летописи и хроники*. Сб. статей. М., 1974. С. 111—114.

⁵¹¹ От Константина Багрянородного («Об управлении империей») мы знаем, что изготовлением лодок-однодеревек занимались славянские племена, обитавшие по берегам Днепра и его притоков.

⁵¹² Вопреки этим словам, М.В. Бибииков приписывает Константину IX какой-то особый «политический курс по отношению к варяго-русскому корпусу», якобы заключавшийся «в попытке его расформировать». Единственный — и донельзя неудачный — пример для иллюстрации своего голословного утверждения исследователь взял из исторического трактата Кекавмена и саги о Харальде: «Не случайно именно в этот момент (в начале 1040-х гг. — С. Ц.) уходит из Византии со своими норманнскими воинами Харальд Суровый Правитель (1015—1066) (позднее король Норвегии), находившийся на службе у византийских императоров с 1034 г. Константин, однако, его не отпускает, и Харальду приходится тайно бежать» (*Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 131). Как понять логику автора, согласно которой Константин, пытаясь расформировать корпус наемников, в то же время препятствовал их уходу со службы?

⁵¹³ Об этом сообщает Иоанн Скилица.

⁵¹⁴ По договору 944 г. Игоря с греками, преступление такого рода каралось либо ответной расправой на месте над убийцей, которую вправе были совершить родичи убитого, либо, если виновный успевал «ускочить», смертной казнью после его поимки. С принятием Русью христианства эти нормы

вряд ли изменились, поскольку они были частью не русского, а византийского уголовного законодательства.

⁵¹⁵ В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в., они традиционно именуются «варягами». Ученые норманнской школы определяют их как скандинавов, ссылаясь на показание Скилицы, который пишет, что в 1043 г. русы «взяли с собою немало союзников из народов, проживающих на северных островах Океана». Византийские ученые V в., судившие о Северной Европе понаслышке, действительно считали Скандинавию островом, но подобные географические представления, безусловно, не могли сохраняться у историка конца XI в., так как в течение этого столетия множество скандинавов побывало в Константинополе на императорской службе. Тогда какие «северные острова» имеет в виду Скилица? Ответ на этот вопрос дает классическое исследование В.Г. Васильевского о варяжском корпусе в Византии (см.: *Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. // Труды. СПб., 1908. Т. I*). Во второй половине XI в. этнический состав византийских «варангов» претерпел резкие изменения в связи с массовым притоком в их ряды эмигрантов из Британии — англосаксов и бриттов. Таким образом, Скилица просто перенес на «варягов» Ярослава этнические реалии современного ему варяжского корпуса.

⁵¹⁶ Эту черту характера Владимир Ярославич мог унаследовать от своей матери Ингигерд, которую саги часто называют «бешеной». Антропологическое исследование ее останков выявило, что некоторые особенности строения черепной коробки Ингигерд могли служить причиной острых головных болей и как следствие вспышек ярости (см.: *Поповский А. Поправки к летописи. С. 73*).

⁵¹⁷ По известию Михаила Атталиата, сражение произошло в воскресенье. В июле 1043 г. воскресные дни приходились на 3, 10, 17 и 24 июля (см.: *Литаврин Г.Г. Война Руси против Византии в 1043 г. // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха Средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 204*). Плавание из Киева в Константинополь продолжалось не менее шести недель, поэтому наиболее вероятна одна из двух последних дат.

⁵¹⁸ *Номисма* — византийская монета, равная $1/72$ золотого фунта.

⁵¹⁹ См.: *Литаврин Г.Г. Война Руси против Византии в 1043 г. С. 202—203*.

⁵²⁰ Г.Г. Литаврин пишет, что в 1043 г. сезон шквальных ветров с востока начался 16—17 июля, но не указывает источник этих метеоданных (см.: *Литаврин Г.Г. Война Руси против Византии в 1043 г. С. 207*).

⁵²¹ *Наварх* — командующий флотом.

⁵²² См.: *Шапов Я.Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси. С. 72—73*.

⁵²³ В Прибавлении к Ипатьевскому списку Повести временных лет утверждается, что никакого разрыва с традицией не было, и «Иларион поставлен

бысть митрополитом Киеву от патриарха Михаила Керулария». Но эта тенденциозная заметка внесена задним числом в летопись теми представителями русского духовенства, которые тяжело переживали отступление от греческого канона (см.: Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. С. 195. Примеч. 3; Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 205).

⁵²⁴ См.: Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 206.

⁵²⁵ Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. С. 190—191.

⁵²⁶ Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 203—204.

⁵²⁷ Устав Ярослава претерпел множество поздних обработок, сильно искаживших его первоначальный облик. Архетип этого документа восстанавливается по самым ранним редакциям XII — первой половины XIV в.

⁵²⁸ Глагол «сложить» без предлога имел в древнерусском языке два значения: первое — *составить, сотворить*; второе — *снять* и производное от этого значения: *отменить, отвергнуть, отказаться от чего-то*. Ярослав, естественно, не мог утверждать, что он «сложил есмь греческий номоканон», в том смысле, что он его создал, сотворил, а для понятия «перевел» существовали другие термины: *преложи, переведе*; к тому же славянский перевод греческого Номоканона был осуществлен еще во второй половине IX в. Следовательно, понятие «сложил» употреблено здесь во втором значении — «отверг», «отказался». Для того чтобы придать словам Ярослава противоположный смысл и показать, что устав Ярослава был составлен в соответствии с номоканонem, поздние писцы и редакторы вынуждены были изменить формулу «сложил есмь». «Так, — замечает Шапов, — в некоторых списках XVI—XVII вв. эта формула изменена на «разложил есмь», т. е. раскрыл греческий номоканон, чтобы в соответствии с ним составить устав... В Устюжской редакции начала XVI в. формула изменена в «сложил есми со греческим номокануном», т. е. сверил с номоканонem... Н.М. Карамзин внес это чтение в свое издание устава, понимая формулу как выражение соответствия устава номоканону, и оказал влияние на многих последующих издателей памятника» (Шапов Я.Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси. С. 76—77).

⁵²⁹ См.: Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. С. 257—258.

⁵³⁰ Шапов Я.Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси. С. 74—75.

⁵³¹ См.: Милов Л.В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава). С. 214—217.

⁵³² Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. С. 219.

⁵³³ Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 207.

⁵³⁴ См.: Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. С. 109—111, 181—237.

⁵³⁵ Карташев А.В. История Русской Церкви. С. 207.

⁵³⁶ См.: Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. С. 461—462.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая РАСПРЯ СВЯТОСЛАВИЧЕЙ

Глава 1. Русь после гибели Святослава	7
Территориальные потери.....	7
Сыновья Святослава	9
Глава 2. Схватка за Полоцк	14
Ярополк и его ближнее окружение	14
Поход Владимира на Полоцк	16
Глава 3. Начало убоицы	21
Знамение.....	21
Летопись о гибели князя Олега Святославича	22
Причины распри Святославичей	25
Братья-христиане	32
Глава 4. Захват Владимиром Киева.....	36
Внешняя политика Ярополка.....	36
Владимир готовится к войне с братом.....	40
Поход на Киев.....	42
Убийство Ярополка	45

Часть вторая КНЯЖЕНИЕ ВЛАДИМИРА

Глава 1. Под покровительством богов	53
Шаги по упрочению власти.....	53
Религиозная реформа	54
Человеческие жертвоприношения.....	57
Варяги-мученики	58
Совместные культовые действия	61
Глава 2. Войны Владимира (дохристианский период).....	62
На западных границах	62
Поход на радимичей	64
Войны с вятичами и волжскими булгарами	66
Разгром Хазарии	72
Глава 3. Обращение Владимира в христианство.....	75
Повесть временных лет о крещении Владимира.....	75

СОДЕРЖАНИЕ

Внелетописные источники о крещении Владимира	82
Варда Фока против Варды Склира	85
Византийско-болгарская война	86
Владимир выступает на стороне болгар	88
Восстание Варды Фоки	90
Переговоры Василия II с Владимиром	91
Условия русско-византийского договора 987 г.	99
Вопрос о «двуличии» Василия II	100
Побудительные мотивы Владимира к принятию крещения	106
Крещение Владимира	110
<i>Глава 4. Крещение Киева</i>	<i>115</i>
Отправка в Византию русских «воев»	115
Подготовительные шаги к крещению киевлян	116
Крещение народа	119
<i>Глава 5. Падение Херсона</i>	<i>122</i>
Причины похода на Херсон	122
Подавление восстания Варды Фоки	128
Примирение Василия II с Вардой Склиром	130
Осада Херсона	131
Брак Владимира с Анной и поход на крымских готов	139
<i>Глава 6. Распространение христианства на Руси</i>	
в конце X — начале XI в.	143
Этапы христианизации при князе Владимире	143
Христианизация Среднего Поднепровья и Прикарпатья	147
Крещение Новгорода	148
Сопротивление христианству в других	
восточнославянских землях	152
«Сказание о построении града Ярославля»	156
Миссионерство среди «языков»	158
Итоги «крещения Руси» при князе Владимире	160
<i>Глава 7. Устройство Русской Церкви</i>	
и церковная политика Владимира	161
Владимир и кирилло-мефодиевская традиция	161
Русская митрополия	165
Первый митрополит Русской земли	167
Строительство соборного храма	
Успения Пресвятой Богородицы (Десятинной церкви)	168
Реликвии	172
Духовенство	174
Ограничение византийской церковной иерархии	176
Храмоздательство князя Владимира	178
Церковный устав князя Владимира	180
Церковная десятина	185

<i>Глава 8. Влияние христианства на личность князя Владимира</i>	188
Образ Владимира в житийной литературе и Повести временных лет	188
Женюлюбие Владимира	192
Щедрость Владимира. Княжеские пиры	197
Мирюлюбие и богобоязнь Владимира	200
Свидетельство Бруно Кверфуртского	202
<i>Глава 9. Внешняя и внутренняя политика Владимира</i>	
после принятия христианства	205
Отношения с Византией	205
Строительство Змиевых валов. Пограничные города	210
Богатыри князя Владимира — реальность или миф?	215
Борьба с печенегами	219
Войны с Польшей	221
Поход в Волжскую Булгарию	222
Конфликты в Восточной Прибалтике	223
Судебная реформа	224
<i>Глава 10. Династический кризис</i>	228
Сколько сыновей было у Владимира?	228
Легендарные сыновья	232
Изяслав и Судислав	234
Мстислав	235
Святополк	235
Ярослав	240
Борис и Глеб	244
Новшества в престолонаследии	247
Заговор Святополка	250
Мятеж Ярослава и смерть Владимира	252
Канонизация князя Владимира	253

Часть третья

БРАТ НА БРАТА (1015—1036)

<i>Глава 1. Первая кровь</i>	259
Повесть временных лет о начале междоусобицы сыновей Владимира	259
Летописная версия с точки зрения историко-филологической критики	265
Невиновность Святополка в смерти братьев	275
Неизвестный наследник Владимира	286
Реконструкция событий 1015—1016 гг.	291
<i>Глава 2. Князь Болеслав и «сеньор» Святополк</i>	297
Ярослав в Киеве	297
Позиция Польши и Германии	298

СОДЕРЖАНИЕ

Вассальная клятва Святополка	302
Поход поляков на Киев	303
Болеслав I в Киеве	307
Победа Ярослава	310
Конец Святополка	314
<i>Глава 3. Укрепление власти Ярослава (1019—1021)</i>	318
Брак Ярослава с Ингигерд	318
Война с Полоцком	322
Поход к Берестью	323
<i>Глава 4. Через двоевластие — к единодержавию</i>	324
Поход Мстислава на касогов	324
Битва при Листвене	326
Городецкий мир 1026 г.	330
Соправление Ярослава и Мстислава (внешняя политика)	331
Культурно-церковное соперничество	335
«Обновление» Киева. Собор Святой Софии	337
Государственно-религиозная символика	
градостроительства Ярослава	342
Смерть Мстислава	346

Часть четвертая

ПОСЛЕДНИЙ «САМОВЛАСТЕЦ» РУССКОЙ ЗЕМЛИ

<i>Глава 1. Рождение «русской идеи»</i>	351
Переводческая деятельность при дворе Ярослава	351
«Слово о законе и благодати»	355
<i>Глава 2. Отношения с Западом</i>	363
Военная помощь Польше	363
Династические браки с королевскими домами Европы	368
<i>Глава 3. Война двух Царьградов</i>	375
Церковный разлад с Византией	375
Военные приготовления	380
Силы сторон	382
Разгром под стенами Царьграда	385
<i>Глава 4. «Земное» и «небесное»</i>	391
Между войной и миром (1043—1046)	391
Избрание митрополита Илариона	394
Церковный устав Ярослава	398
Правда Ярослава	399
Восстановление церковно-политического единства с Византией	400
Примечания	405

Научно-популярное издание

Цветков Сергей Эдуардович

ЭПОХА ЕДИНСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

**От Владимира Святого
до Ярослава Мудрого**

Ответственный редактор *А.В. Бутурова*

Технический редактор *Н.Н. Должикова*

Ответственный корректор *Т.В. Соловьева*

Подписано в печать 20.02.2012.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Академия».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0. Уч.-изд. л. 27,09.

Тираж 2 000 экз. Заказ № 4366

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5

Сергей Цветков

ЭПОХА ЕДИНСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ

В книге подробно рассматривается один из самых драматических периодов древней русской истории — со второй половины 70-х годов X века до 1054 года.

Это время кровавых династических распрей, коренного преобразования духовных основ древнерусской жизни, блестящего взлета древнерусской государственности и культуры, напряженного поиска Русью своего места в мировом историческом процессе, время великих людей, великих событий, великих идей.

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

ISBN 978-5-227-03449-6

9 785227 034496